

ТРОЦКИЙ

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ (1928—1995)

родился в Забайкалье, в станице Мангут. Доктор философских и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской Академии наук, генерал-полковник.

Отец расстрелян как «враг народа», мать умерла в ссылке. Д.А.Волкогонов окончил танковое училище, Военно-политическую академию.

Проходил службу в различных должностях, завершив ее заместителем начальника Главного политуправления, откуда был уволен за демократические взгляды.

Был начальником Института военной истории, снят с должности за «очернение советской истории».

Возглавлял Комиссию при президенте по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести.

Автор более 30 книг по философии, истории, политике.

В 1996 г. трилогии Д.А.Волкогонова «Вожди» в шести томах («Сталин», «Троцкий», «Ленин») присуждена государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства.

«Троцкий» — вторая часть трилогии.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

ДМИТРИЙ
ВОЛКОГОНОВ

ТРОЦКИЙ

КНИГА II

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новости
Москва
1998

УДК 947

ББК 66.61(2)8

В67

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Рецензенты

член-корреспондент РАН Ю.А. Поляков,
доктор исторических наук, профессор Ю.И. Кораблев

В книге использованы фотографии из Центрального музея
Революции, Центрального государственного архива
кинофотодокументов, архивов
Издательства “Новости” и РИАИ.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Волкогонов Д.А.

В67 Троцкий. – Политический портрет. – В 2-х книгах.
– Кн. 2. – М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”, АО
«Издательство “Новости”», 1998. – 416 с. – (Всемир-
ная история в лицах).

ISBN 5-237-00974-3 (АСТ)

ISBN 5-7020-0216-4 (Новости)

Лев Троцкий погиб более полувека назад от руки сталинского агента. Но что же такого было в этом “герое революции”, оракуле и пророке “мирового пожара”, что делало его, давно бежавшего из СССР, по-прежнему опасным для Сталина? Почему соперничество двух вождей большевизма приняло столь трагический оттенок и имело столь страшные последствия для всей страны? Что привело Троцкого в ряды революционеров? Какова судьба его семьи? Что стояло за странной историей Брестского мира? В чем вообще заключается “парадокс Троцкого”? Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает эта книга, основанная на подлинных документах, значительная часть которых до недавнего времени хранилась в засекреченных архивах НКВД–КГБ...

© Д.А. Волкогонов, 1992

© Оформление.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1998

© АО «Издательство “Новости”», 1992

глава 1

Отверженный революционер

Падение возможно лишь с высоты, и само падение человека есть знак его величия.

Николай Бердяев

Жизнь парадоксальна. Успехи чередуются с неудачами. Грандиозные планы и титанические усилия целого народа приводят порой к историческому поражению. Триумфаторы могут превращаться в изгоев. В этом отношении судьба Троцкого особенно характерна. Взлетев на волне Октябрьской революции на самую вершину ее гребня, с окончанием гражданской войны он стремительно заскользил вниз... Нет, он не стал менее популярен или менее одержим своей идеей. Ему не изменили талант памфлетиста и оригинальность мыслителя. Его речи не стали менее волнующими. Троцкий по-прежнему верил, что затихшие раскаты революции — дело временное. Он еще пристальнее вглядывался в далекие сполохи революционного пожара в Китае, полагая, что теперь в Европу революция может прийти оттуда. Нет, он не изменил ни себе, ни идее. Но время изменило ему. То, чем он жил, — революция — стало отодвигаться куда-то вдаль...

Переход к миру в истерзанной стране оказался трудным. После окончания гражданской войны настало время платить по векселям-обещаниям, данным народу революцией. Дискуссии на тему, как выполнять обещанное, выявили существенные различия во взглядах руководителей большевистской партии. Все упиралось в бюрократическую тяжеловесность системы, зарождавшейся под руководством уже безнадежно больного вождя русской революции. Свои идеи по поводу управления страной Троцкий изложил в январе 1923 года в записке, направленной в Политбюро, в которой говорилось:

”В центре ряда моих письменных предложений, внесенных в

ЦК, стоял вопрос о необходимости обеспечить правильное плановое руководство изо дня в день государственным хозяйством — под углом зрения, в первую голову, восстановления и развития государственной промышленности. Я утверждал, что органа, непосредственно ответственного за плановое руководство государственным хозяйством и способного по своим правам, обязанностям и составу осуществлять такое руководство, у нас нет. Я утверждал, что именно отсюда вырастает стремление нагромождать все новые и новые руководящие и объединяющие органы, которые в конце концов только мешают друг другу. Помимо Совнаркома и Президиума ВЦИКа, мы сейчас имеем: коллегия заводов (Тройка), СТО (Совет Труда и Обороны. — *Д.В.*), Финкомитет, Малый Совнарком, Госплан. При этом вопросы сплошь да рядом переходят в ЦК (Секретариат, Оргбюро, Политбюро). Я считал, что эта множественность руководящих учреждений с неопределенными взаимоотношениями, с распыленной ответственностью насаждает хаос сверху¹¹. Если бы Троцкий знал, как эта "множественность руководящих учреждений" стократно увеличится в будущем! То было только начало.

Троцкий на Политбюро, особенно в отсутствие Ленина, все чаще поднимал вопрос о бюрократическом окостенении создающейся системы, бесконтрольности аппарата и неэффективности государственного управления. Его независимые, резкие суждения были расценены многими партийными руководителями как однозначные претензии на роль нового лидера после приближавшегося ухода с политической сцены признанного вождя, с последней волей которого соратники дружно не посчитались...

Сталинский "обруч"

Однажды на Политбюро, — рассказывал мне А.П.Балашов, старый большевик, работник секретариата Сталина, — вспыхнула перепалка между Зиновьевым и Троцким. Все поддержали точку зрения Зиновьева, который бросил Троцкому: "Разве вы не видите, что вы в "обруче"? Ваши фокусы не пройдут, вы в меньшинстве, в единственном числе". Троцкий был взбешен, но Бухарин постарался все сгладить. Часто бывало, — продолжал Балашов, — когда до заседания

Политбюро или до какого-либо совещания у Сталина предварительно встречались Каменев и Зиновьев, видимо, согласовывая свою позицию. Мы в секретариате эти встречи "тройки" (Сталин, Зиновьев, Каменев) и других членов Политбюро, если их приглашали, так и называли между собой, с легкой руки Зиновьева, — "обруч".

Троцкий вскоре догадался о существовании заговора высшего партийного эшелона, направленного против него. Поначалу он отмалчивался, но позднее в своих выступлениях неоднократно разоблачал закулисную сталинскую "механику". Так, выступая в июне 1927 года на Президиуме ЦКК, Троцкий заявил: "Вы, конечно, все достаточно хорошо знаете, что с 1924 года существовала фракционная "семерка", состоявшая из всех членов Политбюро, кроме меня. Мое место занимал ваш бывший председатель Куйбышев, который должен был, по должности, быть главным блюстителем партийного устава и партийных нравов, а на деле был первым их нарушителем и развратителем. Эта "семерка" была нелегальным и антипартийным учреждением, распоряжавшимся судьбами партии за ее спиной... На этих собраниях вырабатывались меры борьбы со мной. В частности, там было выработано обязательство членов Политбюро не полемизировать друг с другом, а полемизировать всем против Троцкого. Об этом не знала партия, об этом не знал и я. Это длилось долгий период времени..."²

Сказанное Троцким полностью соответствовало действительности. Под предлогом борьбы за интересы народа, партии и социализма на вершине пирамиды власти развернулась самая что ни на есть банальная и беспринципная борьба за лидерство. Правящая партийная верхушка сплотилась против одного ее члена, имевшего, по ее мнению, немалые шансы возглавить партию, но лично не устраивавшего никого.

Опасения Ленина относительно возможного раскола ЦК, изложенные им в знаменитом "Завещании" (которое принято называть "Письмом к съезду"), начали сбываться. В отсутствие первого вождя революции разгоралась подспудная и жестокая борьба за власть, за влияние в партии. Тройка лидеров, составивших основу сталинского "обруча", поставила своей целью изолировать и дискредитировать Троцкого, оттеснить его от главного пульта управления партией и страной. События форсировались, потому что нельзя было исключать вероятность того, что в случае своего выздоровления Ленин еще больше сблизится с Троцким, а это означало бы крах честолюбивых намерений как Сталина, так и Зиновьева с Каменевым. Не вызы-

вает сомнений, что предложение Ленина, датированное 4 января 1923 года, о "перемещении Сталина" с поста генсека³ в случае его (Ленина) выздоровления, было бы быстро реализовано.

Для нас, видимо, навсегда останется загадкой истинная причина того, почему Троцкий уклонился от предложенного Лениным союза для борьбы со Сталиным по "грузинскому делу". Но Сталина, Зиновьева и Каменева не могла не пугать реальная возможность объединения Ленина и Троцкого по таким важным вопросам, как национальный, монополия внешней торговли, борьба с бюрократизмом и другие. Они не могли допустить столь серьезного усиления позиций Троцкого.

Известно, что в ленинском "Завещании", продиктованном несколько приемов — 23, 24, 25, 26 и 29 декабря 1922 года и 4 января 1923 года, особое внимание уделено взаимоотношениям Сталина и Троцкого. Но не остались без внимания и другие видные лидеры большевиков. Поэтому есть основания считать, что после того как о "Завещании" узнали в Политбюро, соперничество среди высшего руководства партии усилилось. Ленинский "секретный" документ подлил масла в огонь. Если бы Ленин вернулся к активной работе, Сталину было бы трудно рассчитывать на сохранение своего положения человека с "необъятной властью". Он был крайне заинтересован в свержении Троцкого, в котором большинство членов партии видели в то время "второго человека". Более того, о Троцком Ленин отзывался в "Завещании" несравненно выше и похвальнее, чем о других. Напомнив о "небольшевизме" Троцкого, который "мало может быть ставим" ему в вину лично, Ленин подчеркивал, что это, "пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК", обладающий "выдающимися способностями"⁴.

Троцкий был заинтересован в оглашении ленинского письма, остальные — нет. Это, впрочем, подтверждает документ (с грифом "строго секретно"), показывающий отношение членов Политбюро ЦК и Президиума ЦКК к преданию гласности ленинского "Завещания". Позиции были таковы:

"1. Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому.

(Если) есть какая-либо разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи и других (о кооперации, о Суханове).

Троцкий.

2. Печатать нельзя: это не сказанная речь на П/Бюро. Не больше. Личная характеристика — основа и содержание статьи.

Каменев.

3. Н.К. (Надежда Константиновна Крупская. — Д.В.) тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже — несколько дней тому назад.

Зиновьев.

4. Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более что санкции на печатание от Ильича не имеется.

Сталин.

5. За предложение тов. Зиновьева — только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет.

Томский.

6. Эта заметка В.И. имела в виду не широкую публику, а ЦЕКА и потому так много места уделено характеристике лиц. Ничего подобного нет в статье о кооперации. Печатать не следует.

Сольц.

7. Тт. Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев — за предложение тов. Зиновьева.

*Словатинская*⁵⁵.

Сталинский "триумвират" предпочел пока скрыть ленинское "Завещание", ибо его обнаружение заметно подняло бы шансы Троцкого и ослабило бы "тройку". И Сталин, и Зиновьев, и Каменев преследовали личные честолюбивые цели, особенно первые двое. Вместе с тем, они находили серьезную поддержку и у остальных членов Политбюро. Но открыто выступить против триумфатора революции и гражданской войны "обруч" не решался: имя Троцкого все еще называлось рядом с именем Ленина. Радек писал 14 октября 1922 года в "Правде", что "если т. Ленина можно назвать разумом революции, господствующим через трансмиссию воли, то т. Троцкого можно охарактеризовать как стальную волю, обузданную разумом. Как голос колокола, призывающего к работе, звучала речь Троцкого..." "Тройка" понимала, что для развенчания Предреввоенсовета его нужно сначала "отделить" от Ленина, а затем скомпрометировать в глазах партии, сильно преувеличив слабости и недостатки характера этого человека.

Позже, находясь уже в изгнании на Принцевых островах, Троцкий напишет об этом: "Главная трудность для заговорщиков состояла в открытом выступлении против меня перед лицом массы. Зиновьева и Каменева рабочие знали и охотно слушали. Но поведение их в 1917 году было слишком свежо в памяти у всех. Морального авторитета в партии они не имели. Сталина за пределами узкого круга старых большевиков почти совершенно не знали. Некоторые из моих друзей говорили: "Они никогда не посмеют выступить против вас открыто. В сознании народа ваше имя слишком неразрывно связано с именем Ленина. Ни Октябрьской революции, ни красной армии, ни гражданской войны вычеркнуть нельзя". Я с этим не был согласен. Личные авторитеты в политике, особенно революционной, играют большую роль, даже гигантскую, но все же не решающую. Более глубокие, т.е. массовые процессы определяют в последнем счете судьбу личных авторитетов. Клевета против вождей большевизма на подъеме революции только укрепила большевиков. Клевета против тех же лиц на спуске революции могла стать победоносным орудием термидорианской реакции"⁶.

Троцкий, как мы уже знаем, не был невинным агнцем. Он в полной мере несет историческую ответственность за многие идеи и действия, которые сделали горькими плоды Октября, когда древо революции еще только поднималось. Но нельзя и не признать, что, оставаясь во многих случаях на глубоко ошибочных или сомнительных большевистских позициях до конца жизни, он был, пожалуй, одним из первых, кто почувствовал смертельную опасность для революции, для диктатуры пролетариата со стороны создававшегося бюрократического режима, партократии, "секретарского" всевластия. Однако Троцкий, по мнению Ленина, был человек, "чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела"⁷.

Его "оппоненты", особенно "тройка", считали допустимым все, что могло ослабить авторитет Троцкого и устранить его с их пути. Здесь проявилось то, что бывает почти всегда у подножия холма власти, когда политик, находящийся на вершине, должен уйти. Если демократическая система слаба и не может осуществить процесс передачи власти "цивилизованным" путем, начинаются интриги, заговоры, беспринципная борьба, в ходе которой используется богатейший арсенал низменных средств. Политика всегда несла на себе печать цинизма, она и не может быть "целомудренной". Просто сегодня люди, зани-

мающиеся политикой, научились более тщательно камуфлировать свои намерения и цели; при этом одновременно усилился общественный контроль за их действиями.

Троцкий чувствовал, что за его спиной идут тайные закулисные игры, видел, что на заседаниях Политбюро он оказывался, как правило, в одиночестве. Его "обложили" со всех сторон. Но пока еще пламя фракционной борьбы не вырывалось за стены ЦК и Политбюро. Осенью 1923 года, когда Ленин уже не мог вмешиваться в дела большевистского руководства, в верхах партии готовилась важная партийная дискуссия, своим острием направленная против Троцкого. Эта дискуссия получила тогда название "литературной". К несчастью для себя, в это время, в одно из октябрьских воскресений, Троцкий со своим другом Мураловым охотился в Заболотье Тверской губернии. Переходя через болото, Троцкий провалился, сильно промок и простудился. Как писал он позже, "простуда осилила... Врачи запретили вставать с постели. Так я пролежал весь остаток осени и зиму. Это значит, что я прохворал дискуссию 1923 года против "троцкизма". Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на утку"⁸.

Отсутствие Ленина и Троцкого развязало руки Сталину и его временным союзникам. Планомерно осуществлялись шаги, которые ограничивали влияние и авторитет Троцкого. Пока это были незначительные действия, которые затем перерастут в крупномасштабные. В почетный президиум партийных собраний обычно выбирали двоих — Ленина и Троцкого. Теперь внедрялось новое: почетный президиум в составе Политбюро. В отчетах о заседаниях, конференциях, съездах вслед за упоминанием фамилии Ленина обычно всегда шел Троцкий. Теперь на газетных страницах всех (кроме Ленина) выстраивали по алфавиту. В "Правде", "Известиях", "Красной звезде" постепенно исчезало выражение: "Троцкий — вождь Красной Армии". Аппарат ЦК (секретариат Сталина) незаметно заменял сторонников Троцкого другими, более лояльными и надежными для "обруча". В партийной прессе все чаще стало появляться имя Генерального секретаря партии. Исподволь начали пересматриваться политические биографии вождей и их вклад в победу революции. Шел малозаметный, но целенаправленный процесс принижения одного из главных героев революции и гражданской войны. Сталин оказался непревзойденным мастером закулисной интриги.

Троцкий позже вспоминал, что через несколько лет после

опалы Зиновьева и Каменева они сами раскрыли ему всю эту "механику". В своей биографии Троцкий писал: "...это был подлинный заговор. Создано было тайное политбюро ("семерка"), в которое входили все члены официального политбюро, кроме меня, плюс Куйбышев, нынешний председатель ВСНХ. Все вопросы предreshались в этом тайном центре, участники которого были связаны круговой порукой. Они обязались не полемизировать друг с другом и в то же время искать поводов для выступлений против меня. В местных организациях были такого же рода центры, связанные с московской "семеркой" строгой дисциплиной. Для сношений существовали особые шифры"⁹.

Но самое главное, как позже узнал Лев Давидович, "ответственные работники партии и государства систематически подбирались под одним критерием: против Троцкого... Лишь смерть Ленина полностью развязала руки этой конспирации, позволив ей выйти наружу"¹⁰.

Но вес и авторитет Троцкого были пока еще настолько велики, что членам "обруча" приходилось с этим считаться. Когда Троцкий болел и не мог приезжать на заседания Политбюро, несколько заседаний, по предложению Каменева и с согласия Троцкого, были проведены прямо у него на квартире. Шли жаркие споры о внутрипартийном режиме, о назначениях, о монополии на водочную торговлю, о коминтерновских делах... "Каждый раз после таких заседаний, — вспоминала его жена Наталья Ивановна, — у Л.Д. подсакивала температура, он выходил из кабинета мокрый до костей, раздевался и ложился в постель. Белье и платье приходилось сушить, будто он промок под дождем"¹¹.

Накал этим заседаниям Политбюро в квартире Троцкого придало письмо, подписанное им 8 октября 1923 года. Оно было адресовано членам ЦК и ЦКК РКП(б). Готовил его Троцкий целую неделю, рассчитывая предостеречь партию от надвигающихся сумерек революции — засилья бюрократизма. Большое, пятнадцатистраничное письмо содержало 18 тезисов по многим вопросам государственной и партийной жизни. "Обруч" сразу же использовал его, чтобы вновь обвинить Троцкого во фракционности и нападках на Центральный Комитет и Политбюро.

Что же написал Троцкий в своем письме, которое до недавнего времени хранилось в закрытом фонде бывшего партийного архива и было недоступно для историков? Что вызвало резкую реакцию Сталина и его временных попутчиков? Что

”фракционного” содержалось в документе? Не здесь ли проходила трещина, превратившаяся вскоре в пропасть?

Вплоть до наших дней письмо Троцкого и последующее послание в ЦК, подписанное 46-ю его сторонниками, расцениваются как ”новое нападение на партию и ее руководство”, предпринятое в связи с болезнью Ленина.

В действительности это выступление было реакцией на экономический кризис в стране летом и осенью 1923 года (”ножницы цен”, кризис сбыта). Причинами кризиса, по мнению Троцкого и его единомышленников, послужили также серьезные ошибки хозяйственного и политического руководства, процесс бюрократизации партии.

Троцкий констатирует ”крайнее ухудшение внутрипартийной обстановки”, видя причины этого в нездоровом внутрипартийном режиме и недовольстве рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением вследствие ошибочной политики¹².

Пространное письмо, продиктованное Троцким, сумбурно. Написано оно необычным для него тяжелым языком, содержит многочисленные повторы. Больной Троцкий диктовал письмо, находясь в состоянии возбуждения, растущего раздражения и тревоги. Однако при внимательном чтении документа обнаруживаешь целый ряд принципиальных вопросов, провидчески поднятых вчерашним триумфатором. Чем же было вызвано беспокойство Троцкого?

Член высшего политического руководства партии и страны крайне недоволен работой главного политического органа: ”В большей мере, чем до XII съезда, важнейшие хозяйственные вопросы решаются в Политбюро наспех, без действительной подготовки, вне их плановой связи”. Этим заявлением Троцкий как бы подчеркивает, что пока Ленин был у дел (на XII съезде, состоявшемся в апреле 1923 г., он уже не присутствовал), стиль работы был другим — более основательным и демократичным. Далее автор записки пишет: ”...руководители хозяйственной деятельности характеризуют политику Политбюро в хозяйственных вопросах как политику случайных, бессистемных решений...” И как приговор: ”...руководства хозяйством нет, хаос идет сверху”¹³. Троцкий справедливо обвиняет Политбюро в некомпетентности, командирских замашках, спонтанности. Но на этом он не останавливается и делает серьезные упреки в адрес Политбюро в области кадровой политики: ”Назначение секретарей губкомов стало теперь правилом. Это создает для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации... Секретарь является, в свою

очередь, источником дальнейших назначений и смещений — в пределах губернии. Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат, все более и более самодовлеющий, стягивает к себе нити. Участие партийной массы в действительном формировании партийной организации становится все более и более призрачным”¹⁴. Троцкий с поразительной пронизательностью, словно заглядывая на десятилетия вперед, говорит: “Создалась за последние год-полтора специфическая секретарская психология, главной чертой которой является убеждение, что секретарь способен решать все и всякие вопросы, без знакомства с существом дела. Мы наблюдаем сплошь да рядом, как товарищи, которые не проявили никаких организаторских, административных или иных качеств пока стояли во главе советских учреждений, начинают властно решать хозяйственные, военные и иные вопросы, как только попадают на пост секретарей. Такая практика тем вреднее, что она рассеивает и убивает чувство ответственности”¹⁵.

Троцкий с горечью пишет, что “бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития применением метода секретарского отбора”, что “секретарская иерархия” исключает “откровенный обмен мнениями”, а в организациях создается картина “автоматической однородности”¹⁶.

Троцкий исключительно точно предсказал грядущую опасность, истоки которой он определил еще в 1923 году: “бюрократизация партийного аппарата”, “секретарская иерархия”, “автоматическая однородность”, “методы секретарского отбора”... Никто тогда не знал, что слова, которые он продиктовал в октябре 1923 года, окажутся пророческими. “Секретарская бюрократия” скоро превратит партию в орден, государственный спрут, который на долгие годы опутает общество своими цепкими щупальцами. Именно здесь начало сталинского ада, подлинной ночи русской революции.

В своем письме Троцкий, хотя и глухо, выразил протест против непрекращающегося на него давления со стороны “обруча”. Он вновь решительно выступил против создания (по решению сентябрьского 1923 г. Пленума ЦК) при Председателе РВС некоего исполнительного органа. Председатель РВС увидел в этом решении стремление ограничить его власть, особенно когда он узнал, что Пленум предложил ввести в РВС И.В.Сталина, К.Е.Ворошилова и некоторых других лиц, к которым он относился, по крайней мере, настороженно¹⁷. На Пленуме Троцкий бурно протестовал против этого решения. Однако его доводы не возымели действия. Он демонстративно покинул

заседание. Его поступок был расценен как "вызов партийному ареопагу". В письме в Политбюро Троцкий расценил решение Пленума как "объявление нового Реввоенсовета", означающее "переход к новой, т.е. агрессивной политике"¹⁸. Ссылаясь на Куйбышева, Троцкий пишет в письме, что ему известно о ведущейся против него борьбе в высшем руководстве партии.

В заключительной части этого письма содержится однозначный вывод: внутривнутрипартийный "режим не может держаться долго. Он должен быть изменен". Центральный Комитет, по мнению Троцкого, проводит "ложную политику". Троцкий прямо намекает, что его "полутораговые усилия" (с момента назначения Сталина Генеральным секретарем в апреле 1922 г.) по изменению положения в партии "не дали никакого результата"¹⁹.

По сути, Троцкий своим резким, но аргументированным письмом бросил первый вызов бюрократическому Центральному Комитету. Оставшись в Политбюро в полном одиночестве, не рассчитывая на поддержку больного Ленина, Троцкий имел мужество предупредить ЦК и Политбюро о грозной опасности, надвигающейся на партию со стороны "секретарского бюрократизма". Но его никто не захотел там по-настоящему услышать, хотя сторонники Троцкого в ЦК были.

Готовя письмо, Троцкий обменивался мнениями по данным вопросам с Иоффе, Сапроновым, Мураловым и другими единомышленниками, которые часто навещали его дома, особенно во время болезни. Отправив письмо в Политбюро, через неделю, 15 октября, Троцкий подготовил аналогичный документ, который теперь уже поддерживали 46 коммунистов.

"Заявление 46-ти" подписали в основном сторонники Троцкого. Среди них отметим прежде всего Е.Преображенского, Л.Серебрякова, А.Розенгольца, В.Антонова-Овсенко, И.Смирнова, Г.Пятакова, В.Осинского, Н.Муралова, Т.Сапронова, А.Бубнова, А.Воронского, В.Смирнова, А.Минкина, М.Богуславского, С.Васильченко, И.Полюдова. "Троцкистский манифест", как его потом многие именовали на XIII партконференции РКП(б), шел еще дальше письма Троцкого. Его сторонники, развивая идеи своего вдохновителя, категорически заявляли: "...секретарская иерархия, иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии... Фракционный режим должен быть устранен — и это должны сделать в первую очередь его насадители, он дол-

жен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии²⁰.

В этих документах Троцкий как бы говорил: можно притворяться перед другими, но нельзя притворяться перед собой.

Это было уже слишком. По предложению "тройки" в тот же день, 16 октября, когда в Политбюро поступило "Заявление 46-ти", состоялось экстренное заседание Президиума ЦКК РКП(б). Руководство Контрольной комиссии констатировало, что "разногласия, перечисленные тов. Троцким, в значительной степени искусственны и надуманны", что "выступления, подобные выступлению т. Троцкого", могут стать "гибельными". Президиум фактически отмахнулся от предостережений Троцкого, позаботившись лишь о том, чтобы его письмо не распространялось в партийных организациях²¹.

Однако "тройка" считала такую реакцию слишком мягкой. По настоянию Сталина и его временных союзников 23—25 октября 1923 года состоялся объединенный Пленум ЦК и ЦКК, на который пригласили специально отобранных рабочих из десяти крупнейших парторганизаций. И в дальнейшем так будет не раз: Советская власть любила говорить от имени рабочего класса. Большинство участников Пленума расценило письмо Троцкого в Политбюро и "Заявление 46-ти" как грубую политическую ошибку, как нападки на ЦК и Политбюро. По предложению Оргбюро и Секретариата ЦК, которые находились уже под решающим влиянием Генерального секретаря, Пленум квалифицировал заявление Троцкого и его сторонников как откровенно "фракционное". Там же было решено не разглашать письмо Троцкого, "Заявление 46-ти" и резолюцию Пленума, принятую по этим документам. Политбюро, видя неизбежность дискуссии, не хотело, чтобы в основу ее легли названные материалы. Поэтому в "Правде" появилась критическая статья Зиновьева, которая и стала сигналом к дискуссии.

Едва заметный в начале 1923 года раскол в Политбюро, которого так боялся Ленин, становился явным, открытым. Вновь были пущены в ход старые обвинения Троцкого в "меньшевизме". Бюро Московского комитета партии нажимало на то, что "разброд в рядах РКП нанесет величайший удар ГКП и немецкому пролетариату, готовящемуся к захвату власти"²². Руководство партии не захотело услышать трезвые голоса, предупреждавшие об опасности. Используя антидемократический седьмой пункт резолюции X съезда "О единстве партии", ее фактические руководители в середине января 1924 года, за несколько дней до смерти Ленина, на XIII партконференции ква-

лифицировали позицию Троцкого и его сторонников как "меньшевицкую ревизию большевизма".

Возможность хотя бы относительного излечения партии на раннем этапе болезни была отброшена. На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б), состоявшемся через две недели после рассмотренного выше письма Троцкого в Политбюро, опять всплыл этот вопрос. Троцкий вновь подготовил к Пленуму пространное письмо, в котором на нескольких страницах отстаивал свои взгляды, изложенные в начале октября²³. В этом послании Троцкий показывает, как его пытаются противопоставить Ленину, обвинить в недооценке крестьянства, при этом особо отмечает "личные моменты" в нападках на него. "Совершенно непостижимый характер имеет обвинение меня в том, — пишет Троцкий, — что я в последние годы уделял армии недостаточно внимания". Троцкий с обидой говорит, что "намекают" на его чрезмерное занятие вопросами литературы... "Обвиняемый" отвергает обвинения и, как и прежде, настаивает на необходимости "снять внутри партии искусственные перегородки"²⁴.

В заключительный день работы Пленума Троцкий и Сталин, пожалуй, впервые публично обменялись взаимными обвинениями (хотя и достаточно сдержанными). Но Сталин действовал более наступательно и потребовал "осудить Троцкого". К сожалению, до кончины Ленина выступления на заседаниях пленумов не стенографировались и потому беглые записи, сделанные помощником Сталина Б.Бажановым, не содержат всей аргументации соперников²⁵. Пленум "предложил тов. Троцкому принять в дальнейшем более близкое и непосредственное участие в практической работе"²⁶, то есть, по существу, ему было заявлено, что если бы Предреввоенсовета "занимался делом", ему некогда было бы вставать в оппозицию...

Атмосфера Пленума для Троцкого была крайне неблагоприятной. "Тройка" и ее сторонники инициировали неприязнь к Льву Давидовичу, давая тенденциозные и во многом несправедливые оценки его позиции. Хотя стенограмма Пленума, как я уже отмечал, не велась, сохранилось письмо Крупской к Зиновьеву, ставшее известным лишь недавно. Надежда Константиновна страстно протестовала против попыток "тройки" свалить на Троцкого организацию раскола в партии, против того, чтобы изображать его виновником болезни Ленина. "Я бы крикнула, — писала Крупская, — это ложь, больше всего Владимира Ильича заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, воцарившиеся в наших верхах". Ее волновало и возму-

щало, что в борьбе с Троцким Сталин и его сторонники стали грубо попирали принципы и нормы партийной жизни²⁷.

Троцкий понял, что его голос не был услышан. "Обруч" сжал его в своих большевистских объятиях, и хотя Лев Давидович находился после XIII партконференции на Черноморском побережье Грузии, эту аппаратную схватку он чувствовал почти осязаемо. Один из зодчих большевистской Системы не понимал, что попытки ее "улучшения" бесплодны, ибо исходные постулаты ленинизма, опирающиеся на монополию одной партии, делают это реформирование невозможным.

К стильным дням января, когда Ленина не стало, многое уже было предрешено. Троцкий оказался в глубокой изоляции. Расхаживая в одиночестве по берегу Черного моря, он мучительно размышлял: что делать? Дальнейшая его жизнь даст ясный ответ на этот извечный вопрос русской интеллигенции — бороться. Бороться. Этот человек не мог, не изменив себе, поступить иначе. Троцкий никогда не пользовался политическим гримом. Он знал, что время его безжалостно стирает.

"Новый курс"

Находясь в изгнании, Троцкий вспоминал, что 1923—1924 годы оказались переломными в его судьбе. Еще при Ленине, писал позже Троцкий, в верхнем слое партии стали проявляться черты кастовости, складывались неписаные нормы, правила поведения в "своем кругу". Пока шла гражданская война, размышлял Троцкий, все жили "по камертону партии". Когда же напряжение смертельной борьбы спало "и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников". В правящем слое, отмечал Троцкий, входили в моду "хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих..."²⁸. Троцкий не принимал участия в этой бытовой полумещанской жизни, что лишь ускоряло и без того быстрый процесс полного отторжения революционера от касты "вождей".

Большевистская система была на переломе. Страна стояла перед необходимостью крупных решений. Нэп экономический требовал и нэпа политического. Демократизация экономической жизни должна была повлечь за собой и демократизацию

политики, изменение курса партии. Но установившаяся однопартийность уже диктовала свои законы идеологии, культуре, государству, системе в целом. Троцкий вместе с Лениным (или вслед за ним) понял, сколь велика опасность бюрократизации режима, но он никогда не связывал это с монопольным положением партии. В своей статье "Группировки и фракционные образования" он писал: "Мы являемся единственной партией в стране, и в эпоху диктатуры иначе быть не может"²⁹. Тонкий, пронзительный ум находился во власти самых ошибочных Марксовых догм об определяющей роли партии рабочего класса. Более того, он считал, что оппозиционные взгляды различных групп коммунистов опасны. Он был за единомыслие, но единомыслие, как он думал, как думали в СССР семь десятилетий, "правильное". В своем первом письме к членам ЦК в начале октября 1923 года Троцкий шел дальше и подчеркивал, что "извещение партийной организации о том, что ее рамками пользуются враждебные партии элементы (речь фактически шла о доносах. — Д.В.), является элементарной обязанностью каждого члена партии..."³⁰. Эта "элементарность" станет вскоре нормой тоталитарной системы. Троцкий был убежден, что подлинное народовластие может развиваться в условиях монополии на власть одной политической силы. Так думали и другие большевистские лидеры, так думала партия и все мы, подчеркну еще раз, на протяжении долгих десятилетий..

Уже после того, как в октябре 1923 года Троцкого публично окрестили "фракционером", пытавшимся осуществить ревизию большевизма с меньшевистских позиций, он хотел изменить "тягостный внутривнутрипартийный режим"³¹. Каким же образом? Теперь ясно: с помощью борьбы идейной и политической. Выступления на Политбюро, на различных конференциях и собраниях, опора на немногочисленных сторонников могли помочь ему, как полагал Троцкий, повлиять на радикальную коррекцию курса в период изповских перемен. Но главные свои надежды он связывал с выступлениями в печати. 11 декабря 1923 года "Правда" опубликовала его "Письмо к партийным совещаниям", которое он озаглавил: "Новый курс". В конце декабря того же года он публикует статьи: "Группировки и фракционные образования", "Вопрос о партийных поколениях", "Общественный состав партии" и "Традиция и революционная политика". В самый канун Нового года, 29 декабря, "Правда" опубликовала еще две статьи Троцкого. Затем все эти материалы автор собрал в сборник "Новый курс"³², который вышел из

печати в дни работы XIII партконференции, проходившей 16—18 января 1924 года.

Публикации не были задуманы как выдвижение и обоснование некоего "особого", нового, отличного от ленинского, курса Троцкого, как нам внушали и мы этому верили долгие годы. Дело в том, что 5 декабря 1923 года Политбюро и Президиум ЦКК на своем совместном заседании приняли постановление "О партстроительстве" (в котором признавалось наличие бюрократизма), где низовым организациям предлагалось осуществить ряд мер по демократизации внутривнутрипартийной жизни. Троцкий где-то в глубине души надеялся, что это его победа. Ведь именно после его письма членам ЦК и ЦКК РКП(б) намечались некоторые изменения в структуре партии. Многие партийцы искренне поверили, что возможен поворот к демократии, свободе выражения мнений, гласности в кадровых вопросах, устранению "секретарского" бюрократизма. Троцкий, как человек, увлеченный идеей, не раздумывая, решил помочь этому процессу своими публикациями, подтолкнуть его.

В несколько приемов он продиктовал упомянутые выше статьи. Права отпечатанный текст, бросил Сермуксу характерную фразу:

— Еще не все потеряно. Партию можно вылечить. Может быть, мое литературное лекарство пойдет на пользу делу...

Какие же мотивы преобладали в "Новом курсе"? Что радикального предложил Троцкий? Появились ли у него новые идеи по сравнению с его октябрьским письмом в ЦК?

Троцкий, вдохновленный резолюцией "О партстроительстве", был убежден, что "новый курс" в том и состоит, что "центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии как организованного авангарда пролетариата... Партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией"³³. Как мы видим, Троцкий борется против чрезмерного усиления позиций аппарата в управлении партией, не подвергая сомнению неизбежность демократического централизма как главного принципа партийного строительства. Всевластие аппарата, образно замечает Троцкий, породило в партии ощущение "недомогания". "Убивая самостоятельность, бюрократизм препятствует повышению общего уровня партии", — пишет он.

К тому времени в партии уже сформировались методы управления с помощью команды, распоряжения, директивы.

Троцкий, сам приложивший руку к формированию всепроникающего, властного, цепкого аппарата, борется теперь за то, чтобы не он, этот аппарат, контролировал партию, а наоборот. При чтении статей Троцкого из "Нового курса" создается впечатление, что он борется, но не знает, как ликвидировать диктатуру партии. Главную опасность он видит со стороны Сталина и его группы, но четко не представляет себе, как освободить партию от "методов секретарского отбора, особенно генеральным секретариатом"³⁴. Троцкий пытается обратиться ко всей партии, но, увы, его не слышат и не понимают. Политическое сознание большинства партийцев на весьма низком уровне. Многие его просто не читали.

Если бы коммунисты читали и тем более поняли смысл "Нового курса" Троцкого, то, вероятно, пришли бы к выводу, что автор пытается ослабить значение и роль секретного седьмого пункта резолюции "О единстве партии", принятой X съездом. Троцкий, как соратник Ленина, не мог выступить открыто против этой резолюции. Он неоднократно подчеркивает, что фракции в партии представляют "величайшее зло", что их нельзя допускать. Но вместе с тем, смысл его рассуждений сводится к фактическому дезавуированию ленинской резолюции о единстве. "Одно лишь запрещение, — пишет Троцкий, — не заключало в себе не только абсолютной, но и вообще сколько-нибудь серьезной гарантии предохранения партии от новых идейных и организационных группировок. Основной гарантией является правильность руководства, своевременное внимание ко всем запросам развития, преломляющимся через партию, гибкость партийного аппарата, не парализующего, а организующего партийную инициативу, не пугающегося голосов критики и не застрашивающего признаком фракционности..." Троцкий как бы подкрадывается к главному выводу, который он и делает в своем "Новом курсе". Но этот вывод звучит явно еретически: "Постановление X съезда, запрещающее фракционность, может иметь только вспомогательный характер (курсив мой. — Д.В.), но само по себе оно еще не дает ключа ко всем и всяким внутренним затруднениям"³⁵.

Сколько раз затем припомнят Троцкому это его высказывание! Не все тогда заметят, что наличие фракционности Троцкий тесно связывает с невозможностью из-за консервативности бюрократического аппарата открыто излагать свои взгляды. Может быть, только сейчас становится ясной историческая правота Троцкого в этом вопросе: общественная организация (а не партийный орден!) не может добиваться демократического

единства путем табу. Для единства нужна общая идея и общие интересы, а не карательные меры и политический ошейник. То, что может подходить для закрытых, тоталитарных группировок и организаций, совершенно непригодно для партии, пытающейся осуществить народовластие.

В "Новом курсе" Троцкий постарался развить еще одну идею, с помощью которой он намеревался не только влить свежие силы в большевистское руководство, но и заполучить новых сторонников, которых у него было явно мало. Он обратился к теме соотношения партийных поколений. Сегодня, пишет Троцкий, "суть переживаемых трений и затруднений не в том, что секретари кое-где переборщили и что их нужно слегка осадить, а в том, что партия в целом собирается перейти в более высокий класс"³⁶. Этот переход Троцкий связывает с активным включением молодежи — "вернейшего барометра партии", остро реагирующего на бюрократизм, — в революционный процесс.

Обращение лидеров к молодежи — дело не новое. В истории это бывало многократно. Но Троцкий подходит к вопросу диалектически: "Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию как революционный фактор"³⁷. Троцкий надеялся, что партийная молодежь поймет и поддержит его, особенно когда он говорил о засилье "стариков". Это привело к тому, писал Троцкий, что "партия живет на два этажа... в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях". Нельзя "старикам" решать за всю партию, не привлекая молодежь. Партия не может жить только капиталом прошлого. "Нужно, чтобы старшее поколение рассматривало новый курс не как маневр, не как дипломатический прием, не как временную уступку, а как новый этап в политическом развитии партии". Троцкий в "Новом курсе" до конца верен себе: о чем бы он ни говорил, в конечном счете все у него сводится к необходимости усиления борьбы с бюрократией, "секретарским единовластием". Собственно говоря, его сборник — это отчаянный призыв к партии увидеть быстро растущего бюрократического монстра в центре и на местах. Он как бы чувствовал, что в движении пришли жернова бюрократии... Но, увы! Сторонников ему эти выступления не прибавили.

Троцкий понимал, как много зависит от его попытки добиться поддержки партии в вопросе о "новом курсе". Он пишет еще одну статью — "Традиция и революционная политика". Замысел его ясен: опереться на Ленина, которого Троцкий на-

зывает гением, показывая его исключительную роль в русской революции.

Автор статьи, воздавая должное лидеру большевиков, дает ряд оценок совсем не тривиального характера. "Ленинизм, — пишет Троцкий, — состоит в мужественной свободе от консервативной оглядки назад, от связанности прецедентами, формальными справками и цитатами". Выступая против упрощенного толкования работ признанного вождя, Троцкий убежденно говорит: "Нельзя Ленина раскрыть ножницами на цитаты (что мы и делали многие годы! — Д.В.), пригодные на все случаи жизни, ибо для Ленина формула никогда не стоит над действительностью, а всего лишь орудие для овладения действительностью..." Взяв Ленина в союзники для борьбы за "новый курс" партии, Троцкий выкладывает на стол аргументы: "Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому никаких дополнительных гарантий дать не могу". Опираясь на свои умозаключения о роли Ленина в партийном новаторстве, Троцкий завершает статью глубокомысленным утверждением: "Пусть никто не смеет отождествлять бюрократизм с большевизмом..."³⁸ То было явным выпадом против Сталина.

Но, как мы узнаём позже, Сталин в борьбе за монополию на Ленина преуспел неизмеримо больше. Очень скоро он будет ходить в тоге основного "защитника" ленинизма и главного его толкователя. Троцкий не смог (или не успел) воспользоваться этим приемом, сделавшим Сталина практически неуязвимым. Попытка Троцкого опереться на Ленина в борьбе за утверждение курса на демократическое обновление партии не увенчалась успехом. Все, кто рьяно выступал против Троцкого, ссылались на ленинскую резолюцию о единстве, принятую X съездом партии. Это было началом его поражения. В новом партийном хоре, которым дирижировал теперь Сталин, голос Троцкого слышался все слабее.

Когда готовилась XIII партконференция, Троцкий еще надеялся, что его линия на реализацию декабрьского постановления Политбюро о демократическом обновлении партии будет иметь шансы. Он готовил проект резолюции о внутрипартийной демократии и изложил несколько впечатляющих идей. Текст с личной правкой Троцкого, написанный 14 января 1924 года, весьма красноречив: "...было бы в высшей степени опасно недооценивать консервативное сопротивление тех бюрократических тенденций, которые вызвали к жизни резолюцию Политбюро о необходимости нового курса... Все прошлое

нашей партии свидетельствует о том, что внутрипартийная интрига, в том числе и критика политики ЦК, вполне совместимы с действительным единодушием и твердой дисциплиной... Партия должна предупредить опасность бюрократизма, обеспечивая режим самодеятельности партийных масс..."³⁹

Но, увы! Заслушав доклад Сталина, партконференция в полном соответствии с его выступлением приняла резолюцию, "заклеймившую" позицию Троцкого и его сторонников как "явно выраженный мелкобуржуазный уклон" и "прямой отход от большевизма". Попытка Троцкого содействовать подлинно "новому курсу" партии, свободному от власти бюрократического аппарата, потерпела полный крах.

Нельзя не отметить, что на деле никакого "нового курса" на внутрипартийную демократию, борьбу с бюрократизмом осуществлено не было, хотя такой курс и отвечал настроениям масс. Троцкий воспринял резолюцию Политбюро и Президиума ЦКК от 5 декабря 1923 года как поворот к "новому курсу", а в действительности руководящая партийная верхушка и не собиралась проводить ее в жизнь. Изначально партия была создана Лениным именно такой: замкнутой, иерархической, жесткой, бюрократической. Разговоры о "курсе на демократизацию партии" можно оценить как тактический прием в борьбе с Троцким.

На время Троцкий сник. Днями он не выходил из дому, скажываясь больным. Ездил лечиться, несколько раз с Мураловым выезжал на охоту. Писал письма, приводил в порядок свой огромный архив. Он сейчас больше походил на профессора провинциального университета, готовящегося засесть за написание новой книги. Разбирал обильную почту. Вот, например, письмо ответственного редактора военно-политического журнала "Военный вестник" Д.Петровского. В письме сообщается о лекциях М.Тухачевского под названием "Поход за Вислу", в которых тот заявлял, что из-за нашего военного поражения было разорвано связующее звено между Октябрьской революцией и западноевропейской. Соглашаясь с выводом Тухачевского, Троцкий подчеркнул фразу: "Кампанию 1920 года проиграла не политика, а стратегия"⁴⁰. Но это теперь уже в прошлом, как и неиспользованный революционный шанс Германии. Троцкий, отказавшийся поехать помочь Брандлеру в Гамбург, тем не менее считал, что при лучшей организации восстание могло бы победить... А в будущем только "победа над фашизмом проложит дорогу диктатуре пролетариата..."⁴¹. Троцкий перебирал бумаги. Вместе с Сермуksom и Познанским они отбирали в лич-

ном архиве Предреввоенсовета речи, статьи, тезисы выступления: предстояло готовить очередные тома собрания сочинений Троцкого.

Вот целая пачка документов, которые Лев Давидович хотел использовать для брошюры об инвалидах и ветеранах гражданской войны. Троцкий не забыл, как он с женой пытался создать некую организацию для заботы, как тогда говорили, об "увечных воинах", но бедность страны и быстро цементирующая все бюрократия глушили дело. В конце 1922 года он подготовил записку в Оргбюро ЦК, где говорилось, что "с расформированием Собеса вопрос о военных инвалидах, т.е. в первую голову об инвалидах гражданской войны, окончательно повисает в воздухе... Нет лица, которое бы сосредоточило в своих руках всю соответственную работу. Вследствие переводов тов. Бурдукова на Украину, а Председатель Всерокомпома (Всероссийский комитет помощи. — Д.В.) Н.И.Троцкая в отпуску по болезни, Собес расформирован. Это грозит полным параличом всего дела"⁴².

Он помнил, каким образом внимание руководства РКП было привлечено к этой проблеме. На параде в честь Красной Армии группа инвалидов разместилась недалеко от трибуны и занималась вымогательством. Троцкий, обескураженный и обозленный такой формой напоминания о себе, написал командующему МВО Н.И.Муралову, которого хотел в будущем назначить "помощником для особо важных поручений Председателя РВС Республики" (тот и был назначен в феврале 1925 г., но трудился уже под началом Фрунзе): "...следует объявить под личную расписку всем инвалидам, что если они будут обращаться не обычным путем, а нарушая необходимый порядок во время парадов, народных собраний и пр. и пр., то виновные в этом будут высылаться из Москвы в один из провинциальных городов..."⁴³.

В последующем Троцкий привлек Всерокомпом, Политуправление РККА и другие органы к делу организации заботы об инвалидах, предлагая решать этот вопрос в плоскости "материальной помощи и социальной педагогики", то есть привлекая "увечных воинов" к посильному труду⁴⁴.

Боже, чем ему в жизни не приходилось заниматься! Спад популярности и политической активности совпадает с периодом переосмысления былого, ушедшего, когда крепнет намерение отдавать больше времени литературному труду.

Казалось, Троцкий смирился с явным ослаблением своего влияния и не обострял отношений с партийной верхушкой. До-

вольно пассивно исполняя обязанности члена Политбюро и наркомвоенмора, Троцкий с головой ушел в подготовку собрания своих сочинений. Еще до окончания гражданской войны, с согласия Ленина, было принято решение ЦК о многотомном выпуске книг, статей, памфлетов Троцкого. С участием своих помощников Троцкий готовил к публикации тома написанного и сказанного им в разное время, в разных странах, по разному поводу. Для историка это многотомье представляет немалый интерес. Но, как это часто бывает, в сочинения Троцкого попало много второстепенного, слабого, случайного.

Один из очередных томов он посвятил Октябрьской революции. В 1924 году, находясь в Кисловодске "на водах", Троцкий много писал. Просматривая почту, с негодованием отмечал, что в партийной печати все чаще вспоминали его меньшевистское прошлое. Однажды, вернувшись с Натальей Ивановной с очередной прогулки, он засел за написание предисловия к тому об Октябрьской революции, которое еще раньше решил опубликовать и как самостоятельную статью. В ней он намеревался дать ответ своим многочисленным критикам и сказать, "как все было". Писал Троцкий очень быстро: за три дня брошюра почти в шестьдесят страниц была готова. По сути, Лев Давидович напомнил в ней о своей роли в Октябрьской революции. Хотя после нее прошло всего семь лет, в партии, сильно разбухшей за это время, осталось не так уж много действительных участников самого Октябрьского переворота.

Очерк Троцкого "Уроки Октября" приковал к себе внимание всей партии. Автор высоко отозвался о роли Ленина в революции, развенчал Зиновьева и Каменева, прямо сказал о незначительности Сталина. В "Уроках" цитируется письмо Каменева: "Не только я и тов. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, губительным для пролетариата и революции шагом!"⁴⁵ Кто знает, может, это выступление против восстания было не только мужественным шагом, но и глубоко верным? Троцкий однозначно говорит, и говорит справедливо, что нужно изучать историю Октябрьской революции. "Было бы недопустимым, — отмечает он, — вычеркивать из истории партии величайшую главу только потому, что не все члены партии шли в ногу с революцией пролетариата. Партия может и должна знать *все* свое прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место"⁴⁶. Но и Троцкий не сказал

главного. Власть нетрудно было взять, потому что тогда никто не хотел ее защищать. Это затем мы все стали говорить о "гениальном плане" и "стратегии" Ленина... Своим очерком Троцкий для многих осветил картину Октября. Этим он пытался не только восстановить историческую истину, но и защитить собственное имя, которое продолжали склонять, без конца напоминая дооктябрьские грехи. Скажу, однако, что поскольку он был едва ли не главным героем переворота, картина была написана в романтических тонах: мудрые вожди, проникательные планы, подъем революционного народа и т.д. На самом деле все было гораздо прозаичней. На другой день после восстания большинство жителей Петрограда вообще не знали, что власть сменилась и перешла в руки большевиков.

Ответный удар последовал незамедлительно. В бой пошла вся "тяжелая артиллерия". Каменев выступил с большой разностной статьей "Ленинизм или троцкизм?". Сталин к статье Каменева добавил "Факты об октябрьском восстании". Журнал "Большевик" в ответе редакции "По поводу статьи тов. Троцкого" припомнил ему все: и что было, и чего не было, не останавливаясь ни перед какими выдумками. Стиль редакционной статьи, как и множества других, характеризуется желанием побольнее уколоть бывшего триумфатора, не заботясь об объективности. "Тов. Троцкий, — говорится в этой статье, — скользит по поверхности, хотя и весьма виртуозно, красиво, даже великолепно, как искусный конькобежец по льду. Только беда в том, что все это одни *узоры*, далекие от практического существа"⁴⁷.

Пока Троцкий ожидал ответа, на Политбюро наметили целую программу дискредитации вождя, взявшегося за исторические изыски. По указанию Секретариата ЦК во всех парторганизациях началась критическая проработка "Уроков Октября". Почти все высшие руководители были обязаны публично осудить Троцкого. За короткое время в печати появились десятки статей. Вал критики нарастал. От спокойного анализа, который вначале еще встречался, дело постепенно доходило до сочинения инсинуаций, наклеивания на Троцкого многочисленных ярлыков, чуть ли не в бранной форме. Публичные устные и письменные "ответы" Троцкому, с которыми выступали Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Сокольников, Крупская, Молотов, Бубнов, Андреев, Квиринг, Куусинен, Коларов и некоторые другие, были помещены в специальном большом сборнике "За ленинизм". Было немало статей, авторы которых

утверждали диаметрально противоположное тому, что они писали и говорили до 1924 года, когда Троцкий был в силе.

Вначале он нервно читал, сидя на веранде, ежедневные большие порции поношений, которыми была полна печать, но затем бросил это занятие: болело сердце, появились сильные головные боли, было скверно на душе. Троцкий не ожидал такого мощного, организованного натиска. Наталья Ивановна успокаивала, как могла, тянула на прогулки, читала письма сыновей, пыталась разговорами увести от мрачных мыслей. Позже она вспоминала: "Приступ болезни Л.Д. совпадает с чудовищной травлей против него, которая переживалась нами, как жесточайшая болезнь. Страницы "Правды" казались огромными, бесконечными, каждая строчка газеты, каждая буква ее лгала. Л.Д. молчал. Но чего стоило ему это молчание! Друзья навещали его в продолжение дня, а иногда и ночи... Он сильно похудел и побледнел. В семье нашей мы избегали разговоров на тему о травле, но ни о чем другом тоже не могли говорить"⁴⁸.

Пресса пыталась убедить читателей: если политик "замазан" меньшевизмом, то его не отмоешь. Все уже давно забыли, что меньшевики — это либеральное крыло русской социал-демократии, пытавшееся путем реформ изменить облик России, приобщить ее к достижениям мировой цивилизации, и прежде всего — демократии. Никто еще, конечно, не мог знать, что в вердикте истории меньшевики будут выглядеть гораздо достойнее, чем их жестокие оппоненты. Слово "меньшевик" тогда еще не означало "шпион", но "лазутчик" — это точно... Сермух стал давать почту Троцкому выборочно, а сам делал вырезки из газет с "ответами" отступнику, пополняя ими архив революционера. Вырезки сохранились в фонде документов Л.Д.Троцкого. Вот лишь несколько из них:

"Решение общего собрания организации РКП на фабрике имени Бебеля. Сообщить ЦК партии решительный протест против антибольшевистского выступления Троцкого и попыток ревизии основ ленинизма".

"Резолюция пленума Центрального района. Присутствовало 257 человек. Принята единогласно, при одном воздержавшемся. Просить губком через ЦК партии и ЦКК призвать т. Троцкого к порядку как члена ЦК и члена партии. Мы считаем, что за такие выступления нужно не останавливаться перед применением строжайшей меры партийного взыскания".

"Резолюция партийной организации фабрики имени Халтурина. Через райком мы требуем ЦК заставить Троцкого выполнить решение XIII партсъезда и V конгресса Коминтерна.

Если этого Троцкий еще не понял, пусть лучше уходит из нашей партии”.

”Резолюция коллектива университета имени товарища Зиновьева. Ленинизм — это цельное пролетарское учение — тов. Троцкий хочет подменить пышными фразами жалких обрывков полуменьшевистской путаницы...”⁴⁹.

Подобных сообщений было множество. Аппаратные жернова вращались все быстрее. Критический поток ширился, захватывая сознание все большего числа людей, размывая сложившийся в годы революции и гражданской войны легендарный образ. Но Троцкий, находясь в Кисловодске, получал и другие письма и телеграммы. Иоффе, Муралов, Раковский спрашивали: ”Что же Вы молчите? Нужно дать отпор! Обратитесь в ЦК — пусть прекратят эту вакханалию!” Но Троцкий молчал...

Дело было сделано: ореол Троцкого померк. Так партия выполнила команду своего обновленного руководства. Сталин бил целенаправленно. Он понимал, что самые сильные козыри в биографии Троцкого — это Октябрь и гражданская война. Если заслуги Троцкого в эти годы свести к нулю, его можно превратить в голого короля. Именно в это время, на самом спаде надежд на мировую революцию, Сталин выдвинул свою ”теорию” о возможности построения социализма в одной стране. Были вновь обнародованы все негативные дореволюционные высказывания Ленина о Троцком... Блестящий вождь и революционер, любимец красноармейских и матросских масс быстро превращался в изгоя.

В целом 1923 и 1924 годы явились своеобразным рубежом в жизни Троцкого. Он по-прежнему оставался еще на верхнем этаже власти, его портреты пока висели рядом с Лениным. Немало городов, сел, улиц, клубов, фабрик носили его имя. Но тем не менее образ Троцкого как революционера потускнел, полинял, лишился того ореола, который неизменно окружал его прежде. Надежды Троцкого на ”новый курс”, с которым он связывал изменение не только внутреннего режима партии, но и своего положения, не оправдались. Попытки с помощью исторических экскурсов восстановить свое реноме встретили в одних случаях равнодушие, а в других — неприкрытую враждебность.

Появилось еще одно негативное обстоятельство, которого не учел Троцкий. Как только к его фамилии стали добавлять слова ”фракционер”, ”меньшевик”, ”перерожденец”, ”антиленинец”, к нему, против его воли, сразу же потянулись те, кто потерпел поражение раньше. Члены некоторых разгромленных

опозиций, группировок, фракций в разной форме стали выражать свои симпатии Троцкому. Это обстоятельство немедленно использовал сталинский "триумvirат", обвиняя опального вождя в поддержке антипартийных сил. При этом Троцкий не делал серьезных попыток опереться на своих сторонников. Когда он попытается это сделать в последующие годы, будет уже поздно. Массированная атака аппарата была столь мощной, что в хоре критиков и хулителей одинокий голос Троцкого и его немногочисленных сторонников окончательно затерялся. То было преддверие главного поражения. Но в ЦК и в адрес Троцкого приходили письма и в поддержку оппозиционера, хотя они были немногочисленны. Например, пришло вот такое:

"Резолюция

вагонной мастерской Октябрьской ж.д. Московского участка от имени ячейки РКП(б). Принята 17 против 13. Заслушав доклад тов. Молотова о внутривнутрипартийном строительстве, ячейка постановляет:

...Ячейка с тревогой следит за травлей, которая ведется по отношению к тов. Троцкому как в печати, так и в выступлениях Сталина и на собраниях членов ЦК. Ячейка протестует против этой травли и считает ее вредной и недостойной РКП(б), роняющей престиж в Коминтерне..."⁵⁰

Молотов не смог убедить большинство ячейки. 17 человек выразили поддержку Троцкому. Но резолюций и телеграмм в его защиту было явно меньше, чем осуждающих. Аппарат работал...

"Тройка", особенно Сталин, в результате этой баталии снискала себе известность непреклонного сторонника ленинизма, защитника его учения, не остановившегося даже перед тем, чтобы решительно развенчать знаменитого вождя, оказавшегося отступником.

Дискуссия этих месяцев ознаменовалась началом широкой фальсификации истории Октябрьской революции. В ней уже всплыл Сталин, ничем не проявивший себя в те драматические дни. Одновременно Сталин исподволь, но неуклонно добивался ухода с важных постов в Народном комиссариате по военным и морским делам сторонников Троцкого. За год-полтора были сменены многие командующие округов, армий, управлений. Машина назначений, которой управляли Секретариат и Оргбюро ЦК, выдвигала новых людей, обязанных своим выдвижением именно Сталину, Зиновьеву, Каменеву, Молотову. Когда Троцкий, уже после смерти Ленина, находился на лечении в Сухуми, к нему неожиданно приехала группа членов Центрально-

го Комитета: Томский, Пятаков, Фрунзе и Гусев, чтобы проинформировать наркома о крупных кадровых изменениях в военном ведомстве. Большой Троцкий сопротивлялся слабо. Его насторожил приход в военное ведомство И.С.Уншлихта, которого он давно не любил. Перевод заместителя председателя ГПУ на должность члена Реввоенсовета СССР было плохим предзнаменованием. Особенно он жалел о предстоящем уходе своего заместителя Склянского. Эфраим Маркович не был военным специалистом, но в гражданской войне проявил себя как хороший организатор, неутомимый исполнитель директив наркома, как эффективное связующее звено между наркоматом и снабжающими организациями страны. Вокруг Троцкого постепенно создавался вакуум.

В этом деле Сталину и его окружению "помог" и сам Троцкий, ушедший от злободневных вопросов жизни страны и партии в литературную деятельность, в частые отпуска по болезни, долгое молчание при обсуждении важных вопросов текущей политики. Тот факт, что он неоднократно подчеркивал правильность решений ЦК, недопустимость фракций, согласие с линией партийного руководства, создавал впечатление его слабости, вины, неуверенности. В эти роковые для его судьбы два года он явно переоценил свою власть над сознанием людей, степень своей известности и популярности. Он был уверен в своем триумфе и после смерти Ленина. Троцкий не был готов к личному поражению. А оно неумолимо надвигалось.

Силе интеллекта, блестящим личным качествам творческого человека противостояла тупая, но мощная машина аппарата. Бюрократический монстр формировался чрезвычайно быстро и был уже способен беспрекословно и эффективно исполнять команды, отдаваемые с центрального пульта управления. Там, на этом пульте, теперь довольно прочно обосновался Сталин, с каждым днем укрепляющий свое положение. Предстоящая решающая схватка будет неравной. Поражение Троцкого было предопределено.

Дуэль "выдающихся вождей"

С 1917 года и до последних дней жизни Троцкого протянулась нить острого соперничества, непримиримой борьбы между двумя революционерами, которых в декабре

1922 года Ленин назвал "выдающимися вождями". Лишь 20 августа 1940 года, по прямому указанию Сталина, эта нить была оборвана и окрашена кровью Троцкого.

Я уже говорил, что до 1917 года эти два человека не были лично знакомы, хотя в результате политических перемещений они не раз сталкивались лицом к лицу. Например, в 1905 году на V съезде партии, который проходил в Лондоне, Троцкий просто не заметил кавказца, который со смешанным чувством любопытства и удивления смотрел на пестрое сборище революционеров. Бронштейн-Троцкий же эффектными речами и репликами уже тогда обратил на себя внимание не только малоизвестного Джугашвили.

Зимой 1913 года в Вене произошла еще одна встреча, которую Троцкий за год до смерти описал в очерке о Сталине, вошедшем в качестве фрагментов и в незаконченную книгу "Сталин". В нем, в частности, рассказывалось о том, как однажды зимним вечером Троцкий сидел в дешевой венской гостинице за самоваром с меньшевиком Скобелевым. "Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником; через несколько лет он стал моим противником и министром Временного правительства. Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, на пороге появилась незнакомая мне фигура невысокого роста, худая, со смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

— Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль"⁵¹.

Вероятно, поздние впечатления и оценки оказали влияние на характер описания этой молчаливой встречи, когда Троцкий увидел своего постоянного отныне соперника.

После возвращения в мае 1917 года в Петроград Троцкий в течение лета и осени неоднократно сталкивался со Сталиным на различных совещаниях, заседаниях, несколько раз заставлял его у Ленина, знал, что этот человек — член всевозможных комитетов, советов, комиссий, редколлегий... Но никакого интереса как личность он у Троцкого не вызывал. Сталин обычно

молча слушал выступавших или курил трубку, поглядывая на входящих в комнату. Троцкий позже пытался вспомнить: говорил ли что-нибудь на заседаниях этот молчаливый человек? Но вспомнить ничего не мог.

Трибун революции, способный в бурные месяцы революций различать только контуры масс, кратеры революционных событий, попросту не замечал Сталина. Сталкиваясь с ним лицом к лицу или поймав на себе взгляд холодных глаз, Троцкий бросал на ходу сухое приветствие и проходил мимо. Ведь обычно его ждали Ленин или Зиновьев, Каменев или Свердлов, другие мэтры революции.

Троцкий не видел в этом человеке личности, он был для него статистом, человеком из партийного кордебалета, коих бывает много при всех самых крупных исторических событиях. Нередко такие люди, как Сталин, спустя годы пишут пространные воспоминания, реставрируя прошлое, отмечают забытые детали минувшего, стараются встать рядом или вблизи от крупных деятелей, запоздало пытаясь погреться в лучах мемуарной славы. Но Сталин оказался не таким. Он как-то незаметно, но прочно вошел в привычную "обойму", ядро "вождей". Где-то подсознательно Троцкий объяснял это стремлением Ленина иметь около себя и "напменов", желая подчеркнуть не только русский, но и российский характер революции. Казалось, это предположение Троцкого верно, тем более когда Сталин стал наркомом по делам национальностей.

Как ни странно, Троцкий узнал Сталина лучше, когда они уже не встречались, так как оба оказались на фронтах гражданской войны. Троцкий — как лицо первой величины, а Сталин — как уполномоченный по хлебным делам, а затем и как член реввоенсоветов ряда фронтов. Будут даже отдельные моменты, когда Троцкий воздаст должное Сталину. Так, в мае 1920 года из своего поезда он будет телеграфировать в Совнарком: "Так как т. Сталин за последний год главное свое внимание отдавал военным делам и так как он хорошо знаком с Ю.-З. фронтом, которому предстоит сейчас крайне ответственная работа, представляется в высокой мере желательным назначение т. Сталина членом Реввоенсовета Республики*, что даст возможность использовать лучше, чем до настоящего вре-

---

* Сталин был членом РВСР с 8 октября 1918 г. по 8 июля 1919 г., когда состав Реввоенсовета Республики был сокращен до шести человек; затем он входил в РВСР с 8 мая 1920 г. по 1 апреля 1922 г. — Д.В.

мени, силы т. Сталина для центральной военной работы, в частности и в особенности для обслуживания центром Ю.-З. фронта.

Предреввоенсовета Республики Троцкий⁵².

Предлагая Сталина в состав РВСР, Троцкий не преминул включить фразу: "...даст возможность использовать лучше, чем до настоящего времени..." Для этой констатации были серьезные основания. В 1918 году, когда Сталин "окопался" на царьцынских рубежах, между наркомнацем и наркомвоенном вспыхивали не раз жесткие телеграфные перепалки. Оба апеллировали за поддержкой к Ленину. Тот пытался их мирить. Но расхождение в позициях было глубоким, принципиальным. Троцкий, например, полагал, что военные специалисты могут помочь сделать армию регулярной, боеспособной. Сталин же, проявляя глубокую неприязнь и недоверие к бывшим царским офицерам, поддерживал деятелей типа Ворошилова, способного в то время лишь на обычную партизанщину.

В одной из своих телеграмм Троцкому (в копии — Ленину) из Царицына Сталин сообщает:

"...Дело осложняется тем, что штаб Севкаокра (Северо-Кавказского округа. — Д.В.) оказался совершенно непригодным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши "специалисты" психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как "штабные" работники, умеющие лишь "чертить чертежи" и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям, к делу снабжения, к контролю разных командармов и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости..."⁵³ Далее Сталин дает негативную характеристику "военспецам" Зедину, Анисимову и Снесареву, называя последнего "вялым военруком".

Сталин прямо вмешивается в дела штабов, смещает неугодных, по его мнению, лиц, применяет прямые репрессивные меры. Приехавший с ним по продовольственным делам аппарат, как и люди из Наркомата национальностей, часто используются для несвойственных им контрольных и инспекционных функций. В Центр и к Троцкому начали поступать жалобы. Предреввоенсовета вначале реагирует достаточно спокойно:

"Балашов, Реввоенсовет

Вполне присоединяюсь к протесту товарища Раскольниковца против вмешательства отдельных товарищей из Комиссариата национальностей в распорядки на фронте. Соответственное

заявление мною сделано Комиссариату национальностей. Сегодня выезжает в Балашов товарищ Бобинский, который уполномочен мною действовать исключительно под руководством Реввоенсовета...⁵⁴

Но Сталин и его люди как бы не слышат этих распоряжений. Нарком по делам национальностей отдает приказы, шлет требовательные депеши Троцкому.

Так, 27 сентября 1918 года Сталин, не преминув упомянуть, что "Сытин (командующий Южным фронтом. — Д.В.) странным образом не интересуется положением фронта в целом", затребовал от Реввоенсовета Республики огромное количество орудий, снарядов, пулеметов, патронов, разного снаряжения, например, не менее 100 000 комплектов обмундирования, хотя в то время на Южном фронте еще не было такого количества войск. Концовка донесения явно угрожающа и дописана лилыми чернилами лично Сталиным:

"Заявляем, что если в самом срочном порядке не удовлетворите требований (они минимальны с точки зрения общего количества войск Южного фронта), мы вынуждены будем прекратить военные действия и отойти на левый берег Волги..."⁵⁵

Эти ультимативные донесения выводили Троцкого из себя. Склады были пусты, с огромным трудом удавалось поддерживать слабое функционирование нескольких военных заводов, а здесь — требование сразу не менее ста тысяч комплектов обмундирования... Одно из донесений Вацетиса Троцкий просто препровождает, для понимания ситуации, Свердлову и Ленину:

"Боевой приказ Сталина номер сто восемнадцать надо приостановить исполнением. Командующему Южным фронтом Сытину мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы..."⁵⁶ Троцкий раздражен: его директивы и распоряжения "царицынцем" игнорируются и просто не выполняются. Похоже, что только летом 1918 года Троцкий впервые почувствует, что "незаметный кавказец" — человек с характером и упорной волей. После ряда подобных стычек со своим равным уполномоченным Центра Троцкий пытается добиться от Москвы решений об отзыве Сталина с фронта. Но Ленин и Свердлов, поддерживая Троцкого почти во всех вопросах, которые касались военной стороны дела, в этом конфликте не спешат занять одну из сторон. Хотя Сталин временно и отзывается под благовидным предлогом с фронта, а Ворошилов и другие командиры, вызвавшие неудовольствие Троцкого, перебрасываются на другие участки боевой работы, Ленин избегает квалифицировать эти шаги как победу одного из нарком-

мов. Он рекомендует им наладить отношения, идет на уступки то одному, то другому, желая найти компромиссное решение.

Временами наступают непродолжительные периоды относительного улучшения личных взаимоотношений, инициатором которого является Сталин. Троцкий в своих воспоминаниях отмечает, что Сталин "при огромной и завистливой амбициозности... не мог не чувствовать на каждом шагу своей интеллектуальной и моральной второсортности. Он пытался, видимо, сблизиться со мной. Только позже я отдал себе отчет в его попытках создать нечто вроде фамильярности отношений. Но он отталкивал меня теми чертами, которые составили впоследствии его силу на волне упадка: узостью интересов, эмпиризмом, психологической грубостью и особым цинизмом провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков, не заменив их, однако, насквозь продуманным и перешедшим в психологию мирозерцанием"⁵⁷.

Сталин сделал несколько шагов навстречу Троцкому. Он понимал, что пока что их величины несоизмеримы, и даже хотел, возможно, получить покровительство второго человека в революции. Одним из таких шагов явилась небольшая, но явно апологетическая статья Сталина по отношению к Троцкому, написанная в канун первой годовщины Октябрьской революции. Эта статья — "Октябрьский переворот" — по сути, ставила Троцкого рядом с Лениным, превозносила нынешнего Председателя Реввоенсовета как второго главного организатора вооруженного восстания. То было своеобразным поздравлением Троцкого, родившегося именно 7 ноября... И это было почти унижением для Сталина. В последующем, когда эта статья была включена в его собрание сочинений⁵⁸, фраза, восхваляющая Троцкого, конечно же, отсутствовала.

В первое время, в 1918 году, Сталин в своих телеграммах Троцкому сохранял явно уважительное отношение к Председателю РВСР. Например, докладывая в июле 1918 года об отчаянном положении Кубанской армии, уполномоченный Центра сообщал: "...если вовремя не придет помощь, Северо-Кавказ будет потерян. Об этом говорят все данные, только что полученные от Кольника. Жду ответа. Ваш Сталин"⁵⁹.

Невозможно представить, чтобы будущий генсек даже через год мог сказать или написать Троцкому: "Ваш Сталин"...

Впрочем, "уважительное отношение" продолжалось лишь до тех пор, пока Сталин не подготовил себе нужные исходные позиции для нового этапа своей военной деятельности. В июле 1918 года Сталин из Царицына требует от Центра военных

полномочий и угрожает, что если он их не получит, то будет без формальностей "свергать губящих дело чинов и командиров", а "отсутствие бумажки от Троцкого его не остановит"⁶⁰. Военные полномочия были даны, после чего Сталин нередко стал игнорировать распоряжения Центра, в том числе и Троцкого. О том, как разрешился этот конфликт, ранее уже говорилось. Ленин смягчил удары Троцкого против Сталина, а последний из тактических соображений решил не противоречить Троцкому.

Но это были не единичные шаги. В один из дней рождения Троцкого Сталин в сопровождении своего заместителя по наркомату Бройдо неожиданно приехал в подмосковное Архангельское, где летом и осенью жила семья Председателя Реввоенсовета. У Троцкого были несколько гостей: Иоффе, Муралов, Раковский и кто-то еще. Сталин, заявившись без приглашения, сунул какой-то сверток с подарком, нескладно произнес несколько банальных фраз, выпил пару рюмок водки... Он заметил: здесь он чужой. Разговор за столом не клеился, был вялым, натянутым, неестественным. Сталин, сославшись на неотложные дела, быстро распрощался с хозяином и гостями и уехал.

Троцкий не ответил взаимностью на "знаки" к сближению со стороны Сталина. Он недооценивал этого человека как политика, а в личном плане тот был ему просто неинтересен и даже неприятен. Поэтому последовавшее в скором времени внешне незаметное выдвижение Сталина в первые ряды "вождей", особенно когда заболел Ленин, было для Троцкого довольно неожиданным. Хотя вскоре после начала гражданской войны Троцкий убедился в упорстве Сталина и в его способности в критические моменты действовать решительно и настойчиво. Иногда Троцкий сам предлагал использовать эти качества будущего генсека. Когда в 1919 году стало срываться постановление о партмобилизации, Троцкий обратился в Оргбюро ЦК и к Сталину с просьбой принять "твердые меры" в отношении лиц, легковесно относящихся к решениям высшего партийного органа. "Было бы полезно, — отмечал Троцкий, — если бы тов. Сталин написал в этом духе статью в "Правде"⁶¹. Со временем он убедится, что у Сталина будет еще больше твердости, когда он начнет долгую и жестокую схватку с ним — вторым человеком в революции.

До кончины Ленина Троцкий где-то в глубине души был уверен, что Политбюро позовет его занять место "главного" вождя. Именно так он позже комментировал ленинское "Пись-

мо к съезду". Троцкий подчеркивал: "Беспорная цель завещания — облегчить мне руководящую работу. Ленин хочет достигнуть этого, разумеется, с наименьшими личными трениями. Он говорит обо всех с величайшей осторожностью. Он придает оттенок мягкости увичтожающим по существу суждениям. В то же время слишком решительное указание на первое место он смягчает ограничениями"⁶². Троцкий был уверен: Ленин хотел именно ему передать свою власть и лишь смягчал свое "решительное указание" упоминанием о некоторых чертах его характера.

Думаю, здесь один из главных истоков дальнейшей непримиримой борьбы за власть между Сталиным и Троцким: только соперничество и абсолютная неготовность к сотрудничеству. Но последний, похоже, проиграл ее до начала. Конечно, за персональными амбициями, личной непримиримостью, столкновением характеров "выдающихся вождей" стояло нечто более важное. Шла борьба между центристскими и левыми тенденциями в партии. Сталин всегда олицетворял центр, а Троцкий — леваков. Во все времена, когда рушится центр и побеждает левое или правое крыло, это чревато бедами для общества, для государства, для партии. Но здесь произошло неожиданное: Сталин, победив "левую" оппозицию, по сути, взял на вооружение ее радикальную программу и приступил к "революциям сверху". Поэтому, желал того Троцкий или не желал, немало из его методологии (не содержания, а именно методологии) было перехвачено Сталиным и реализовано им в социальной практике.

Хочу заострить внимание читателя вот на каком моменте. Действительно, в последнее время можно встретить утверждение, что Сталин, придя к власти, реализовал программу Троцкого, и если между ними и были принципиальные теоретические расхождения, то лишь по вопросу о судьбах социализма в СССР. На самом деле Сталин и Троцкий со своими сторонниками представляли два разных социальных типа. Одни — прагматики, перешедшие, по выражению Троцкого, "к оседлому образу жизни", желающие построить социализм в одной стране. Другие — "кочевники революции", ее романтики, полные веры в торжество идеалов. И те и другие — приверженцы военного коммунизма. Если Троцкий и его единомышленники хотели вернуться к "ленинскому" военному коммунизму с его большевистским "энтузиазмом", революционной героикой, внутрипартийной демократией (как он ее понимал), активностью рабочего класса, то Сталин и его сторонники ратовали за бюро-

кратическое общество, в котором миллионы бюрократов и партократов обеспечивают свое благополучие путем диктатуры, при которой нет места демократии, где массы являются лишь "винтиками".

Троцкий хотел совместить революционные преобразования в городе и селе с утверждением демократического режима в партии и стране. Но при "диктатуре одной партии" это было в принципе невозможно. Изначально попытки и стремления вождей революции изменить Россию и весь мир, опираясь на монополию лишь одной политической силы, были обречены на историческую неудачу. Торпедировали социалистическую идею в России сами вожди. Такова одна (не главная!) из причин этой неудачи.

Между Сталиным и Троцким началась почти неприкрытая борьба. При жизни Ленина она носила больше личный характер, была менее связана с "платформами" и позициями, если не считать октябрьского (1923 г.) "бунта" Троцкого. Именно тогда Председатель Реввоенсовета, как об этом говорилось в предыдущем разделе, предъявил счет Сталину за насаждение бюрократического режима в партии. Взаимные упреки, споры продолжались на заседаниях Политбюро, Центрального Комитета. Следовали и мелкие уколы.

По решению ВЦИК, в 1921 году следовало уточнить составы коллегий наркоматов. Для этого наркомы должны были высказать свои соображения. Из канцелярии Троцкого ушла бумага, в которой говорилось, что за последние месяцы Сталин фактически не принимал участия в работе комиссариата⁶³.

Троцкий явно не хотел иметь в своей коллегии человека, который "не принимает участия" в ее работе, но в самой констатации факта просматривалось нечто большее: неприятие Сталина как руководителя высшего эшелона.

Ленинское "Письмо к съезду" стало известно обоим "выдающимся вождям" еще до смерти Ленина. "Письмо" их не мирило. Скорее наоборот. Угасающий вождь подчеркнул, что Троцкий, "пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК". В то же время Ленин выражал сомнение в том, что Сталин, сосредоточив "в своих руках необъятную власть", сумеет осторожно ею воспользоваться. Ну а знаменитое добавление Ленина к этому "Письму" от 4 января 1923 года, в котором он предлагал "обдумать способ перемещения Сталина с этого места", вроде бы окончательно решало исход борьбы в пользу Троцкого. Казалось, смещение Сталина с поста предпринято. Повторяю: оба знали о "Письме" до его оглашения деле-

гатам XIII съезда. Троцкий был уверен в "законном" устранении своего главного соперника волей Ленина. Но, как известно, все получилось по-другому. Троцкий, который и до этого в политической борьбе наделал немало ошибок, совсем "размагнитился", ослабил "бдительность", а Сталин, наоборот, продолжал за кулисами активнейшую деятельность по упорочению своего положения. Есть все основания полагать, что распространившееся в высшем партийном эшелоне мнение о "недееспособности" Ленина было инспирировано Сталиным.

В борьбе за власть, соглашался позже сам Троцкий, большой ошибкой было его отсутствие на похоронах Ленина. Как он считал, его дезориентировала телеграмма Сталина:

"Тифлис. Закчека.

Передать немедленно и сообщить, когда вручено. Расшифровать лично Могилевскому или Панкратову. Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 часов 50 мин. (18 часов 50 минут. — Д.В.) скоропостижно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января.

Сталин.

22 января 1924 г.⁶⁴

Характерно, что Сталин зашифрованную телеграмму передал не в органы Советской власти или в партийный комитет, а в закавказскую чека... Впрочем и зашифровал телеграмму о смерти Ленина чекист Герсон. Уже тогда эта специальная служба особо выделялась вождями в общей структуре родившегося режима.

Троцкий хотел вернуться, телеграфировал об этом в Москву, но за подписью Сталина пришла новая депеша, подтверждавшая: "Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум. *Сталин*". Но... похороны состоялись в воскресенье 27 января. Троцкому обманным путем помещали участвовать в траурных событиях огромного политического значения. По сути, Сталин в речи-клятве на II Всесоюзном съезде Советов, открывшемся 26 января, заявил о своих претензиях на роль "защитника" и правоверного ленинца. Троцкий, которого роковое известие застало в Тифлисе, лишь передал по телеграфу в "Правду" коротенькую, но проникновенную статью, где были такие строки:

"Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли?"

Наши сердца потому поражены сейчас такой безмерной

скорбью, что мы все, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него...

Как пойдём вперед? — С фонарем ленинизма в руках...⁶⁵

Отсутствие Троцкого в Москве в эти траурные дни создало крайне неблагоприятное впечатление среди населения, и партийцев в частности. Многие расценили это как неуважение к памяти Ленина. Возможно, это было решающим моментом, определившим начало поражения Троцкого.

Льва Давидовича очень тронуло письмо, которое ему написала Н.К.Крупская через два дня после похорон. Сидя на веранде дома в Сухуми, где он лечился, Троцкий вслух читал это письмо Наталье Ивановне:

”Дорогой Лев Давидович,

я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В.И. к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти...

*Н.Крупская*⁶⁶.

После революции Ленин действительно проявлял к Троцкому не только самое высокое доверие, но и заботу о нем. Лев Давидович не мог забыть, как весной 1921 года Ленин собственноручно написал проект постановления Политбюро, в котором говорилось: ”...на основании заключения врача, профессора Рахманова, который признал неправильное питание тов. Троцкого как одну из причин болезни и трудности ее излечения, поручить Оргбюро немедленно осуществить как прямым распоряжением ЦК, так и через советские органы (ВЦИК и НКПрод) достаточное питание товарища Троцкого согласно врачебным требованиям. 20 III-1921 г.”⁶⁷.

Впоследствии Троцкий не раз возвращался к дням похорон Ленина: то была не только скорбь, но и утрата надежд на то, чтобы играть, по его словам, ”руководящую роль” в партии и стране. Находясь уже в Койоакане, когда судьба начала отсчет последнего года его жизни, Троцкий в письме к своему стороннику Маламуту писал 17 ноября 1939 года:

”...Вернувшись из Сухуми в Москву, когда у меня с несколькими ближайшими товарищами шел разговор о похоронах (во-

прос был затронут скорее вскользь, т.к. прошло уже свыше трех месяцев), мне говорили: он (Сталин) или они (тройка) вовсе не думали устраивать похороны в субботу, они хотели лишь добиться вашего отсутствия. Кто мне говорил это? Может быть В.Смирнов или Н.Муралов, вряд ли Э.Склянский, он был всегда сдержан и осторожен... Теперь я вижу, что махинация была сложнее..."

Далее Троцкий пишет, что, отдав распоряжения на субботу, Сталин с самого начала считал "срок фиктивным". В то же время специальным "личным" шифром Сталин вызвал со всей страны в Москву крупных партийных руководителей, верных ему. "Ввиду критического момента Сталин мобилизовал во всей стране своих аппаратчиков. В итоге там оказались все, кроме меня, дезинформированного самим Сталиным..."⁶⁸

Незадолго до своей гибели Троцкий, как мы знаем, не раз выдвигал предположение, а затем поверил сам — и пытался убедить других в этой гипотезе, — что Сталин "отравил Ленина". В своей статье "Сверх-Борджиа в Кремле" Троцкий рассказывает, как Г.Ягода, приближенный к Сталину, "имел особый шкаф ядов, откуда по мере надобности извлекал флаконы и передавал их своим агентам с соответственными инструкциями. Сталин не мог пассивно ожидать, поправится ли Ленин, от этого зависела судьба Борджиа. Сталин понимал, что от этого зависело, станет ли он хозяином аппарата, а значит и страны..."⁶⁹

Я не стану рассматривать эту версию, основанную на различных косвенных предположениях. Это могло быть (зная коварство Сталина), но могло и не быть (почему Троцкий заговорил об "отравлении" спустя полтора десятилетия?). Думаю, сам этот факт останется вечной тайной истории, без надежды когда-либо абсолютно категорично его как опровергнуть, так и подтвердить.

Получив письмо от Крупской после смерти Ленина, Троцкий вспоминал, что незадолго до кончины вождя революции, через коминтерновских работников с ним связались американские специалисты, предлагавшие новые способы лечения. Троцкий, зная от Гетье и других советских врачей характер заболевания Ленина, выразил скептицизм, но тем не менее отправил записку Крупской:

"Дорогая Надежда Константиновна!

Пересылаю Вам американское предложение — относительно лечения В.И. — на случай, если оно Вас заинтересует.

Априорно говоря, доверия большого к предложению у меня нет.

16 ноября 1923 г.

С товарищеским приветом *Л.Троцкий*⁷⁰.

После смерти Ленина борьба между Сталиным и Троцким приняла односторонний характер. Первый атаковал, второй защищался. Нет, внешне и Троцкий достаточно часто будоражил общественное сознание своими речами и статьями, но для противительных людей было ясно: Председатель Реввоенсовета уже проиграл. И проиграл крупно. В январе 1925 года Троцкий был освобожден с поста народного комиссара по военным делам и с поста Председателя Реввоенсовета Республики. На январском (1925 г.) Пленуме ЦК, где решался вопрос о Троцком, Зиновьев и Каменев вдруг сделали неожиданный ход: вместо Троцкого предложили на пост наркомвоена... Сталина. Но генсек сразу же возразил, недоуменно оглядев своими желтыми глазами членов Центрального Комитета. Предложение не прошло. Сталин остался у пульта управления быстро крепнущей аппаратной машины. К слову, вопрос решался без Троцкого: он вновь сказался больным...

Сталин боялся Троцкого, стоящего во главе вооруженных сил. Он не забыл письма В.А.Антонова-Овсеенко, которое тот направил в Политбюро в защиту Троцкого. Защищая Председателя Реввоенсовета от нападков, Антонов-Овсеенко писал, что "среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать всем как один т. Троцкого..."⁷¹ Посоветовавшись, "тройка" нашла ему сразу три должности, которые отодвинули опального лидера на обочину политической жизни и должны были погрузить его в рутину бюрократических дел. Троцкий возглавил Главный Концессионный комитет, Электротехническое управление и стал председателем Научно-технического управления промышленности. Теперь он уже был не опасен.

На первых порах Троцкий с головой ушел в работу. Его захватили технические проблемы, возможность поставить науку на службу новому обществу. Троцкий ездил по лабораториям, встречался с учеными, проводил совещания инженерно-технических работников. На Политбюро бывал редко, многие заседания пропускал, ссылаясь на занятость новой работой. Кажалось, он удовлетворился скромной ролью "технократа", рассчитывая еще больше времени уделить литературной работе.

Между тем в печати продолжались публикации, направленные против Троцкого, вспоминались его старые грехи, и он не

смог уйти от политики. Оставив за собой лишь председательство в Концессионном комитете, Троцкий вернулся к активной политической деятельности.

А тем временем в "тройке" назревал раскол: Зиновьев и Каменев стали все больше осознать, что, поддерживая Сталина, они укрепляют бюрократический режим в партии, готовят почву для диктатора. Зиновьев и Каменев обратились к Троцкому. "При первом же свидании со мною, — вспоминал Троцкий, — Каменев заявил: "Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий центральный комитет"⁷². Но бывшие союзники Сталина недооценили той работы, которую провел за это время Генеральный секретарь, чтобы сплотить вокруг себя верных ему людей, назначить в различные звенья аппарата преданных единомышленников.

Троцкий не очень полагался на возможности своих "новых" союзников. Он попросту мало им верил. В заметках "Блок с Зиновьевым (к дневнику)", написанных для себя в декабре 1925 года, Троцкий проникательно записал, что ленинградская оппозиция "представляет собою бюрократически-демагогическое приспособление аппаратной верхушки к тревоге передовой части рабочего класса за общий ход нашего развития"⁷³. Да, тревога была. Шли споры о путях и темпах строительства социализма. Троцкий, по-прежнему связывая судьбы революции в России с ходом международного революционного процесса, придерживался в то же время радикальных, левых взглядов на эти вопросы. В своих рукописных черновых набросках, сделанных в 1926 году, он подчеркнул характерные фразы: "Для чего, собственно, грабить крестьянство, если социализм невозможен?" И дальше: "...нас считают "пессимистами" и "маловерами" за то, что мы считаем недостаточным черепаший шаг"⁷⁴. Троцкий как бы противоречил себе: с одной стороны, без мирового революционного пожара социализм в Советской России построить невозможно, а с другой, звал к решительным преобразованиям в стране, причем сверхбыстрыми темпами. Такие "ножницы" замечал Сталин и ждал случая, чтобы вновь обрушиться на своего, теперь уже главного оппонента-врага.

На XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) с содокладом от оппозиции выступил Зиновьев. Он предупредил партию об опасности бюрократического перерождения. Но аргументы были слабыми. Более сильное впечатление произвело мужественное выступление Каменева, заявившего: "...мы против того, чтобы

создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя"... Лично я считаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб..."⁷⁵ Но съезд встретил эти слова негодованием. Базис "левой" оппозиции все сужался. Сухие руки Сталина были воистину стальными: его хватка была мертвой. В своем письме к Молотову еще в июне 1926 года Сталин пишет, что надо "набить морду Троцкому и Грише (Зиновьеву. — *Д.В.*) с Каменевым" и сделать из них "отщепенцев". В сентябре замысел генсека становится еще определеннее: "Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же..."⁷⁶ В октябре 1926 года Троцкий, одновременно с Зиновьевым, был выведен из Политбюро, а через год — из состава Центрального Комитета ВКП(б). В ноябре 1927 года Троцкий был исключен из партии.

В заявлении оппозиционеров, которое подписали Л.Каменев, Г.Зиновьев, Г.Пятаков, И.Смилга, Н.Муралов, Л.Троцкий, И.Бакаев, Р.Петерсон, Х.Раковский, Г.Евдокимов, Г.Лиздин, В.Соловьев и Н.Авдеев, звучит тревога: "Неправда, будто путь оппозиции ведет к восстанию против партии и Советской власти. Зато неоспоримая правда, что сталинская фракция на пути достижения своих целей холодно наметила развязку физического разгрома. Со стороны оппозиции нет и намек на угрозу повстанчества. Зато со стороны сталинской фракции есть подлинная угроза дальнейшей узурпации верховных прав партии... Оппозицию нельзя сломить репрессией, то, что мы считаем правильным, мы будем отстаивать до конца"⁷⁷.

Проиграв уже почти все, Троцкий запоздало бросился сколачивать антисталинскую оппозиционную организацию внутри партии. К нему шли и ехали его сторонники. Проводились нелегальные совещания. Создавались группы политической борьбы. Делались попытки наладить печатание оппозиционных материалов. Устанавливались закрытые каналы связи. Но Троцкий при этом везде подчеркивал, что в противоборстве допустимы лишь идейные и политические методы. Вчерашний лидер написал несколько "памяток" и инструкций относительно того, что должны делать его сторонники в оппозиционной борьбе.

Сохранились воспоминания одного из его рядовых сторонников, Н.Н.Гаврилова, — "Моя работа в оппозиционной группе", где говорилось о том, что поручалось ее членам:

- ”1) активно выступать с защитой своих взглядов на партийных собраниях;
- 2) распространять в массах платформу оппозиции;
- 3) собирать деньги на бумагу и помощь товарищам, которые преследовались;
- 4) налаживать связи со сторонниками;
- 5) поддерживать связь с руководителями ленинградской оппозиционной группы...⁷⁸ и т.д.

Ослабление позиций Троцкого было вызвано новым изменением позиции Зиновьева, который собирался каяться перед Сталиным, надеясь таким образом вернуть себе его прежнее расположение. Троцкий не очень удивился этому, вспомнив мрачное пророчество своего друга Мрачковского: ”Сталин обманет, а Зиновьев убежит”⁷⁹. Так в конечном счете и произошло.

В связи с непрекращающейся яростной критикой в печати Троцкого и троцкизма бывший член Политбюро пытался ответить в прессе. Но по указанию Сталина его уже не печатали. Нигде. Но Троцкий не сдавался. В его архиве сохранилось немало документов, явно рассчитанных на распространение в неофициальных органах печати. Вот выдержки из одного материала, отпечатанного на папиросной бумаге:

”Дорогие товарищи!

Т. Зиновьев и ближайшие друзья снова после большого перерыва начинают выдвигать легенду против троцкизма... для прикрытия собственного отступления. Легенда о троцкизме — аппаратный заговор против Троцкого. В этой клеузной работе наибольшей производительностью отличался Бухарин. Смертельной карой для этого человека было бы полное издание его сочинений... С идеями шутить нельзя. Они имеют свойство зацепляться за классовые реальности и жить дальше самостоятельной жизнью.

*Л.Троцкий*⁸⁰.

Дуэль ”выдающихся вождей” была лишь видимостью. Поединка один на один не получилось. Сталин, лично непривлекательный и неинтересный человек, смог привлечь на свою сторону, благодаря аппарату, большую часть партии. Троцкий — яркая, талантливая, противоречивая личность, правда, значительно ”полинявшая” после гражданской войны, — оказался почти в одиночестве. Небольшие разрозненные группы его сторонников выступили с большим запозданием. Их призывы к борьбе с бюрократией, комчванством, аппаратным засильем были мало понятны рядовым партийцам. В глазах большин-

ства Троцкий стал лишь оппозиционером, фракционером, человеком, в конце концов показавшим свою прежнюю меньшевистскую сущность... Да, то была видимость дуэли. В политических противоборствах Сталин предпочитал не дуэли, а убийства.

Редущие ряды сторонников

Троцкий был человеком-парадоксом. О некоторых гранях его парадоксального характера я уже говорил. Например, о том, что, будучи убежденным сторонником революционных, радикальных методов решения многих социальных, экономических и духовных проблем, он в то же время боролся за демократизацию режима в партии, долго не порывал с социал-демократическими традициями. Возможно, главная "загадка" Троцкого состоит в том, что он тщетно пытался соединить несоединимое: тоталитаризм с демократизмом, милитаризм с культурой. Люди, выдвигающие утопические сверхзадачи, часто бывают одиноки. Триумфатор революции, похоже, наиболее ярко выражал противоречия самой русской революции. Именно она, революция, зажигая факел свободы, неслала его вперед, сея насилие. Провозглашая народовластие, она решала судьбы миллионов горсткой людей, пытаясь созидать новое, беспощадно крушила не только уцененное историей, но и то, что имело непреходящее значение для будущего. Парадоксальность Троцкого — это парадоксальность любой революции, русской особенно.

Одним из таких парадоксов личности Троцкого было несоответствие числа его сторонников степени его популярности. Во время революции, в годы гражданской войны его имя было известно всей стране и далеко за ее пределами. Многие видели в нем идола революции, ее символ, восхищаясь кипучей энергией Председателя Реввоенсовета, поражаясь многогранности наркома как военачальника, государственного деятеля, политика, трибуна, публициста, глашатая мировой революции. Казалось, что это — неиссякаемый генератор революции, способный неутомимой деятельностью объединять миллионы людей. Однако он был способен видеть лишь массу и манипулировать ею. Круг же людей, лично к нему расположенных,

был довольно узок. Он давно определил себя на роль вождя, а у вождей, как известно, друзей бывает мало.

Конечно, Троцкий, как и любой другой человек, обладающий большой властью, откликался на просьбы многих людей. Известно, что чем выше поднимается человек по социальной лестнице, тем больше находится тех, кто хочет получить от него помощь или просто оказаться под его покровительством. Троцкий с помощью своего большого секретариата пытался, хотя бы минимально, помочь всем. Делал он это по-разному. Например, так:

”В оргбюро ЦК.

Пересылаю письмо, касающееся судьбы старой революционерки Розановой. Я действительно нелегальным (так в тексте. — *Д.В.*) был у нее и ее мужа в Саратове. Пользовался ее помощью в смысле квартиры, адресов и пр. Дело это было в 1902 г.

Помнится, Розанова и ее муж были народниками и, кажется, впоследствии в эмиграции примыкали к Чернову... Душаю, следовало бы старухе помочь...”⁸¹

А иногда это было по-другому:

”Тов. Бутову.

Нужно устроить более сносно Клару Цеткин, которая живет в холодном помещении в ”Люксе”. Может быть, дать электрическую печку или устроить в другой квартире...”⁸²

Нет, он не отворачивался от людей, а помогал советом или благодетельствовал...

Схлынул паводок революции, постепенно гася пожараща отечественных междоусобиц, как вдруг выяснилось, что второй человек в партии и стране имеет не так уж много сторонников. Этот парадоксальный факт выявила дискуссия в партии, начатая повторно по письму Троцкого, отправленному членам ЦК и ЦКК в октябре 1923 года, и по ”Заявлению 46-ти”, фактически инспирированному им же неделю спустя и адресованному в Политбюро ЦК РКП(б)⁸³.

Самое печальное для Троцкого заключалось в том, что все его попытки изменить курс партии, вставшей на рельсы ”секретарской иерархии”, с самого начала оказались обреченными. Почему? Вроде бы Троцкий звал к тому, что провозглашала революция, что декларировал марксизм, что отвечало интересам большинства партийцев. На мой взгляд, причин здесь несколько.

Прежде всего, в силу низкой политической культуры боль-

шей части членов партии трудно понять истинную подоплеку борьбы. Становление и рост партии пришлось на войну. Наверное, потому в партии и господствовали методы военной борьбы: мыслили категориями "фронтов", "ударов", "разгромов", "предательства", "сплочения". Тот, кто стоял у административного пульта управления партией, в значительной мере располагал возможностью направлять ход дискуссий, формировать соответствующее общественное мнение, создавать образы "врагов" и "друзей". Троцкий с самого начала пытался повлиять на партийный курс, обращаясь к партийному аппарату, "секретарской иерархии", к тому "обручу", в жестких тисках которого он сам находился. Все это не могло прибавить ему сторонников, ибо он хотел лишить влияния людей из этого аппарата. А власть и влияние аппарата распространялись уже сверху донизу.

Далее, Троцкий обладал поразительной способностью выбирать неудачный момент для политической борьбы. Он был плохим тактиком. Троцкий не мог не понимать, какое удручающее впечатление на членов партии, его приверженцев, армию окажет отсутствие второго человека в партии и государстве на траурной церемонии похорон Ленина. (Хотя мы знаем, что отсутствовал он по вине Сталина, который сознательно его обманул.) Лишь позже Троцкий оценит роковое значение этого шага. Нередко в самые критические моменты борьбы Троцкий уходил с "ринга": то ему мешала болезнь, то он находился в отпуске, то уезжал на Кавказ или в Берлин для лечения. Были даже случаи, когда он отсутствовал на заседаниях ЦК и Политбюро, находясь в это время на охоте, игравшей в его жизни заметную роль. Однажды, когда на Политбюро рассматривалась его фракционная деятельность, Троцкий вместе с Мураловым был в это время в селе Калошине, подле реки Дубны, готовясь к охотничьей "операции". Но в таком случае трудно рассчитывать на успех в политической борьбе. Функционеры, члены партии, или, как тогда любили говорить, "массы", больше любят победителей, чем неудачников. А Троцкий зарекомендовал себя в политических баталиях именно неудачником. Это тоже не увеличило ряды его сторонников.

Наконец, само политическое противостояние выглядело для многих просто как борьба за власть, за посты, за влияние. Сталин раньше других почувствовал выгодность позиции "защитника" Ленина и его наследия. Все его ядовитые речи против Троцкого и оппозиционеров были полны ленинских цитат, ссылки на умершего вождя, которого он якобы бескорыстно защи-

шал. Это производило большое впечатление, и недавний триумфатор и соратник Ленина вынужден был все время отстаивать себя, оправдываться, доказывать свою лояльность ЦК и Политбюро. Позиция обороняющегося создавала впечатление политической неправоты, сомнительности и ущербности взглядов Троцкого. Это морально подавляло его сторонников, число которых все время уменьшалось.

Вот почему за Троцким пошло так мало партийцев, а многие из его единомышленников с конца 20-х годов стали отходить от него и отказываться (не только из-за страха) от своих убеждений.

В результате усилий Сталина, да и самого Троцкого, последний предстал перед массами коммунистов как злостный разрушитель единства партии, стремящийся расколоть ее. А ведь еще Ленин, и прежде всего он, сумел внушить, что раскол для партии опаснее, чем белые генералы в гражданскую войну, что партия должна быть монолитной. Отсюда — вражда к Троцкому и солидарность со Сталиным и ЦК, которые в глазах рядовых партийцев были хранителями единства.

Что касается идейно-теоретических разногласий, то, несмотря на веру большинства членов партии в грядущую мировую революцию (правда, со времени гражданской войны эта вера заметно потускнела), им импонировала установка Сталина на построение социализма сначала в одной стране. Тем более что неверие Троцкого и троцкистов в победу социализма в СССР стало квалифицироваться Сталиным ни много ни мало как линия на реставрацию капитализма.

Сталин хорошо видел все слабости Троцкого и максимально их использовал. Более того, занимаясь кадрами, он учитывал данное обстоятельство и при назначениях. "Ответственные сторонники партии и государства, — вспоминал позже Троцкий, — систематически подбирались под одним критерием: против Троцкого"⁸⁴. Все происходило внешне незаметно, но тем не менее неуклонно усиливало позиции Сталина, уменьшая в итоге шансы Троцкого. Как писал об этом сам оппозиционер, "внутренние события развивались сравнительно медленно, облегчая молекулярные процессы перерождения верхнего слоя и почти не открывая места для противопоставления двух непримиримых позиций перед лицом широких масс... Наш термидор получил затяжной характер"⁸⁵. Даже те, кто видел позитивные элементы в платформе Троцкого, мало верили в успех его дела. Бывший "вождь Красной Армии" быстро становился полководцем без армии. Кто же поддерживал Троцкого?

В 1926 году, когда к нему "перебежали" Зиновьев и Каменев, список его единомышленников, несмотря на малочисленность сторонников, выглядел внушительно. Я уже называл Каменева, Зиновьева, Пятакова, Смилгу, Муралова, Бакаева, Петерсона, Раковского, Евдокимова, Лиздина, Соловьева, Авдеева, которые вместе с Троцким подписали письмо в ЦК. (Фамилии перечислены в том порядке, в каком стоят подписи.)

В письме есть примечательная фраза: "Коллеблющиеся единицы отходят от оппозиции, десятки и сотни убежденных... низовых партийцев примыкают к нам"⁸⁶. В этом утверждении верна лишь первая часть фразы. Даже в момент наивысшей консолидации оппозиции число ее членов не превышало семи-восьми тысяч человек. Правда, и людей, сознательно не преемлющих Троцкого и его взгляды, едва ли было больше. Но зато все остальные члены партии были объектом манипуляций Сталина и его группы. Именно аморфность основной массы партийцев позволила Сталину постоянно иметь перевес, преимущество, ибо в решающие моменты десятки тысяч членов партии послушно следовали "указаниям", "директивам", "линии ЦК".

Весной 1926 года Зиновьев и Каменев окончательно поняли, что они недооценивали Сталина и переоценивали Троцкого. Только теперь они сообразили, как хитро генсек использовал их против бывшего Председателя Реввоенсовета. Когда в апреле 1926 года, после трехлетнего перерыва, трое политических деятелей встретились на квартире Каменева, все почувствовали, как тонко их всех обыграл Сталин. Зиновьев и Каменев, не глядя Троцкому в глаза, долго говорили, что в их ошибке, то есть в поддержке генсека, повинен и их собеседник: зачем он без конца муссировал их "ошибочное" поведение в октябре 1917 года? Почему он не приехал на похороны Ленина? Неужели он не понимает, насколько бесперспективно выступать против Сталина почти в одиночестве?

Троцкий натянуто улыбался. Позже он напишет о них: "Им обомим не хватало той мелочи, которая называется характером"⁸⁷. Как отмечал И. Дейчер, оба новых союзника Троцкого вспоминали о сотрудничестве со Сталиным, как о кошмаре. "Они описали его лукавство, извращенность и жестокость. Они заявили, что оба написали и спрятали в надежном месте письма, где указывалось, что в случае их внезапной и необъяснимой гибели мир должен знать, что это дело рук Сталина, и рекомендовали Троцкому поступить так же. Сталин, доказывали Зиновьев и Каменев, не уничтожил пока Троцкого лишь потому, что опасается, что какой-нибудь молодой, убежденный троц-

кист отомстит за него"⁸⁸. Два бывших соратника Ленина, пишет далее Дейчер, были убеждены, что если они все трое объединятся и выступят перед народом и партией, то партию можно будет вернуть "на истинный путь". Если к ним присоединятся блестящий интеллект и популярность Троцкого, "ничто не окажется более легким, чем устранить Сталина от власти"⁸⁹. Зиновьев и Каменев верили, что их поезд еще не ушел.

Но было уже поздно. Если бы новый альянс возник сразу после смерти Ленина, то подобный исход был бы реален, возможен. Самое печальное, и это хорошо понимал Троцкий, что новые союзники переметнулись к нему лишь на время. Они не способны на решительную борьбу, не будут искать компромиссы, а будут просить прощения у Сталина. Троцкий в итоге не ошибся в своих оценках Зиновьева и Каменева.

Наиболее неверным и неустойчивым сторонником, как Троцкий и предвидел, оказался Григорий Евсеевич Зиновьев, уроженец Херсонской губернии, начинавший свой жизненный путь конторщиком в торговых фирмах. Троцкий познакомился с ним давно, еще в начале века, встречался в Женеве и Лондоне. Он не мог не отдать должное студенту Бернского университета, учившемуся сначала на химическом, а затем и на юридическом факультете. Троцкий впоследствии отмечал недюжинные способности молодого революционера, цепкий ум, высокую европейскую культуру. Но еще до революции для "Григория" (партийная кличка Зиновьева) были характерны быстрая переменчивость взглядов, слабая сопротивляемость политическому давлению, отсутствие цельного мировоззрения.

Благодаря Ленину Зиновьев обладал высоким авторитетом в партии: именно по его рекомендации на V съезде в Лондоне Григорий Евсеевич становится членом ЦК (и пробудет им целых 20 лет). Весной 1917 года вместе с Лениным они пересекут Германию в "пломбированном вагоне", направляясь через Швецию в Россию. Именно с Зиновьевым Ленин будет около месяца скрываться от преследования Временного правительства у станции Разлив. Зиновьев почти всегда шел за Лениным. "Почти", потому что вначале он выступил против его "Апрельских тезисов", а главное, 10 октября 1917 года на закрытом заседании ЦК вместе с Каменевым мужественно проголосовал против курса на вооруженное восстание. Хотя именно мужества Зиновьеву всегда и недоставало. Сколько ядовитых, злых, уничтожающих стрел было пущено в адрес Зиновьева и Каменева прежде всего со стороны Ленина, Троцкого и Сталина! Сколько оскорблений досталось им при жизни и после смерти! Сколько

им пришлось вынести в последние годы их насильственно прерванной жизни! А ведь Зиновьев был первым Председателем Исполкома Коминтерна, выступал с основными докладами на нескольких партийных съездах. Но политическая непоследовательность в конце концов сделала его объектом политических (а затем и физических) избиений.

Троцкий так никогда и не узнал, что Зиновьеву довелось испытать массу моральных унижений. Когда за ним пришли декабрьской ночью 1934 года, Григорий Евсеевич понял: это конец. Пока проходил обыск, он трясущейся рукой написал Сталину записку: "...ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина. Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души".

Но Сталин лишь прикажет ускорить суд. И через месяц, 16 января 1935 года, его старый партийный товарищ, бывший член "обруча" получит 10 лет, предварительно признав все свои несуществующие преступления и дав плюс к этому обязательство назвать "всех лиц, о которых помню и вспоминаю как о бывших участниках антипартийной борьбы"⁹⁰.

Троцкий был прав, изображая главного "героя" своей книги "Сталин" садистом. Генсек принадлежит к тому типу садистов, которым смерть жертвы не давала полного удовлетворения. Нужна была ее полная моральная капитуляция. 14 апреля 1935 года Зиновьев капитулировал полностью.

Троцкий и представить себе не мог, что его бывших попутчиков ждет такая горькая судьба.

С высоты сегодняшнего дня поступок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года не выглядит однозначно ошибочным. Во всяком случае, тогда это было проявлением политического мужества и, хотим мы того или нет, первым предупреждением грядущему. В ряде случаев Зиновьев пророчески говорил то, что не решались произнести другие. В своей книге "Ленинизм", вышедшей в 1925 году, Зиновьев писал: "Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса?" — и отвечал: "Коммунистическая партия! В этом смысле у нас *диктатура партии*..." Таким образом, заключал автор, "диктатура партии есть функция диктатуры пролетариата"⁹¹.

Троцкий понимал, что союз Зиновьева с ним вызван прежде всего утратой "Григорием" своего поста в Политбюро, не-

приязнию к Сталину, неутоленными политическими амбициями. Как и ожидалось, после исключения Зиновьева за фракционность из рядов ВКП(б) он вместе с Каменевым 19 декабря 1927 года отправил покаянное письмо в президиум XV съезда с просьбой восстановить их в партии. Им пошли навстречу, но с этого времени недолгие союзники лидера "левой" оппозиции были обязаны постоянно разоблачать троцкизм.

Троцкий возлагал большие надежды на Каменева, хотя с этим человеком у него были такие же разногласия, как и с Зиновьевым. Но Лев Борисович Каменев был не только его зятем, но и человеком более основательным, нежели Зиновьев. Троцкому была известна характеристика, которую Ленин дал Каменеву на Апрельской партийной конференции: "Деятельность Каменева продолжается 10 лет и она очень ценна. Он ценный работник..."⁹² Ленин не случайно настоял, чтобы Каменев был одним из его заместителей в Совете Народных Комиссаров и Совете Труда и Оборона. Троцкий помнил, что когда в 1918 году Каменев был назначен уполномоченным Совета Рабочей и Крестьянской Оборона, он немало сделал для продвижения продовольственных грузов в Москву и Петроград. Усилиями Каменева в столицу были доставлены сотни тысяч пудов хлеба. В его биографии была и такая страница, когда он по поручению Совнаркома лично вел переговоры с Н.И.Махно о необходимости совместных боевых действий против белых. Тогда соглашение состоялось.

Но Троцкий не забывал, что именно Каменев часто выдвигал тезис "о необходимости борьбы против подмены ленинизма троцкизмом". В январе 1925 года Сермукс показал Троцкому вырезку из статьи Каменева, где осуждался троцкизм: "Мы поступили правильно, не допустив подмены ленинизма каким-нибудь другим учением. Теперь, когда мы — правящая партия, мы должны искусно маневрировать в обстановке внутреннего мелкобуржуазного и внешнего капиталистического окружения — нам нужно быть особенно зоркими, особенно внимательными ко всякого рода уклонам"⁹³.

Когда в апреле 1926 года Каменев пришел к Троцкому, то, возможно, совершил мужественный поступок. Еще на XIV съезде партии, выступая против зарождающегося цезаризма, Каменев произнес пророческие слова: "...я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба..."⁹⁴ Это было, пожалуй, единственное выступление на съезде, которое предостерегало партию от будущего диктатора и фактически предлагало устранить его.

Позже Троцкий собственноручно сделает выписки из стенографического отчета XIV съезда партии, и в частности из выстулений Каменева, Томского, Андреева, Калинина, Сокольников и Жданова. Многие строки Троцкий подчеркнул, как, например, слова Каменева, направленные против того, чтобы создавать теорию "вождя", или слова Сокольников, который, по сути, поставил под сомнение право Сталина на особое положение.

Придет время, и все эти записки, которые Троцкий возьмет с собой в изгнание, он будет широко использовать в своих статьях и книгах, как бы с удивлением оглядываясь в прошлое: как они, соратники Ленина, позволили генсеку завладеть партией? Где глубинная ошибка его, Троцкого? В чем оказался Сталин сильнее их?

Будущий изгнанник никогда не сможет сказать, что многочисленные оппозиции, фракции, группы, которые он лично вдохновлял, были лишь поверхностными волнами на глади огромного российского озера. В его глубинах они не смогли вызвать и слабого волнения... Временные попутчики Троцкого не укрепили его позицию. Если бы они обратились к нему сразу после смерти Ленина!.. Троцкий не мог понять, что истоки цезаризма и тоталитаризма находятся значительно глубже, нежели у основания кресла генсека. Дело не в Сталине. Рождающаяся бюрократическая система нашла бы своего Сталина. Одномерность политического развития предопределила уродства казарменного общества.

Троцкий, находясь в Алма-Ате, а затем за границей, следил за поведением бывших попутчиков. Как правило, все они с готовностью кляли троцкизм, униженно каялись, забыв о достоинстве. Троцкий, наверное, догадывался, каково было Каменеву, умному, честному человеку, ставшему редактором первых трех изданий сочинений В.И.Ленина, приступить к "сортировке" работ вождя: что публиковать, что оставлять на долгие десятилетия в заточении спецхранов. Насилие над собой, над своим духом не спасло Каменева — генсек никогда не мог забыть страшных слов: "...Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба..."

Одна из последних попыток оппозиции заявить о себе, о своем несогласии с диктатурой партии и нарождающимся единовластием была предпринята в ноябре 1927 года, в десятую годовщину Октября. Надежды на то, что появятся новые сторонники, не оправдались. По указанию Сталина ОГПУ не церемонилось. Ряды единомышленников быстро редели: одни пуб-

лично заявляли о прекращении своей фракционной деятельности, других высылали за Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, некоторых — в более почетную ссылку (послами, торговыми представителями). Отдельные уходили иначе, как, например, Адольф Абрамович Иоффе. Старый большевик, убежденный сторонник Троцкого, находясь в состоянии депрессии, застрелился. В предсмертном письме он утверждал, что Троцкий политически всегда был прав, но ему не доставало ленинской непреклонности и неуступчивости. "Когда-нибудь партия это поймет, — писал Иоффе, — а история обязательно оценит".

Думаю, Троцкий был далеко не всегда прав, и история это подтверждает. Но что он не был врагом социализма, а был врагом Сталина, это ясно сегодня всем. Хотя "социализм" Троцкого мало отличался от социализма Сталина. Оба они были ленинцами.

Выступление Троцкого на похоронах Иоффе оказалось его последним публичным обращением к своим сторонникам на Родине.

Дольше других сторонников Троцкого держался Карл Бернгардович Радек, сосланный в Западную Сибирь после разгрома оппозиции. Известный в партии и стране как блестящий публицист, Радек, познакомившийся с Троцким еще до революции, был импульсивным человеком и в жизни, и в политике. Будучи выходцем из Польши, он не порывал с традициями социал-демократии своей родины. Острослов, полиглот, весельчак, Радек имел знакомых во многих странах Европы, умел быстро устанавливать контакты с самыми разными людьми. Одной из черт его характера была способность быстро менять политические ориентиры. Поддерживая во время драмы Брест-Литовского мира Троцкого, он умудрялся одновременно быть и вместе с группой "левых коммунистов" Бухарина. По поручению Ленина принимал участие в создании Германской коммунистической партии, одним из первых поддержал идею Народного фронта.

Троцкий всегда с интересом, но и с известной долей недоверчивости относился к Радеку, склонному к легкому авантюризму, экспромтам в политике, но обладавшему одновременно острым, наблюдательным умом. Именно Радек настаивал на союзе с социал-демократами западных стран, пытался удержать Брандлера от форсирования революционного выступления в Германии. Работая одно время ректором университета Сунь Ятсена в Москве, Радек часто бывал у Троцкого, советуясь по международным вопросам, принося кучу новостей,

выпытывая прогностические оценки корифея революции. Он нравился, кажется, всем. Даже Сталину. Но в то же время его вроде бы никто не принимал всерьез. Все отдавали должное его остроумию, парадоксальному мышлению, неистощимому оптимизму. Однако, думаю, за внешней безалаберностью и разбросанностью скрывался сильный ум проницательного аналитика, не обладавшего, правда, достаточной волей.

Когда Троцкий будет выслан в Алма-Ату, первое письмо он получит от Радека, находившегося вместе со Смилкой в Томске. Радек писал о своем житье-бытье ссыльного, строил предположения о развитии дальнейших событий, призывал Троцкого крепиться. Письма Троцкого Радеку надолго осядут в спецхране после ареста Карла Бернгардовича в роковые 30-е годы. О чем писал Троцкий своему стороннику? Приведу отдельные выдержки из нескольких писем:

”Дорогой Карл Бернгардович!

Зная Вашу нелюбовь к рукописи, пишу на машинке. Поселились. Вспоминал пророческие слова Сергея (сын Л.Д. — Д.В.): ”Не надо блока ни с Иосифом, ни с Григорием. Иосиф обманет, Григорий убежит”. Перевожу для Института Маркса и Энгельса книгу Маркса ”Господин Фогт”... Еще на охоту не ездил. Сермукса со мной нет; его арестовали и увезли... Убедительно советую наладить правильный образ жизни, чтобы сохранить себя. Во что бы то ни стало. Мы еще очень и очень пригрозимся...

27.II.28 г.

Ваш Троцкий”⁹⁵.

Через два дня из далекой Алма-Аты идет еще одно письмо Радеку: ”Читаю много о Китае, мировой политике... Как Ваши почки?... Жму Вашу ленивую руку с симпатией и укоризной...

29.II.28.

Ваш Троцкий”⁹⁶.

Приведу еще два отрывка из писем Троцкого Радеку, которые помогают не только больше узнать о судьбе отверженного революционера, но и почувствовать боль оппозиции:

”...Читали в ”Правде” бухаринскую глупость? О моей поездке. До чего простигаются людишки, растерявшие свои принципы... ГПУ чинит препятствия... На охоте не был ни разу. Читаю много о китайской революции... От Серебрякова вестей не имею. С другими переписка наладилась постепенно... Получил письмо с возмущением по поводу пятаковского письма. Давно его считаю отрезанным ломтем. Это человек способ-

ный, с математически административным складом мыслей, но политически не умный. Ленин и здесь оказался прав, когда предупредил, что на Пятакова нельзя полагаться в больших политических вопросах... Его письмо в редакцию есть самоэпитация...

7.III.1928.

Ваш Троцкий⁷⁹⁷.

К слову, об отношениях Троцкого с Бухариным. Долгое время Троцкий считал Бухарина главной опорой Сталина. Не случайны поэтому многочисленные злые эпитеты ("до чего протитутурются людешки..."), посвященные именно Бухарину. Троцкий видел: Сталин до поры до времени использует авторитет и ум Бухарина. До поры...

Правда, Троцкий не раз обращался к Бухарину с различными деловыми предложениями, пытаясь наладить отношения. Так, получив однажды письмо от коммуниста-еврея, который писал об антисемитских настроениях в их ячейке, о том, что у них говорят: "в Политбюро бузят жида", он обратился к Николаю Ивановичу Бухарину: "...Вы скажете: преувеличение! И я хотел бы думать, что так. Так вот я Вам предлагаю: давайте поедем вместе в ячейку и проверим. Думаю, что нас с Вами — двух членов Политбюро — *связывает все же кое-что* (курсив мой. — Д.В.), вполне достаточное для того, чтобы попытаться спокойно и добросовестно проверить: верно ли, возможно ли, что в нашей партии, в Москве, в рабочей ячейке безнаказанно ведется гнусная, клеветническая, антисемитская пропаганда...

4 марта 1926 года.

Ваш Л.Троцкий⁷⁹⁸.

Но я отвлекся. Приведу еще отрывок письма Троцкого Радеку:

"...Доклад Рыкова об итогах июньского Пленума ЦК на московском активе — факт крупного политического значения. Это доклад победителя... При помощи чрезвычайных мер не добились ликвидации хлебного кризиса... Для правых разговор — серебро, а молчание — золото. Рыков и так израсходовал в своем докладе слишком много серебра... Сталин выжидает... Но и победа правого крыла была бы победой буржуазии над пролетариатом.

22.VII.1928.

Л.Троцкий⁷⁹⁹.

Троцкий верен себе: он сохраняет левые позиции, а линию умеренных квалифицирует как реставрацию капитализма.

У Радека еще не иссякла энергия протестовать против положения Троцкого. Еще не угасла смелость. Еще сохранилась солидарность. 25 сентября 1928 года Карл Бернгардович пишет в Москву письмо:

”В ЦК ВКП(б)

Товарищи!

Получив сведения о болезни тов. Л.Д.Троцкого, я обратился в ЦК ВКП(б) с требованием перевести тов. Троцкого в условия, обеспечивающие возможность его лечения.

Вы исключили нас из партии и выслали как контрреволюционеров, не считаясь с тем, что старшие из нас по четверть века борются за коммунизм... Держать в ссылке тех, кто боролся с кулаком, — это или безумие, или сознательная помощь кулаку...

Революционный большевик, имеющий прошлое не хуже вашего, должен восстанавливать силы на 30 руб. в месяц. История с болезнью тов. Троцкого переполняет чашу терпения. Нужно поднять вопрос о прекращении ссылки большевиком-ленинцев с тов. Троцким во главе. Делайте это поскорее, чтобы мы, которые видели тов. Троцкого на всех фронтах гражданской войны, не дожили до позора поднимать голос для его спасения. Мы лишены партийного билета, но снабжены билетом за печатью ГПУ с обвинениями по 58 статье...

Томск, 25 сентября 1928 г.

*К.Радек*¹⁰⁰.

Письмо свидетельствует, что пока еще Радек держит сторону Троцкого, но уже ясно видно, что он борется и за себя. Последующие послания в ЦК говорят о постепенной ”сдаче позиций”. Эта эволюция характерна не только для Радека и Смилги, но и для всей оппозиции.

”В ЦК ВКП(б)

Заявление

В мировой буржуазной печати появился ряд статей т. Троцкого, посвященных его высылке и положению в СССР и в партии. По поводу этих статей, содержание которых в нашей печати извращено, а текст местами даже прямо фальсифицирован, Ярославский развертывает настоящую травлю. Он пытается изобразить т.Троцкого человеком, продающим свою политическую совесть мировой буржуазии. Ни один рабочий, ни один

партиец, знающий более чем тридцатилетнюю службу Троцкого делу революции, не поверит этой клевете...

Но печатание статей внутривластного характера — политическая ошибка Троцкого. Но мы не отрицаем возможности печатания в буржуазной печати статей против большевистской партии, в которую мы хотим вернуться. Троцкий представил борьбу последних лет как заговор Сталина против Троцкого, но умолчал об опасности со стороны правых...

Томск, 29.3.1929.

*И.Смилга, К.Радек*¹⁰¹.

Это уже слова полукапитулировавших людей. Человек слаб. Лишь некоторые могут во имя идеи, во имя своих убеждений и принципов идти на Голгофу. Таких, как Троцкий, способных пройти до конца избранный путь, было мало. Одна из загадок советской действительности как раз и заключалась в том, что среди революционеров, оставшихся после Ленина, оказалось не много стойких людей, имевших мужество противостоять Сталину. Сегодня мы знаем, что в 20-е, да и в 30-е годы, очень многие не разделяли концепции Сталина о "построении социализма в одной стране" жертвенным способом. Но... большинство приспособлялись, заставляли себя верить в правоту узурпатора. Многие кроются в общечеловеческой слабости, склонной пасовать перед грубой силой, напором, демагогией. Но есть нечто, позволяющее понять податливость революционеров того времени. Советские лидеры тех лет не познали цены свободы. Получив ее, неожиданно свалившуюся с колесницы первой мировой войны и автомобиля Керенского, большевики считали, что это их "приз" за верность марксизму. Благоговейное отношение к догматизированному марксизму, а затем и ленинизму, сослужило плохую службу массе партийцев. Даже очевидно нелепые, ошибочные, легкомысленные, волюнтаристские шаги высшего руководства, освященные очередной дюжиной цитат, представляли перед людьми исполненными высшего смысла.

Когда оппозиция столкнулась с критикой, поношениями, репрессиями, прикрываемыми высокими ссылками на привычные догматы, многие заколебались, усомнились, растерялись. Оказалось очень мало людей, способных переступить через постулаты, отодвинувшие в тень завоеванную свободу. Оппозиция — это подсознательная попытка нащупать пути к утраченной свободе. Догматизированное мышление в конце концов перекрывало пути инакомыслию. Троцкистско-зиновьевская

оппозиция, как ее именовали (а по сути — активные представители левого крыла партии), стояла перед выбором: или постепенное уничтожение, или унизительная капитуляция. Подавляющее большинство выбрало второе.

Вскоре после слабого протеста, направленного в ЦК по поводу травли Троцкого, те же авторы шлют новое послание:

”В Центральную контрольную комиссию ВКП(б)

Мы, нижеподписавшиеся, настоящим заявляем о своем согласии с генеральной политической линией партии и нашем разрыве с оппозицией... С теорией перманентной революции Троцкого ничего не имеем общего... Мы снимаем свои подписи с фракционных документов и просим принять обратно в партию...

*Радек, Смилга*¹⁰²

Я подробно остановился на духовной одиссее Радека с тем, чтобы показать, что подобный путь политической и идейной капитуляции прошли большинство сторонников Троцкого. Что касается Муралова, Преображенского, Пятакова, Серебрякова и других единомышленников Троцкого, то каждый из них по-своему ”выпал” из рядов оппозиции или просто был вынужден замолчать. Например, Преображенский — крупный ученый-экономист — видел волюнтаристский подход Сталина к проблеме преобразования города и села. Троцкий был с ним весьма откровенен. Но Преображенский где-то внутренне не принимал радикализм Троцкого, что ускорило их разрыв к концу 1928 года. Пятаков был человеком с ”административным мышлением” и недостаточно тонко чувствовал политические нюансы. Пятаков ушел от Троцкого раньше других. Антонов-Овсенко, будучи беспредельно преданным социалистическим идеалам, связывал будущее не с Троцким, а с дальнейшим развитием революции. Муралов был близок Троцкому по гражданской войне. Этот человек, так много сделавший для революции, был привязан к бывшему наркомвоену лично, переживал за него, часто говорил, что ”в партии неладно”. Троцкий весьма ценил Серебрякова, считал его достаточно способным и интересным человеком, доверял ему. В апреле 1926 года в своем письме Леониду Петровичу Серебрякову он сообщал:

”Пишу Вам наспех. Тот разговор, который был у Вас со мною и несколькими другими товарищами по предложению Сталина и по соглашению с ним, получил совершенно неожиданное, прямо-таки фантастическое развитие. Дня через два после Вашего отъезда стали распространяться по аппарату слухи насчет того, что Серебряков перед отъездом в Маньчжурию

организовал... фракцию, представителями коей... являются Троцкий, Пятаков и Радек, причем Пятаков оставлен для связи". В письме, на котором он поставил гриф "С. секретно", Троцкий пыгается выяснить мотивы и цель инсинуации Сталина¹⁰³.

Все подобные письма свидетельствуют о том, что было не только разномыслие, но и велась настоящая групповая, фракционная политическая борьба, в которой нередко забывают о содержании, целях и сосредотачиваются всецело на личностях, амбициях, эгоистических притязаниях отдельных лидеров. В этой борьбе Сталин не заботился о соблюдении "правил" партийного товарищества и элементарной этики. Троцкий тоже, как правило, не оставался в долгу. Но выиграть в этой борьбе он не мог. У генсека уже был огромный аппарат, ГПУ, расставленные им кадры.

Хотя на стороне Троцкого было немало интеллектуалов, а порой и историческая правда, шансы Сталина с самого начала были предпочтительнее. Генеральный секретарь смог, не в пример Троцкому, поднять значительную часть партийных масс на борьбу с созданным им жупелом троцкизма, умело используя ошибки и просчеты отверженного революционера.

Еще до высылки Троцкий пытался консолидировать своих немногочисленных сторонников. Как вспоминал его сторонник Н.Н.Гаврилов, Лев Давидович, приезжая в Ленинград, собирал полулегальные совещания на квартире своей первой жены Александры Львовны Соколовской, один-два раза — на квартире у знакомой семьи Раскиных. Оппозиционер выступал с докладом, делая упор на необходимость сплочения единомышленников: иначе "произойдет перерождение партии. Демократия в ВКП(б) в опасности. Возможен термидор". Выглядел он устало, хотя и был в свежем костюме, с подстриженной бородкой и короткими седеющими волосами. Зиновьев одновременно проводил встречи с представителями из оппозиции на квартире своего сторонника Алексева. На этих совещаниях бывало обычно по 40—50 человек. Но массовые исключения из партии уже начались. Ряды оппозиции быстро редели. Сам Гаврилов был исключен из партии еще в конце 1926 года¹⁰⁴.

О каждом известном оппозиционере можно сказать нечто особенное, что было присуще только этому человеку. Они не вынашивали планы реставрации капитализма, как о них писали позже. Они обладали прежде всего способностью самостоятельно думать, мужеством принимать ответственные политические решения, готовностью сомневаться в том, что казалось

несомненным. Хотя среди сторонников Троцкого были, конечно, и случайные люди, следует признать, что внутренняя слабость оппозиции заключалась главным образом в отсутствии ясных, привлекательных альтернатив, которые она хотела предложить партии. Справедливо отмечая, что "партия входит в самую, быть может, ответственную эпоху своей истории с тяжелым грузом ошибок своих руководящих органов"¹⁰⁵, Троцкий и его сторонники тоже весьма смутно представляли себе, что нужно делать. Они знали, чего нельзя делать. Да, нужно бороться с "секретарской психологией", "бюрократическим назначенством", "ложной политикой"... Но конкретной альтернативной программы эта критика в целом не создавала. Во всяком случае, коммунистам она была непонятна. Вместе с тем нельзя сказать, что у Троцкого не было никакой программы. Была. Но до масс она доходила в крайне утрированном и неполном виде. Например, противники изображали Троцкого врагом строительства социализма в СССР, человеком, который вел дело к реставрации капитализма, хотя он считал, что переустройство общества надо вести в интересах все той же мировой революции, чтобы к ее началу успеть сделать как можно больше и тем самым облегчить борьбу и победу мировому пролетариату. Партия, как и общество, имеет много слоев. Троцкий обращался обычно лишь к ее верхнему слою. Но даже та небольшая когорта большевиков, которая последовала за ним, быстро таяла под натиском сталинского репрессивного аппарата.

Поражения 1927 года

Да, то был год многочисленных поражений Троцкого. Десятая годовщина Октябрьской революции не только подвела черту его личным притязаниям и амбициям, но и ярко высветила быстро идущий процесс тотализации партии и общества.

В 1927 год Троцкий вошел во главе "объединенной левой" оппозиции, программа которой была изложена еще на июльском (1926 г.) Пленуме ЦК в двух документах: "Заявлении 13-ти" и "Платформе 83-х". В этих заявлениях было немало верного, ибо они продолжали идеи "Письма Троцкого членам

³ Троцкий, кн II

ЦК и ЦКК РКП(б)" от 8 октября 1923 года¹⁰⁶ и "Заявления 46-ти" в Политбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1923 года¹⁰⁷.

И сегодня нельзя не согласиться, что выступление Троцкого и оппозиции против создания зловещей партийной бюрократической машины было дальновидным шагом. Но протест против насилия государственного и партийного аппарата, увы, не был услышан. Теперь "левая" оппозиция увидела первоисточник бед в курсе партии на построение социализма в отдельно взятой стране. Будучи приверженцами мировой революции, Троцкий и его сторонники усмотрели в локализации революционной задачи не просто курс на изоляционизм, но и связанное с ним ограничение демократии, усиление тоталитарных тенденций, что является неизбежным в одинокой "крепости социализма", осажденной со всех сторон. Рациональный момент в этих рассуждениях был: превращение одной страны или группы стран в военный лагерь делает ненужным народовластие. "Крепость", "цитадель", а затем и "лагерь" нуждаются в вожде, цезаре, диктаторе. Троцкий это понимал лучше, чем кто-либо. Поэтому курс на построение социализма в одной стране, без привязки его к мировому революционному процессу, представлялся ему — и не без основания — ошибочным. А это, в свою очередь, рассуждал Троцкий, ведет к огромным трудностям в стране. Выступая против бюрократии, Троцкий, однако, видел спасение в левацких рецептах, что сразу же обесценивало его антисталинские бунтарства. "Неправильная политика, — подчеркивалось в "Платформе 83-х", — ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа"¹⁰⁸.

Повторю, эти рассуждения и выводы об опасности бюрократического вырождения оказались в чем-то провидческими. Но эти выводы, вернее, их одномерное толкование, противоречили как будто стремлению миллионов людей продолжать идти социалистическим путем. Историческое нетерпение, вера в возможность быстро войти в мир обетованный путем гигантского скачка, чрезвычайных усилий стали характерной частью общественного сознания. А "объединенная левая" оппозиция, проповедуя глобальные радикальные идеи и лозунги, не нашла путей действенной борьбы против крепнущего цезаризма.

После того как в октябре 1926 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) по предложению Ленинградской парторганизации Троцкого вывели из состава Политбюро, он сосредоточил свое внимание на многочисленных устных и печатных выступлениях в защиту взглядов оппозиции. Почему же

его вывели из Политбюро? Виктор Серж, со слов Н.И.Седовой, выдвигает такую версию. Незадолго до вывода из высшего исполнительного органа партии Троцкий по какому-то вопросу яростно схватился на заседании Политбюро со Сталиным. Кажется, генсек поставил вопрос о необходимости раскаяния оппозиции на XV партконференции. Троцкий гневно возражал, делая упор на недопустимость диктата в партии. Кульминацией спора были слова Троцкого, брошенные Сталину: "Первый секретарь выставляет свою кандидатуру на пост могильщика партии!" Генсек вспыхнул, затем побелел, его глаза потемнели. Поперхнувшись на слове, он обвел всех тяжелым взглядом и, повернувшись, выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

На квартиру к Троцкому пришли Муралов, Пятаков, Смирнов. Когда Лев Давидович вернулся, все бросились к нему: зачем он сказал это? Теперь Сталин — смертельный враг, он никогда не забудет и не простит этого оскорбления! Но Троцкий был спокоен, хотя и бледен. Он только махнул рукой: что сделано, то сделано! Все поняли: разрыв окончателен¹⁰⁹. Было ясно, что Сталин сделает все, чтобы изгнать Троцкого из Политбюро.

Лев Давидович внешне спокойно отнесся к изменению своего политического статуса. А ведь положение члена Политбюро до 1985 года можно было сравнить разве что с принадлежностью к императорской фамилии, а по реальной власти — оно несравнимо выше. Троцкий с головой ушел в литературную работу, часто встречался со своими сторонниками, много писал, пытаясь доводить свои взгляды до партии через печать. Но газеты и журналы теперь уже дружно отвергали его статьи. Многие из них так и остались неопубликованными, и прочесть их стало возможным лишь спустя десятилетия. Троцкий иногда пытался протестовать:

"Политбюро
Президиуму ЦКК

Политбюро постановило 12 мая не печатать мои статьи. Речь, очевидно, идет о двух статьях, — о статье "Китайская революция и тезисы тов. Сталина", которую я послал в "Большевик", и... "Верный путь", которую я послал в "Правду"... После этого, в порядке внезапности, появляются тезисы тов. Сталина, представляющие собою закрепление и усугубление наиболее ошибочных сторон в корне ошибочной политики... Механически можно временно все подавить: и критику, и со-

мнения, и вопросы, и возмущенный протест. Но такие методы Ленин называл грубыми и нелояльными...

16 мая 1927 г.

*Л.Троцкий*¹¹⁰.

Чувствуя, как уменьшаются шансы оказать влияние на решения, принимаемые партийной верхушкой, Троцкий проявляет немалое мужество. В своем личном письме к Н.К.Крупской 17 мая Троцкий с горечью пишет: "...Сталин и Бухарин изменяют большевизму в самой его сердцевине — в пролетарском революционном интернационализме... Поражение немецкой революции 1923 г., поражение в Болгарии, в Эстонии, поражение генеральной стачки в Англии, поражение китайской революции в апреле — чрезвычайно ослабили международный коммунизм... Понижение международно-революционных настроений нашего пролетариата есть факт, который усиливается партийным режимом и ложной воспитательной работой (социализм в одной стране и пр.). Мудрено ли, что в этих условиях левому, революционному, ленинскому крылу партии приходится плыть против течения?... "Борьбу на истощение" против оппозиции, ведущую за последнее полугодие, Сталин решил теперь заменить "борьбой на истребление"... Мы будем плыть против течения..."¹¹¹ И, видя мужество своего лидера, с ним "плыли против течения" несколько тысяч его единомышленников. Среди них были имена, известные в партии: З.Аршавский, А.Белобородов, Я.Бялис, Р.Будзинская, Н.Валентинов, И.Врачев*, И.Вардин, Н.Емельянов, Г.Зиновьев, Н.Муралов, Р.Петерсон, Г.Пятаков, О.Равич, К.Радек, Л.Серебряков, И.Смирнов, Г.Сафаров, И.Смилга, Л.Сосновский, М.Харитонов, В.Эльцин и другие большевики.

Над Троцким неоднократно устраивались различные судилища. Так, в июне 1927 года на многочасовом заседании ЦКК бывший член Политбюро произнес две полуторачасовые речи, не столько оправдываясь, сколько нападая. Председательствующий Орджоникидзе неоднократно прерывал Троцкого. Обвиняемый с горечью бросал фразы: "Я утверждаю, что вы держите курс на бюрократа, на чиновника, а не на массу. Слишком много веры в аппарат. В аппарате — огромная внутренняя

---

* Последний "троцкист", доживший до наших дней, вынесший голгофу сталинских лагерей и ссылок, но оставшийся несломленным. — Д.В.

поддержка друг друга, взаимная страховка. Вот почему не удается даже сокращать штаты. Независимость от массы создает систему взаимного укрывательства. И все это считается главной опорой власти. В партии у нас сейчас ставка на секретаря, а не на рядового партийца. Таков весь режим партии...¹¹²

Одним из объектов борьбы со Сталиным Троцкий избрал китайскую революцию. Генсек часто колебался в выборе позиции по этому вопросу. Троцкий же придерживался более левых, радикальных взглядов на судьбы революции в Китае. Он надолго сохранил впечатление от встречи с Чан Кайши, которая состоялась 27 ноября 1923 года. Трехчасовая беседа прояснила Председателю Реввоенсовета Республики важные вопросы. Троцкий много писал о китайской революции, подготовил о ней десятки статей. В одном лишь 1927 году их было несколько: "Классовое отношение к китайской революции", "О лозунге Советов в Китае", "Ханькоу и Москва", "Положение в Китае после переворота Чан Кайши", "Новые возможности китайской революции и новые ошибки" и др. Есть даже написанная им книга "Проблемы китайской революции". Но, начиная с 1926 года, все, что Троцкий написал о Китае, он рассматривал только через призму "ошибок Сталина". А это вело к односторонности анализа. Так, в апреле 1927 года он подготовил большую статью "Китайская революция и тезисы тов. Сталина", в которой доказывал ошибочность линии ВКП(б) на Востоке. Троцкий отмечал, что в Китае "упущен революционный темп", не политизировано крестьянство. А "кто ведет мирную политику в аграрной революции, — левачки утверждал Троцкий, — тот погиб. Кто откладывает, колеблется, выжидает, упускает время, тот погиб"¹¹³. Рукопись статьи вся испещрена пометками, свидетельствующими о желании Троцкого сильнее подчеркнуть политическую слабость Сталина.

Тому же посвящены и черновые наброски (объемом в 114 страниц!) статьи, озаглавленной "Новый этап китайской революции" и предназначенной для Президиума ИККИ. Суть ее заключалась в доказательстве "цепи ошибок" Сталина в международных вопросах. "Оппортунистическая линия Сталина—Бухарина, после беспомощных колебаний туда и сюда, описывает резкий зигзаг; борьба с империализмом исчезает, ее место занимает борьба с феодализмом..."¹¹⁴

Судя по содержанию "китайских материалов", Троцкий не только пытался анализировать процессы, протекающие в Китае, не только вскрывал "беспомощность" Сталина в международных делах, но и по-прежнему утверждал, что Восток ос-

тается одним из важнейших революционизирующих факторов. Троцкий надеялся, что обращение к китайскому вопросу поможет ему усилить положение оппозиции и ослабить фракцию Сталина.

Но развязка приближалась. Сталин и его новое окружение сделали ставку на непрерывную дискредитацию Троцкого и его сторонников, постепенную изоляцию их от масс, создание образа "малOVERов" и "капитулянтов". В итоге Троцкий, ставя глобальную цель — победу мировой революции, предстал перед страной и партией как человек, отрицающий возможность создания социалистического общества в СССР. Этот образ в общественном сознании в большей степени сумел создать Сталин, но отчасти повинен в этом и сам Троцкий. Опальный лидер максимально помог здесь генсеку. Он писал различные заявления, протесты, обращения, справки и адресовал их в ЦК, Политбюро; в них он подвергал резкой критике буквально все сферы советской действительности, политики партии и государства.

Иногда это были документы, подписанные не им, а его сторонниками, но в них чувствуется направляющая рука лидера. Например, большой, более чем стостраничный доклад "Современный этап революции и наши задачи", подписанный группой членов оппозиции, редактировался Троцким, и в нем предельно ясно выражена центральная мысль: "Новая теория победы социализма в одной стране ведет к предательству международной революции ради сохранения безопасности СССР... Это означает отказ от ленинской формулы о вступлении капиталистического мира в эпоху войн и революций, ликвидаторскую позицию по отношению к мировой революции"¹⁵.

Оппозиционеров прорабатывали на пленумах, собраниях, митингах. Сторонники Троцкого находились в глухой обороне. Их левацкие тезисы о необходимости "зажима" кулака, форсирования индустриализации, о инициировании мирового революционного пожара, невозможности построения социализма в одной стране усугубляли положение оппозиции. Масса партийцев не воспринимала предупреждений об опасности бюрократизации общества. Для рабочего, крестьянина бюрократ — это просто волокитчик, взяточник, нерасторопный чиновник. Большинство партийцев не понимало, что бюрократия государственного характера — это конец народовластия.

Культура дискуссий, политической борьбы в обществе была крайне низкой, даже в высшем эшелоне партии. Например, на августовском (1927 г.) Пленуме ЦК во время выступления Ка-

менева, пытавшегося доказать, что разномыслие — естественно, его перебил Голощекин:

— Кто Вам написал то, что Вы читаете?

— А Вы просто дурак, — ответил Каменев.

— Нельзя ли без таких выражений? По-вашему, все — дураки, только Вы — умные, — вмешался Шкирятов.

— Это можно слышать только от глупого человека, который научился языку фашистов, — вновь ввернул Голощекин.

— Вы меня, товарищи, послали к Муссолини, — парировал Каменев¹¹⁶.

Позиции сторон были непримиримы. Оппозиция была обречена. Лидера оппозиции от тюрьмы пока спасала только его известность. Но Троцкий не сдавался.

Сталин с помощью аппарата все больше развенчивал Троцкого как героя революции и гражданской войны. Во время работы объединенного Пленума ЦК и ЦКК партии (октябрь 1927 г.) Сталин уничижительно говорил о роли Троцкого на фронтах гражданской войны, намекая даже на его трусость. Возмущенный Троцкий тут же пишет письмо Л.П.Серебрякову:

”Дорогой Леонид Петрович.

Сталин рассказывал, что будто во время его работы вместе с Вами на Южном фронте я явился на Южный фронт всего один раз, крадучись, на полчаса, в автомобиле с женой... При этом прибавил, примерно, следующее: дело было зимою, шел снег, Троцкий приехал ночью и тут же уехал, потому что ему запрещено было приезжать на Южный фронт...”

Далее Троцкий пишет, что никогда никто не запрещал ему бывать на Южном фронте, никогда он с женой на фронт не направлялся и что на Южном фронте, как свидетельствует поездной журнал, он провел недели и месяцы... Троцкий просит подтвердить вздорность утверждений Сталина¹¹⁷.

Здесь хотелось бы отметить, что Сталин и Ворошилов даже пошли на вымысел: якобы было решение ЦК, запрещавшее Троцкому вмешиваться в дела Южного фронта и ”переходить его разграничительные линии”. Впервые эту ”утку” Сталин пустил в 1924 году, а Ворошилов повторил ее в статье ”Сталин и Красная Армия”.

Но опровергать публично утверждения генсека уже не было возможности. То, что говорил Сталин, тиражировали ”Правда”, ”Большевик”, другие издания. А то, о чем говорил Троцкий и его сторонники, узнавал лишь небольшой круг людей. Сталин вел наступление широким фронтом, не оставляя оппо-

зиции надежд на спасение или хотя бы на "сохранение лица". Лидер "левой" оппозиции отчаянно отбивался.

Поскольку Троцкий особенно активно критиковал политику Политбюро и ЦК по вопросам китайской революции, было решено первый поражающий удар нанести на объединенном заседании Президиума Исполкома Коминтерна и Международной контрольной комиссии. Накануне Сталин встретился с членами Исполкома для выработки общей линии поведения. Договорились об изгнании Троцкого из Коминтерна. Было решено также обсудить и поведение Войслава Вуйовича, поддерживавшего Троцкого в ИККИ. Поскольку Исполком Коминтерна всегда состоял на "содержании" ВКП(б), он постепенно превратился в международный придаток кремлевского руководства. Возражений против исключения Троцкого из Исполкома Коминтерна, естественно, не было...

Заседание состоялось 27 сентября 1927 года. На нем присутствовали: Н.И.Бухарин, И.В.Сталин, В.М.Молотов, Л.Д.Троцкий, Э.Прухняк, З.Й.Ангаретис, А.А.Сольц, Я.Я.Анвельт, Пеппер, Дж.Т.Мэрфи, М.Н.Рой, С.Катаяма, Семаозн, М.Торез, Лодж, С.А.Лозовский, О.В.Куусинен, Б.Шмераль, Л.А.Шацкин, Г.Мюллер, В.Мицкевич, К.Маннер, А.Бадулеску, Х.Кабакчиев, К.Крейбих, В.Вуйович, С.А.Бартошевич, В.Богуцкий. (Перечисление фамилий дано по отчету ЦК ВКП(б); инициалов Пеппера и Лоджа мне, к сожалению, установить не удалось. — Д.В.)

Чтобы представить характер международного "суда", приведу некоторые выдержки из стенограммы заседания:

Куусинен (председательствующий): На заседание приглашены кроме членов Президиума также все члены и кандидаты ИККИ и все члены Международной Комиссии, находящиеся в Москве. Вопрос о продолжении фракционной деятельности тт. Троцким и Вуйовичем.

Куусинен делает получасовой доклад, в котором говорит, что 30 мая 1927 года ИККИ категорически запретил Троцкому и Вуйовичу всякое продолжение фракционной борьбы. Однако через 10 дней после этого решения вожди русской оппозиции с т. Троцким во главе организовали антипартийную демонстрацию на Ярославском вокзале в связи с отъездом т. Смилги... Создают нелегальные группы, имеют подпольную типографию, ведут беспощадную фракционную борьбу. Они именуют себя "большевиками-ленинцами", однако что общего имеет их поведение с большевизмом и ленинизмом?

Троцкий (перебивает): Герой финляндской революции учит меня большевизму и ленинизму...

Куусинен: Когда Вы получите слово, Вы можете рассказывать свои сказки. Метод личных инсинуаций всегда был для Вас характерен. Вы применяете его даже в отношении лучших русских революционных вождей, и я считаю для себя честью, если Вы на меня клеветаете... Руководство Коминтерна должно вмешаться и исключить троцкистов из собственной среды.

Троцкий делает целый доклад из 25 пунктов. Читает, медленно откладывая лист за листом, о китайской революции, о борьбе против войны, о дисциплине и партийном уставе... Вот несколько мыслей из доклада обвиняемого:

"...Вы обвиняете меня в нарушении партийной дисциплины. Я не сомневаюсь, что у Вас готов уже и приговор...

...Сталин, грубый и нелояльный, на последнем Пленуме смел говорить о едином фронте — от Чемберлена до Троцкого...

...Партии приказано молчать, потому что политика Сталина есть политика банкротства. По-вашему, лишение куса хлеба ленинцев, не желающих стать сталинцами, — все это в порядке вещей. Вчера исключены из партии за переписывание и распространение платформы оппозиции гг. Охотников, Гутман, Дворис, Каплинская, Карин, Максимов, Владимиров, Рабинович, Гердовский, Воробьев. Это превосходные партийцы...

...Сталин вам подсказывает выход: исключить Троцкого и Вуйовича из Исполкома Коминтерна. Я думаю, что вы это выполняете. Режим Сталина потрясает партию односторонними дискуссиями, исключениями, репрессиями..."

Далее Троцкий говорит пророческие по своей сути слова, верность которых подтверждена последующими историческими событиями:

"Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами Сталина и тем могуществом, которое сосредоточил в своих руках партийно-государственный аппарат... Бюрократический режим неотвратимо ведет к единоначалию".

Но именно это "грандиозное несоответствие" в пользу могущества аппарата Сталина объясняет весь дальнейший ход заседания:

Мэрфи: Только что мы были свидетелями чрезвычайно тяжелого зрелища. Тов. Троцкий пришел сегодня вечером сюда как эмиссар другой партии, а не как член Исполкома Коминтерна.

Торез: Пора кончать с фракционной борьбой оппозиции.

Когда я был в Донбассе, то шахтеры сказали мне, что они не склонны перейти на сторону троцкистской оппозиции...

Троцкий: На каком языке Вы говорили?

Пепер: Троцкий всегда соединял левые фразы и правые деяния с методом непристойной личной клеветы. От имени американской партии требую исключения Троцкого.

Катайма: Мы выслушали Вас и осуждаем Вас.

Вуйович: Я согласен с речью Троцкого. Вы наносите удар по русской революции.

Бухарин: Если мы посмотрим на речь Троцкого, то она есть платформа дикой лжи и клеветы против нашей партии и Коминтерна. Нужно спросить Троцкого, почему он сейчас не стоит, как солдат — руки по швам — перед партией?

Троцкий: Вы сжимаете за горло партию...

Куусинен подводит итоги обсуждения и ставит вопрос об исключении Троцкого из членов ИККИ, а Вуйовича из кандидатов в члены ИККИ.

Троцкий берет слово для заявления, в котором говорит, что утверждение Куусинена о том, что прошедшее десятилетие было десятилетием его (Троцкого) борьбы против ленинизма, — лживо. Еще совсем недавно Куусинен не посмел бы этого сказать. Приводит слова Ленина со ссылкой на протокол Петроградского комитета от 1(14) ноября 1917 года о том, что Троцкий "лучший большевик". Чудовищно, что теперь вообще приходится опровергать такого рода клевету куусиненов, пеперов и братья.

Куусинен: Ленин характеризовал Троцкого как меньшевика...

Троцкий: Каждый понимает, что Ленин не потерпел бы в Политбюро меньшевика...

Бухарин: Если вы не опомнитесь вовремя, вас неизбежно ждет политическая смерть...

Поражаешься политической слепоте большевистских лидеров. Критикуя, громя Троцкого, наделавшего действительно немало ошибок, никто из них не хотел увидеть вещего предупреждения, что "бюрократический режим неотвратимо ведет к единоначалию". Бросая фразы о неизбежной "политической смерти" Троцкого, "вожди" близоруко полагали, что их не ждет та же участь. Увы, кровавая жатва захватит миллионы, и большинство хулителей Троцкого падут раньше, чем сам отверженный революционер.

Но судилище продолжается.

Крейбих: Троцкий—Войович сами исключили себя из Исполкома...

Сталин: Ораторы здесь говорили так хорошо, особенно Бухарин, что мне мало что остается сказать. Против чего ведут борьбу троцкисты? Против ленинского режима в партии...

Излюбленный прием — обращение к Ленину. Ведь Сталин давно понял: монополизация "права" на Ленина дает ему беспроблемные аргументы в борьбе с любой оппозицией. А "оркестр" играет так слаженно, особенно хорошо солирует в нем Бухарин, поэтому ему "мало что остается сказать". Сталин уверен: Троцкий потерпит здесь очередное фиаско. Но на его тираду загнанный оппозиционер бросает: "Вы лжете..."

Сталин: Приберегите для себя крепкие слова. Вы дискредитируете себя бранью. Вы — меньшевик! (Это уже звучит как "предатель". — *Д.В.*)

Рой: Я — за исключение Троцкого из ИККИ.

Кабакчиев: Я тоже за исключение.

Ангаретис: Им не место в ИККИ.

Семаоэн: Нужно покончить с оппозицией.

Единственное предложение ставится на голосование, и Троцкий единогласно исключается из ИККИ, а Вуйович — из кандидатов в члены Исполкома¹⁸. Троцкий потерпел в роковом для себя 1927 году первое официальное поражение. На политическом небосклоне его звезда неуклонно падала: в 1925 году он был снят с поста Председателя Реввоенсовета и наркома по военным делам, в 1926 году выведен из состава Политбюро ЦК партии, а вот теперь выброшен из Исполнительного Комитета Коминтерна. Но это не последнее поражение.

За рубежом внимательно следили за внутрипартийными баталиями, развернувшимися в большевистской партии. Особенно пристально вглядывались в происходящее на советской сцене недавние актеры российской драмы — меньшевики. "Социалистический вестник" — орган РСДРП (так продолжала называть себя партия меньшевиков) — в августе 1927 года писал: "...борьба за власть грозит стране новыми авантюрами, новыми бедствиями. Но все это происходит в узкой среде компартии, вне ее возбуждая волнение лишь в узкой среде рабочих с.д. или не отвыкшей политически мыслить интеллигенции. За этими пределами, в массах, даже городских, есть любопытство, но нет страстной заинтересованности. Борьба Троцкого против Сталина мало что говорит сердцу рядового рабочего... оппозиция боится рабочей массы, не решается перенести спор в ее среду. И в этом — обреченность оппозиции в ее теперешней фор-

ме. Их спор со сталинцами решит односторонне их противник. Нет третьего, к кому можно апеллировать, нет суперарбитра..."¹¹⁹ Ничего не скажешь, в органе, основанном Л.Мартовым в 1920 году, были люди, умевшие неплохо анализировать обстановку и издадека.

О реакции меньшевиков сообщали и органы Менжинского. Иностраный отдел ОГПУ докладывал в июле 1927 года членам Политбюро "о настроениях меньшевиков в Берлине". В донесении говорилось: "Авторитет компартии, благодаря приемам Сталина, по мнению меньшевиков, ведет к ее падению... Атмосфера все более наполняется электричеством и какая-нибудь искра может вызвать взрыв. Единственный человек, который может быть еще может спасти положение, по мнению меньшевиков, — это Троцкий, так как он пользуется самым большим авторитетом. На него еще смотрят как на вождя, и то, что его держат в плену, не способствует умалению его авторитета..."¹²⁰ Как видим, доклады спецслужб большевиков весьма отличались от аналитических материалов "Социалистического вестника".

Осенью 1927 года Троцкий был чрезвычайно активен. Почти ежедневно он встречался с руководителями групп сторонников у себя на квартире, ездил в Ленинград, выступал в институтах, писал многочисленные заявления в ЦК, принимал иностранных корреспондентов, ругался по телефону с редакторами газет и журналов, дружно отказывавших ему в публикациях. Он чувствовал: шансов остаться на политической сцене — все меньше и меньше. Его уже оттеснили от рамп. Троцкий понимал, что если не удастся устоять, то политическим разгромом дело не кончится. Он имел возможность не раз горько пожалеть, что в 1923 и 1924 годах, когда шансы еще были, он легкомысленно сдавал "территорию" влияния без боя: часто брал отпуска, уезжал на недельные охоты, лечился на Кавказе, а затем ездил на целый месяц для консульских к врачам в Берлин, летом 1927 года собирался отдыхать и лечиться в Париже... Правда, врач Ф.А.Гетье — по своей ли воле, либо по подсказке — отговорил супругов от планов поездки во Францию:

"Глубокоуважаемая и дорогая Наталья Ивановна!

Ваши планы относительно поездки в окрестности Парижа для лечения малярии, откровенно скажу, мне не по душе. Не по душе, во-первых, потому, что не знаю, насколько здорова местность, в которой Вы будете жить, во-вторых, в какие врачебные руки Вы попадете. Льва Давидовича видел вчера (3 мая). Он

выглядит довольно хорошо, гораздо свежее и бодрее, чем до поездки...

Преданный Вам *Ф. Гетье*¹²¹.

Наставала на этот раз на поездке Наталья Ивановна: с Парижем у нее многое связано — студенческая молодость, первые революционные "уроки", знакомство с будущим мужем, совместная жизнь с Львом Давидовичем во время первой мировой войны. Она чувствовала, что события развиваются таким образом, что, может быть, вслед за Смилгой, Сафаровым, Брове-ром и другими придется последовать в долгую ссылку. Предчувствие ее не обманывало...

Сам Троцкий вспоминал позже об этой осени 1927 года: "В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек для того, чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посетил два-три, иногда четыре таких собрания. Они происходили обычно на рабочих квартирах. Две маленькие комнаты бывали битком набиты, оратор стоял в дверях посредине. Иногда все сидели на полу, чаще, за недостатком места, приходилось беседовать стоя. Представители контрольной комиссии являлись нередко на такого рода собрания с требованием разойтись. Им предлагали принять участие в прениях. Если они нарушали порядок, их выставляли за дверь. В общем на этих собраниях в Москве и Ленинграде перебивалось до 20 000 человек"¹²².

В октябре в Ленинграде проходила сессия исполкома Ленсовета. В ее честь состоялась многолюдная демонстрация. Троцкий с Зиновьевым, стоящие у центральной трибуны, вызывали повышенное внимание к себе. Многие проходящие демонстранты тепло их приветствовали. Простые граждане по-прежнему видели в Троцком не лидера оппозиционеров, а героя гражданской войны, создателя Красной Армии. Но радости такой оборот событий у Троцкого не вызвал. Он понимал, что аплодисменты и приветственные выкрики в его адрес были адресованы его прошлому. В настоящем шансы оппозиции продолжали стремительно убывать.

В конце октября Троцкий был приглашен еще на один, последний для него объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Больше ему, одному из соратников Ленина, бывшему члену Политбюро, герою гражданской войны, не бывать в "большевистском штабе". Троцкий не питал иллюзий об исходе обсуждения его оппозиционной деятельности.

Заседание проходило исключительно бурно. Когда дали слово Троцкому, то после первых же его фраз начались выкрики, шум, послышались оскорбления. Речь Троцкого была страстной, но сумбурной. Поправляя пенсне, полувывставив руку вперед, Троцкий торопливо читал текст, почти не глядя в зал. Рукой он закрывался не зря: к нему были обращены не только выкрики — "лжец", "болтун", "продался", "клевета", — участники Пленума бросали в него книги, чернильницы, стаканы, другие предметы. То была унижительная картина: партийный ареопаг распинал одного из своих вождей, осмелившегося пойти против течения. Через гул зала доносился торопливый, возбужденный, не похожий на обычный, голос Троцкого:

"Прежде... два слова о так называемом "троцкизме". Каждый оппортунист пытается этим словом прикрыть свою наготу. Чтобы построить "троцкизм", фабрика фальсификаций работает полным ходом и в три смены... В нашей июльской декларации прошлого года (заявление оппозиционеров. — Д.В.) мы с полной точностью предсказали все этапы, через которые пройдет разрушение ленинского руководства партии и временная замена его сталинским. Я говорю о *временной* замене, ибо чем больше руководящая группа одерживает "побед", тем больше она слабеет".

Дождавшись, когда смолкнут выкрики и оскорбления, посмотрев во враждебный зал, Троцкий вновь склоняется над приготовленным текстом. Раньше за неумение свободно произнести речь он едко называл некоторых партийных деятелей "шпартальщиками", а сейчас сам, как будто оставив где-то на митинговой площади талант трибуна, торопливо читает, читает:

"Вы хотите нас исключить из Центрального Комитета. Мы согласны, что эта мера полностью вытекает из нынешнего курса на данной стадии его развития, вернее, его крушения... Грубость и нелояльность, о которых писал Ленин, уже не просто личные качества; они стали качествами правящей фракции, ее политики, ее режима.... Сталин, в качестве генерального секретаря, внушал Ленину опасения с самого начала. "Сей повар будет готовить только острые блюда", — так говорил Ленин в тесном кругу в момент XI съезда..."

Сталин, которого часто упоминал в своей речи Троцкий, сидел спокойно, поглядывая в зал, правил текст своей большой речи, к которой он сейчас приписал заголовок "Троцкистская оппозиция прежде и теперь". Изредка бросая взгляды на похудившего за последние годы Троцкого, рисовал на полях докла-

да многочисленных волков, а затем брал из стакана красный карандаш и делал фон волчьей стаи багровым... А Троцкий торопливо произносил речь, отмеряя последние минуты своей принадлежностью к руководству партии большевиков:

"Сегодня "обогащайся", а завтра "раскулачивайся" — Бухарину это легко*. Ковырнул пером — и готово. С него взятки гладки... За спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутренняя буржуазия... За ее спиной — мировая буржуазия.

...Непосредственной задачей Сталина является: расколоть партию, отколоть оппозицию, приучить партию к методам физического разгрома. Фашистские свистуны, работа кулаками, швыряние книгами или камнями, тюремная решетка — вот пока на чем временно остановился сталинский курс, прежде чем двинуться дальше (что правда, то правда — курс будет развираться, да и направление его определено верно. — *Д.В.*)... Зачем ярославским, шверникам, голошекиным и другим спорить по поводу контрольных цифр, если они могут толстым томом контрольных цифр запустить оппозиционеру в голову?.. Уже раздаются голоса: "Тысячу исключим, сотню расстреляем — и в партии станет тихо"... Это и есть голос Термидора". Никто еще не знает, сколько будет исключено и расстреляно, чтобы в партии стало действительно "тихо".

Троцкий переоценивает значение своей платформы, которую поддерживают всего несколько тысяч интеллигентов, немного рабочих, но среди его сторонников почти нет крестьян. Последние слова Троцкого наивно выражают надежду, которой не суждено сбыться:

"Травля, исключения, аресты сделают нашу платформу самым популярным, самым близким, самым дорогим документом международного рабочего движения. Исключайте, — вы не остановите победы оппозиции, т.е. победы революционного единства нашей партии и Коминтерна!"¹²³

День 23 октября 1927 года, канун десятилетия Октябрьской революции, стал для одного из ее триумфаторов последним выступлением в "штабе победоносной партии". Теперь ему останется только вспоминать прошлое и бороться пером, организацией своих малочисленных сторонников, которые будут называть себя "большевиками-ленинцами".

---

* Ой как нелегко! Уже в конце этого, 1927 г., Бухарин, Рыков, Томский, Угланов фактически выступают за укрепление единоличных хозяйств, вызвав гнев сталинской группы. — *Д.В.*

Все шло по сценарию, разработанному в кабинете генсека. После дружного хора осуждений, яростно требовавших изгнания Троцкого из ЦК и партии, слово взял Главный режиссер политического спектакля. Напомню лишь некоторые фрагменты его полуторачасового выступления. Негромким голосом, изредка заглядывая в текст, временами резко размахивая здоровой правой рукой, словно отсекая повинные головы, Сталин начал вкрадчиво:

”Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции; надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье.

Да что Сталин, Сталин — человек маленький. Возьмите Ленина”. И генсек начал долго, пунктуально перечислять все грехи Троцкого, его ”хулиганскую травлю Ленина”. Сталин вновь вспоминает письмо Троцкого к Чхеидзе в апреле 1913 года, где тот называет Ленина ”профессиональным эксплуататором всякой отсталости в русском рабочем движении”. Зачитав цитату, Сталин смотрит в глаза всему залу, жадно следящему за речью генсека:

”Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине. Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почем зря одного из многих учеников Ленина — тов. Сталина”¹²⁴.

Эти слова Сталин говорил и раньше, но этот прием помог ему сейчас вновь представить себя ”учеником Ленина”, и получалось, что воевать с ним — почти одно и то же, что воевать с самим Лениным (который, кстати, сапог не носил).

Затем Сталин уличает Троцкого в непоследовательном отношении к ”Завещанию” Ленина. Да, в сентябре 1925 года оппозиционер утверждал, что сами разговоры о последнем распоряжении вождя — ”злостный вымысел”. Так ”на каком же основании, — повышает голос Сталин, — теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК ”скрывают” завещание Ленина?”

Речь, состоящая, как катехизис, из восьми частей, не оставляет камня на камне от оппозиции и Троцкого:

”В 1921 году Ленин предлагал исключить из ЦК и из партии Шляпникова не за организацию антипартийной типогра-

фии и не за союз с буржуазными интеллигентами, а за одно лишь то, что Шляпников осмелился выступить в партийной ячейке с критикой решений ВСНХ. Сравните теперь это поведение Ленина с тем, что делает теперь партия в отношении оппозиции, и вы поймете, до чего распустили мы дезорганизаторов и раскольников... Говорят об арестах исключенных из партии дезорганизаторов, ведущих антисоветскую работу. Да, мы арестовываем и будем арестовывать, если они не перестанут подкапываться под партию и Советскую власть”.

Последней фразой сказано больше, чем, возможно, хотел сам Сталин. За “подкоп” под партию, которая создавалась как общественная организация, — тюрьма. По сути, этой фразой Сталин подтвердил быстрое превращение партии в государственную организацию, некий политический орден при хунте (пока не при диктаторе!).

“На прошлом пленуме ЦК и ЦКК в августе этого года меня ругали некоторые члены пленума за мягкость в отношении Троцкого и Зиновьева, за то, что я отговаривал пленум от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК... Возможно, что я тогда *передобрил* (курсив мой. — Д.В.) и допустил ошибку...”

Из уст Сталина слышать, что он может “передобрить” — случай уникальный. Больше этого он, конечно, не допустит. “Теперь надо стоять нам в первых рядах тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК”.

Стоит подумать, почему после этих слов весь зал бурно аплодировал и скандировал: “Правильно! Троцкого из партии!” В такой партии (ордене) так и должно быть. Эффект психологического единения с вождем, когда рациональное в сознании отступает на задний план, а на первый выходят чувства фанатичной солидарности, стадности, бездумия. И как много будет такого в последующие годы! Сколько светлых, честных голов затопчет толпа! У Сталина была особая манера говорить: сказав эффектную фразу, он делал долгую паузу, глядя в зал, ожидая аплодисментов. И они всегда были... Напомнив о брошюре Троцкого “Наши политические задачи”, изданной еще в 1904 году, Сталин обводит глазами участников заседания и эффектно заканчивает свою длинную речь:

“Брошюра эта интересна, между прочим, тем, что ее посвящает Троцкий меньшевику П.Аксельроду. Там так и сказано: “Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду”. (Смех. Голоса: “Явный меньшевик”).

Ну что же, скатертью дорога к “дорогому учителю Павлу

Борисовичу Аксельроду"! Скатертью дорога! Только поторопитесь, достопочтенный Троцкий, так как "Павел Борисович", ввиду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не успеть к "учителю"¹²⁵.

Да, ту брошюру Троцкий посвятил П.Б.Аксельроду. Я говорил об этом в первой книге. Но Сталин еще не сказал, что в этой работе Троцкий, обвиняя В.Ульянова в диктаторстве, называет его "Максимилианом Лениным"! Молодой Л.Бронштейн отмечал тогда, что "бедный вождь" пришел к мысли, что его "подсиживает... партия!" Далее он писал: "Здесь тайна неудачи Ленина, и здесь же причина его мелочной подозрительности. Эта злостная и нравственно-отвратительная подозрительность Ленина, плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма, является, это нужно признать, наследием и вместе вырождением старой "искровской тактики"¹²⁶. И хотя Сталин не стал приводить этих давних оценок, сказанного им было уже достаточно...

Сталин ожидал продолжительных аплодисментов, и они были. Долгие и, нельзя умолчать, искренние. Не все обратили особое внимание на сталинскую фразу: "Скатертью дорога к "дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду"!" А мне кажется, она не была случайной. В 1927 году Сталин уже думал, как избавиться от Троцкого; физически устранить его еще не решался, ссылка на восток лишь частично изолировала бы эту крупную личность... Сталину уже в год десятилетия Октября не раз приходила мысль выдворить Троцкого за границу, как это они — Политбюро — проделали вместе с Лениным в отношении большой группы русской интеллигенции. Думаю, что Сталин уже на октябрьском Пленуме 1927 года обмолвился о своем дальнем замысле.

В защиту Троцкого на Пленуме хотел выступить Х.Раковский. Но слова ему не дали. Он пытался опубликовать свою речь в "Дискуссионном листке", довести ее до сведения партии, но тщетно. В архиве Троцкого сохранилась эта произнесенная Раковским речь, и я приведу здесь лишь один ее фрагмент, чтобы показать, сколь эфемерной была аргументация Сталина:

"Нельзя же считать аргументами за исключение то, что приводил здесь тов. Сталин, например, указание на изданную тов. Троцким в 1904 г. брошюру, которую он посвящал "дорогому учителю П.Б.Аксельроду". Я не знаю, забыл ли тов. Сталин или он не знает, что Ленин несколько раньше тов. Троцкого также называл Аксельрода "дорогим учителем"? Нельзя также считать аргументами всю эту дребедень, все эти антибио-

графические и биографические сведения, которые в обилии приводились здесь, но которые с излишком покрываются обобщенной теоретической критикой, которую мы слышали со стороны оппозиции"¹²⁷. Но если бы Пленум и слушал речь Христиана Раковского, он бы ее все равно не услышал. Логика борьбы довела стороны до политической глухоты. Однородство рождало каменоломни догматизма, в которых гасла любая свежая мысль.

Троцкий оказался вне Центрального Комитета. Это было его второе крупное официальное поражение в том роковом году. Собрав бумаги и сунув их в старый портфель, бросив потухший взгляд на президиум, Троцкий прошел словно сквозь строй цыкающих, оскорбляющих, возбужденных судей — теперь уже не товарищей по ЦК. Он был ими навсегда отторгнут. 23 октября 1927 года Троцкий и Сталин в последний раз видели друг друга. Отныне неравную борьбу они будут вести лишь на расстоянии. С момента их встречи в 1913 году, когда они узнали друг друга, прошло почти 15 лет. Сколько событий за это время прокатилось по несчастной российской земле!

Троцкий сел в машину (ее пока еще не отобрали) и поехал к себе на квартиру в Кремль. Он уже был чужим и там, в резиденции новых правителей новой империи, а теперь — особенно. Наталья Ивановна и секретарь Гринберг, как могли, успокаивали посеревшего лицом Троцкого. Он и не ждал другого от заседания ЦК и ЦКК, кроме как исключения, но сама процедура, ее характер, форма действовали угнетающе. Сейчас наконец Троцкий почувствовал, что он отверженный революционер. "Но отторгнуть меня от истории они не в состоянии!" — возбужденно повторял Троцкий, выслушивая утешения близких.

На следующее утро Троцкий, ознакомившись с записью официальной стенограммы, продиктовал записку в Секретариат ЦК, в которой, говорилось о вчерашнем заседании: "В стенограмме не указано... что с трибуны Президиума мне систематически мешали говорить. Не указано, что с этой трибуны брошен был в меня стакан (говорят, что тов. Кубяком). В стенограмме не указано, что один из участников объединенного пленума пытался за руку стащить меня с трибуны, и пр. и пр. ... Тов. Ярославский во время моей речи бросил в меня томом контрольных цифр... прибегая к методам, которые иначе никак нельзя назвать, как фашистски-хулиганскими.

...Во время речи тов. Бухарина, в ответ на реплику с моей стороны, тов. Шверник также бросил в меня книгу. Тов. Шверник — бывший секретарь ЦК, ныне руководитель Уральской

организации партии. Надеюсь, что его подвиг будет закреплен в стенограмме¹²⁸.

Все было ясно: Сталин окончательно одержал верх над оппозицией. Но Троцкий не сдавался. Он по-прежнему ходил на собрания оппозиции, писал заявления, протесты, инструктировал активистов троцкистских групп. Логика политической борьбы подталкивала его к налаживанию организационных форм противодействия. Но было уже поздно. Начались массовые аресты, исключения из партии, увольнения с работы. Ряды оппозиции таяли.

Понимая, что игра проиграна, Троцкий тем не менее решил бороться до конца. Приближалась десятая годовщина Октябрьской социалистической революции. Троцкий, посоветовавшись с Каменевым, Зиновьевым, Смилгой и Мураловым, предложил принять участие в демонстрациях отдельными колоннами из его сторонников. В Ленинград, в еще некоторые города пошли циркуляры: "Заявить о твердости оппозиции участием в демонстрациях под своими лозунгами".

Колонны его сторонников в столице и в городе на Неве оказались немногочисленными. Участники несли портреты Ленина, Троцкого и Зиновьева, лозунги и транспаранты, двойной смысл которых могли понять лишь посвященные: "Долой кулака, нэпмана и бюрократа!", "Долой оппортунизм!", "Выполнить завещание Ленина!", "Хранить большевистское единство!". Но Сталин уже отдал необходимые распоряжения. Колонны были оцеплены милицией и слушателями школы ОГПУ и военных академий. Троцкий в Москве, а Зиновьев в Ленинграде на машинах поехали на улицы, пытаясь приветствовать демонстрантов и толпы вышедших на празднества людей. Нашлось немало таких, которые приветствовали вождей оппозиции, выкрикивали слова солидарности, махали руками. С балкона бывшей гостиницы "Париж" Смилга, Преображенский, Альский пытались обратиться к проходящим колоннам демонстрантов с краткими речами. Но ОГПУ быстро приняло меры. Смилгу и Преображенского бесцеремонно согнали с балкона, колонны оппозиционеров были рассеяны, а автомобиль Троцкого забросали камнями, разбили стекло. Сотрудники ОГПУ грозили применить оружие и для острастки даже сделали несколько выстрелов вверх.

Все было кончено. Публичная попытка обратиться к народу, партии оказалась запоздалой. В глазах рядовых партийцев Троцкий уже был врагом, раскольником, дезорганизатором, контрреволюционером. Правда, Троцкий и его сторонники

пробовали протестовать. Муралов, Смилга и Каменев в тот же день, 7 ноября, направили записку в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК, в которой, в частности, говорилось: "На Семеновской улице милиционеры и военные на глазах у Буденного, Цихона и других стреляли нам вслед (по-видимому, в воздух). Мы остановили автомобиль. Группа фашистов — человек пять — набросилась на автомобиль с площадными ругательствами, сломала рожок и разбила стекло фонаря. Милиционеры даже не подошли к автомобилю.

После поездки мы прибыли на квартиру члена ЦК ВКП(б) тов. Смилги. Над окнами квартиры вывешены были с утра плакат "Выполнить завещание Ленина!" и красное полотнище с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого... Дело закончилось тем, что человек 15—20 командиров школы ЦК и слушателей военной академии разбила дверь квартиры тов. Смилги, обратив ее в щепы, и насильно ворвались в комнаты... Сорван был также "преступный" плакат с упоминанием завещания Ленина. Ворвавшиеся военные унесли в качестве "трофея" полотнище с порванным портретом Ленина. На полу остались доски, щепы, крючья, битое стекло, разрушенный телефон и пр., в качестве свидетельства героических действий в честь Октябрьской революции".

Записка кончалась словами: "Дело идет о судьбе партии, о судьбе революции, о судьбе рабочего государства. Судить будет партия. Судить будет рабочий класс. Мы не сомневаемся в приговоре"¹²⁹. Смилга позднее записал, что штурмом его квартиры руководил начальник Политуправления РККА Булин. С ним были секретарь Краснопресненского райкома Рютин, председатель райсовета этого района Минойчев, помощник Калинина Вознесенский и другие официальные лица. Ворвавшиеся избили Преображенского, Мдивани, Гинзбурга, Мальцева, других сторонников Троцкого. То был настоящий погром, записал Смилга. Едва ли Муралов, Смилга и Каменев знали, что не рабочий класс и партия осудят тех, кто стал замешивать бетон тоталитаризма, а сама история. А вот их, как и многих других, осудит Система, против зарождения которой они тщетно протестовали.

Троцкий также направил письмо в Политбюро с протестом против разгона колонн демонстрантов-оппозиционеров, "сопровождаемого избиваниями". Такие налеты сопровождалось, подчеркивал Троцкий, "разнузданными выкриками черносотенного, в частности, антисемитского характера..."¹³⁰. Троцкий требовал расследования, оглашения результатов и наказания виновных. Но виновными были признаны Троцкий и руководимая им оппозиция.

По предложению Сталина, 14 ноября ЦКК исключила Троцкого и ряд других оппозиционеров из членов партии. Это было третье "зафиксированное" поражение лидера оппозиции в 1927 году. Он назвал это "спуском революции", который захватил с собой и его, одного из главных творцов этой революции. Последняя тонкая ниточка, связывавшая его с официальными кругами, с Кремлем, оборвалась. На другой день после исключения из партии теперь уже полностью опальный "выдающийся вождь" написал:

"Секретарю ЦИК СССР

Сим извещаю, что в связи с состоявшимся обо мне решением я вчера, 14 ноября, выселился из занимавшейся мною до сих пор квартиры в Кремле. Впредь до того, как найду себе постоянную квартиру, я временно поселился в квартире тов. Белобородова (ул. Грановского 3, кв. 62). Ввиду того, что мой сын заболел, жена и сын останутся в Кремле еще в течение нескольких ближайших дней. Надеюсь, что квартира будет освобождена окончательно не позже 20 ноября.

*Л. Троцкий*¹³¹.

Начались аресты, запреты на собрания оппозиции, нередко кончавшиеся стычками. Печать тиражировала измышления, что троцкисты намерены создать "контрреволюционную партию", выступающую против ВКП(б). В этих условиях Троцкий написал "Заявление оппозиции и положение в партии", которое не было опубликовано в прессе, но переписывалось и ходило по рукам. Тон заявления был спокойный, примирительный. В нем, например, говорилось: "По замыслу сталинской фракции, исключение многих сотен лучших партийцев, завершившееся исключением тт. Зиновьева и Троцкого, является не чем иным, как попыткой вынудить оппозицию перейти на положение второй партии... Оторвать себя от ВКП оппозиция не позволит и к организации второй партии не приступит"¹³².

Увы, осталось совсем немного до того времени, когда Троцкий будет окончательно "оторван" не только от партии, но и от Москвы, отчества, всего того, чему он без остатка отдавал свои силы все эти годы.

Ссылка и депортация

Чтобы избежать унижения при насильственной высылке из Кремля, на другой день вечером после описанных событий друзья помогли семье Троцкого перебраться (как

они считали, временно) к А.Г.Белобородову, одному из его сторонников. Это был тот самый Белобородов, который в июле 1918 года передал преступное распоряжение Центра — с ведома и одобрения Ленина — о расстреле без всякого суда семьи русского царя, в том числе и детей...

Похудевший Троцкий часами сидел за столом, писал статьи, составлял инструкции группам оппозиционеров, слал телеграммы, встречался с друзьями, которых направляли в ссылку. Наталья Ивановна тихо советовала мужу уехать на месяц-другой в какую-нибудь подмосковную деревню... У него столько литературных планов... В руководстве рано или поздно увидят, что он прав, и позовут его... Седова понимала, что все это не так, но она тревожилась о его здоровье.

Троцкий был человеком ниже среднего роста, сухоощавым, с копной густых седеющих волос, живыми голубыми глазами, выражавшими непреклонную силу воли, энергии и мысли. За осень этого года он сильно похудел, осунулся, лицо стало желтым. Его потрясло самоубийство Адольфа Абрамовича Иоффе. Выстрел в Кремле, где еще жил Иоффе (но высылка была уже назначена), прозвучал как сигнал протеста против насилия над оппозицией, над идеей, над революционными идеалами. 17 ноября 1927 года Троцкий принял участие в похоронах старого друга. Хотя церемония состоялась днем, в рабочее время, на Новодевичьем кладбище собралось много народу. После выступлений группы друзей и соратников Иоффе короткую речь произнес Троцкий. Закончил он эффектно: "Борьба продолжается. Каждый остается на своем посту. Никто не уйдет". Толпа проводила Троцкого до автомобиля. Раздавались приветственные возгласы. Но многие уже смотрели враждебно. Троцкий, близоруко щурясь, махал рукой собравшимся. Это было его последнее публичное выступление на родине.

Вечером на новую квартиру Троцкого принесли правительственный пакет, предложили расписаться в получении документа. Вскрыв его, Троцкий развернул лист бумаги:

”Постановление

Совета Народных Комиссаров СССР

Об освобождении тов. Л.Д.Троцкого от обязанностей Председателя Главного Концессионного комитета и о назначении Председателем ГКК тов. В.Н.Косандрова.

Совет Народных Комиссаров СССР постановляет:

1. Освободить тов. Троцкого Льва Давыдовича (так в тексте. — *Д.В.*) от обязанностей Председателя Главного Концессионного Комитета...

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
и Совета Труда и Оборона

17 ноября 1927 года.

*Рыков*¹³³.

Это была последняя официальная должность Троцкого. Правда, он еще несколько дней оставался членом ЦИК СССР, но, естественно, был выведен и оттуда. Отторжение от системы, которую он так активно создавал, было полным. Теперь нужно было думать, как зарабатывать на жизнь. Литературным трудом? Едва ли... Перед ним захлопнули свои двери все редакции. Государственное книжное издательство сообщило, что прекращает издание собрания сочинений Троцкого... Что делать? Но отверженный революционер нашелся и тут: он позвонил в Институт Маркса и Энгельса и предложил его директору. своему старому знакомому Рязанову, перевести работы основоположников научного социализма. Согласие было получено, и Троцкий уже в Москве вечерами стал читать в оригинале работу Маркса "Господин Фогт".

Отложив книгу, Троцкий иногда вставал и начинал мерять маленькую комнату быстрыми шагами: пять в один угол — пять обратно. В стареньком свитере, валенках, с заложенными за спину руками он походил на узника в камере. И, по сути, так оно и было: у дверей квартиры и у входа в подъезд дежурили сотрудники ОГПУ. Сталин не спускал глаз с поверженного соперника.

О чем мог думать Троцкий в эти ноябрьские и декабрьские вечера 1927 года? Питал ли он какие-то надежды в связи с приближавшимся днем открытия XV съезда? Раскаивался ли в чем? Или "инвентаризировал" свои ошибки?

Никто никогда однозначно не ответит на эти вопросы. Внутренний мир человека нелегко постичь, а может, и невозможно, если его носитель уходит навсегда. Но мне кажется, Троцкий не мог не думать о судьбах оппозиции, о том, почему Сталин, уступавший ему в интеллектуальном и нравственном отношении, человек, роль которого в революции была эфемерной, одержал в конце концов верх над ним? Троцкий понимал, что в его споре со Сталиным главным Свидетелем и Судьей может быть только История. Но он еще не знал, что она, История, осудит их обоих, хотя и в разной степени...

Во время гражданской войны Троцкий не раз резко ставил вопрос о Сталине, требовал отстранить его от решения военных дел на том или ином фронте, но ни разу не пытался убедить Председателя Совнаркома довести дело до конца. Однаж-

ды поведение Сталина он назвал "опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов"¹³⁴, но не настоял на отстранении чрезвычайного уполномоченного. Узнав Сталина раньше многих других, Троцкий согласился в конце концов на предоставление ему важного административного поста в партии. То была серьезная недооценка возможностей этого человека. Он мог осадить его задолго до того, как тот набрал роковую для революции силу.

Как позднее размышлял Троцкий, он с большим запозданием пошел на союз с Зиновьевым и Каменевым и все время враждебно относился к Бухарину. Он ценил его ум, но для Троцкого Бухарин был олицетворением правых сил в партии. А правых он считал более опасными, нежели Сталина, центриста по складу своего ума. Как писал ему Радек в Алма-Ату, "центризм — это идейная нищета партии", и носителем этой "нищеты", по мнению Радека, был Сталин. Троцкий был с этим выводом согласен. Он даже был готов, при определенных условиях, пойти на блок со Сталиным против Бухарина, который олицетворял, по мысли лидера оппозиции, курс "на реставрацию капитализма". Троцкий и его единомышленники полагали, что Бухарин, Рыков, Томский играют главную роль в руководящем партийном оркестре. Судя по поздним воспоминаниям Троцкого, у него не возникало сомнений в правильности курса оппозиции в отношении правых. "Азбука" групповой борьбы, по Троцкому, была такова: правое или левое крыло могло, в определенных условиях, идти на союз с центром. Но чтобы блокировались полярные крылья — левые и правые, подлинные революционеры и реставраторы капитализма, — это было слишком!

Троцкий не мог понять умеренную линию Бухарина и твердо стоял за "сверхиндустриализацию" за счет крестьянства, за решительное социалистическое переустройство села на основе бескомпромиссного жестокого натиска на кулака. Для него подобный курс был естественным выражением революционной чистоты. Еще в начале 1927 года Троцкий в своей записке "О задачах сельского хозяйства" настаивал на ускорении темпов социалистических преобразований в сельском хозяйстве, усилении наступления на кулака, необходимости замены годового планирования пятилетками. "Утрата темпа, — предупреждал Троцкий, — означает переход некоторого количества ресурсов из социалистического русла в капиталистическое"¹³⁵.

Если бы только Троцкий мог разглядеть в дымке близкого грядущего, как Сталин перехватит всю эту программу левых оппозиционеров, возьмет ее на вооружение и примется громить

правых! То, что лидер оппозиционеров считал невозможным, произойдет. Сталин сдвинется с центра влево, ликвидируя, однако, при этом и левых, и правых. Но все это Троцкий поймет лишь много позже.

Вышагивая по комнате-клетке, Троцкий не мог не думать, что поражение оппозиции поколебало его сторонников. Зиновьев и Каменев при встречах твердили ему:

— Лев Давидович, пришло время, когда мы должны иметь мужество сдаться.

— Если нужно такое мужество, чтобы сдаваться, и это все, что нам необходимо, то революция к этому времени победила бы во всем мире¹³⁶.

Растерянные союзники принесли однажды вечером Троцкому два варианта заявления лидеров оппозиции XV партийному съезду. В них была выражена готовность к капитуляции. Троцкий согласился подписать один вариант лишь после того, как в него была внесена фраза о праве каждого оппозиционера защищать свои взгляды. Подумав, лидер левых добавил: "...считая само собой разумеющимся, что освобождение товарищей, арестованных в связи с их оппозиционной деятельностью, абсолютно необходимо"¹³⁷.

Как ответил Сталин на это заявление? 3 декабря 1927 года в своем четырехчасовом отчетном докладе на XV съезде партии он выделил специальный раздел "Партия и оппозиция". Сказав, что оппозиция в своем заявлении утверждает, что "будет подчиняться всем решениям партии", Сталин сделал паузу и ответил под громкие аплодисменты зала:

— Я думаю, товарищи, что ничего из этой штуки не выйдет.

Далее, вновь сделав паузу, добавил: "Говорят, что они ставят также вопрос о возвращении в партию исключенных", а затем сказал:

— Я думаю, товарищи, что это тоже не выйдет.

Зал вновь взорвался продолжительными аплодисментами.

Заканчивая рассмотрение вопроса об оппозиции, Генеральный секретарь подытожил: "Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. Она должна заклеить ошибки, ею совершенные, ошибки, превратившиеся в преступление против партии, открыто и честно, перед всем миром... Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут — вышибем!"¹³⁸

Троцкий, читая в "Правде" доклад Сталина, все больше поражался самоуверенности и наглости человека, которого он так

недооценил! А в отношении оппозиции Сталин еще раз высказался в заключительном слове 7 декабря. Не говоря уже о демagogическом содержании речи, сама форма критики была предельно унижительной. Троцкий подчеркнул карандашом:

”О речах Евдокимова и Муралова я не имею сказать что-либо по существу, так как они не дают для этого материала. О них можно было бы сказать лишь одно: да простит им аллах прегрешения их, ибо они сами не ведают, о чем болтают...

Всем известно, что Раковский наглумил на Московской конференции по вопросу о войне. Сюда пришел он и взял слово, видимо, для того, чтобы исправить глупость. А вышло еще глупее”.

Съезд потешался, хохотал, аплодировал, восхищаясь ”остроумием” Сталина. Троцкий продолжал подчеркивать строки в ”Правде”:

”Я перехожу к речи Каменева. Речь эта является самой живой, самой фарисейской, самой шулерской и мошеннической из всех оппозиционных речей, произнесенных здесь, с этой трибуны”¹³⁹. Нет, не забыл Сталин сказанного Каменевым на предыдущем съезде: ”...тов. Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба...” Троцкий вновь убедился, что Сталин ничего не прощает и ничего не забывает.

После съезда ряды оппозиции еще более поредели. Одни, как Зиновьев и Каменев, униженно вымаливали прощение, другие просто отошли от политической деятельности, а третьих ждали аресты и ссылки. Ежедневно Сермуks или Познанский, сохранившие до конца верность своему патрону, сообщали Троцкому: Раковский отправлен в Астрахань, Смирнов — в Армению, а Радек сейчас пока в Тобольске. Назавтра говорили о высылке Серебрякова в Семипалатинск, Смильги — в Нарым, Преображенского — в Уральск... Заглядывая в бумажку, секретарь называл все новые и новые фамилии, но места ссылки оставались прежними: Иркутск, Абакан, Канск, Ачинск, Минусинск, Барнаул, Томск...

Троцкий чувствовал, что его должны вот-вот сослать, но в то же время где-то в глубине души надеялся, что Сталин не решится бросить в тюрьму или отправить в ссылку ближайшего соратника Ленина. Он не хотел верить в то, что его легендарный поезд славы навсегда скрылся за горизонтом.

В конце декабря 1927 года Познанского пригласили в ОГПУ и поручили передать Троцкому предложение выехать в Астрахань. Троцкий в тот же день направил записку в Полит-

бюро, в которой сообщал, что будет работать в каком угодно месте страны, лишь бы этому не препятствовало его здоровье. Но в Астрахань выехать он не может: влажный климат и малярия несовместимы. Через неделю какой-то маленький чин из ОГПУ вызвал утром Троцкого и сообщил: его просьба удовлетворена. Он поедет в район, где климат сухой, что способствует излечению малярии. Монотонным голосом исполнителя было зачитано: "В соответствии с законом, карающим любого за контрреволюционную деятельность, гражданин Лев Давидович Троцкий высылается в г. Алма-Ата. Срок пребывания там не указывается. Дата отправления в ссылку — 16 января 1928 года".

Троцкий отсутствующим взглядом обвел стены обшарпанной комнаты с казенным столом и двумя стульями и, не говоря ни слова, вышел. Ни тени колебаний или раскаяния не было в его душе. Свой выбор он сделал давно. Избранный путь он пройдет до конца.

Наталья Ивановна не подала виду, какое впечатление произвело на нее горестное сообщение. Их хозяин Белобородов, приютивший семью Троцкого на своей квартире, тоже получил повестку о высылке в какое-то трудновыговариваемое селение в республике Коми. Начались сборы. У Троцкого постоянно находились те лидеры оппозиции, которые еще не сдались или не были сосланы. Бывший наркомвоен был возбужден, отдавал распоряжения, диктовал телеграммы, садился и сам писал протесты, справки, заявления. Он всем своим видом показывал: еще не все проиграно. Партия должна проснуться. Дело революции не может быть загублено.

К 16 января сборы были закончены. Троцкий особенно тщательно просил упаковать все его бумаги, книги, архивные материалы. Сермукс, Познанский и старший сын Лев уложили все эти материалы более чем в 20 ящиков. Утром все — супруги, сыновья, жена А.Иоффе и еще двое-трое родственников — ждали, когда за Троцким придут. Он что-то шутил насчет поездки светлейшего князя Меншикова в Березов, но в маленькой квартире стояла необычная тишина. А пришедший Раковский сообщил, что на Казанском вокзале собралась огромная толпа людей, которые хотят проводить Троцкого. Милиция не может рассеять собравшихся. Выставили портреты Троцкого, некоторые молодые люди ложатся на рельсы перед поездом.

Наконец раздался телефонный звонок из ОГПУ и сообщили, что отъезд переносится на два дня. Причины не объясняли.

Постепенно все разошлись — впереди еще два коротких зимних дня.

Однако уже на следующий день пришла большая группа сотрудников ОГПУ. Троцкий вначале не открывал дверь квартиры, указывая на вероломство "нынешних вождей", а когда все же пришлось их впустить, отказался подчиниться приказу о выходе из квартиры, называя его незаконным. Несколько сотрудников взяли опального вождя на руки и спустили по лестнице к машине. Старший сын Троцкого бежал впереди, стучал на каждой лестничной клетке во все двери подряд и кричал: "Смотрите, товарищи! Троцкого насильно вывозят!" Некоторые двери приоткрывались, оттуда выглядывала чья-то голова, испуганно или недоуменно глядела на странную картину и тут же исчезала... Страх перед тайной службой незаметно протягивал свои щупальцы на заводы, фабрики, учреждения, в коммунальные квартиры. Скоро весь народ станет не только подневольным творцом общества-казармы, но и молчаливым, безропотным свидетелем своего собственного порабощения. Своими руками народ построит тюрьму, которую сам же и заполнит... О каждом троцкисте ОГПУ скоро будет знать все. Тысячи людей будут заняты этим "пролетарским" делом.

Как развивались события дальше, проследим по воспоминаниям Натальи Ивановны Седовой: "Едем по улицам Москвы. Сильный мороз. Сережа без шапки, не успел в спешке захватить ее, все без галош, без перчаток, ни одного чемодана, нет даже ручной сумки, все совсем налегке. Везут нас не на Казанский вокзал, а куда-то в другом направлении — оказывается, на Ярославский. Сережа делает попытку выскочить из автомобиля, чтобы забежать на службу к невестке и сообщить ей, что нас увозят. Агенты крепко схватили Сережу за руки и обратились к Л.Д. с просьбой уговорить его не высказывать из автомобиля. Прибыли на совершенно пустой вокзал. Агенты понесли Л.Д., как и из квартиры, на руках. Лева кричит одиноким железнодорожным рабочим: "Товарищи, смотрите, как несут т. Троцкого". Его схватил за воротник агент ГПУ, некогда сопровождавший Л.Д. во время охотничьих поездок. "Ишь, шпингалет", — воскликнул он нагло. Сережа ответил ему пощечиной опытного гимназиста. Мы в вагоне. У окон нашего купе и у дверей — конвой. Остальные купе заняты агентами ГПУ. Куда едем? Не знаем. Вещей нам не доставили. Паровоз с одним нашим вагоном двинулся. Было 2 часа дня. Оказалось, что окружным путем мы направлялись к маленькой глухой станции, где нас должны были прицепить к почтовому поезду,

вышедшему из Москвы с Казанского вокзала, на Ташкент. В пять часов мы простились с Сережей и Белобородовой, которые должны были со встречным поездом вернуться в Москву. Мы продолжали путь. Меня лихорадило. Л.Д. был настроен бодро, почти весело. Положение определилось¹⁴⁰.

Сталин за два дня до высылки Троцкого выехал в Сибирь в связи с проблемами в хлебозаготовках, предварительно отдав необходимые распоряжения в отношении Троцкого. Секретарь ЦК ВКП(б) С.В.Косиор шифровкой сообщил Сталину: "Сегодня в два часа отправили Троцкого под конвоем в Алма-Ату. Пришлось взять силой и нести на руках, так как сам идти отказался, заперся в комнате, пришлось выломать дверь. Вечером арестуем Муралова и других..." Сталин ответил: "Шифровку о художествах Троцкого и троцкистов получил"¹⁴¹.

В своей книге о Сталине этот эпизод я освещал несколько иначе, но теперь, когда открылись дополнительные свидетельства, картина прояснилась достаточно полно. Члены Политбюро обсуждали вопрос о высылке Троцкого несколько раз. Возражали Бухарин и Рыков. Активно поддерживал Сталина Ворошилов. Другие колебались. Дискуссии по поводу депортации не протоколировались. Но наконец Сталин добился своего: его постоянный соперник отправлялся к далекой китайской границе, хотя генсек не отказался, судя по всему, от мысли выдворить Троцкого за границу.

Путешествие Троцкого из Москвы до Алма-Аты подробно описано в его автобиографической книге "Моя жизнь". Я хотел бы добавить лишь следующее: в связи с массовыми высылками оппозиционеров в восточные районы, арестами многих вчерашних членов партии, в чем-то проявивших "симпатии" к Троцкому, в ОГПУ был создан специальный большой отдел с филиалами на местах. Сфера политического сыска становилась все шире. Все больше и больше подозрительных людей бралось "на заметку". В первую очередь были арестованы те, кто работал под непосредственным началом Троцкого в Реввоенсовете, наркомате, его секретариате. Наиболее близкие помощники Троцкого — Сермукс и Познанский — были арестованы в Алма-Ате. Судьба их печальна.

Как мне рассказывала Надежда Александровна Маренникова, работавшая в 20-е годы в секретариате Троцкого, Сермукс и Познанский были очень интеллигентными людьми, самоотверженными в работе, безгранично верившими в правоту Троцкого. Бутов был своего рода начальником штаба секретариата. Мы, машинистки, получали по 40 рублей в месяц, рассказывала

Надежда Александровна. Даже по тем временам этого было мало. Бутов однажды сказал об этом Троцкому. Тот распорядился ежемесячно доплачивать нам еще по 23 рубля из его литературных гонораров...

Надежде Александровне в момент нашей беседы было 88 лет...

— У меня память теперь "кусками", или, точнее, отдельными "картинами". Сплошного полотна уже нет, — жалуется рассказчица. — Помню, в каком ряду сидела в театре с Сермуксом в 1927 году, но не помню имени и отчества Бутова...

Старая женщина особенно много и тепло говорила о Сермуксе, который разделил трагическую судьбу большинства сотрудников Троцкого:

— Сермукс был арестован в 1928 году. Писал мне из лагерей. Письма мечены Медвежьегорском, Череповцом. В 1929 году его перевели в другое место. Мои письма, видимо, уничтожал, иначе взяли бы и меня. Всех, кого я знала в секретариате Троцкого, арестовали. Судьба их горька: долгие тюрьмы и лагеря, а в 1937—1938 годах дождалась и расстрелов. Кто-то очень хотел, чтобы о Троцком не помнил никто. Особенно охотились за теми, кто работал с наркомом, кто знал его. Ну а знали его очень многие, поэтому уничтожить пришлось так много людей...

Думаю, рассказ старой женщины позволяет полнее почувствовать атмосферу того времени, когда все, что было связано с Троцким, сразу же вызывало острейшее подозрение, за которым следовала одна и та же реакция.

В конце января 1928 года Троцкого, Наталью Ивановну и их старшего сына Льва привезли в Алма-Ату — тогда заштатный, провинциальный город на окраине страны. Здесь Троцкому предстояло пробыть год. Пару недель ссыльные жили в гостинице "Джетысу", затем нашли небольшой дом, где их и разместили. Некоторое время с ними находились Сермукс и Познанский, но скоро их здесь и арестовали¹⁴². Троцкий был чрезвычайно опечален арестом своих верных помощников.

Семья Троцкого наладила кое-какой бесхитростный быт, и несломленный революционер сразу же окунулся в работу. Энергии этому человеку было не занимать. В любой самой сложной обстановке не знало отдыха его острое перо. Вскоре из Алма-Аты пошли в Москву, другие города письма, полетели телеграммы. Троцкий пытался быстрее установить местонахождение лидеров оппозиции, проанализировать обстановку,

наметить стратегию дальнейших действий. Вскоре поток корреспонденции хлынул в скромную квартиру ссыльного.

Старший сын Троцкого вел "канцелярию" — учет поступавших писем, отправку ответов ссыльного. В книге "Моя жизнь" приводится некоторая статистика связи Льва Давидовича Троцкого с внешним миром: "За апрель—октябрь 1928 г. нами послано было из Алма-Аты 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ. Отправлено было около 550 телеграмм. Получено свыше 1000 политических писем, больших и малых, и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных. Все это главным образом в пределах ссылки, но из ссылки письма просачивались и в страну. Доходило к нам в самые благоприятные месяцы не больше половины корреспонденции. Сверх того из Москвы получено было 8—9 секретных почт, т.е. конспиративных материалов и писем, пересланных с нарочными; столько же отправлено нами в Москву. Секретная почта держала нас в курсе всех дел и позволяла, хоть и с значительным запозданием, откликаться на важнейшие события"¹⁴³.

А события действительно разворачивались важные. В стране нарастал хлебный кризис. Крестьяне не хотели отдавать хлеб за бесценок. Изгнав троцкистов из партии, Политбюро тем не менее раскололось. Сталин взял круто влево, как требовал раньше Троцкий, а Бухарин со своими сторонниками предупреждал об опасности форсирования событий. Когда в сентябре 1928 года Троцкий прочитал в "Правде" статью Бухарина "Заметки экономиста", то воскликнул:

— Капитулянты могут взять верх! Революция в опасности!

Бухарин утверждал, что возможно бескризисное развитие промышленности и сельского хозяйства. Нужно поднять цены на зерно, нельзя допускать односторонней и чрезмерной перекачки средств из села в город для нужд индустриализации. Нужно всемерно расширять крестьянский рынок и не форсировать преобразования в деревне. "У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм, — писал Н.И.Бухарин. — Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы слишком все перецентрализовали".

Троцкий почувствовал, что Сталин, по сути, склонен, отвергнув Бухарина, идти по пути, на котором настаивала оппозиция: ограничить кулака, ускорить индустриализацию за счет деревни, принять чрезвычайные меры для выхода из кризиса. Троцкий, да и другие лидеры оппозиции, были изумлены: Ста-

лин становится на их сторону! Многие надеялись (о чем они писали друг другу), что изменение курса Сталина, ввязавшегося в борьбу с капитулянтom Бухариным, кончится тем, что их скоро позовут из ссылки. Нечто подобное проскользнуло и в некоторых письмах Троцкого своим сторонникам¹⁴⁴. Троцкий в разговорах с отдельными эмиссарами, которые эпизодически, полулегально приезжали к нему из Москвы и Ленинграда, высказывал мысль, что "полевение" Сталина означает верность стратегии оппозиции. Сегодня, продолжал ошибочно считать Троцкий, политика и идеи Бухарина более опасны, чем крестьянский курс Сталина...¹⁴⁵ Троцкому казалось, что наступление на кулака, которое объявляет Сталин, помимо его воли, приведет генсека и его фракцию на рельсы левого крыла партии. Мы еще понадобится партии, оптимистично говорил Троцкий.

Казалось, прогнозы лидера оппозиции оправдываются: однажды вечером в дом к нему зашел незнакомый человек, назвался инженером, разделявшим взгляды Троцкого. Он расспрашивал о жизни, условиях проживания ссыльных в Алма-Ате, а затем прямо спросил:

— Не думаете ли вы, что возможны какие-либо шаги для примирения?

— Примирения не может быть не потому, что я его не хочу, а потому что Сталин не может мириться...¹⁴⁶

Посетитель скоро ушел и более не появлялся. Троцкий понял, что этот человек был послан к нему специально для зондажа. Ссылный не без оснований полагал, что Сталин едва ли решится на примирение с "левой" оппозицией; ведь это будет истолковано партией как признание его неправоты. Постепенно Троцкий приходил к выводу, что Сталин набрал уже такую силу, что намерен покончить сначала с левым крылом, а потом ликвидировать и правое. Оставаясь при этом формально центристом, Генеральный секретарь ЦК взял на вооружение многое из платформы Троцкого.

Нет, Сталин никогда не вернется к мысли о сотрудничестве с Троцким, ибо слишком велика их личная неприязнь, а точнее, ненависть друг к другу, да и просто физическая несовместимость. Однако Сталин, прагматически используя идеи оппозиции, объективно способствовал размежеванию в рядах. Старые большевики, для которых членство в партии имело чуть ли не мистический характер, готовы были просить прощения у сталинского аппарата. Особенно настаивали на этом Радек и Преображенский. И, наоборот, абсолютно непримиримым был

Раковский. Троцкий заметил уже начавшуюся идейную переориентацию Радека.

Лишь меньшая часть троцкистов, преимущественно молодых людей, не верила Сталину, полагая, что курс, заимствованный у оппозиции, генсек реализует грязными методами. Оппозиция продолжала таять. После XV съезда партии за полгода количество сторонников Троцкого, официально порвавших с ним, составило более трех тысяч человек¹⁴⁷. Остались лишь небольшие группы (в крупных городах), которые занимались нелегальной деятельностью, да колонии ссыльных оппозиционеров, ведущих запоздалые споры о судьбе своих платформ и своей собственной.

А Троцкого продолжали шельмовать. Когда секретарь МГК Угланов заявил, что Троцкий, прикрываясь "мнимой болезнью", продолжает оппозиционную работу, не выдержала уже Наталья Ивановна. В своем резком письме она заявила: что "мнимая болезнь" — это продолжение лжи, из которой создали завесу вокруг ссыльного. Седова-Троцкая (так она подписалась) потребовала прекращения травли мужа...¹⁴⁸

К осени 1928 года почта, поступавшая на имя Троцкого, резко сократилась. Многие письма исчезали бесследно. Одна из таких утрат была особенно горька для Троцкого. Весной он узнал из письма старшей дочери, Зины, что Нина — младшая дочь — очень больна. Обе они были крайне стеснены в средствах, ютились по углам, подвергались постоянным преследованиям. И старшая, и младшая дочери были фанатичными поклонницами отца, исключительно тяжело переживали удары судьбы, которые обрушились на него. У Нины арестовали мужа, ее саму уволили с работы "за троцкистские убеждения". Она тяжело заболела. Кроме старшей сестры, помочь ей оказалось никому. Для врача пойти к дочери Троцкого было равносильно подписанию себе приговора. Оставшись без какой-либо серьезной помощи, 26-летняя Нина умерла 9 июня 1928 года. Троцкий узнал об этом только через 73 дня! Тяжело заболела и старшая дочь. Но связаться с ней Троцкий тоже не мог. Так долго теперь шла почта в Алма-Ату. Каждое письмо просматривалось, изучалось, копировалось. Специальная группа из ОГПУ обобщала переписку Троцкого и через Менжинского докладывала Сталину. Тот, читая ежемесячные обзоры своей тайной полиции, все больше убеждался в необходимости "положить конец" какой-либо политической деятельности троцкистов на территории СССР.

А Троцкий между тем по привычке выражал по телеграфу протесты, хотя и понимал всю их бессмысленность:

”Москва, ГПУ Менжинскому

ЦК ВКП(б)

ЦИК — Калинин

Больше месяца абсолютная почтовая блокада. Перехватывают даже письма телеграммы здоровье дочери необходимых лекарях прочее тчк Сообщаю для устранения будущих ссылок на исполнителей кавычках Троцкий Третьего декабря 1928 года”¹⁴⁹.

”Курьер” Троцкого, шофер одной из организаций Алма-Аты, внезапно исчез. Как выяснилось, был арестован. До этого они встречались в общественной бане, где передавали друг другу незаметно свертки с бумагами. Троцкому стало ясно, что связного выследили и арестовали. Ссылный теперь оказался на голодном информационном ”пайке”.

В паузах между работой над переводами, ответами на письма, обдумыванием плана большой автобиографической книги Троцкий предавался любимому занятию — охоте. Находясь в ”скрадке” на уток, Троцкий в ожидании пролета дичи смотрел на бегущие облака. Немного воображения, и можно увидеть и прочесть в небе обо всем. Оно сейчас напоминало ему жаркое лето 1918 и 1919 годов: Казань, Царицын, бесконечные равнины России...

Здесь, под Алма-Атой, Троцкий составил план будущей автобиографической книги. Как ее назвать? На клочке бумаги Троцкий набрасывает возможное будущее оглавление (отныне этому листу предстоит оказаться в архиве... НКВД):

”а) ”Полвека” (1879—1929). Подзаголовок: Опыт автобиографии.

б) ”Приливы и отливы”. Автобиография революционера.

в) ”На службе революции”. Опыт автобиографии.

г) ”Жизнь в борьбе”. Автобиография революционера.

д) ”Жить — значит бороться. Автобиография революционера”¹⁵⁰.

Как мы знаем, ни одно из этих названий не украсило автобиографическую книгу Троцкого. Но все рассмотренные варианты были связаны с революцией.

Вместе с сыном и двумя местными охотниками он проводил по нескольку дней в притоках Или, промышляя перелетную дичь. Ссылному было запрещено удаляться от Алма-Аты более чем на 25 километров. Чтобы отправиться на дальнюю охоту, пришлось испрашивать разрешения.

”Москва, Менжинскому.

Месяц назад ГПУ запретило охоту. Две недели назад сообщили о разрешении. Теперь ограничили 25 верстами, где охоты нет. Полагаю, что здесь недоразумение, сообщаю, что собираюсь на охоту в Илийск, за 70 верст. Прошу указаний во избежание ненужных столкновений.

*Троцкий*¹⁵¹.

Однако высокий чин не удостоил его ответом, и Троцкий проигнорировал запреты.

Оставаясь в течение нескольких дней один на один с Великой Природой, Троцкий временами осознавал всю незначительность и суетность партийных, фракционных и оппозиционных забот. Сразу становились ничтожно малыми Сталин и его камарилья, казались опереточными словесные дуэли вчерашних соратников, куда-то в пустоту проваливались ”платформы” и ”программы”.

Сидя вечером у костра и глядя в бездонное весеннее небо, Троцкий чувствовал себя маленькой щепкой, занесенной волнами бесконечного бытия на самый край великого океана. Где-то далеко в прошлом оставались митинги в ”Модерне”, бомбардировка Казани, его речи на съездах и пленумах в присутствии Ленина... Глядя в глаза вечности, человек, способный хоть на минуту вырваться из пут повседневности, мучительно остро осознает, не может не осознавать, эфемерность собственного существования...

Возвращаясь с охоты, Троцкий продолжал готовить несколько книг. Он неоднократно брался за начатый труд о Ленине, писал большую статью ”Перманентная революция и линия Ленина”, в которых запоздало пытался переосмыслить написанное вождем русской революции. Но было уже поздно: ”право” на него монополизировал Сталин. Осуществить задуманное становилось все труднее: никакой информации из столицы не поступало.

Почтовая блокада ужесточилась, и вот почему. Чувствуя железную хватку Сталина, Бухарин пришел к выводу о возможности союза с Каменевым, Зиновьевым и, может быть, с Троцким. Забыв об осторожности, вечером 11 июля 1928 года Бухарин пришел на квартиру к Каменеву с намерением установить нелегальные отношения с полуразгромленной оппозицией. Он с горечью говорил Каменеву, что теперь сожалеет о том, что помогал Сталину в ее разгроме. Как сообщали троцкисты в

нелегальной листовке, датированной уже февралем 1929 года, Бухарин был подавлен, без конца повторял, что "Сталин — это Чингисхан, интриган самого худшего пошиба", что "революция погублена". Но у Бухарина не было ясного плана борьбы со сталинским курсом и узурпаторством генсека.

Бухарин еще несколько раз приходил на квартиру к Каменеву, но практических шагов выработано не было. Однако агенты ОГПУ быстро "засекли" эти контакты и доложили о них Сталину. В то же время Менжинский сообщал, что "бухаринцы" установили связь и с Троцким. Это ускорило принятие давно зревшего у генсека решения. В середине января 1929 года на Политбюро Сталин впервые неожиданно заговорил о необходимости изоляции Троцкого. Бухарин запротестовал, Рыков и Томский выразили сомнение в целесообразности такого шага. Другие поддержали Сталина, но с оговорками. В общем, единства не было. Тогда Сталин вытащил из стола справку Менжинского о количестве оппозиционной корреспонденции, поступающей в Алма-Ату, связниках, ежемесячно приезжающих к Троцкому, зачитал выдержки из некоторых писем ссыльного, завершив все это своей обычной тирадой: "Из ЦК и партии вышибли, но уроков перерожденец не извлек. Что же, будем ждать, когда Троцкий организует террор или мятеж?" Все сразу замолчали. Тогда Сталин огласил решение: "Предлагаю выслать за границу". Помолчав, подпустил туману: "Одумается — путь обратно не будет закрыт".

В этот момент все думали не столько о Троцком, сколько о себе. Каждый почувствовал пальцы Сталина у своего горла; ему перечили теперь все реже и реже. У генсека на все случаи были железные аргументы: "А Ленин стал бы миндальничать?", "Разве не партия руководит диктатурой пролетариата?", "Что значат личные отношения по сравнению с интересами революции?". Бухарин уже не возражал. Совсем скоро, в апреле 1929 года услышит он в свой адрес из речи Сталина на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК: этот "теоретик-схоластик" состоял в учениках у Троцкого... вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца!"¹⁵²

Сталин приобрел большую власть, но еще не был диктатором. Он стоял на пороге самой страшной "революции", которая придет сверху. Под видом социалистического переустройства села он вернет крепостное, точнее, введет сталинское право, которое превратит десятки миллионов крестьян в подневольных людей. Он не хотел, чтобы во время этой грандиозной по масштабам и зловецей по последствиям "революции" кто-

то "путался у него под ногами". Физически уничтожить или бросить в тюрьму Троцкого, как, например, его "курьера", Сталин пока еще не решался. Отступник должен быть изгнан. По приказу Сталина "проработали" адрес депортации. Никто не хотел принимать легендарного революционера-бунтаря. Наконец удалось уговорить турецкое правительство.

Троцкий ждал ответа от Менжинского и Калинина о прекращении почтовой блокады. Вместо ответа вечером 16 декабря 1928 года к нему приехал специальный посланец из Москвы, В.Волынский, и, войдя в квартиру в сопровождении двух сотрудников ОГПУ, сухо поздоровавшись, по поручению Центра зачитал следующее:

"Работа ваших единомышленников в стране приняла за последнее время явно контрреволюционный характер; условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам полную возможность руководить этой работой; ввиду этого коллегия ОГПУ решила потребовать от вас категорического обязательства прекратить вашу деятельность — иначе коллегия окажется вынужденной изменить условия вашего существования, в смысле полной изоляции вас от политической жизни, в связи с чем встанет также вопрос о перемене места вашего жительства"¹⁵³.

Троцкому было ясно: его сошлют куда-то еще дальше, вероятно, в Сибирь, за Полярный круг. Но мысль о депортации за рубежи Отечества даже не приходила в голову. Однако через четыре дня на квартиру Троцкого вновь пришел посланец из ОГПУ. С ним также было несколько вооруженных спутников. Волынский, пройдя на середину комнаты, громко зачитал, почти прокричал, бумажку, которую достал из полевой сумки:

"Протокол ГПУ от 18 января 1929 года о деле гражданина Троцкого Л.Д., обвиняемого по ст. 58/10 Уголовного Кодекса РСФСР за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти.

Постановили:

Гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР"¹⁵⁴.

Троцкий взял врученный ему ордер на изгнание и написал наискосок текста: "Решение ГПУ, преступное по существу и незаконное по форме, сообщено мне 20 января 1929 года".

На вопрос, куда он будет депортирован, конвойные разве-

ли руками. Волынский пояснил: в пути следования придут дополнительные директивы... Начались быстрые сборы. Теперь Троцкий, лишенный помощников, вместе со старшим сыном следил, чтобы в первую очередь были упакованы все его бумаги и книги. Молча удивлялись оба: почему их не изымают?

Через год-другой, когда Троцкий развернет за рубежом бурную литературную деятельность, Сталин будет рвать и метать: кто разрешил Троцкому вывезти его личные архивы? Будет арестовано несколько человек. В частности, будут репрессированы чекисты Буланов, Волынский, Фокин и некоторые другие. Но Сталин уже жил в тоталитарной системе, которая начинала быстро твердеть, и еще не понимал, что в такой системе директива — высшее откровение, высший смысл и высшая истина. А в директиве на высылку Троцкого чиновники не предусмотрели запрещающего пункта о вывозе бумаг. Ну а раз нет запрещения, значит, верхи разрешают...

Почти через год после прибытия Троцкого в Алма-Ату кортеж из нескольких машин двинулся от малозаметного одноэтажного кирпичного дома. Опять отдельный вагон, охрана и неизвестность. Троцкий каждый день требовал ясности: куда его везут? Он требовал встречи с детьми в Москве: Сергеем и Зиной. Он требовал гарантий безопасности. Его беспокоило, что везде — в Финляндии, Прибалтийских республиках, Польше, Германии, Франции, Болгарии — было множество белоэмигрантов. Это те люди, которых Красная Армия, руководимая им, вышвырнула за рубеж, сделала бездомными, несчастными, озлобленными. Уж они-то припомнят изгнаннику все свои беды! Каждое утро начиналось с категорических требований ясности его будущего. В крайнем случае Троцкий был согласен вынужденно эмигрировать в Германию. Наконец он пригрозил голодовкой. Тогда на каком-то глухом полустанке однокорейной дороги вагон отцепили и поставили в тупик. Троцкого не пустили, конечно, в Москву, но доставили на полустанок младшего сына Сергея и невестку. Через день-другой объявили: место изгнания Турция, Константинополь. Троцкий вновь послал телеграмму с протестом:

”ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ИККИ

1. Представитель ГПУ сообщил, что германское с.д. правительство отказало мне в визе. Значит, Мюллер и Сталин сходятся в политической оценке оппозиции.

2. Представитель ГПУ сообщил, что я буду передан в руки Кемалю против моей воли. Значит, Сталин сговорился с (души-

телем коммунистов) Кемалем о расправе над оппозицией как над общим врагом.

3. (Представитель ГПУ отказался говорить о минимальных гарантиях против белогвардейцев — русских, турецких и иных — при моей принудительной высылке. При этом кроется прямой расчет на содействие белогвардейцев Сталину, которое принципиально ничем не отличается от заранее обеспеченного содействия Кемалю... Заявление представителя ГПУ, будто "охранная грамота" дана Кемалем на мои вещи за вычетом оружия, т.е. револьверов, есть фактическое разоружение меня на первых же шагах перед лицом белогвардейцев...)

Сообщаю вышеизложенное для своевременного закрепления ответственности и для обоснования тех шагов, которые сочту нужным предпринимать против чисто термидорианского вероломства.

7—8 февраля 1929 г.

*Троцкий*¹⁵⁵.

Взятое в скобки Троцкий вычеркнул, когда текст отдал для печати в Константинополе.

Но Москва непреклонна: только Турция. Вагон с изгнанником устремляется на юг. Его прицепляют к разным поездам, запрещая семье Троцкого, собравшейся почти в полном составе, где-либо выходить. Наконец 10 февраля Троцкого доставили в Одессу. Здесь состоялось прощание с младшим сыном и невесткой. Навсегда. Больше они никогда не увидят друг друга. Обнимая Сергея, отец говорил:

— Не грусти, сын. В мире все меняется. Изменится многое и в Москве. Мы вернемся... Обязательно вернемся!

Чекист Федор Павлович Фокин поторопил их:

— Гражданин Троцкий, пора...

Фокин, начальник паспортного отдела Главного управления милиции СССР, получил задание сопровождать Троцкого из Алма-Аты до Константинополя. Со смешанным чувством он смотрел на изгнанника. Совсем недавно его имя произносилось с благоговейным трепетом: всемогущий, пламенный, вечно выступающий, всегда спешащий, уверенный, привлекательный народный комиссар... И, наоборот, последние два-три года в печати, в докладах на партийных собраниях, митингах, постоянно мелькали малопонятные слова "троцкист", "троцкисты", "капитулянты". Что-то враждебное слышалось в самой интонации, с которой произносились эти слова. Всем внушали: это те люди, которые против построения социализма, того

общества, ради которого состоялась революция, ради которого вынесли кровавую гражданскую войну. Человек-загадка...

Фокин выслушал доклад сотрудников ОГПУ о том, что ящики с бумагами Троцкого на пароход загружены, чемоданы в каюту занесены, все документы выправлены. За окном вагона — мрак зимней одесской ночи. Поверх заношенного свитера Троцкий надел старенькое пальто, взял в руки баул с наиболее ценными вещами, еще раз обнял Сергея и невестку и пошел впереди Натальи Ивановны и Льва к выходу. Сквозь темень необычно морозной ночи виднелись редкие огни Одессы, с которой у него так много было связано. Держа за руку жену, Троцкий поднялся на борт судна, успев прочесть на борту в свете тусклого фонаря его название: "Ильич". Усмехнувшись, изгнанник мог подумать: тот, кто спит вечным сном в Мавзолее на Красной площади, не мог и предположить, что система, которую они так страстно и яростно создавали, не останавливаясь ни перед чем, уже через десятилетие начнет пожирать своих вождей.

Оглянувшись, Троцкий увидел лишь плотно оцепленный военными причал. Сергея и его жены уже не было — их сразу же удалили. Агасфер вновь вступил на свою вечную тропу. Начался новый исход. Пароход дрогнул и медленно двинулся за ледоколом, раздвигающим прибрежный крепкий припай. Огни Одессы быстро погасли. Для Троцкого — навсегда. За спиной осталась надвинувшаяся на Родину длинная ночь революции. А ведь она, революция, всегда была его главной любовью. Неужели права Зинаида Гиппиус, когда в своих "Рыжих кружевах" представила революцию в образе пустоглазой, проворной девки с красной лейкой, поливающей стылые камни?¹⁵⁶

Подплывая почти через сутки к Константинополю, Троцкий попросил сына Льва пригласить в каюту Фокина. Когда тот зашел, Троцкий молча вручил своему охраннику незапечатанное письмо и сказал:

— Можете прочесть. Передайте по возвращении своему начальству.

Помолчав, добавил:

— Я вас не задерживаю.

Фокин, не произнеся ни слова, вышел и в своей каюте, запершись, прочел разборчивый текст, написанный Троцким:

"Уполномоченному ГПУ тов. Фокину.

Согласно заявлению представителя ОГПУ Булатова, Вы имеете категорическое предписание, невзирая на мои протесты,

выселить меня путем применения физического насилия в Константинополь, т.е. передать в руки Кемалю и его агентов.

Выполнить это поручение Вы можете потому, что у ГПУ (т.е. у Сталина) имеется готовое соглашение с Кемалем о принудительном водворении пролетарского революционера в Турцию объединенными усилиями ГПУ и турецкой национал-фашистской полиции.

Если я в данный момент вынужден подчиниться этому насилию, в основе которого лежит беспримерное вероломство со стороны б. учеников Ленина (Сталина и К°), то считаю в то же время необходимым предупредить Вас, что неизбежное и, надеюсь, недалекое возрождение Октябрьской революции, ВКП(б) и Коминтерна на подлинных основах большевизма даст мне, рано или поздно, возможность привлечь к ответственности как организаторов этого термидорианского преступления, так и его исполнителей.

Л.Троцкий.

12 февраля 1929 г. Пароход "Ильич" при приближении к Константинополю¹⁵⁷.

Фокин по возвращении в Москву сдал начальству этот последний документ, написанный Троцким на советской территории (борт судна "Ильич" являлся таковым), но по какому-то внутреннему побуждению снял копию для себя и хранил ее дома. Однажды поделился содержанием этого письма с одним из сослуживцев. В годы безумия этот сослуживец сообщил о "троцкистском документе", хранимом Фокиным, "куда следует". В 1938 году Фокин был арестован по личному распоряжению Ежова. Следствием руководил Абакумов, работавший тогда начальником Ростовского НКВД (а Фокин к этому времени был начальником Ростовского управления милиции). Подсознательное стремление человека сохранить маленький штрих из портрета павшего с высоты изгнанника стоило ему долгих лет сталинских лагерей.

...Приближаясь к Константинополю, Троцкий завершил любопытный документ, который отразил целый этап его жизни, связанный с ссылкой и депортацией. В архиве он сохранился под названием "Хронология". Вел ее сам Троцкий и его старший сын.

"Хронология.

Первые числа января 1928 г. Объявление выселок. Астрахань как место ссылки Л.Д.

12—13 января	Постановление о высылке в Алма-Ату в трехдневный срок.
16 января	День, назначенный для отъезда. Демонстрация. Отмена отъезда.
17 января, утром	Отъезд в Алма-Ату.
17—26 января	В пути.
26 января, на рассвете	Прибытие. "Джетысуйские номера".
Конец марта	Переезд на пост. квартиру.
Июнь	Переезд за город.
Смерть Нины	Ухудшение здоровья.
Конец июня до 22 июля	Работа над документами к VI конгрессу.
15—22 июля	Отправка документов.
— " — " —	Присоединившихся свыше 200, получение телеграмм.
Сентябрь—октябрь	Новое ухудшение здоровья, требование перевода.
Конец октября — начало ноября	Большая охота (фазаны). Почтовая блокада.
5—6 ноября	Возвращение.
16 декабря	Первый визит Волынского, ультиматум ГПУ.
Декабрь до 20 января 1929 г.	Усиленная слежка.
20 января	Объявление о высылке за границу.
22-го января, рассвет	Отъезд.
29 января — 8 февраля	Стоянка в глуши.
10 февраля 1929 г.	Приезд в Одессу.
12 февраля 1929 года	Прибытие в Константинополь ¹⁵⁸ .

Печальная хронология последнего года Троцкого на родине, которую он не по своей воле покинет навсегда. Для отверженного революционера начнется последняя одиннадцатилетняя глава его жизни.

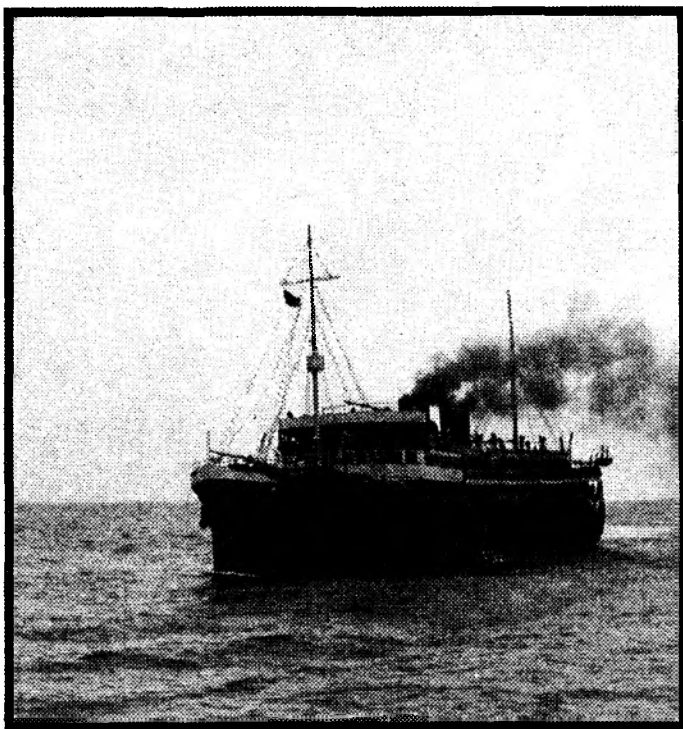
...Пароход "Ильич" медленно подходил к дальнему прича-

лу Константинополя. Человек, заложивший вместе с Лениным основы мощной и зловещей государственной системы, был ею решительно отторгнут. Не потому, что он не подходил, а потому, что на вершине этой системы было место только для одного. Начиналась последняя, трагическая глава судьбы отверженного революционера. Роль этой главы для истории особая. Не будь ее, остался Троцкий в послушном и безликом окружении Сталина, сегодня его судьба интересовала бы нас не больше, чем жизнь таких высокопоставленных партийных функционеров, как Андреев, Калинин, Шверник, и других бонз большевистского режима.

Троцкий оказался первым человеком, с начала и до конца не принявшим Сталина и его диктатуру. Первым из тех, кто ее самоотверженно создавал и защищал. Для Троцкого нежеланная турецкая земля станет очередным плацдармом борьбы с тем, кто, по его мнению, совершил российский термидор. Если бы Троцкий почитал Бердяева, то мог бы сказать самому себе его словами: "...в самом революционном социализме можно обнаружить дух Великого Инквизитора"¹⁵⁹. Он не просто его обнаружил. Он столкнулся с этим Инквизитором и проиграл. Но не сдался и был намерен продолжать борьбу. До конца.

глава 2

Скиталец без визы

*Революции всегда бывают
неблагодарны...*

Н. Бердяев

Когда "Ильич", медленно маневрируя на рейде, пробирался к месту своей стоянки, Троцкий, зябко кутаясь в свое пальтишко, имел все основания думать, что Константинополь — ловушка. Возможно, его просто интернируют или вышлют куда-нибудь еще. Но больше всего Троцкий боялся стать объектом покушения белогвардейцев, которых осело здесь во время массового исхода из Советской России немало. Думаю, последнее предположение имело немалые основания. Именно Сталин настоял на высылке Троцкого в Турцию. Он прекрасно знал, сколько здесь недругов, и, видимо, надеялся, что его главный оппонент будет устранен чужими руками. В то время генсек не решился на физическое устранение Троцкого в СССР, но очень хотел, чтобы это сделал кто-то другой. Зная Сталина, на основе долгого изучения его как руководителя и человека, считаю, что кремлевский горец очень рассчитывал на это.

Подплывая к Константинополю, Троцкий мог вспомнить один любопытнейший эпизод, связанный с этим городом.

Весной 1921 года Ленин позвонил Троцкому и попросил ознакомиться с одним совершенно секретным документом (кстати, пролежавшим 70 лет в секретном ленинском фонде!). Чичерин докладывал предложение советского резидента в Константинополе, некоего Е. Тот предлагал "захватить Константинополь руками врангелевцев", а затем отдать город кемалистам. "Тогда же, — говорилось в донесении, — врангелевцы без труда займут Андрианополь и Салоники; там появятся наши комиссары, и едва державшиеся балканские правитель-

ства будут опрокинуты, что может иметь громадный эффект и дальше Балкан...” Загадочный Е. просил дополнительно деньги, которые по решению Политбюро ”уже направлялись в Турцию для пропаганды среди русских солдат”.

Троцкий, едва ознакомившись с бредовым планом, на этом же документе написал: ”Предприятие, ради которого вызывался Р., считаю авантюрой. 95 шансов на провал; 4,9 шанса на разгром даже в случае временного успеха... 1 мая 1921 года”¹.

...Теперь эти врангелевцы, на которых большевистское руководство в свое время тратило валюту, пытаясь распропагандировать их, могли расправиться с Троцким.

Как только пароход причалил к берегу, на борт поднялись представители турецких властей. Однако на борту кроме команды оказались лишь Троцкий с женой и сыном и четыре сотрудника ОГПУ. Сталин организовал, как сказали бы сейчас, морской ”спецрейс”. Когда офицер пограничной охраны подошел к Троцкому за документами, тот вначале протянул ему лист бумаги, где рукой изгнанника было написано заявление президенту:

”Милостивый государь.

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию.

Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства.

12 февраля 1929 г.

*Л.Троцкий*².

Офицер повертел заявление с текстом на чужом языке и сунул его в портфель. На берегу изгнанника ждал автомобиль и два представителя советского консульства. Неожиданно для Троцкого сотрудники консульства встретили его почти радушно, отвели ему с семьей две комнаты, привезли багаж, проявили знаки внимания как к высокопоставленному (хотя и бывшему) государственному деятелю.

Для семьи Троцкого будущее было туманно. Он первым делом отправил письма и телеграммы своим многочисленным знакомым в Париж, Берлин, Софию, Варшаву, Прагу, Лондон. Нужно было определиться, в качестве кого он будет находиться в консульстве, долго ли его намерены здесь держать, на что будет жить его семья. Депортированный революционер мог вспомнить, как перед самой высадкой в Константинополе че-

кист Фокин вручил ему пакет с деньгами, в котором оказалось полторы тысячи долларов. Троцкий хотел было не брать их, но в кармане у него ни гроша... А с ним семья.

Около двух недель семейство прожило в консульстве, пользуясь на первых порах услугами и вниманием его сотрудников. Но затем все быстро и резко изменилось. Дело в том, что в первые же дни пребывания в Турции Троцкий установил контакты со своими близкими друзьями из Франции — Маргаритой и Альфредом Росмерами, которые сразу же вывели на него газетчиков. Известный своей "скорописью", Троцкий немедленно подготовил несколько статей для крупных западных газет, объясняя причины и обстоятельства своего появления в Турции. Материалы тут же были опубликованы в Париже, Нью-Йорке, Берлине. Советским послам в этих странах теперь прибавилось работы: нужно было ежедневно сообщать в Москву о заявлениях и статьях Троцкого, откликах общественности, оценках государственных деятелей самого факта высылки одного из главных творцов русской революции.

Принцезы острова и планета

Как только в Москву пришли телеграммы о публикациях Троцкого в западных газетах, все, повторяю, в положении изгнанника изменилось. Консул, следуя жестким инструкциям, предложил Троцкому покинуть служебное помещение. Правда, дипломат добавил, что Троцкий и его семья могут еще несколько дней оставаться в здании, где живут сотрудники консульства.

Наталья Ивановна с сыном начали поиски жилья, а Троцкий продолжал писать, встречаться с журналистами, искать каналы связи со своими сторонниками в ряде стран. Он получил уже письма и телеграммы с выражением поддержки и готовности помочь не только от Росмеров из Парижа, но и от литературного критика из США Эдмунда Вильсона, супругов Вебб, Герберта Уэллса, Герберта Сэмюэля из Англии, группы сторонников из Берлина, от некоторых других. Позже Троцкий получил послание и от Бориса Суварина, Мориса Пасса, других друзей и знакомых, готовых оказать ему помощь. Эта поддержка весьма ободрила изгнанника, и он почувствовал, что

его нынешнее положение имеет не только минусы, но и немало плюсов.

...Однако через несколько дней консул предложил незамедлительно покинуть территорию представительства и даже угрожал выселить с применением физического насилия. Троцкий 5 марта 1929 года сделал письменное заявление, в котором констатировал: Константинополь кишит белогвардейцами, его, Троцкого, отдадут на легкую расправу врагам революции. Москва не разрешает Сермуксу и Познанскому приехать к нему и требует, чтобы он "подставился добровольно под удары белогвардейцев". Троцкий обвинил ЦК ВКП(б) "в ликвидации безопасности для его семьи, в расчете расправы над ним белых русских"³.

Консул не хотел принимать протест. Он был напуган грозными телеграммами из Москвы. Что же вызвало такой гнев в советской столице? Почему Сталин спешил быстрее вытолкать за порог советского учреждения человека, который и сейчас был более известен в мире, чем хозяин Кремля?

Сталина особенно возмутило содержание двух статей, появившихся в конце февраля 1929 года в Париже. Одна из них называлась "Таков ход событий". Сталинский карандаш основательно "прошелся" по строкам перевода: "...наше отношение к октябрьской революции, Советской власти, марксистской доктрине и большевизму остается неизменным. Исторический процесс мы не меряем коротким метром личной судьбы... Свою высылку из Советского Союза я не считаю последним словом истории. Речь, конечно, идет не о личной судьбе. Пути исторического реванша будут, конечно, извилисты..." Далее Троцкий дает длинный перечень оппозиционеров, загнанных в сталинские ссылки, и добавляет: "...важнее, однако, политически тот неоспоримый факт, что заслуги сосланных перед Советской республикой неизмеримо выше, чем заслуги тех, которые их сослали..."⁴

Сильнейший гнев Сталина вызвала другая большая статья, написанная Троцким и появившаяся сразу в нескольких буржуазных газетах. Она была озаглавлена: "Как могло это случиться?". Еще никогда публично Сталина так убийственно не критиковали. В самом же начале статьи Троцкий ставит вопрос: "Что такое Сталин?" — и тут же отвечает: "Это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии... Политический его кругозор крайне узок. Теоретический уровень столь же примитивен. Его компилятивная книжка "Основы ленинизма", в которой он пытался отдать дань теоретическим традициям

партии, кишит ученическими ошибками... По складу ума это упорный эмпирик, лишенный творческого воображения... Его отношение к фактам и людям отличается исключительной бесцеремонностью. Он никогда не затруднится назвать белым то, что вчера называл черным... Сталинизм — это прежде всего автоматическая работа аппарата...»⁵

Дальше — в этом же духе. Сталин распорядился пригласить Ярославского, члена Президиума ЦКК ВКП(б). Когда Ярославский пришел, Сталин молча кивнул ему, сунул в руки перевод статьи Троцкого, показал на стул:

— Читай. Подумай, как ответить мерзавцу...

А тем временем изгнанник в Константинополе искал пристанища. Обсуждая с женой и сыном планы проживания в этом городе, Троцкий неожиданно вспомнил, что именно здесь, в Константинополе, в ноябре 1873 года родился его бывший товарищ, а затем непримиримый политический противник Юлий Осипович Цедербаум (Л.Мартов)... Жизнь непредсказуема: Мартова давно нет, а вот он теперь здесь. Троцкий почувствовал, что после того как пресса раскрыла его новое местопребывание, необходимо достаточно надежное новое жилье. Один из сотрудников консульства, служивший под началом Троцкого на фронте, уловив момент, осторожно сказал изгнаннику:

— Самое надежное место — на каком-нибудь острове в Мраморном море: там относительно безопасно и Константинополь близко.

— Пожалуй, верная идея, — пристально посмотрел Троцкий на незаметного человека средних лет.

И уже к вечеру следующего дня пристанище было найдено: остров Принкипо, в полутора часах плавания на пароходке от Константинополя. На крошечном островке разместился небольшой рыбацкий поселок, куда раз в сутки приходил маленький пароходик, привозя двух-трех пассажиров и забирая рыбу. Любопытный Троцкий тут же узнал, что в старые времена остров был местом ссылки знати, на которую пал гнев византийских императоров.

Троцкий снял старый дом и с помощью двух приехавших из Германии сторонников привел его в состояние, пригодное для жизни и работы. Усилиями Натальи Ивановны в доме появились даже признаки уюта. Впрочем, Троцкий не собирался здесь долго оставаться: уже пошли его запросы в Париж и Берлин о разрешении для проживания там ему и его семье. Он еще

не знал, что предполагаемое кратковременное пребывание на острове продлится долгие четыре года...

Троцкий сразу же начал много писать, изредка прерываясь, чтобы выйти в море с рыбаками, с которыми быстро сошелся. Из его писем видно, что он увлекся рыбной ловлей. В своем письме к Елене Васильевне Крыленко-Истмен он пишет: "...у меня есть к вам большая просьба по рыболовной части. Не сможете ли вы мне купить рыболовный шнурок — для подводных удочек, который употребляют на больших рыб... Хорошо бы метров 200". Через полтора месяца пишет ей же: "Шнурок для рыбной ловли получил с благодарностью..."⁶ Но чтобы жить здесь, нужны были деньги. "Сталинской подачки" хватило лишь на первое время. Пришло, правда, несколько переводов от семьи Росмеров и супругов Пассов. Но этого было явно мало. Предстояло теперь жить и кормить себя, семью, а также двух-трех секретарей, без которых Троцкий уже обходиться не мог. Тем более что он решил выпускать небольшой журнал "левой" оппозиции. Нужны были деньги. Их мог дать только его литературный труд.

Имя Троцкого было столь известно, что желающих публиковать его произведения оказалось немало. Уже за первые его статьи в "Дейли экспресс", "Нью-Йорк геральд трибюн", "Нью-Йорк таймс" и других газетах, как пишет Дж. Кармайкл, Троцкому заплатили 10 тысяч долларов. Несколько позднее он договорился напечатать свои мемуары "Моя жизнь" в одном американском издательстве и получил аванс в семь тысяч долларов, согласился опубликовать (в виде статей) книгу "История русской революции" в "Сатердей инвинг пост" — и это принесло ему в общей сложности еще 45 тысяч долларов⁷. По тем временам это были уже достаточно солидные деньги. Но... все дело в том, что авансы Троцкий брал под ненаписанные книги. Их еще нужно было создать, выстрадать. И как бы ни был талантлив автор, создание книги — каторжный труд. Но другого выхода не было. Учитывая любовь Троцкого к писательству, это было для него желанной "каторгой".

Устав от работы за столом, Троцкий задумчиво ходил по каменистому берегу, подолгу глядя на север, где находилась отторгнутая от него родина. Это была его третья эмиграция. Изгнанник верил, что его или вновь позовут в Москву, или там произойдут перемены, которые сделают возможным его возвращение — если не с триумфом, то с почетом. До 1934 года у Троцкого была уверенность (правда, она постепенно убывала), что Сталина партия долго терпеть не будет. Диктатор сломает

себе шею на коллективизации и борьбе с правыми, полагал поначалу Лев Давидович. А пока он должен делать все возможное, чтобы развенчать Сталина, показать его ограниченность, ущербность проводимого им курса. Троцкий много и с удовольствием писал, страдая лишь от недостатка информации, поступавшей к нему с родины. В один из дней он направил сына в Константинополь со знакомым рыбаком, где сын купил радиоприемник, с помощью которого теперь иногда удавалось сквозь шумы и шорохи эфира услышать русскую речь из далекой Москвы...

В начале марта 1930 года, сидя перед радиоприемником, Троцкий услышал голос диктора, передающего новую статью Сталина, опубликованную в "Правде" и названную "Головокружение от успехов". Приемник хрипло и с перерывами выплевывал слова, написанные его смертельным врагом. Нет, почему его? Врагом настоящего, ленинского большевизма, как полагал далекий радиослушатель. "...На 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР, — читал диктор статью. — Это значит, что мы *перевыполнили* пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое". Но затем вдруг, вместо комментариев этих успехов, голос Москвы стал говорить о "головотяжской работе", "забегании вперед", о попытках широкого обобществления всего и вся, а такая "политика может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам"⁸.

Троцкий расценил статью как большую неудачу Сталина и в письме своим американским сторонникам охарактеризовал ситуацию таким образом: "Новое отступление Сталина, столь точно предсказанное оппозицией, будет иметь крупные политические последствия... Это отступление составляет жестокий удар для революции в целом. Будет чрезвычайное потрясение авторитета сталинской фракции и новый прилив к левой оппозиции..."⁹

Троцкий явно выдавал желаемое за действительное и вместе с тем продолжал настаивать на своей левацкой позиции в крестьянском вопросе. В действиях Сталина Троцкий усматривал не просто ошибки, но и "торможение" революции.

По истечении двух-трех месяцев вынужденного затворничества на Принкипо Наталья Ивановна с мужем увидели, как тяготится без дела сын, как он скучает по семье, оставшейся в Москве. Письма получали оттуда редко: как выяснилось, большинство их, как и раньше, оседало в ОГПУ. Старший сын был гордостью отца: полное совпадение убеждений, бойцовский ха-

ракти, умение ориентироваться в хитросплетениях партийной и международной политики. После долгого семейного совета решили поддержать намерение Льва поехать в Москву и определиться по обстановке: остаться там или с семьей выехать к отцу. Предполагалось решить и вопрос о будущем Сергея, который увлекся наукой и едва ли согласится перейти, как старший брат, на положение политического кочевника.

Лев съездил в советское консульство, запросил разрешение на возвращение в Москву. Ему обещали быстро ответить, но шли недели, а представительство молчало. Тогда отец помог написать еще одно заявление:

”В коллегия ОГПУ, копия — в Президиум ЦИК СССР

Я обратился 13 июля с.г. в Генеральное консульство СССР в Константинополе с просьбой дать мне справку, нужна ли мне — советскому гражданину — виза для обратного возвращения в СССР. Консульство затребовало мой паспорт (я его сдал) и обещало дать ответ через несколько дней. С этого времени прошел месяц. Я обратился в консульство вторично (8 августа с.г.) также без результата.

Убедительно прошу ускорить прохождение этого вопроса, тем более, что ни формальных, ни по существу мотивов к отказу существовать не может. Ехал я вообще сюда лишь временно, в Москве у меня живет семья и пр.

Л.Л.Седов¹⁰.

Конечно, консульство само ничего решить не могло. Шестерни бюрократической машины медленно завращались, ”перемальвая” заявление, пока наконец Енукидзе не доложил лично Сталину о просьбе сына Троцкого. Тот только усмехнулся и сказал:

— А сам не просится обратно? — И, помолчав, бросил: — С ним все кончено. Как и с его семьей... Отказать.

Енукидзе понимающе улыбнулся, и в тот же день на прошение Л.Л.Седова начертал резолюцию: ”Сообщить, что отказано. Енукидзе. 24.VIII.29 года”¹¹. Пути возвращения в Москву к своей семье сыну Троцкого были отрезаны. Но скоро работа, к которой подключит его отец, целиком захватит Льва Седова, и он станет до самой смерти правой рукой Троцкого, отвечая за издательскую деятельность, связи и контакты со множеством мелких групп троцкистов в Европе, ну и, наконец, за безопасность отца.

Еще когда вагон с Троцким катил к Одессе, изгнанник от-

правил в Москву несколько телеграмм с просьбой разрешить уехать с ним его секретарям Познанскому и Сермуксу. Находясь на пароходе, Троцкий в упор спросил Федора Павловича Фокина:

— Почему нет ответа из Москвы, отпустят ли со мной товарищей Сермукса и Познанского?

— Да, конечно, отпустят, они прибудут в Константинополь другим пароходом...

— Обманете, как и раньше...

Конечно, никто и не собирался отпускать помощников Троцкого: ведь они резко повышали его "производительность", вели всю переписку, несли на своих плечах большую организационную работу. Судьба секретарей Троцкого исключительно печальна. Пройдя ряд лагерей, они навсегда сгинули в злобещем ГУЛАГе, не оставив никаких следов. Еще раньше был доведен до самоубийства Глазман, умер в тюрьме управляющий канцелярией Троцкого Бутов. Все, кто были около Троцкого в разное время, испили самую горькую чашу до дна. Содержимое этой чаши готовилось по рецептам того, кто остался за кремлевскими стенами. Троцкий долго, с тоской и горечью вспоминал своих верных помощников, которым в значительной степени обязан таким обилием опубликованных статей, речей, докладов, книг. Они ловили его мысли на лету, записывали, редактировали, готовили к печати, подбирали литературу, переводили, уточняли. Наверное, литературный силуэт Троцкого был бы много расплывчатее и бледнее, не будь в свое время с ним этих преданных и грамотных людей.

Скоро Троцкий узнал и о реакции Москвы на свои первые турецкие публикации. Месяца через два он стал получать бандероли с комплектами "Правды", "Большевика", весьма определенно отозвавшихся на голос Троцкого из-за кордона. Например, "Правда" поместила заявление 38-ми его бывших сторонников, демонстративно порывавших с Троцким и осуждавших его выступления в буржуазной прессе¹². "Тяжелая артиллерия" заняла свои позиции в главном теоретическом органе ВКП(б) — журнале "Большевик". Там с двумя разгромными статьями выступил Ем.Ярославский. Троцкий давно не любил этого большевика. Еще во время первой русской революции он отметил для себя беспринципность этого человека, готового служить тому, кто сильнее. Будучи затем редактором газеты "Деревенская правда", членом партийного центра по руководству восстанием в Москве, первым комиссаром Кремля, Ярославский проявил себя исполнительным, не лишенным

творческого воображения человеком. Однако, когда он стал заниматься историей партии, быстро показал себя послушным и понятливым интерпретатором сталинских взглядов. Но Ярославский поддерживал не только взгляды, но и действия Сталина. Выступая на январском (1938 г.) Пленуме ЦК, он "успокаивал" коллег, что "мы в состоянии выдвинуть вместо разоблаченных врагов десятки и сотни тысяч достойных людей..."¹³ Ярославский считал сталинский террор естественным продолжением революционного процесса. В 1936 году в его руках окажется письмо Н.И.Седовой (распространенное партаппаратом среди московского руководства) о судьбе сына Сергея. Ярославский хорошо знал обоих сыновей Льва Давидовича, но, конечно, заступаться за младшего сына Троцкого не стал. Ему не доведется узнать, что такое смерть сына... Это случится уже после того, как бывшего председателя Союза воинствующих безбожников и старосты Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев Ем.Ярославского уже не будет в живых. 11 января 1947 года Сталину доложат: "Два дня назад в 22.30 в гостинице "Центральная" выстрелом из браунинга покончил с собой сын Ем.Ярославского — В.Е.Ярославский..."¹⁴ Но я отвлекся...

Троцкий не без брезгливости прочел первую статью Ярославского: "Мистер Троцкий на службе у буржуазии, или первые шаги Л.Троцкого за границей", а затем и вторую — "Как "отвечает" Троцкий и как рабочие отвечают Троцкому". Набор выражений обеих статей был уже обычным для советской печати того времени: "контрреволюционные призывы Троцкого", "рекорд глупости", "возвращение к меньшевикам", "плевок по адресу Советского Союза", "блудливая, ренегатская троцкистская правда", "полное идейное банкротство и перерождение Троцкого" и т.д. Отсутствие аргументов компенсировалось, как обычно, крепкими выражениями. Однако две основные идеи у Ем.Ярославского все же выделить можно. Он полагал, что Троцкий разоблачил себя полностью, получив за свои публикации "крупную сумму долларов". Как пишет сталинский автор, "живой политический покойник, живой ренегат сторговывается, за сколько продать свою клевету...". Оказывается, даже известно, за сколько: "По некоторым данным за статьи ему заплачено больше 10 000 долларов, по другим — около 25 тысяч..."¹⁵

Другая идея статей Ярославского — осуждение Троцкого как ренегата за сам факт публикации статей в буржуазной печати. Классовая девственность сталинского идеолога не допуска-

да даже возможности "обращаться к классовым врагам пролетариата, пользоваться их услугами для публикации своих инсинуаций"¹⁶.

Троцкий, читая эти казенные, разносные статьи, мог подумать: для Ленина не было зазорным печататься в буржуазной прессе, критикуя меньшевиков. Это не считалось предосудительным. Неужели Сталин, исключив своего главного оппонента из партии, вытолкнув его за кордон без средств к существованию, мог рассчитывать на то, что тот навсегда замолчит и притихнет? Нет, выбор Троцким сделан давно. Он будет бороться всеми доступными для него политическими и идейными средствами. Будет бороться со Сталиным и его оруженосцами. Такими, как Ем. Ярославский. Ему, кстати, он посвятит еще не один абзац своих будущих статей и даже создаст блистательные сатирические зарисовки, например, "Советские плутархи". Троцкий напишет в этой статье всего несколько строк: "При царе Давиде летописцем состоял некий муж, по имени Гад. Был ли он академиком, неизвестно. Но историк Ярославский происходит, несомненно, от этого Гада по прямой линии... Ходят слухи, что ввиду особых заслуг этой корпорации по "чистке" истории, Кремль намерен ввести особый знак отличия: орден имени Плутарха. Однако сам Ярославский опасается, что это имя может посеять в народе соблазн. "Плутархи? — удивится иной обыватель, не получивший классического образования, — Плут-архи? А, может быть, просто архи-плуты?"¹⁷

Перед Троцким стояли задачи: прежде всего наладить регулярный выпуск "Бюллетеня оппозиции" и распространить его в максимально возможном количестве стран, включая и СССР; создать центр сплочения марксистских сил, противостоящих бюрократическому социализму; попытаться установить связь со своими сторонниками в Советском Союзе.

...Устало разогнувшись к концу дня за письменным столом, Троцкий долго смотрел в окно на притихшее, безмятежное море, окрашенное багрянцем заходящего солнца. Он уже начал терять надежду, что его позовут обратно. Нужно было привыкать жить в положении человека, по его выражению, "без паспорта и визы". Есть люди, которые после триумфов и взлетов хотят только покоя, пишут воспоминания, не спеша перебирая в памяти былое. Но Троцкому этого было недостаточно. Его цель — борьба с кремлевским победителем. В своем письме в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК, написанном на Принкипо, Троцкий писал, что "левая" оппозиция не сложит политического оружия и будет сражаться со Сталиным до конца. "Полити-

ческая судьба Сталина, развратителя партии, могильщика китайской революции, разрушителя Коминтерна, кандидата в могильщики немецкой революции, предрешена. Его политическое банкротство будет одним из самых страшных в истории...¹⁸ Изгнанник не только сделал свой выбор, но и определился в отношении средств этой борьбы: политическая, идеологическая, литературная формы критики и разоблачения сталинского режима, организация альтернативных Коминтерну структур, борьба за влияние среди рабочих различных стран.

Роясь в своих бумагах, Троцкий случайно открыл подаренную старым другом семьи, Анной Константиновной Клячко, жившей в Вене, книгу "Письма Марка Туллия Цицерона" на любопытной странице: "Следует ли оставаться в отечестве, когда оно под властью тирана? Следует ли всяким способом домогаться избавления от тирании, если даже вследствие этого государству в целом будет угрожать опасность? Следует ли пытаться помочь отечеству, угнетаемому тираном, используя удобный случай, и словами, а не войной? Подобаает ли государственному деятелю сохранять спокойствие, удалившись куда-нибудь из отечества, угнетаемого тираном, или идти на всяческую опасность ради свободы?..."

Вопросы Цицерона, обращенные к Титу Помпонию Аттику, как будто адресовались из глубины столетий и ему, Льву Троцкому. И он был готов отвечать на новые грозные вызовы судьбы. А их было много: Коминтерн, превратившись в значительной мере в московский коммунистический орган, мобилизовал все свои силы для дискредитации Троцкого как политического деятеля, для компрометации многочисленных группировок, которые его поддерживали, для широкой идеологической войны против троцкизма вообще. Вместе с этим, Сталин не отказался и от замысла использовать против Троцкого белую эмиграцию. Сам Троцкий всегда относился к белым враждебно. Когда он еще был в зените власти и славы, он написал в сентябре 1923 года конфиденциальное письмо командующему морскими силами Республики Е.А.Беренсу (на его запрос о зондаже гучковцев в Париже с целью примирения): "Переговоры надо прекратить. Указать переговорщикам, что считаете невозможным продолжение никого ни к чему не обязывающих переговоров"¹⁹. Он не хотел примирения с белогвардейцами. Таким же он остался и позже. В ноябре 1938 года в письме своим сторонникам советовал: "Из среды белых вербуются агенты-убийцы... поэтому следует категорически отказаться вступать в какие бы то ни было соглашения с белыми..."²⁰ Он не признавал, как ска-

зала бы З.Гиппиус, "чистоты белых риз". Его единственным цветом всю жизнь был красный.

Запад отнесся к высылке Троцкого настороженно, видя в этом коммунистический подвох. Изгнанные, "вчерашние", усмотрели в факте депортации Троцкого раскол в советском руководстве, глубокий кризис и, соответственно, надеялись на приход новых, лучших времен. Через два месяца после прибытия изгнанника в Турцию Ягода, Дерибас и Артузов — жрецы большевистской инквизиции — на основе донесения агентов Иностранного отдела ОГПУ могли доложить Сталину:

"Восьмого апреля в Праге состоялся закрытый доклад П.Н.Милокова, который верит, что большевики падут в сентябре с.г. и что очень удачен момент для создания за границей русской республиканской демократической партии... Кускова же считает, что "большой" революции нет оснований ожидать, но высылка Троцкого за границу может способствовать новому, еще более широкому нэпу, который даст стране свободу торговли, труда и т.д."²¹. Как быстро оторвались от российских реалий эти бывшие лидеры, склонные выдавать желаемое за действительное...

В средствах массовой информации сотрудниками ОГПУ была запущена версия о том, что действительная цель высылки Троцкого за рубеж — не наказание за оппозиционность, а внедрение в революционное движение Запада для его инициирования и нового подъема. Эта мысль, по замыслу авторов версии, должна была усилить враждебность к Троцкому, особенно со стороны тех, кого он вышвырнул из страны в результате гражданской войны, прежде всего белых офицеров. Сегодня есть основания считать, что велась и более целенаправленная, конкретная работа. В следующей главе я приведу несколько документов, резолюций Сталина, из которых станет ясно, что генсек уже давно начал организовывать охоту на Троцкого — фактически через два года после его депортации.

Сегодня известно, что, как только Троцкий поселился на Принкипо, за ним была установлена слежка. В деревушке, расположенной в нескольких сотнях метров от запущенной виллы, которую снял Троцкий, стали появляться не только журналисты и его сторонники. Одно время Троцкому настойчиво предлагал свои услуги в качестве секретаря Валентин Ольберг, давший через несколько лет "показания" в Москве против изгнанника. Появлялись и иные подозрительные субъекты, желавшие наняться к Троцкому телохранителями или прислугой. Новый обитатель виллы разорившегося паши всем вежливо отка-

зывал. Однажды ночью в марте 1931 года неожиданно загорелся дом, в котором жила семья Троцкого. Изгнанник писал в Париж Е.В.Крыленко: "Вместе с домом погорело все, что было с нами и на нас. Пожар произошёл глубокой ночью... Все вещи от шляп до ботинок стали жертвой огня, сгорела вся библиотека целиком, но по счастливой случайности сохранился архив, или, по крайней мере, важная его часть..."²² Позднее, уже в Мексике, анализируя происшедшее, Троцкий все больше склонялся к тому, что это был поджог.

По рекомендации Росмера и Снейвлита (голландский социалист. — Д.В.), Троцкий взял двух секретарей (сменилось их на Принкипо пятеро), а также несколько охранников из числа проверенных сторонников. Один из них, голландец Хеан ван Хейхеноорт, остался с ним до последней минуты его жизни и написал впоследствии книгу "С Троцким в изгнании. Из Принкипо в Койоакан". Турецкое правительство отрядило полдюжины полицейских для круглосуточной охраны прибежища изгнанника. Уже через три-четыре месяца после поселения на Принкипо Троцкий имел довольно надежную охрану. Но это не мешало ОГПУ вести непрерывное наблюдение за его виллой.

Поэтому, когда Я.Блюмкин (да, тот самый, который в 1918 г. убил в Москве немецкого посла Мирбаха), возвращаясь из Индии через Константинополь, встретился с Троцким, это сразу же стало известно ОГПУ. Троцкий провел с Блюмкиным день в разговорах, а когда пришел рейсовый пароходик, проводил его до пристани, отправив с ним в Москву несколько писем. (В свое время Троцкий спас этому человеку жизнь.)

Блюмкин, прибыв в Москву, побывал у К.Радека и передал ему пакет от Троцкого. Радек посоветовал гостю самому пойти в ОГПУ и рассказать о встрече в Константинополе. Посетитель ушел в тревоге и растерянности, а Радек тут же позвонил Ягоде и сообщил о вечернем визите Блюмкина, передав в органы нераспечатанный пакет, посланный ему изгнанником. Но Ягода и так был осведомлен о встрече Троцкого и Блюмкина.

Блюмкина сразу же арестовали и через несколько дней расстреляли, хотя кроме встречи с Троцким, которую обвиняемый не отрицал, ему нечего было инкриминировать. Узнав об этом, потрясенный Троцкий поместил несколько гневных протестующих публикаций по этому поводу, в одной из которых говорилось: "Блюмкин передал Радеку о мыслях и планах Л.Д. в смысле необходимости дальнейшей борьбы за свои взгляды. Радек в ответ потребовал, по его собственным словам, от Блюмкина немедленно отправиться в ГПУ и обо всем расска-

зать. Некоторые товарищи говорят, что Радек пригрозил Блюмкину в противном случае немедленно донести на него. Это очень вероятно при нынешних настроениях этого опустошенного истерика. Мы не сомневаемся, что дело было именно так⁷²³. Троцкому стало ясно, что даже контакты с ним сегодня равноценны смертному приговору. У него не было сомнения, что за ним следят и при удобном случае расправятся. Пока спасало его лишь удачное местонахождение и принятые меры предосторожности.

Вскоре Троцкому прислали сообщения некоторых западных газет (со ссылкой на Москву) о том, что группа белогвардейцев-эмигрантов заявила о своем намерении "отомстить хриstopродавцу и погубителю России Троцкому". В сообщениях упоминалось имя руководителя группы — генерала царской армии Антона Туркула.

Проходя однажды по длинному ряду могил участников белого движения на парижском кладбище Сен-Женевьев де Буа, я прочел на одной плите: "Генерал-лейтенант Антон Туркул". Сегодня никто точно не знает, готовил ли действительно царский генерал покушение на Троцкого. Но в 1931 году за рубежом об этом писали.

Известно, что изгнанник реагировал на это своеобразно. Он не стал ждать развития событий, а сделал упреждающие шаги — в частности, направил в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК письмо, предпослав ему гриф "совершенно секретно", хотя письмо было послано в Москву обычной почтой. В своем послании Троцкий утверждал, что он знает об "общем труде Сталина с генералом Туркулом", направленном против него. "Вопрос о террористической расправе над автором настоящего письма ставился Сталиным задолго до Туркула: в 1924—25 гг. Сталин взвешивал на узком совещании доводы за и против. Главный довод *против* был таков: слишком много есть молодых самоотверженных троцкистов, которые могут ответить контртеррористическими актами. Эти сведения я получил в свое время от Зиновьева и Каменева... Теперь Сталин огласил добытые ГПУ сведения о террористическом покушении, подготовляемом генералом Туркулом...

Я, разумеется, не посвящен в технику предприятия: Туркул ли будет подбрасывать дело рук своих Сталину, Сталин ли будет прятаться за Туркула — этого я не знаю, но это хорошо знает кое-кто из Ягод...

Настоящий документ будет храниться в ограниченном, но

вполне достаточном количестве экземпляров, в надежных руках, в нескольких странах. Таким образом, вы предупреждены!

4 января 1932 года.

*Л.Троцкий*²⁴.

Он не стал выжидать, а попытался припугнуть Сталина. Трудно сказать, было ли блефом "дело Туркула", или Сталин еще не мог "дотянуться" до Принкипо, однако дни изгнанника пока спокойно текли один за другим, изливаясь из вечного кувшина времени. Уже позже Троцкому стало известно, что и Каменев с Зиновьевым узнали о письме Троцкого в Политбюро и реагировали так, как этого и следовало ожидать — ведь они боролись за выживание:

"В ЦК ВКП(б)

Товарищи Ярославский и Шкирятов довели до нашего сведения письмо Троцкого от 4 января 1932 года, которое является гнусной выдумкой по поводу того, что якобы в 1924—25 годах мы с товарищем Сталиным обсуждали удобный момент для террористического акта против Троцкого... Все это является отвратительной клеветой с целью скомпрометировать нашу партию. Только большое воображение Троцкого, полностью отравленное жаждой устроить сенсацию перед буржуазной аудиторией и всегда готовое очернить своей злобной речью и ненавистью прошлое нашей партии, способно выдумать такую гнусную клевету..."²⁵

Для Зиновьева и Каменева письмо Троцкого было ударом. Их положение и так было очень шатко, а тут еще политический "робинзон", заботясь о собственной безопасности, подлил масла в огонь. Едва ли он поступил нравственно, ссылаясь на давние с ними разговоры, учитывая даже то, что его бывшие временные союзники, стремясь заработать индульгенции, вновь предают анафеме троцкизм. К слову, когда через три года Зиновьева и Каменева будут судить за "причастность" к убийству Кирова, это письмо Троцкого припомнят как одно из свидетельств их преступных связей.

Привыкая постепенно к жизни изгнанника, Троцкий не прекращал попыток выехать на жительство в одну из западных стран. Но по-прежнему ни одно правительство не хотело видеть у себя демона Октября. Наконец осенью 1932 года Дания разрешила ему приехать с Натальей Ивановной на неделю в Копенгаген по приглашению одной студенческой организации. Троцкому предстояло выступить с несколькими лекциями в ка-

нун 15-летия большевистской революции в России. Он надеялся, что ему удастся поселиться в Копенгагене надолго.

Но поездка оказалась горькой. В Афинах им с женой вообще не позволили сойти с корабля. В Италии разрешили сойти на берег, но под эскортом полицейских. Через Францию провезли транзитом, чета смогла побыть на парижском вокзале только один час! В Дании им тоже везде чинили препятствия: Троцкий должен был находиться под наблюдением полиции. Местные коммунисты устроили демонстрацию против приезда бывшего члена Исполкома Коминтерна. Протестовали и монархисты: "Троцкий причастен к убийству семьи Романовых". Буржуазная печать вспоминала все его "революционные грехи". Советский посол требовал немедленной высылки. Троцкому, правда, удалось повстречаться с группой своих сторонников из Германии, Дании, Франции и Норвегии, дать несколько интервью. Но все попытки "зацепиться" за Копенгаген кончились неудачей. Власти объявили "гостям", что по истечении семидневной визы они будут высланы. Так и случилось. Троцкому и его жене так же, в сопровождении полицейского эскорта, пришлось проделать и обратный путь... Даже с сыном Львом встреча была кратковременной. Вновь им пришлось превратиться в "робинзонов" Принкипо...

По инициативе Е.В.Крыленко была предпринята попытка получить визу для поездки в Америку с лекциями о русской революции и положении в СССР. Но еще до получения отказа Троцкий знал, что визы туда ему не дадут. "При моем нынешнем положении было ошибочно и поднимать этот вопрос", — писал изгнанник Елене Васильевне²⁶. Также не удалось попасть и в Прагу... Трубадура мировой революции никто не хотел принимать. Троцкий вызывал опасение у всех.

На Принкипо Троцкий начал приводить в порядок свои бумаги. Дело это оказалось непростым и долгим. Находясь затем во Франции, Норвегии, а в последние годы и в Мексике, ему пришлось заниматься систематизацией материалов, речей, постановлений, приказов, директив, писем, различных сопутствующих документов. Сидя на низком стульчике над очередным ящиком (какое счастье, что Сталин не догадался конфисковать их!), Троцкий медленно перебирал папки, отдельные листы, иногда задерживаясь на некоторых и откладывая их в сторону для текущей литературной работы.

Вот записка Бутова, датированная мартом 1924 года, Глазману и Познанскому, в которой им поручается начать подборку писем и телеграмм Ленина Троцкому (это нужно для книги,

которую тот будет писать о вожде русской революции): "Я думаю, что наибольшие трудности будут заключаться в разыскании документов, принадлежащих перу т. Ленина, находящихся в секретариатских делах, т.е. несекретных, т.к. их (дел) очень много. Лев Давидович хочет, чтобы их начали собирать не спеша, тщательно, но уже сейчас..."²⁷

Вот целая кипа копий дел, которые вел Бутов. Троцкий медленно листал страницы, и как будто машина времени погружала его в ушедшее навсегда время. Бесценные документы, памятные письма, волнующие подробности. Здесь записка Владимира Ильича в папке за 1922 год. Точной даты нет. (Отмечу: один экземпляр почти всех документов, подписанных или адресованных Троцкому, оставался в официальном архиве, другой экземпляр — в личном. Для этого многие документы, поступавшие в секретариат Троцкого, перепечатывались. — Д.В.)

"Тов. Троцкий.

Секретно.

Мы конспирируем от всех (даже от Гетье) мое местопребывание. Я-де в Горках.

Не говорили ли Вы или Нат. Ивановна доктору Гетье обратного?

Если да, черкните, чтобы не обижать старика.

Если нет, и не говорите. А если он приедет к Вам, черкните.

Привет, Ленин"²⁸.

Записок Ленина Троцкому много, а вот и от Фотиевой:

"Тов. Троцкий.

Владимир Ильич поручил мне написать Вам, что он приветствует Вашу мысль отвезти от него подарок детям санатория на ст. Подсолнечное.

Владимир Ильич просит Вас также передать детишкам, что он очень благодарит за их сердечное письмо и цветы и жалеет, что не может воспользоваться их приглашением; он не сомневается, что непременно поправился бы среди них..."²⁹

А здесь страшная сводка военного трибунала, в которой Троцкому докладывали, сколько раз в частях Красной Армии была применена высшая мера наказания в 1921 году: "Всего расстреляно 4337 человек"³⁰.

...Тихо шуршат листы, за окном шепчет море, и не верится, что все это было лишь десятилетие назад. Общение человека с

собственным архивом — эфемерный способ прожить еще раз свою жизнь. И часто это причиняет почти физическую боль.

Вот множество записок Я.Г.Блюмкина Троцкому и Полонскому (Председателю Высшего Военного Редакционного Совета) о необходимости издания работ наркомвоенна о гражданской войне, длинный перечень его работ, предисловие ко второму тому³¹.

Вот записка Бутова Уншлихту с просьбой предоставить помещение для лечения Троцкого, так как "состояние здоровья его требует немедленного отдыха и полного спокойствия". Тут же подшит ответ: предлагается дом отдыха в двух километрах от станции Герасимовка по Павелецкой железной дороге. Далее даются подробности: "...дом двухэтажный, десять комнат, отопление голландское. Обстановка хорошая, но разнокалиберная. Карельская береза, красное дерево, есть и простая мебель. Постелей имеется на 17 человек охраны на нижнем этаже и на 7 человек на верхнем, для семьи Троцкого 5 комнат.

Чрезвычайно неудобно:

1) охрана размещается внизу, будет шуметь и беспокоить Л.Д.

2) Кухня на расстоянии около 70 шагов.

3) Телефон внизу, в комнате заведующего домом Шибанова.

4) Отсутствие звонков. Если что, приходится кричать...³²

Троцкий помнит январский отдых в 1922 году. Затихла от изнеможения кровавая сеча на полях Отечества. Страна лежала в руинах, миллионы россиян полегли на полях сражений. Троцкий как-то сразу обнаружил, что с окончанием гражданской войны он как бы скользит с высокого гребня волны вниз. Бесконечные заседания, совещания, где активничает Сталин, Каменев, Зиновьев, интересовали его значительно меньше. Он поспешил подлечиться, отдохнуть, заняться литературным трудом. Какая громадная пачка документов Бутова... Например, такая записка:

"Тов. Троцкому.

1. т. Буранова просит сообщить

а) будете ли Вы приезжать на заседания Политбюро?

б) посылать ли Вам на голосование вопросы Политбюро, которые решаются помимо заседаний?

2. Список отправляемой при сем корреспонденции:

1. Письмо тов. Ленина с брошюрой.

2. Письмо тов. Чичерина от 31 января.

3. Телеграмма от Лиграна о времени созыва съезда Советов Грузии.

4. Материалы от тов. Суварина о комдвижении во Франции.

5. Папка с материалами от Лозовского.

6. Брошюра Фурье со справкой библиотеки.

7. Ваша тетрадь с цитатами из Шекспира.

8. Очередной комплект газет.

9. Шесть штук валиков для диктофона.

10. Письмо от тов. Росмера.

3. Краткое содержание бумаг, которые могут быть Вам посланы в случае Вашего желания:

1. От Уншлихта в ЦК: возражение против посылки Суханова за границу.

2. От Менжинского в Политбюро: объяснения по поводу ареста т. Бородулина.

3. Ответ т. Краснощекова на Вашу записку о Фаберже..."

2 февраля 1922 года.

*Бутов*³³.

И таких сопроводительных — множество. Боже, сколько событий, дел, бумаг прошло не просто через руки, но и через сердце и сознание... В них — быт московской партвертушки, надежды, судьбы людей, гримасы рождающейся партократии, манипуляции чаяниями масс, совсем мелкие детали. Вот Бутов сохранил даже его кардиограмму с пометкой врача: "В ночь с 23 на 24 января, между 4 и 5 часами утра был припадок стенокардии, с двумя кратковременными обмороками. Приехав вскоре после припадка, я констатировал вполне правильную работу сердца. На следующий день — так же. Л.Д. после этого дня три-четыре чувствовал некоторую слабость, но все же продолжал выезжать и, по обычаю, с ружьем. Впоследствии слабость исчезла, и Л.Д. чувствовал себя по-прежнему бодро..."³⁴

Дальше конфиденциальная записка того же Бутова поуправделами ГПУ Рудольфу Августовичу Герсону: "Посылаю Вам пакет с солью и прошу ее исследовать: не содержит ли она веществ, вредных для здоровья. У этого лица, употребляющего ее, в течение этих дней болезненные явления в желудке..." Герсон отвечает: "В поваренной соли гипса 3,71%, глауберовой соли 17,25%. Она является вредной для здоровья и недопустимой в пищу. Подписал анализ врач Воскресенский"³⁵. Затеяли комиссию, но злого умысла не обнаружили...

Долго задержался, перечитывая письмо Раскольникова из

Афганистана. Пробежал строки, написанные почти ученическим почерком тогдашнего полпреда в Кабуле: "Перевел последний рассказ Рабиндраната Тагора и взялся за воспоминания о недавних бурных годах, откуда мы с Вами вышли живыми каким-то чудом. Помните наш ночной поход на миноносце под Казанью, когда остановилось сердце корабля и мы пришвартовались к какой-то барже при свете предательской Луны... Нас не расстреляли из орудий только потому, что офицеры белогвардейских батарей все до одного развлекались в театре... Сейчас пишу: "Накануне Октябрьской революции" и "Как был потоплен Черноморский флот"... Наркоминдел никак не может установить одной определенной линии... То уполномочивает меня обещать Афганистану золотые горы, то приказывает показать ему общеизвестную комбинацию из трех пальцев... У меня сложились хорошие отношения с эмиром. Он — крупный политик и решительный человек, как в политике, так и в преступлениях..."³⁶

Пока Троцкий был членом Политбюро, ему приносили множество бумаг. Сохранился даже Манифест Правопреемника Российского престола Кирилла, подписанный в Париже 31 августа 1924 года. С ним у Льва Давидовича были связаны особые воспоминания:

"Осенив себя крестным знамением, объявляю всему Народу Русскому:

Ныне настало время оповестить для всеобщего сведения: 4/17 июля 1918 года в городе Екатеринбурге, по приказанию интернациональной группы, захватившей власть в России, зверски убиты — Государь Император Николай Александрович, Государыня Императрица Александра Федоровна, Сын Их и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, Дочери Их Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны. В том же 1918 году около города Перми убит брат Государя Императора, Великий Князь Михаил Александрович... День 4/17 июля да будет на все времена для России днем скорби, покаяния и молитв..."³⁷

Троцкий помнит: ему позвонил Свердлов и между прочим сказал, что они поддержали предложение екатеринбургских товарищей о ликвидации Романовых. Ленин тоже не возражал...

Троцкий не возражал тоже, тем более что о судьбе царской семьи разговор среди партверхушки заходил уже не раз. Хотели судить, но время такое... Изгнанник, держа в руках копию Манифеста, как будто услышал глухие выстрелы в подвале Ипатьевского дома. Гильотина революции беспощадна к мо-

нархам. Троцкий и в изгнании считал это естественным. Ни тогда, в 1918-м, ни позже у Троцкого не возникало никаких сомнений относительно "законности" чудовищного убийства. Революции все дозволено...

Он продолжал перелистывать, а иногда и перечитывать многочисленные документы из архива. В них — память революции, спрессованная мысль былого: страстей, надежд, тревог, столкновений характеров, повседневных будней. Как, например, вот это распоряжение Троцкого Бутову:

"5, 6, 7 ноября наш поезд будет служить для перевоза делегатов коммунистического конгресса из Петрограда в Москву, может быть и обратно... В пути делегаты должны получать пищу. Все расходы на делегатов должны идти за счет Коминтерна. Наша поездная радиостанция должна в пути обслуживать делегатов на немецком, французском и английском языках... Может быть, мы выпустим один номер поездной газеты в честь гостей. Во время конгресса нам придется дать в распоряжение Коминтерна некоторое количество автомобилей..."³⁸

Давно отстучали колеса его знаменитого поезда на бесконечных перегонах российских равнин, состоялись и прошли конгрессы Коминтерна, с которым он связывал такие надежды; уже столько лет нет Ленина, который накануне ухудшения своего состояния как будто хотел все время сказать ему что-то очень важное... Все отстучало, отговорило, отшумело и унесено рекой времени в бесконечность. Ему осталось слушать другой вечный шум, шум чужого моря за чужим окном. Слушать, размышлять и... бороться. Ведь теперь он, лишенный 20 февраля 1932 года советского гражданства, оказался и впрямь гражданином планеты без "паспорта и визы".

Шли месяцы, а Троцкий свое пребывание на Принцевых островах все еще считал временным. И они с Натальей Ивановной продолжали жить на своей обшарпанной вилле, за которую платили около четырех тысяч долларов в год, как на временном бивуаке, с которого должны вот-вот сняться. Вначале они думали, что пробудут здесь три-пять месяцев, до осени 1929 года... Затем намеревались перебраться в Германию или Францию. Но... они нигде не были нужны. Везде был отказ. Уезжать было некуда. Никто их не ждал. Наконец сторонник Троцкого Морис Парижанин обратился за помощью к видному политическому деятелю Франции Э.Эррио. Затворник с Принкино почувствовал, что появился шанс выбраться в Европу, куда они так рвались с Натальей Ивановной³⁹.

Наконец, после долгих проволочек, просьб, разочарований

и надежд Троцкий с женой получили разрешение, правда, с оговорками, на въезд во Францию. Но здесь я должен ввести в повествование совершенно новое лицо, которое сыграет трагическую роль в судьбе Льва Седова и самого Троцкого. Дело в том, что его старший сын, перебравшийся к этому времени из Берлина в Париж, быстро оказался "под колпаком" ОГПУ*, а точнее — Секретно-политического и Иностранного отделов Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Проще говоря, оказался в сфере пристального наблюдения спецслужбы СССР. Вскоре положение усугубилось тем, что в качестве личного помощника, секретаря, почти "адъютанта", к нему внедрили агента ОГПУ, незадолго перед этим завербованного во Франции. Кто же был этот человек, который смог проникнуть не только в личную жизнь Льва Седова, но и в его переписку, основные архивы отца, а позднее — и в главный орган троцкистов, Международный секретариат?

Агент ОГПУ "Б-187", как явствует из архивных документов НКВД, летом 1933 года был завербован через выходца из Ленинграда Александра Севастьяновича Адлера. Этим агентом был Марк Григорьевич Зборовский⁴⁰.

Завербованный Зборовский заполнил ряд анкет, собственноручно написал автобиографию, специальным пунктом сообщил о своих родственниках в СССР: сестре Б.Пупко, шурине С.Пупко, братьях Е. и Л.Зборовских, дал их адреса. Его новые начальники (московские), Г.Молчанов и М.Рутковский, ознакомившись с донесением о вербовке, поручают своей службе в июне 1934 года провести глубокую проверку Зборовского. В его деле содержатся документы и о проверке родственников нового агента в Советском Союзе⁴¹. Запущен механизм, благодаря которому около самого близкого и доверенного помощника Троцкого — его сына Льва — удобно устроился агент Секретно-политического и Иностранного отделов ГУГБ НКВД. Отныне очень многие решения, шаги, намерения, документы Троцкого станут известны в Москве и самому Сталину. И хотя бежавший из Испании высокопоставленный сотрудник госбезопасности Александр Орлов (настоящие имя и фамилия — Лейба Фельдбин, псевдонимы — Лев Никольский, Игорь Берг) пытался анонимно предупредить Троцкого о грозной опасности, тот до

---

* С 1934 г. ОГПУ войдет в состав общесоюзного Наркома-та внутренних дел (НКВД СССР). С 1934 по 1936 г. наркомом был Г.Г.Ягода, а с 1936 по 1938 г. — Н.И.Ежов. — Д.В.

конца своих дней не знал правды об окружении старшего сына и о том, что он нередко "поставлял" собственную корреспонденцию и "продукцию" прямо на рабочий стол советского диктатора.

Что из себя представлял человек, благодаря которому НКВД, и прежде всего сам Сталин, с 1933 по 1939 год получали информацию едва ли не о каждом шаге Троцкого, а многие его статьи, книги еще до опубликования в прессе часто оказывались в руках "вождя народов"?

Интересная деталь. За три дня до рокового покушения в августе 1940 года Троцкий закончит большую статью "Коминтерн и ГПУ", которая будет издана уже после его смерти. В ней он верно скажет, что "ГПУ и Коминтерн как организации не тождественны, но они неразрывны. Они соподчинены друг другу, причем не Коминтерн распоряжается ГПУ, а наоборот, ГПУ полностью господствует над Коминтерном... Будучи полностью зависимыми политически и в финансовом отношении, многие коммунисты из других стран выполняют постыдные и преступные поручения ГПУ"⁴². Марк Зборовский был активистом польской компартии, выполнял ее разные поручения как на родине, так и за рубежом. Родился Марк (Мордка) Зборовский в феврале 1908 года в Умани Киевской губернии. В Польшу выехал вместе с родителями в 1921 году. В СССР у него остались сестры Берта, братья Ефим и Лев. Со своей женой Региной (Ривкой) Абрамовной Леви, спасаясь от преследований полиции (он просидел год в польской тюрьме за организацию забастовок), оказался в Берлине, а затем и в Париже. Молодая чета бедствовала, и агенту ОГПУ не потребовалось больших усилий, чтобы завербовать Зборовского⁴³. Отныне начальнику СПО ГУГБ Г.Молчанову он будет известен как агент "Мак" (он же — "Тюльпан", он же — "Кант"). Уже через некоторое время парижский шеф Зборовского передавал в Москву:

"Как мы Вам сообщали, источник "Мак" стал работать в "Международном секретариате" троцкистов, где служит также жена* сына Троцкого. В процессе работы источник подружился с женой сына Троцкого, результатом чего явился перевод источника в русскую секцию в качестве как бы личного секретаря сына.

В настоящее время источник встречается с сыном чуть ли не

---

* Жанна Мартен, ушедшая от своего мужа Раймона Молинье к Льву Седову. — Д.В.

каждый день. Этим самым считаем выполненной вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого⁴⁴.

В Москве порадовались быстрой удаче: в окружение самого заклятого врага Сталина проник свой человек. В ответ на донесение из Парижа незамедлительно следует шифровка с инструкциями:

”Петру.

Поскольку источник ”Мак” занял определенное положение в организации, необходимо, чтобы он укрепил это положение. Инструктируйте тщательно источник о его поведении в работе. Предупредите его, чтобы он ничего не предпринимал в организации без Вашей санкции. Мы предостерегаем, чтобы он не перегнул палки и этим самым не разрушил бы все наши планы в этой разработке⁴⁵.

Скоро ”Мак” завоеует такое доверие Льва Седова, что почти беспрепятственно получит доступ к многим бумагам самого Троцкого. ”Мак” стал регулярно сообщать в Москву обо всех шагах Троцкого и Седова, и даже о их намерениях. Некоторые донесения расценивались как исключительно важные. Например, ГУГБ НКВД никак не могло узнать адрес Троцкого в Норвегии. Однако тут же из Парижа в Москву было переслано подлинное письмо Троцкого Седову, в котором изгнанник назвал свой адрес в Норвегии и просил направлять ему туда журнал ”Большевик” и другую литературу⁴⁶.

В конце концов ”Мак” смог войти в полное доверие к Седову и Троцкому. Об этом свидетельствует письмо, которое старший сын отправил отцу 6 августа 1937 года (а Зборовский — копию с него, естественно, в Москву):

”Во время моего отсутствия меня будет заменять Этьен (так Седов называл Зборовского. — Д.В.), который находится со мной в самой тесной связи, так что адрес действителен и поручения могут быть исполнены, как если бы я был в Париже. Этьен заслуживает *абсолютного доверия* (курсив мой. — Д.В.) во всех отношениях...

Обнимаю тебя. Л.”⁴⁷.

Если бы Троцкий знал о сталинской паутине, опутавшей его, то мог бы по достоинству оценить родившуюся полицейскую систему, в создании которой он принимал такое самоотверженное участие... Но к Зборовскому и его делам мы еще вернемся.

Журнал одного автора

Троцкий привык, чтобы его слушали. На митинге, конгрессе, в воинском строю, на собраниях оппозиционеров. Он не мог обходиться без слушателей или читателей. Даже теперь, оказавшись на крошечном островке в Мраморном море, отрезанный от столиц и культурных центров, он должен был говорить. Говорить, если не "планетарно", то хотя бы "континентально". Говорить, чтобы знали: он протестует, низвергает, обличает, утверждает, пророчествует, организует, надеется.

Я уже отмечал, что для истории самой привлекательной чертой этого человека, возможно, окажется его духовная твердость, определенность. Другое дело, каков характер этой определенности. Троцкий один, почти один, не согнулся перед диктатурой, перед тоталитарным режимом, перед огромной мощностью, которая, казалось, неминуемо должна была раздавить его. Можно много говорить и писать о мотивах этой духовной непреклонности, этом идейном стоицизме и вере, но нельзя отрицать, что это был человек Идеи. Большой Идеи. Идеи ложной. А если точнее — был пленником Идеи. А пленила его навсегда Идея Революции, особенно планетарной, всемирной. Такой человек не может молчать. Он хочет и будет говорить. Для этого ему нужен рупор — газета, радио, журнал. Или хотя бы что-то из этих средств. Нетрудно себе представить, каким бы был Троцкий в эпоху телевидения... Ему нужна высокая трибуна, чтобы без конца вещать о революции, предупреждать об опасностях, звать на баррикады.

Его противники, русские социал-демократы, изгнанные из России еще раньше и сгруппировавшиеся вокруг созданного Л.Мартовым "Социалистического вестника", высмеивали Троцкого за его непреходящее желание "быть услышанным". Так, Д.Долин в своей статье "Последние отклики" ядовито писал: "...изо всех сил старается Троцкий, чтобы его — упаси боже — не стали забывать. Он пишет и день и ночь толстые книги и маленькие статейки, выпускает семейные бюллетени и варьирует на всех языках все те же мотивы о вероломстве Сталина, о предательстве китайской революции и о нежной любви Ленина к Троцкому. Но человечество неблагодарно — и о Троцком, чем дальше, тем меньше вспоминают и говорят"⁴⁸.

Долин ошибся: о Троцком и через десятки лет по-прежнему говорят. Но теперь уже спокойно, рассудительно. Одни назы-

вают его "последним Дон-Кихотом революции", другие — ее "демоном", третьи — ее персональным "воплощением". Каждый, видимо, в чем-то прав. Но говорить сегодня о Троцком мы можем в значительной мере и потому, что он никогда не молчал. Думаю, написанное и сказанное этим человеком по своему объему едва ли имеет аналоги. Это было его духовной и политической потребностью — обращаться к людям. Обращаться громко. Обращаться часто.

Едва оказавшись в Константинополе, а затем и на Принкипо, Троцкий в первую очередь занялся изучением возможностей издания небольшого, но регулярного журнала. Ему помогли его сторонники, разбросанные по всему миру. На первых порах для налаживания журнала немало сделали супруги Росмеры из Парижа, а затем главную роль в организации выхода его номеров взял на себя старший сын Троцкого, Лев.

Изгнанник установил связь с испанским коммунистом Андресом Нином, с председателем Революционной социалистической партии Голландии Марингом Снейвлитом, бельгийцем Ваном Оверштаттенном, французскими единомышленниками Пьером Моноттом и Борисом Сувариным, американскими социалистом Майклом Голдом и другими революционерами, которые были близки к русской "левой" оппозиции. Постепенно к Троцкому примкнули и несколько крохотных групп зиновьевцев из Германии. Со временем его сподвижники объявились в десятках стран. Даже в далеком Китае возникли фракции его сторонников, возглавляемые выпускниками Московского университета имени Сунь Ятсена, имевшими возможность в свое время слушать Троцкого.

Спустя два-три месяца на Принкипо зачастили гости: и те, кого именовали троцкистами, и журналисты, и те, кто, как выяснилось позже, были подосланы с целью внедрения их в окружение Троцкого. Паломничество нередко раздражало изгнанника, и он с досадой писал сыну в Берлин, чтобы тот удержал очередного пилигрима: "...очень утомляют свидания и отрывают от работы"⁴⁹.

Троцкий прибыл в Турцию в феврале 1929 года, а уже в июле того же года вышел первый номер журнала, названный Троцким "Бюллетень оппозиции". Название весьма характерно и недвусмысленно говорит об основной линии издания. Троцкий заявил, что журнал будет публиковать теоретические, политические и информационные материалы о жизни ВКП(б), о путях борьбы с руководством партии, предавшей идеалы большевиков-ленинцев. Задача журнала — помочь партии Ле-

нина вернуться на правильный путь. Издатель обещал читателям, что в журнале будут рассматриваться проблемы революционного интернационализма Ленина, публиковаться архивные материалы "левой" оппозиции (с момента ее возникновения в 1923 г.)^{*}.

Главная особенность этого журнала, просуществовавшего с июля 1929 года по август 1941-го, заключается в том, что главным его редактором, а также главным, и часто и единственным, автором был Троцкий. Без боязни власть в ошибку можно сказать, что до 70—80 процентов объема журнала написано самим Троцким. Всего было издано 87 брошюр "Бюллетеня". Но некоторые его номера вышли сдвоенными, поэтому фактически к читателям поступило 65 книжек журнала. Сообщи еще несколько технических характеристик этого необычного издания. Журнал издавался на литературные гонорары Троцкого и пожертвования его сторонников в разных странах. Никакой собственной полиграфической базы у Троцкого, естественно, не было. Издавали там, где позволяли политические условия, где можно было за приемлемую плату договориться с типографией, где находился в тот момент главный администратор "Бюллетеня оппозиции" Лев Седов.

В результате колебаний и изменений политической ситуации в Европе пришлось пять раз менять место издания "Бюллетеня". С июля 1929 года по март 1931-го журнал выходил в Париже. Затем Седов перебрался в Берлин: там оказались более выгодные финансовые условия и вдобавок к этому — в немецкой столице издавались многие книги Троцкого и имелись кое-какие связи с Советским Союзом. Но в начале 1933 года, когда в Германии к власти пришел Гитлер, Седову пришлось срочно вернуться в Париж. В марте того же года там вышел очередной номер журнала. Но опасность со стороны агентов сталинской разведки заметно возросла, и "Бюллетень" вы-

---

^{*} Мало кто знает, что в советское время Троцкий уже исполнял обязанности главного редактора одного журнала. Когда выявились слабости в проведении "классовой линии" в журнале "Военная наука и революция", Троцкий распорядился:

"Заведующему редакцией тов. Фурманову.
Революционный Военный Совет Республики возложил общее руководство журналом на меня. Прошу передать всем заведующим отделами и сотрудникам просьбу продолжать свою работу.

25.XI.21 года.

Троцкий".

(ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 448, л. 175).

ходил в Париже только до февраля 1934 года. Потом в течение года Седов жил и издавал журнал в Цюрихе, но в апреле 1935 года вновь возвратился в Париж. Последний "европейский" номер вышел в середине 1939 года. Правда, готовил его уже не сын Троцкого. Он умер 16 февраля 1938 года при очень загадочных обстоятельствах, оставляющих, однако, мало сомнений в том, что это дело рук агентуры Ежова. В дальнейшем, после начала второй мировой войны, журнал издавался в Нью-Йорке. Учитывалась и близость к журналу основного автора. После убийства Троцкого по инерции вышло еще четыре номера журнала, и он прекратил свое существование навсегда. Ушел в иной мир изгнанник, быстро исчез и его журнал.

Как я уже отмечал, главным издателем журнала был, по существу, Лев Седов. Поначалу очень активно ему помогал близкий сторонник Троцкого во Франции, Раймон Молинье, особенно в том, что касалось финансовых и технических вопросов. Предприниматель средней руки, Молинье имел довольно большие связи в деловом мире, что в первое время способствовало решению многих житейских и материальных проблем, которых у Льва Давидовича всегда возникало немало. К Молинье он сначала обращался не иначе как "мой дорогой друг", а письма свои подписывал словами: "Всегда с уважением к Вам Троцкий"⁵⁰. Но вдруг все изменилось. Между Раймоном и сыном Троцкого Львом возникла острая и пикантная коллизия. Жена Раймона Молинье, Жанна, ушла от мужа к Седову. Разразился скандал, который вывел Молинье из числа близких друзей Троцкого. Но новый сердечный союз не принес счастья Седову. Из Москвы он продолжал получать письма от жены, которая осталась там с маленькой дочерью и была в отчаянии. Жанна же оказалась довольно эгоцентричной особой, что усугубляло психологическое напряжение Льва. Единственной отдушиной оставалась работа по исполнению указаний отца. Наиболее трудным из них было: найти канал, возможность отправлять несколько десятков экземпляров "Бюллетеня" в СССР.

Ветер перемен сделал иными не только тональность, содержание "Бюллетеня оппозиции", но и произвел смену приоритетов в освещении тем, интересовавших журнал. Условно можно выделить три периода его существования, если говорить о содержании:

Первый — с момента создания и до 1933—1934 годов, отмеченный приходом к власти Гитлера и укреплением позиций Сталина после XVII съезда партии. Многие статьи "Бюллетеня" по германскому вопросу легли в основу книги Троцкого

о немецкой революции. Он предупреждал уже в 1932 году: "В Германии фашизм еще не победил. На его пути к победе стоят пока гигантские силы. Но если их не привести в действие, может произойти непоправимое"⁵¹. В эти же годы журнал настойчиво ставил вопросы о необходимости возвращения к ленинским истокам партийной жизни внутри страны и в Коминтерне. Это были главные темы "Бюллетеня" в тот период.

Второй период жизни журнала (с 1933—1934 гг. до 1939 г. — начала второй мировой войны) отмечен настойчивыми усилиями Троцкого создать альтернативный международный союз коммунистов — IV Интернационал. Одновременно с этим, в связи с развязанным Сталиным кровавым террором в собственной стране, Троцкий решается на прямые призывы к "политической революции" в СССР, к непосредственному устранению Сталина.

И наконец, третий период, и можно с уверенностью сказать незавершенный, связан с деятельностью троцкистских и иных коммунистических организаций в условиях начавшейся войны. Журнал формулирует свое однозначное отношение не только к Сталину, но и Гитлеру, определяет место "большевиков-ленинцев" (так Троцкий называл своих сторонников. — Д.В.) в деле защиты первого в мире "пролетарского социалистического государства".

Разумеется, я весьма условно попытался как-то проанализировать эволюцию журнала Троцкого, в котором целое десятилетие публиковались его страстные статьи, призывы, разоблачения, программы, обращения. Эволюция журнала определяется не только переменами в международных делах, но и тем, что после 1931 года распространять издание в СССР стало почти невозможно. Уже в 1932—1933 годах, да и позже, проявление советскими людьми интереса к журналу прямо рассматривалось как принадлежность к "троцкистскому блоку", что попадало под зловещую 58-ю статью⁵².

Работая в личном архиве Сталина, я убедился, что лидер большевистской партии лично просматривал многие выпуски "Бюллетеня оппозиции", особое внимание уделяя статьям о собственной персоне. А таковых было немало. Подписки, естественно, на журнал не было, хотя многие антисоветские издания специально доставлялись вождю из-за рубежа. Например, заведующий отделом печати и издательств ЦК Б.Таль регулярно выписывал Сталину белоэмигрантские, антисоветские издания: "Возрождение", "Знамя России", "Социалистический вестник", "Бюллетень экономического кабинета Прокопови-

ча", "Харбинское время", "Новое русское слово", "Современные записки", "Иллюстрированная Россия" и некоторые другие⁵³.

"Бюллетень оппозиции" Сталину доставляли, изымая его у арестованных троцкистов, а также по линии разведывательной агентуры за рубежом. Знакомство с так называемым "архивом Снейвлита"⁵⁴ показывает, что в IV Интернационале, созданном Троцким, были, конечно же, люди из советского разведывательного ведомства. Так что можно утверждать: Сталин был неплохо знаком с содержанием журнала Троцкого и до внедрения Зборовского. Это постоянно генерировало у вождя и без того не затихающую ненависть к человеку, выслан которого за рубеж, он совершил, по собственному признанию, "большую ошибку".

Иногда еще до выхода очередного номера журнала в свет Сталин знал, что́ будет в нем опубликовано. Помогал в этом деле, понятно, Зборовский. Впрочем, судите сами по следующему документу:

"Совершенно секретно.

т. Сталину, Молотову

Направляю Вам агентурно изъятые нами из текущей переписки Седова копии двух статей Троцкого от 13 и 15 января 1938 года под заглавием "Продолжает ли советское правительство следовать принципам, усвоенным 20 лет назад" и "Шумиха вокруг Кронштадта".

Указанные статьи намечены к опубликованию в мартовском номере "Бюллетеня оппозиции".

Народный комиссар внутренних дел СССР

Генеральный комиссар государственной безопасности

25 февраля 1938 г.

*Ежов*⁵⁵.

Троцкий не мог и предполагать, что щупальца Сталина проникнут так глубоко... Кремлевский вождь интересовался размахом троцкистского движения, возможностями его организаций, печатью "большевиков-ленинцев". По запросу Ежова, в марте 1937 года 7-й отдел ГУГБ НКВД докладывает Сталину список троцкистских изданий за рубежом. Он весьма впечатляющ и содержит наименования 54 газет, журналов, бюллетеней, издававшихся в разных странах, правда, как правило, крошечным тиражом. Например, в Англии выходили "Красный флаг", "Борьба", в Бельгии — "Классовая борьба",

"Спартакус", в Испании — "Коммунист", во Франции — "Революция", "IV Интернационал", "Искра", "Красное знамя", в Голландии — "Красный октябрь", "Пламя" и другие издания⁵⁶. Сталин был поражен обилием газет и журналов, но его успокоили, что большинство из них выходит крайне нерегулярно, тиражом в несколько сот экземпляров.

А ведь кроме троцкистской, сколько издается антисоветской белогвардейской литературы! Сталин помнит, что недавно ему докладывали об этих изданиях и издательствах: "Русская печать", "Русская земля", "Русский очаг", "Родная земля", "Отечество", "Вестник Крестьянского Союза", "Русский инвалид", "День русской культуры", "Знамя борьбы", "Старое время", "Белый архив", "Иллюстрированная Россия" и множество других... В числе издателей, учредителей, редакторов и авторов много известных имен: Бунин, Куприн, Мережковский, Гишшус, Чайковский, Алексинский, Бурцев, Гукасов, Шварц, Абрамович, Чернов, Розенфельд, Мирский, Милуков, Баратов... Часто издательства, журналы и газеты появляются и через год-два бесследно исчезают...⁵⁷ Сталин распорядился, и в Иностранном отделе ОГПУ тщательно следили за подобными изданиями, получая немалую информацию о монархистах, белогвардейцах, меньшевиках, троцкистах через своих агентов, которых, по мере возможности, вербовали из числа лиц, имеющих какое-то отношение к эмигрантской литературе за рубежом.

О чем же писал Троцкий в своем "личном" журнале? На что он надеялся, издавая его? Какое влияние "Бюллетень оппозиции" оказывал на политическую ситуацию в СССР того времени? И оказывал ли вообще?

Троцкий пытался, особенно в первое время, сообщать "революционные новости из СССР". Пожалуй, главным источником были открытые советские издания, на которые можно было подписаться за рубежом. Изгнанник скрупулезно изучал эту информацию и соответственно комментировал ее. Например, в июне—июле 1930 года "Бюллетень" сообщал в рубрике "Письма из СССР" такие новости: "Избегания троцкистов в В.Уральском изоляторе", "Заявление протеста Каменской ссыльной колонии большевиков-ленинцев", "Сталин и Красная Армия, или Как пишется история".

Одно время Троцкий пытался активно эксплуатировать тему об "обуржуазивании советского общества". Так, в одной из статей, полученной якобы из СССР, утверждается, что при сокращении "тончайшей прослойки рабочих" в руководстве оно

все больше "пропитывается мелкобуржуазными элементами". Приводится много фамилий районных и областных руководителей из числа "чуждых пролетариату социальных элементов": работник райисполкома Насорков — бывший колчаковский офицер, редактор окружной газеты Хаит служил фельдшером в банде Анненкова; зампреда округа Кытманов — бывший начальник колчаковского военно-полевого суда; уполномоченный по хлебозаготовкам Иноземцев — бывший колчаковский каратель; работник ОГПУ Макаренко — бывший писарь колчаковского штаба; секретарь партячейки Рубан — колчаковский офицер и т.д.⁵⁸

Сомнительный тезис об "обуржуазивании советского общества" используется Троцким как доказательство термидорианского перерождения СССР.

Иногда Троцкий комментирует просто отдельные факты, события, изменения в положении тех или иных лиц. Прочитав в "Правде" об опале Д.Бедного, изгнанник тут же откликнулся на этот факт, не преминув ответить уколom: "Демьяна Бедного долго величали пролетарским поэтом. Кто-то из авербахов* предлагал даже "одемянить" советскую литературу. Это должно было означать: придать ей подлинно пролетарский характер: "поэт-большевик", "диалектик", "ленинец в поэзии"... На самом деле Демьян Бедный воплощал в Октябрьской революции все, кроме ее пролетарского потока. Только жалкий схематизм, короткомыслие, попугайство эпигонского периода могут объяснить тот поразительный факт, что Демьян Бедный оказался зачислен в поэты пролетариата... Максим Горький представлял в литературе "культурного" мещанина, который испугался разнuzданности стихий, а Демьян, напротив того, плавал в них, как рыба в воде..."⁵⁹

Но, конечно, стержневая тема "Бюллетеня", от первых до последних номеров, — это Сталин. Во всех ипостасях. В самых различных ракурсах. По самым неожиданным поводам. Но всегда — с предельно негативными, уничтожающими оценками, с плохо скрываемой ненавистью. Приведу хотя бы названия некоторых статей Троцкого о Сталине: "К политической биографии Сталина", "Сталин как теоретик", "Сталин и Коминтерн", "Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты", "Сталин снова свидетельствует против Сталина", "Сталинская

---

* Л.Л.Авербах — советский литературный критик 20—30-х гг. — *Ред.*

бюрократия и убийство Кирова”, “Сталинские репрессии в СССР”, “Революционные пленники Сталина и мировой рабочий класс”, “Заявления и откровения Сталина”, “Сталин после финляндского опыта”, “Гитлер и Сталин”, “Испания, Сталин и Ежов”, “Сталин — интендант Гитлера”, “Двойная звезда: Гитлер—Сталин”...

Думаю, что утомил читателя этим пространным перечислением. Но я назвал далеко не все его статьи о Сталине. Если издать воедино всё написанное Троцким о Сталине, то получится, наверное, несколько томов. К этому человеку у изгнанника было устойчивое, даже углубляющееся негативное отношение. Многие из того, что мы говорим о Сталине сегодня, Троцкий писал более полувека назад. Трудно найти в истории еще один пример столь постоянной неприязни и непримиримости к политическому противнику. Но является ли его отношение к Сталину выражением только своей личной трагедии? Троцкий отвечал на этот вопрос отрицательно.

...Выезжая почти еженедельно на рыбалку с двумя турецкими рыбаками, с которыми он подружился, Троцкий, сидя за веслами или вытягивая бесконечный шнур перемета, часто возвращался мыслью назад, в прошлое, реставрируя былое. Не зная турецкого, он объяснялся со своими спутниками посредством десятка-другого бытовых выражений, предаваясь остальное время пиришеству воспоминаний — и триумфальных и горьких одновременно. Но о чем бы ни думал этот человек в рыбацкой фелюге, его мысль “спотыкалась” о мысленный образ невысокого, невзрачного рябого человека с усами и холодным взглядом желтых глаз...

В написанном летом 1930 года большом эссе “К политической биографии Сталина” Троцкий еще был способен находить в нем какие-то качества, которые можно было отнести к позитивным. Статья написана в виде 28 тезисов, в которых Троцкий, на основе анализа конкретных фактов биографии генсека, приходит к выводу, что эти “вехи политической биографии Сталина... дают достаточно законченный образ, в котором энергия, воля и решимость сочетаются с эмпиризмом, близорукостью, органической склонностью к оппортунистическим решениям в больших вопросах, личной грубостью, нелояльностью и готовностью злоупотреблять властью для подавления партии”⁶⁰.

Со временем Троцкий становится просто беспощадным по отношению к Сталину. Отвечая американским друзьям о роли сталинской бюрократии в убийстве Кирова, он, не располагая

какими-либо конкретными фактами, тем не менее пишет: "Не может быть... ни малейшего сомнения в том, что выдвинутое Сталиным против группы Зиновьева обвинение ложно с начала до конца: и в отношении *цели* — восстановления капитализма, и в отношении *средства* — террористических актов... На террористический акт Николаева Сталин отвечает усугублением террора против партии... По ступеням зиновьевской группы Сталин хочет добраться до "троцкизма"⁶¹.

Наблюдая издали, Троцкий приходит к выводу, что Сталин ведет революцию и социализм в тупик. Правда, при этом изгнанный лидер обвиняет Сталина в ошибках типа: "возвращение к рынку", "поворот к неонэпу", "расплата рабочих за ошибки партии в деревне" и т.д. Застарелая убежденность в том, что главная опасность для социализма всегда находится справа, осталась у Троцкого навсегда. Но он прав в одном: "...за рейдом против левых последует раньше или позже рейд против правых... Главная опасность для СССР — *сталинизм*". Троцкий пронизательно называет его "бюрократическим абсолютизмом", что представляет для СССР наиболее "непосредственную и острую опасность"⁶².

Думаю, термин "бюрократический абсолютизм" весьма точно и глубоко отражает существо системы, которую лишь в начале 90-х годов демонтирует (с огромным трудом!) наш народ. Причем исход этого демонтажа еще не ясен. Во многих отношениях это понятие — "бюрократический абсолютизм" — более глубоко, чем устоявшееся ныне выражение "командно-административная система".

Для "бюрократического абсолютизма", справедливо утверждает Троцкий, насилие является неотъемлемым элементом. А Сталин был непревзойденным организатором репрессий. Из номера в номер главный редактор пишет о сталинских репрессиях. Иногда на страницы журнала попадают свидетельства потерпевших и чудом вырвавшихся из страшных застенков людей. Например, такой материал был опубликован за подписью бывшего члена руководства компании Югославии А.Цилиги. Человек, прошедший несколько лет в сталинских изоляторах и концлагерях, пишет о судьбе Зиновьева, Каменева, Кукулина, Залужского, Сапронова, Смильги, Вуйовича, Будзинской, Смирнова, Медведева, Магида, Дорошенко, Цедербаума и многих, многих других, с которыми он встречался на тюремных перекрестках. Югославский коммунист пишет, что "ОГПУ—НКВД может повторять без конца, автоматически, без всякого дела сроки заключения и ссылки приговоренным

однажды лицам"⁶³. Подобные свидетельства, опирающиеся на факты, на пережитые человеком события, производили на многочисленных читателей большое впечатление. Журнал обычно ходил по рукам, отдельные его статьи перепечатывались в левых газетах. Чем дольше существовал журнал, тем большую ненависть он вызывал у советского диктатора, который уже не раз раздраженно вопрошал руководителей своей разведки: "Когда покончат с клеветой на социализм?"⁶⁴

С приближением грозowych туч второй мировой войны уклады Троцкого в адрес Сталина становились все болезненнее. Весной 1939 года в одном из номеров журнала Троцкий опубликовал сразу две статьи, которые вызвали не гнев, а просто ярость кремлевского диктатора. Статьи назывались "Гитлер и Сталин" и "Капитуляция Сталина". Троцкий, оказавшийся после Принцевых островов сначала во Франции, затем в Норвегии, а потом уже и в Мексике, сумел разглядеть начавшуюся крупную дипломатическую игру между СССР, Германией и западными демократиями. Каждый хотел обеспечить собственную безопасность за счет другого. Тогда еще далеко не всем было ясно, чем закончатся дипломатические маневры. Но Троцкий заявил, что "сближение Сталина и Гитлера весьма вероятно": два диктатора хорошо поймут друг друга. Возможную сделку Сталина и Гитлера он считал большой опасностью для всех. "За последние три года Сталин, — писал главный редактор "Бюллетеня", — объявил всех соратников Ленина агентами Гитлера. Он истребил цвет командного состава, расстрелял, сместил, сослал около 30 000 офицеров*, — все по тому же обвинению: все это агенты Гитлера или союзники Гитлера. Разрушив партию и обезглавив армию, Сталин открыто ставит ныне свою кандидатуру на роль... главного агента Гитлера"⁶⁵.

Однако, анализируя события разгорающейся мировой войны, Троцкий нередко желаемое выдавал за действительное. В большой политической игре государств он находил, сидя за бетонной стеной в Койоакане, место и для себя. Причем какое!

В январском номере рокового для Троцкого 1940 года появилась его очередная статья о тандеме диктаторов — "Двойная звезда: Гитлер—Сталин". Анализируя международную ситуацию (и весьма верно, с моей точки зрения), Троцкий вместе

---

* Даже воображение Троцкого не могло представить, что кровавая чистка была еще более жестокой: за 1937—1938 гг. подверглись репрессиям 43 тысячи командиров Красной Армии. — Д.В.

с тем рассматривает один немислимый вариант. По его мнению, если возникнет война между Германией и СССР, нельзя исключать возможности, что оба диктатора будут сметены революционной войной немецкого и советского народов. Он приводит слова французского посла в Москве Р.Кулондра, якобы сказанные им 25 августа 1939 года Гитлеру: в случае войны действительным победителем будет Троцкий. Ссылаясь на одного корреспондента, автор статьи утверждает, что "пользуясь темной улицей нынешнего Берлина, революционные элементы расклеили в рабочем квартале такие плакаты: "Долой Гитлера и Сталина!", "Да здравствует Троцкий!". И главный редактор "Бюллетеня" с удовлетворением добавляет: "Хорошо, что Сталину не приходится держать Москву в темноте. В противном случае улицы советской столицы тоже покрылись бы не менее многозначительными плакатами"⁶⁶.

Загнанный в свое последнее убежище, Троцкий временами теряет чувство реального. Опираясь на старые догматические схемы, он верит, что и эта мировая война, возможно, закончится революцией. Тогда шестидесятилетний Троцкий сможет получить последний, невероятный исторический шанс... Трудно себе представить, что он верил в подобный фантастический вариант. Но факт остается фактом: он писал об этом.

Уделяя основное внимание борьбе со Сталиным и сталинизмом, Троцкий не оставляет попыток создать международную коммунистическую организацию, которая могла бы стать альтернативой "московского" Интернационала. Он много пишет о революционных настроениях в ряде стран. Благодаря его усилиям количество троцкистских групп растет. К началу второй мировой войны они появляются более чем в 40 странах. Но они малочисленны и не способны увлечь за собой трудящихся. Однако Троцкий по-прежнему преисполнен борьбы и веры, веры и борьбы...

Октябрьский номер "Бюллетеня" (1933 г.) в основном посвящен необходимости создания IV Интернационала. Причем абсолютно все статьи в журнале написаны самим Троцким. Незадолго до этого представитель "левой" советской оппозиции ("большевики-ленинцы"), коим был Л.Седов, а также представители Социалистической рабочей партии Германии, независимой Социалистической партии Голландии и Революционной социалистической партии Голландии подписали Заявление о принципах создания нового, IV Интернационала. Основной предпосылкой этого формирования была объявлена неспособность III Интернационала выполнить свою историческую роль.

Комментируя этот документ, Троцкий в статье "Классовая природа советского государства" сделал несколько важных выводов. Он подчеркнул, что XII съезд РКП(б) "был последним съездом большевистской партии. Следующие съезды были бюрократическими парадами... Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных "конституционных" путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда *можно только силой*" (курсив мой. — Д.В.). В последующем Сталин будет всячески использовать это утверждение Троцкого для оправдания массового террора, обвиняя изгнанника в стремлении насильственным путем изменить существующий строй в СССР.

Троцкий же остается верным себе: доказывая своевременность организации IV Интернационала, он одновременно утверждает, что "основным условием, при котором только и возможна коренная реформа советского государства, является победоносное развитие *мировой революции*"⁶⁷. К старым мотивам о неизбежности мировой революции добавились и новые: допустимость насилия для устранения "бюрократического абсолютизма" в СССР, необходимость создания новой партии в Советском государстве, которое, в свою очередь, должно быть коренным образом реформировано. Решить все эти задачи и будет призван новый Интернационал.

Вместе с тем в статьях октябряского номера за 1933 год Троцкий признает, что партии и группы, разделяющие его идеи, пока не готовы к немедленному провозглашению нового Интернационала. Идея создания международной организации под его эгидой захватила Троцкого всерьез. Но он не мог открыто заниматься организаторской деятельностью. Его искали. За ним следили. За ним охотились. Не только агенты сталинской разведки, но и сотрудники "московского" Коминтерна. Представители многих коммунистических и рабочих партий были готовы оказать помощь Сталину в нейтрализации Троцкого. Поэтому изгнаннику приходилось проявлять особую осторожность и конспирацию. Угроза сталинского "возмездия" была постоянной.

Как известно, Учредительный конгресс IV Интернационала собрался в сентябре 1938 года, назвав себя, по предложению Троцкого, "Мировой партией социальной революции". Я дальше коснусь роли Троцкого в IV Интернационале, сейчас же отмечу лишь следующее

Давая в основном верные прогнозы в отношении Сталина и

сталинизма, Троцкий явно заблуждался по поводу будущего (IV) Интернационала.

В октябре 1938 года Троцкий в Койоакане сделал запись на граммофонную пластинку. Речь его должна была прозвучать на митинге троцкистов в Нью-Йорке. В ней содержались такие слова: "Наша партия (IV Интернационал. — *Д.В.*) есть ныне величайший рычаг истории". Выступление завершалось словами: "Позвольте мне закончить мою речь предсказанием: в течение ближайших 10-ти лет программа Четвертого Интернационала станет программой миллионов, и эти революционные миллионы сумеют взять штурмом и землю, и небо!"⁶⁸

Убежденность Троцкого была так велика, что его сторонники, встречаясь с ним, читая его статьи, начинали верить в будущее его идеи. Не всем тогда было ясно, что эпоха революций уже на исходе. В соотношении "революция и реформа" вторая составляющая неуклонно и неумолимо брала верх. Но Троцкий хотел только революционного низвержения всего старого, уцененного историей. И в СССР, по его мнению, не обойтись еще без одной "социалистической революции". Хотя страна на протяжении семи десятилетий не сумела "переварить" плоды революции Октябрьской...

Журнал Троцкого беспощадно разоблачал факельщиков надвигавшейся войны. Но неукротимый бунтарь смотрел на эту опасность со своей революционной колокольни... "Было бы неизмеримо выгоднее, — подчеркивает он, — если бы пролетарская революция предупредила войну. Но этого не случилось и шансов на это — надо сказать прямо — осталось немного. Война надвигается более быстрым темпом, чем формируются новые кадры пролетарской революции". И здесь он делает глубокий вывод: "Никогда еще исторический детерминизм не принимал такой фатальной формы, как ныне: все силы старого общества — и фашизм, и демократия, и социал-патриотизм, и сталинизм — одинаково боятся войны и одинаково идут ей навстречу". Но резюме этого глубокого умозаключения продиктовано не интеллектом мыслителя, а чувствами фанатичного революционера: "Ничто не поможет им: они вызовут войну и будут затем сметены ею. Они заслужили этого вполне"⁶⁹. Таким был Троцкий — провидцем, диалектиком при рассмотрении общих вопросов цивилизации и общества и метафизиком, законченным фанатиком, когда речь шла о мировой революции...

Все материальные расходы по выпуску "Бюллетеня" нес сам Троцкий. За счет литературных гонораров он пока еще мог

издавать журнал, выходявший тиражом, не превышающим тысячу экземпляров. Хотя его материальное положение все время оставалось трудным. Знакомство с архивом Троцкого за рубежом (архивы Гарварда, Гуверовского института и института социальной истории в Амстердаме), а также с архивом НКВД дает представление о его большой переписке с издателями, с сыном, из которой видно, как "политический литератор" бился за марки, доллары, франки. Ведь кроме семьи и двух-трех секретарей, которые "по совместительству" были и охранниками, ему еще нужно было содержать журнал, который совершенно не давал прибыли. Вот, например, выдержки из письма Льва Седова, уехавшего в Берлин, отцу:

"Милый мой папа,

"История" разошлась в 650 экз., "Автобиография" — в 2400. Это рекорд. Ни одна русская книга за границей не имела такого тиража... Числа 10 августа они заплатят 500 марок за "Историю", остальные 1500 по выходе книги... Получил еще 30 марок, но жулик Фухтман ничего еще не прислал... Петрополис указатель напечатает, но платить не хочет... Я считаю, что они должны заплатить хоть марок 150—200 и в этом смысле я на них еще нажму..."⁷⁰

Особенно большие трудности Троцкий испытывал с распространением "Бюллетеня" в СССР. После 1933 года в Советский Союз попадали только единичные экземпляры, которые нелегально ввозились людьми с дипломатическими паспортами или неофициально передавались через морское торговое сообщение. Поэтому можно сказать, что "Бюллетень оппозиции" с начала 30-х годов был неизвестен в большевистской партии, за исключением узкого круга работников НКВД и непосредственного сталинского окружения. Но для сторонников Троцкого за рубежом журнал служил постоянным напоминанием о том, что есть человек, который не смирился с узурпацией власти в СССР, не смирился с перерождением партии, не смирился с торжеством "бюрократического абсолютизма".

После смерти Л.Седова в 1938 году журналу пришлось трудно. В годовщину гибели сына Троцкого "Бюллетень" писал: "Находясь в постоянной опасности — агенты ГПУ следовали за ним по пятам, — он знал, что погибнет, и главной заботой его было обеспечить жизнь "Бюллетеню". Дальнейшая судьба "Бюллетеня", кто заменит его в случае его гибели, беспокоила Седова больше всего"⁷¹.

Не знаю, можно ли сравнить "Бюллетень оппозиции"

Троцкого с "Колоколом" Герцена. Найдутся читатели, которые возмущенно отвергнут или опровергнут эту аналогию. Возможно, они правы. Но роднит их дух бунтарства, несогласие с выпавшей судьбой, страстная надежда на желанные перемены.

Говоря о журнале Троцкого, нельзя не сказать и вот о чем. НКВД всячески стремился затруднить его работу, даже влиять на его содержание. Поскольку статьи от Троцкого поступали в Париж к Седову, а следовательно, и к Зборовскому, было решено (в Москве, разумеется) сделать попытку исказить смысл некоторых статей изгнанника или даже опубликовать в журнале материалы, подготовленные сотрудниками НКВД. Приведу просто выдержки из московской шифровки в Париж:

"Олег — Петру

В добавление к нашей телеграмме № 969 о том, чтобы втиснуть в ближайший номер бюллетеня несколько статей или абзацев, необходимо иметь в виду следующее.

Есть два варианта: первый — поместить наши статьи от имени Л.Д. и второй — все статьи бюллетеня разбавить нашими абзацами, нашими вставками. На каком из них остановиться? Думается, что на втором, но этот вариант труднее, ибо наши вставки должны быть так удачно внесены, чтобы статьи не теряли смысла, чтобы наши вставки не потерялись, а наоборот, выпукло разоблачали лицо троцкизма... Первый вариант легче, но он дает козырь в руки издателя, уличая нашу работу в типографии.

Статьи не пройдут мимо нас, они поступят к нам через "Мака", и весь вопрос в том, чтобы это выполнить, все-таки не проваливая последнего, в этом случае надо именно и обязательно завербовать наборщика..."⁷²

Скажу лишь, что существенного в этой области сделать не удалось ни "Олегу", ни "Петру", ни "Маку". Корректуру тщательно сверяла Л.Эстрин, сотрудница Л.Седова, которая в доносениях агентуры проходила как "Соседка".

К слову сказать, Л.Эстрин была родственницей одного из лидеров российских социал-демократов Ф.Дана и длительное время сотрудничала за рубежом с организацией меньшевиков. Но затем она близко познакомилась с Львом Седовым и стала тесно сотрудничать с троцкистами. Дан несколько раз встречался с Эстрин, пытался изменить ее политическую ориентацию, но напрасно. При этом Дан, Эстрин, родственники меньшевиков Мартова, Абрамович, Шварца, Гурвич, Розенфельда, Югова в СССР и за рубежом всегда знали, что

находятся под пристальным вниманием органов ОГПУ—НКВД. Участь многих из них печальна. В спецсообщении ИНО ГУГБ от 2 апреля 1936 года за № 248903, например, говорится об этой тотальной слежке за трагическим "племенем" российских социал-демократов⁷³. В другом сообщении из Парижа в июле 1939 года агент "Аякс" сообщает уточненные данные о родственниках Дана в СССР: брате М.Гурвиче, племяннике Л.Гурвиче; родственниках жены под фамилией Цедербаум и Кронихфельд. Здесь же упоминается, что когда раньше за границу приезжала Екатерина Павловна Пешкова, то она встречалась с Даном и информировала его о родственниках в СССР⁷⁴. Отсюда ясно, что следили и держали "под колпаком" не только Троцкого...

Третью и последнюю эмиграцию Троцкого нельзя понять, не ознакомившись с сотнями его статей, опубликованных в "Бюллетене". Придирчивый читатель сегодня нашел бы в толстых подшивках 87 номеров журнала немало повторов, смысловых и буквальных, отметил бы бедность информации о стране, для которой предназначалось издание, почти полное отсутствие авторов (сам Троцкий — и автор и главный редактор). Но журнал уникален тем, что является зеркалом судьбы изгнанника, исповедовавшего утопическую идею, не смирившегося с узурпатором и тиранией. Насколько беднее была бы человеческая история без таких одержимых людей!

После смерти сына Троцкого "Бюллетень оппозиции" стал выходить на Американском континенте. Об этом, конечно, было тут же доложено "по команде". Сотрудник 5-го отдела ГУГБ НКВД Гукасов рапортовал: "Сообщаем для сведения, что по имеющимся у нас агентурным сведениям, издание троцкистского "Бюллетеня оппозиции" переносится в Нью-Йорк. Изданием "Бюллетеня" будет заниматься Сара Вебер"⁷⁵. Докладывали и о других троцкистских изданиях. Заместитель начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД П.А.Судоплатов сообщал: "Журнал 4-го Интернационала, издававшийся в Париже французской секцией НРП (народно-революционной партии. — Д.В.), с июля месяца выходит в Брюсселе... В редактировании журнала участвуют С.Лесуаль и Дон"⁷⁶.

О троцкистах, их организациях и изданиях Москва знала почти все. Начальник 7-го отдела ГУГБ в марте 1937 года сообщал Ежову, Агранову, Курскому подробнейший список всех троцкистских журналов и газет, выходящих во всех странах, на всех континентах, и основное их содержание⁷⁷.

Потеряв сына, Троцкий не порвал с его окружением, в частности с Л.Эстрин и М.Зборовским:

”Дорогие товарищи!

Посылаю Вам материал... для ”Бюллетеня”. Если материала окажется слишком много, вы можете печатать не все эти статьи и заметки, а часть. Подписи под отдельными статьями можно вычеркнуть, но даты надо непременно оставить.

На Ваше письмо, касающееся Левы, мы пока еще не отвечаем: необходимо собраться с силами. Н.Ив. очень слаба и совсем не может писать... Каковы ваши материальные возможности и перспективы в отношении ”Бюллетеня”?

Крепко жму руки.

Ваш Л.Д.⁷⁸.

Письмо это изучат в Париже и Москве почти одновременно... Но так или иначе, а журнал продолжал жить. Правда, переживет ”Бюллетень оппозиции” своего единственного автора всего на один год.

Трагедия семьи

Над семьей Троцкого висел рок того времени, в котором он жил. Николай Бердяев однажды сказал: ”Семья есть школа жертвенности”⁷⁹. Мыслитель имел в виду нечто иное, нежели можно понять буквально. Речь у него шла о нравственных жертвах во имя гармонии и счастья. Жестокую ”школу жертвенности” для Троцкого устроили другие, ибо ненавидело его в конечном счете значительно больше людей, чем любило. Это сегодня, говоря о нем, люди не испытывают к нему ни любви, ни ненависти, но почти все — неослабевающий интерес.

Своим революционным выбором, неукротимостью, фанатичным служением идее Троцкий заранее обрек свою семью на мученичество. В эпоху великого излома проигравшие не могли рассчитывать на иную судьбу. Личная трагедия Троцкого и его семьи в совокупности с революционной одержимостью и сделали его человеком, навсегда оставившим отметину на ”лице” истории.

Являться родственником Троцкого почти всегда было

опасно. Это быстро поняла его родня уже в годы гражданской войны. В феврале 1920 года в поезде Троцкого приняли шифротелеграмму из Одессы: "По приказу Деникина в ноябре 1919 года была арестована семья тов. Троцкого, состоящая из дяди Герша Леонтьевича Бронштейна, его жены Рахили, арестованных в Бобринце, и двоюродного брата Льва Абрамовича Бронштейна — коммуниста. Отправлены в Новороссийск в качестве заложников. По некоторым сведениям обменяют их на племянника Колчака. Родственники арестованных просят принять срочные меры к их освобождению путем обмена заложников.

Ревком Одессы *Павел Ингулов*⁸⁰.

Телеграмма до Троцкого не дошла: он был в войсках. А возможные меры принял Бутов.

Высокий взлет Троцкого ближайшие члены семьи встретили восторженно. До появления "левой" оппозиции осенью 1923 года любая принадлежность к роду Бронштейна-Троцкого, знакомство с его близкими вызывали у революционной молодежи благоговейный трепет, уважение и чувство причастности к чему-то великому. Количество родственников росло: у людей знаменитых их всегда почему-то много. Объявлялись все новые и новые, которых Троцкий мало или совсем не знал:

"Глубокоуважаемый Лев Давидович!

Я, Гинзбург М.Л., из Екатеринослава (муж Вашей кузины Ольги Львовны, урожденной Животовской) и мне необходимо Вас видеть по неотложному для меня делу, очень прошу Вас, не откажите мне уделить несколько минут времени и принять меня.

2/VIII-21 г.

С глубоким уважением к Вам *М.Гинзбург*⁸¹.

Как выяснилось, семью Гинзбургов преследовали, и она сильно бедствовала. Такие письма не были редки.

Но особенно тянулись к Троцкому его дочери — Нина и Зинаида. Они самоотверженно, как могли, защищали отца, когда его начали резко критиковать в печати. Они редко ему докучали просьбами, хотя все время нуждались материально. Троцкий переживал личную драму, по-своему любя дочерей от первого брака, с А.Л.Соколовской, и двух сыновей от второго, с Н.И.Седовой. Первая и вторая жены Троцкого естественно испытывали сильное, хотя и терпимое, взаимное отчуждение. И

Троцкому приходилось соблюдать определенный такт, чтобы не вызывать всплеска женских эмоций.

Отец изредка слал телеграммы-поздравления ко дню рождения дочерей, но практически не принимал участия в их воспитании. Дочери выросли с обостренным чувством гордости за великого отца. Но ощущение некой семейной "второсортности" вызывало чувство обиды на мать, на отца, на свое двусмысленное положение.

Младшая Нина умерла в июне 1928 года, когда Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате. Ей было всего 26 лет... Ее муж — Невельсон (его имя мне, к сожалению, установить не удалось) — уже был к тому времени арестован, а в последующем — расстрелян. Никто, кроме сестры, не оказывал ей серьезной помощи. Клеймо мятежного отца усугубило ее положение отверженной и ускорило кончину. Думаю, что смерть от туберкулеза "спасла" Нину от лагерей и ссылок. Ее дочь Волина, родившаяся в 1925 году, по некоторым данным, была у бабушки А.Л.Соколовской, но затем, когда Соколовскую арестовали и сослали, следы внучки затерялись, и судьба ее неизвестна. Может быть, она еще жива, но не знает, пройдя детдомовские "университеты", ни своей подлинной фамилии, ни происхождения? Троцкий узнал о смерти дочери лишь через несколько недель и сильно переживал, понимая, что его поражение в политической борьбе — едва ли не главная причина трагической развязки. Тем более что Зинаида послала отцу телеграмму: "Нина все время тебя зовет, надеется, что если увидит тебя, то исцелится..." Но телеграмму ссыльному вручили лишь через 73 дня после ее отправления, а сам он находился фактически под стражей. С кончиной Нины началась длинная череда смертей в семье Троцкого, которые страшными, роковыми вехами отмечают весь его дальнейший путь.

Зинаида, на руках у которой скончалась сестра, была надломлена трагической переменой в судьбе семьи: ссылка отца, арест мужа, Платона Волкова, смерть сестры, болезнь сынишки, беспросветная нужда и положение отверженной. К тому же у нее самой был туберкулез. Молодая женщина стала пытаться уехать с сыном к отцу в Турцию. После долгих мытарств и унижений ей удалось добиться разрешения на выезд, и в январе 1931 года она приехала с сыном к отцу на Принкипо. К этому времени у нее начали появляться признаки и психической неуравновешенности. Последние годы Зина, как и ее младшая сестра и мать, жили в условиях морального террора. К туберкулезу присоединились глубокая депрессия, истериче-

ские припадки. Зинаида тосковала о дочери, оставленной в Москве, ничего не знала о судьбе мужа. Ей казалось, что отец тяготится ее присутствием. Она прожила на острове с отцом десять месяцев, но глубокой родственной близости не появилось... Несмотря на все старания Троцкого, отчужденность в отношениях Натальи Ивановны и Зины не исчезли.

На семейном совете решили продолжить лечение Зинаиды в Берлине. С огромным трудом Троцкий добился, чтобы дочери разрешили выехать в Германию. Шестилетнего внука он временно оставил у себя. Сохранилось его письмо министру иностранных дел Турецкой Республики, в котором он просил выдать обратную визу его дочери Зинаиде Волковой после завершения лечения в Берлине. "Во избежание каких бы то ни было недоразумений, — писал отец, — считаю нелишним отметить, что поездка моей тяжело больной дочери не связана ни прямо, ни косвенно с какими-либо политическими целями и преследует исключительно интересы лечения"⁸².

Троцкий не испытывал глубоких отцовских чувств к своей старшей дочери, сильно страдал от этого, но ничего поделать не мог. Совместная жизнь становилась на Принкипо нестерпимой. Зинаида чувствовала, что она здесь — нелюбимая дочь, ревновала отца к мачехе, мучилась сама и накаляла обстановку в семье. Наконец отец отправил дочь в Берлин для лечения и последующего возвращения на родину. В Амстердамском архиве (где мне также довелось поработать, как и во всех других, где хранятся бумаги Троцкого) есть несколько писем, приоткрывающих причины трагедии Зины.

Вскоре после начала лечения дочери в Берлине Троцкий получил письмо от его знакомой — Александры Рамм, которая взяла на себя заботы о молодой женщине. В нем говорится, что "состояние Зины осложняется не только из-за болезни легких, а прежде всего душевного состояния... Заболевание произошло бесспорно в Константинополе. Она приехала туда полная самых больших ожиданий к своему знаменитому отцу и т.д., но скоро пережила большое разочарование. Вылилось это в форму: меня не любят. Кто виноват?.. Помимо того, она чувствует себя одинокой, она больна. Сестра умерла. Постоянная боязнь..."⁸³

А.Рамм права. Главная причина болезни Зинаиды — одиночество. Отец к ней холоден. Муж арестован. Дочь в Москве. Неустроенность, неизвестность, бедность. Берлинская знакомая продолжала в письме: "Дорогой Лев Давидович, не хочу от Вас скрыть мои личные наблюдения. В известном смысле ее и здесь

встретило разочарование. Она думала, что здесь она войдет в жизнь Левы и Жанны. Этого не случилось и не могло случиться... Однажды она мне сказала: нет ли у Вас какой-нибудь бездельницы или бездельника, которые бы ко мне приходили, мне так трудно быть одной...⁸⁴

Фактически об этом же писал на Принкино и Лев Седов, который находился в это время в Берлине. Сын пишет отцу, что "Зина много вспоминает и говорит о смерти Нины... Она очень рассчитывала, что ты напищешь ей сам... Она чрезвычайно подавлена, как никогда в жизни. Она не нападает на маму, но говорит, что ты ей писать не можешь и не будешь, это она понимает. Зина страшно угнетена, подавлена, выглядит совершенно расшибленной, жалко ее, Папочка, очень, очень жалко; больно на нее смотреть... Говорил подробно и с доктором Маем. Он считает, что недель через 8—10 З. может возвращаться в Союз... Доктор говорит, что к больной нужно больше мягкости... Иначе говоря, он дал мне понять, что считает очень важным, чтобы ты написал З., непосредственно воздействуя на нее. Может быть, последняя открытка З. даст тебе эту возможность? Я с З. держусь такой линии (невозможно ведь не считаться с ее состоянием): ты должна сама, своим поведением, фактами, характером писем и пр. создать предпосылки налаживания нормальных отношений с Папой... Она отвечает в полном пессимизме:

— Нет, ты знаешь, что я наделала, П. мне никогда писать не будет..."⁸⁵

Сын просит отца написать ей дружеское письмо, не обращая внимания на то, что она могла наговорить его матери в пылу нервного расстройства.

В других письмах (их около десятка) Лев пишет о глубокой депрессии сестры, об усилиях психиатра, об усугубляющемся душевном расстройстве молодой женщины. Ни в одном архиве я не обнаружил писем отца к своей старшей дочери. Возможно, будь они, судьба Зинаиды не завершилась бы трагедией. Черствость души по отношению к старшей дочери оказалась для нее губительной. Какие-то грани психологической несовместимости развели отца с дочерью, создали между ними труднопреодолимый невидимый ров. Но как бы то ни было, в этом душевном разладе отец должен был найти тропу, ведущую двух близких людей друг к другу. Может быть, революция сделала черствым сердце изгнанника? Или, рано оставив своих дочерей первой жене, Троцкий не мог разбудить в себе отцовских чувств к ним? Каждый может сделать свой вывод из этой пе-

чальной истории, в которой Троцкий не сумел согреть теплом своего сердца близкого ему человека...

Вскоре после приезда Зинаиды в Берлин последовал непоправимый удар: 20 февраля 1932 года правительство СССР, напомним, лишило советского гражданства не только Троцкого и его жену, но и всех его родственников, бывших в то время за границей... В письме к Елене Васильевне Крыленко 26 февраля 1932 года Троцкий, интересуясь судьбой своей статьи о Сталине, переданной в газету "Форум", писал: "Статья неожиданно стала злободневной ввиду нового декрета, лишившего меня и моих (родных. — Д.В.) права гражданства. Думаю, что любезнейший Николай Васильевич, в качестве юриста, к этому делу руку приложил"⁸⁶. Речь шла о брате Елены Васильевны, Н.В.Крыленко, наркоме юстиции РСФСР, а с 1936 года — и СССР. Правда, в последней должности он пробыл всего лишь два года... Потом его расстреляли.

Зина стала рваться домой, где у нее осталась дочь Александра, где она надеялась на встречу со ссыльным мужем. И несмотря на то что Троцкий смог организовать отправку к дочери ее сынишки — Севы (тоже лишенного советского гражданства!), о котором она сильно тосковала, ее душевная депрессия усилилась. Новый удар она не вынесла: по настоянию советского посольства Зину и прожившего с ней всего неделю сынишку немецкая полиция постановила выслать из Берлина. Куда? У потрясенной женщины теперь не было не только паспорта, но и денег... 5 января 1933 года, отведя сына к соседям, старшая дочь Троцкого открыла газовый кран... Ей было едва за тридцать. Сына Зинаиды, Всеволода Волкова (сейчас он носит имя Эстебан), усыновил Лев Седов.

Через неделю Лев сообщил родителям подробности о случившемся: "Накануне утром Зина мне звонила по телефону: она хотела меня видеть, просила сейчас же приехать (с приездом Севушки некоторое отчуждение наше исчезло). В это утро я никак, никак не мог. Я очень просил ее приехать вечером, днем или на другое утро; очень настаивал, — она отвечала немного уклончиво, но обещала. Больше я ее не видел... Надо написать Платону (мужу Зины. — Д.В.) — он очень любил Зину. Если это выше папиных сил — я напишу, но дайте мне хоть совет..."⁸⁷

Далее сын писал, что "вся мировая печать уже сообщила о гибели и второй дочери Троцкого".

В течение менее чем пяти лет Троцкий лишился обеих дочерей. Их здоровье, психика оказались слишком хрупкими. чтобы

вынести поражение отца. Троцкий не без основания считал, что его политическая борьба подтолкнула дочерей к гибели. Потрясен был Троцкий, а Александру Львовну Соколовскую ужасное событие в Берлине сразу сделало глубокой старухой.

Как только Троцкий узнал о трагической смерти второй дочери, он немедленно сел за стол и написал гневное письмо:

”Всем членам ЦК ВКП(б)
Всем членам ЦКК ВКП(б)
Президиуму ЦИК СССР

Преследование... дочери моей лишено было и тени политического смысла. Лишение ее гражданства, отнятие у нее единственной оставшейся надежды: вернуться в нормальную обстановку и поправиться, наконец, высылка ее из Берлина (несомненная услуга немецкой полиции Сталину) представляют политически беспредельные акты обнаженной мести — и только. Дочь отдавала себе ясный отчет в своем состоянии. Она понимала, что в руках европейской полиции, травящей ее в угоду Сталину, ей спасения нет... Я ограничиваюсь этим сообщением, без дальнейших выводов. Для выводов время наступит”⁸⁸ ...

После смерти Зины Александра Львовна Соколовская взвалила на свои плечи заботу о внуках. Ей было уже под шестьдесят, но она выглядела, как я уже сказал, глубокой старухой. Александра Львовна не могла забыть одно из последних писем, в котором Зинаида больно упрекала мать, что та не смогла сохранить семью и сделала всех несчастными. Подобные, полные глубокой боли, упреки от старшей дочери довелось выслушать и самому Троцкому. Права была Ольга Эдуардовна Гребнер, жена младшего сына Троцкого, Сергея, когда она говорила мне: ”Троцкий всем своим родным и близким, независимо от его желаний, приносил горе”. И внуки его не были исключением. (Внучка Воля, как я уже писал, исчезла после высылки бабушки — видимо, попала в детдом, другая — Александра — достигнув совершеннолетия, прошла через сталинские ссылки и умерла в 1989 г. Внук Всеволод-Эстебан, достаточно вкусивший всех ”прелестей” родства с Троцким, живет в настоящее время в Мексике и является хранителем единственного в мире музея своего знаменитого деда.)

Троцкий знал, что Сталин не остановится. Как заложник семьи в Москве жил его младший сын, Сергей, который не хотел быть политическим скитальцем. И в отношении его в Кремле было принято решение: из Союза не выпускать.

Хотя Троцкий уже привык к жизни на острове, его тяготили

”задворки” Европы: трудно было связываться со своими сторонниками, трудно выпускать журнал, трудно, в случае необходимости, исчезнуть, скрыться. Изгнанник чувствовал, что агенты Ягоды все плотнее ”обкладывают” одинокую виллу.

Троцкий еще в 1929 году пытался переехать в одну из западноевропейских стран, туда, где не было для него языковых трудностей, где было больше сторонников, где он мог активнее проявить себя. Но еще тогда (и позже) германское правительство отказало ему в визе. Английское правительство — после некоторых колебаний — тоже. Хотя Троцкий в личном письме к канцлеру казначейства Филиппу Скоудену напоминал, что в свое время он принимал Скоудена в Москве. Не помогло... Троцкий обратился во Францию. Оттуда после долгого молчания ответили: постановление о его высылке из страны в 1916 году в Испанию — пока не отменено... Был послан запрос в Прагу. Вначале пришел обнадеживающий ответ, а затем внезапно, без объяснения причин — отказ. Безуспешны были также попытки получить право на въезд в Голландию, Люксембург, Австрию, Норвегию...

Троцкий понял: нужно выждать время. Многие за рубежом все еще верили, что они со Сталиным затеяли дьявольскую игру: герой русской революции выехал за рубеж, чтобы готовить экспорт революции. Наталья Ивановна, вышедшая с мужем все трагические коллизии необыкновенной судьбы, успокаивала Троцкого:

— Нужно терпеть. Всему свое время. Твой час еще не настал. Будем непогоду пережить здесь... Успокойся.

— Ты, как всегда, права, — отвечал Троцкий.

Мало кто знает, что Седова-Троцкая активно работала в годы революции и гражданской войны в отделе искусств Наркомпроса России⁸⁹. В архиве сохранилось много документов, свидетельствующих о ее личном участии в вопросах, требующих ответственности и компетентности. Таких, например:

”Т. Чичерину.

Отдел охраны памятников искусства и старины не возражает против выдачи Финляндии художественных и археологических предметов, не имеющих для России особой ценности.

6 июля 1920 г.

*Н.И.Троцкая*⁹⁰.

В то время как под видом революционного переустройства национальное культурное достояние страны растаскивалось,

разворовывалось, уничтожалось, ее стараниями многое удалось спасти, поставить под охрану революционного закона.

Вечерами, когда Троцкий уставал от работы, они сидели рядом на открытой веранде дома, слушали дыхание моря, смотрели на огоньки рыбацких фелюг и вспоминали о минувшем, навсегда ушедшем. Однажды Наталья Ивановна без видимой причины вдруг сказала:

— Помнишь, мне, жене Председателя Реввоенсовета Республики, приходилось обращаться чуть ли не на самый верх, чтобы получить чулки. Не забыл, как мы тогда обносились?..

— Помню, конечно...

Действительно, в бумагах Троцкого сохранились копии документов наподобие этого:

”Главпродукт

Учетно-распределительный отдел

Нуждаясь крайне в чулках, прошу выделить мне ордер на три пары.

С товарищеским приветом

*Н.Троцкая*⁹¹.

Для ”второй дамы” государства чулки было получить не просто. Такое было время, главными творцами которого были большевики.

Думаю, тому, что Троцкий был тверд в своих убеждениях до последнего дня жизни, в немалой степени содействовала духовная твердость его жены. Изгнанник черпал в ней уверенность, поддержку, непреклонность. Письма Троцкого Седовой свидетельствуют не только о том, как они были нежны друг к другу, но и сколь огромное значение для Льва Давидовича имело ее отношение к нему, его делу и намерениям⁹². Наталья Ивановна стойчески несла все тяготы и беды изгнания и была настоящей опорой мужу. Ей довелось испить самую горькую чашу: пережить обоих сыновей и не иметь возможности похоронить ни одного из них, пережить мужа более чем на полтора десятка лет. Прожив долгую жизнь, Наталья Ивановна Седова многое сделала для упорядочения, сохранения богатого архива Троцкого и передачи его в библиотеку Гарвардского университета.

У Троцкого были две сестры и брат. Участь их тоже горька. Одна из сестер — Елизавета Давидовна Мельман — умерла своей смертью в 1924 году в Крыму, когда Троцкий еще находился в высших эшелонах власти. Другая сестра — Ольга Дави-

довна Каменева (жена Л.Б.Каменева) — вынесла все тяготы, которые выпали на ее долю как на родственницу Троцкого. Ссылка, арест в 1935 году, тюрьмы и лагеря закончились осенью 1941 года расстрелом. В тот год, вскоре после начала войны, как известно, Сталин распорядился еще раз "почистить" тюрьмы — многие тысячи "политических", ставших, по мнению НКВД, "опасной обузой" в столь грозную пору, без всякого суда были расстреляны. Таких было много, много тысяч...

У Троцкого был и старший брат — Александр Давидович Бронштейн. В 20 и 30-е годы он работал агрономом на Ново-кисляевском сахарном заводе в Воронежской области. Как мне рассказывал житель тех мест А.К.Миронов, Бронштейн был знающим специалистом, пользовался уважением у сельчан. Моему собеседнику почему-то запомнилось, что Бронштейн ездил на красивом фазтоне, запряженном парой хороших лошадей. Когда его знаменитого брата стали шельмовать, исключили из партии и сослали, то агронома заставили публично отказаться от родственника. Он сразу как-то изменился, осунулся, похудел — видимо, от переживаний и угрызений совести. Но отречение не спасло. Летом 1936 года Александр Бронштейн внезапно исчез (был ночью арестован), а в следующем году расстрелян в Курской тюрьме как "активный, неразоружившийся троцкист". Сталинская беспощадная рука достала всех. Но к тому времени у Троцкого еще оставалось два сына.

После смерти Зинаиды у Льва Давидовича и Натальи Ивановны поселился постоянный страх за сыновей, особенно за младшего, Сергея. С отцом он выехать за рубеж не захотел, решив целиком посвятить себя науке. Сергей действительно был далек от политики. В юности хотел стать артистом цирка, но затем увлекся техникой, закончил технический вуз, стал преподавателем института. Когда Сергею Львовичу Седову не исполнилось и тридцати лет, он был уже профессором.

...Как я уже говорил, мне довелось познакомиться с очень интересной женщиной, первой женой Сергея Львовича — Ольгой Эдуардовной Гребнер (вторично Сергей женился в ссылке, от второго брака у него осталась дочь Юлия, проживающая сейчас в США). Гребнер — живая, интеллигентная старушка, прошедшая, естественно, сталинские лагеря и ссылки. О Сергее рассказывала увлеченно, но фрагментарно: был озорным парнем, увлекающимся, талантливым человеком. В семье Троцкого больше любили Льва, это было заметно. Поженились, когда ему было двадцать, а ей двадцать два года.

— Когда семью выселили из Кремля на улицу Грановско-

го, — вспоминала Ольга Эдуардовна, — нам стало негде жить. Ютились по углам. Лев Давидович был всегда приветлив. На меня производили особое впечатление его живые, умные, синие глаза. Наталья Ивановна была внешне неинтересной женщиной — маленькая, полная, невзрачная. Но было видно, как они дорожили друг другом. Сергей был, повторюсь, талантлив: за что бы он ни брался — все получалось. Когда высылали Троцкого, Наталья Ивановна подошла ко мне и сказала:

— Береги Сережу...

— Арестовали Сергея 4 марта 1935 года, — продолжала Ольга Эдуардовна. — Казалось, что это трагический спектакль. Пришли пятеро. Обыск длился несколько часов. Забрали книги Сергея, портрет отца. Увезли мужа на Лубянку. Был там два или три месяца. Статей ему насчитали... И шпионаж, и пособничество отцу, и вредительство... В общем, сослали в Сибирь... Он был обречен... — подытожила невеселый рассказ Гребнер.

В январе 1937 года в "Правде" появилась статья "Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих генераторным газом". На митинге в кузнечном цехе Красноярского машиностроительного завода мастер Лебедев говорил: "У нас в качестве инженера подвизался сын Троцкого — Сергей Седов. Этот достойный отпрыск продавшегося фашизму отца пытался отравить газом большую группу рабочих завода". Говорили на митинге и о племяннике Зиновьева Заксе, их "покровители" директоре завода Субботине... Судьба этих людей подобными обвинениями была тут же предрешена.

— Сергей Львович Седов-Троцкий вскоре был осужден. Где-то летом получила открыточку, — вспоминала Ольга Эдуардовна, — которую сумел передать на волю несчастный сын великого отца: "Везут на Север. Надолго. Прощай. Обнимаю".

Ходили слухи, что его расстреляли в 1941 году где-то на Колыме. Но Ольга Эдуардовна не знала: Сергей прожил еще меньше — 29 октября 1937 года он был расстрелян. Единственная вина молодого профессора состояла в том, что он имел несчастье быть сыном главного еретика.

Родители были в долгом неведении о судьбе младшего сына. В последнем письме, которое Наталья Ивановна получила от Сергея (отец ему не писал, чтобы не усугублять положение), он вскользь писал: "...общая ситуация оказывается крайне тяжелой, значительно более тяжелой, чем можно себе представить..."⁹³ А вот июньская 1935 года запись в дневнике Троцкого

го: "Сереза сидит в тюрьме, теперь это уже не догадка, почти достоверная, а прямое сообщение из Москвы... Он был арестован, очевидно, около того времени, когда прекратилась переписка... Бедный мальчик... И бедная, бедная моя Наташа..."⁹⁴ Получив это сообщение, Наталья Ивановна с помощью мужа написала обращение к общественности, деятелям культуры, в котором призывала "создать интернациональную комиссию из авторитетных и добросовестных людей, разумеется, заведомых друзей СССР. Такая комиссия должна была бы проверить все репрессии, связанные с убийством Кирова; попутно она внесла бы необходимый свет и в дело нашего сына Сергея". Далее Седова продолжает: "Неужели же Ромен Роллан, Андре Жид, Бернард Шоу и другие друзья Советского Союза не могли бы взять на себя инициативу такой комиссии?"

Седова пишет, что "Сереза стоял за последние годы от политики так же далеко, как и раньше... Да и власти, начиная со Сталина, очень хорошо осведомлены об этом; ведь Сереза, по вторяю, вырос в Кремле, сын Сталина бывал частым гостем в комнате мальчиков; ГПУ и университетские власти с двойным вниманием следили за ним, сперва как за студентом, затем как за молодым профессором..."⁹⁵

Но все было тщетно. Сергей навсегда сгинул, как растаял... Чудовищная машина репрессий сжигала в своей топке все новые и новые жизни. До самой смерти у отца теплилась надежда, что сын жив, находится где-то в далеком лагере, "без права переписки". Были минуты, когда Троцкий говорил жене: "Может быть, моя смерть спасет ему жизнь?"⁹⁶

В ноябре 1935 года, не дождавшись активной общественной реакции на письмо жены, Троцкий, уже из Норвегии, шлет письмо одному из своих друзей с просьбой:

"Дорогой друг!

Прилагается в 3-х экземплярах письмо Н.И. о Сергее. Помимо всяких агентств, газет и проч., следовало бы послать письмо Ромену Роллану, Андре Жиду, Мальро и др. именитым "друзьям СССР" заказным порядком, с оплаченной обратной распиской"⁹⁷.

Жена Троцкого еще раз обратилась к мировой общественности через печать: "В продолжение последних трех месяцев я посылала на имя жены сына байковским переводом очень скромную денежную сумму, чтобы облегчить ей, если возможно, помощь Сергею... Но получен ответ: адресат не найден... Таким образом арестована и жена сына... Нельзя отделаться от

мысли, что пущенный советскими властями слух о том, что сын мой "не в тюрьме", приобретает в связи с новыми обстоятельствами особенно зловещий и непоправимый смысл. Если Сережа не в тюрьме, то где же он? И где теперь его жена?"⁹⁸ Ответом несчастной женщине было страшное гулаговское молчание.

Сталин был непробиваем. Он, а также его аппарат, отвечали на подобные просьбы односложно. Когда у его ближайшего помощника А.Н.Поскребышева арестовали жену, то на мольбы верного "оруженосца" отвечал кратко:

— Не паникуй. В НКВД разберутся.

Как "разбирались" в НКВД, многие знали уже тогда. По-могал "разбираться" и сам Сталин. Следы этой "работы" чудовищно лаконичны:

"Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду военной коллегии по первой категории.

Ежов".

Резолюция однозначна: "За расстрел всех 138 человек.

И.Ст., В.Молотов".

"Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу.

20.VIII.38 г.

Ежов".

Резолюция, как всегда, лаконична:

"За. 20.VIII. *И.Ст., В.Молотов*"⁹⁹.

В этой мясорубке и оборвалась жизнь младшего сына изгнанника. Сын Троцкого, талантливый ученый, стал одним из объектов чудовищной мести "непогрешимого вождя".

Арест младшего сына заставил супругов еще серьезнее думать о судьбе старшего сына, который стал настоящим эмиссаром Троцкого. Кроме выпуска "Бюллетеня", он участвовал, по решению отца, в двух международных органах, созданных троцкистами: Международном секретариате и Международном бюро. Эти два центра "большевиков-ленинцев", по мысли Троцкого, должны были сплотить разрозненные группы его сторонников в монолитную "Мировую партию социальной революции". Л.Седов фигурировал в этих органах под псевдони-

мом "Маркин", который дал ему отец в честь своего верного друга — матроса из далекой уже теперь революции.

Старший сын Троцкого был любимцем семьи. Лев рано вступил в партию, боготворил отца, был фанатичным поклонником и последователем его идей. С середины 20-х годов, когда Троцкий оказался в оппозиции режиму, Лев забросил учебу в Московском высшем техническом училище и стал, по существу, ближайшим помощником отца. Он не колеблясь поехал с ним в ссылку (хотя формально не высылался), отправился с родителями и в Турцию, добровольно депортируясь в знак солидарности с отцом. Но старший сын был не только помощником и исполнителем воли отца. У него было гибкое, сильное политическое мышление, отличное перо. Л.Седову принадлежит ряд блестяще написанных брошюр и статей. Его небольшая "Красная книга о московском процессе" привлекает внимание своей основательностью, аргументацией, остротой выводов¹⁰⁰.

Еще когда Троцкий находился на Принкипо, Лев много ездил по европейским столицам, выполняя его поручения. И уже тогда Седов рассказывал отцу, что несколько раз замечал, как за ним следят. Он понял, что его взяли на "прицеп" агенты Ягоды.

В Москве начались чудовищные процессы, отправлявшие на смерть невинных людей. Сталин решил провести генеральную чистку и устранить всех потенциально опасных людей. В Европе все прогрессивно мыслящие люди были потрясены. Даже некоторые агенты советской разведки оказались в замешательстве и были готовы порвать с преступной политикой. Первым это сделал видный советский разведчик Игнатий Райсс, о котором я расскажу в следующей главе.

Доклад Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме явился, по сути, изложением методологии террора, репрессий, ужесточения "классовой хватки" в отношении врагов внутренних и внешних. После Пленума за рубеж пошли секретные циркуляры, конкретизирующие установку Сталина: врагов "мы будем в будущем разбивать так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом"¹⁰¹.

Позднее, находясь уже в Мексике, Троцкий в письмах настойчиво предупреждает сына об опасности. Некоторые из друзей Льва Седова советуют ему, хотя бы временно, покинуть Европу и уехать к отцу. После долгих колебаний Седов написал отцу о своих сомнениях, о том, что он опять заметил слежку за собой, что в его окружении, как он подозревает, есть "чужой". В заключение сын спрашивал, что в этой ситуации посоветует

делать отец. Следует сказать, что в это время Л.Седов жил очень трудно и в материальном отношении. У отца практически не было возможности помогать, он и сам никак не мог выбраться из долгов, жил на аванс под ненаписанные книги, а "Бюллетень оппозиции", который выпускал Лев, по-прежнему выходил мизерным тиражом и совсем не приносил дохода. С женой Жанной у Льва отношения складывались сложно: каждый день приносил лишь новые заботы. Троцкистские организации больше враждовали между собой, чем сотрудничали. Лев, выполняя многочисленные поручения отца, испытывал какой-то внутренний надлом, особенно после письма Троцкого из Койоакана, датированного 18 ноября 1937 года. Троцкий не советовал уезжать из Парижа: "затормозится дело". Об этом сообщал и Зборовский в Москву. В одном из донесений "Петр" докладывал из Парижа:

"По случаю рождения своего сына "Мак" пригласил "Сынка"* к себе на обед. "Сынок" просидел весь день за бутылкой у "Мака" и крепко выпил... "Сынок", выпив, не терял сознания, но сильно расчувствовался. Он извинялся перед "Маком" и почти со слезами просил у него прощения за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он агент ГПУ... Под конец своих "откровений" "Сынок" говорил, что борьба оппозиции еще с самого начала в Союзе была безнадежна и что в успех ее никто не верил, что он еще в 1927 году потерял всякую веру в революцию и теперь ни во что не верит вообще, что он пессимист. Работа и борьба, которые ведутся теперь, являются простым продолжением прошлого. В жизни для него важнее — женщины и вино..."¹⁰²

Так докладывали агенты НКВД в Москву. Не мог скрыть своего пессимизма и сам Седов, отправляя письма отцу и матери. Более того, 14 ноября 1937 года "Мак" через резидента доложил в Иностранный отдел НКВД о том, что "Сынок" чувствует себя подавленным и "оставил завещание, в котором указал, где хранится его архив и т.п." Там также сказано: "Завещание у брата Молинье"¹⁰³. Как потом выяснилось, архив находился в сейфе банка, а ключ был у Жанны. Лев Седов предчувствовал надвигающуюся трагедию...

Отец успокаивал сына, но в то же время выговаривал ему за "неудовлетворительное содержание "Бюллетеня". Что касается

---

* В донесениях агентства НКВД Л.Седов везде проходит под кличкой "Сынок". — Д.В.

поездки в Мексику, хотя бы на время, отец не поддержал эту идею: "Уехав из Франции, Лев ничего не выиграет: едва ли Соединенные Штаты разрешат ему въезд; в Мексике он будет в меньшей безопасности, чем во Франции"¹⁰⁴. Отец явно не хотел, чтобы сын также стал затворником Койоакана.

Как казнил себя Троцкий за эти слова через два месяца! Какие муки запоздалого раскаяния он испытывал! Как он не почувствовал смертельной опасности, нависшей над сыном? Увы, и провидцы, которые во мгле грядущего могут рассматривать контуры зреющих событий, часто бессильны увидеть то, что лежит прямо под ногами.

8 февраля 1938 года у Седова начался сильный приступ аппендицита. Пока Этьен (Зборовский) звонил по частным клиникам, Лев написал последнее письмо, которое просил вскрыть лишь в "крайнем случае". Уже после обеда больному сделали операцию в клинике русских эмигрантов. Все прошло благополучно, дело быстро шло на поправку. Седов уже ходил и готовился выписаться из клиники. Однако через четыре дня у него вдруг наступило резкое ухудшение. Появились признаки отравления. После страшной агонии, когда врачи были уже бессильны, старший сын Троцкого — последний из четырех его детей — скончался. Ему было только 32 года...

Конечно, о заболевании Седова Зборовский немедленно сообщил своему "покровителю". В тот же день Москва знала о случившемся. Но в оперативных документах, сохранившихся в архивах НКВД, нет данных о прямых распоряжениях воспользоваться случаем и убрать "Сынка". Нет по двум причинам. Тогда многие подобные распоряжения, как мне объяснили, обычно отдавали устно, условленным знаком, сигналом, чтобы не оставлять следов. И вторая причина — значительная часть документов уничтожалась по "закрытии дела". Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что НКВД мог быть не заинтересован в смерти Седова, ведь сын Троцкого сам невольно служил важнейшим источником информации обо всем троцкистском движении и был нужен Москве.

Но у меня, например, мало сомнений о причастности НКВД к устранению "Сынка". Однако я совсем не уверен, что этим занимался сам Зборовский. То был "источник", а не исполнитель подобных акций. К этому времени Л.Д.Троцкий был уже в Мексике и основные усилия переносились туда. Ценность Л.Седова для НКВД заметно снизилась, тем более что Москва в 1938 году еще раз поставила задачу "убрать" самого

Троцкого. А у Льва Седова в это время появились явные приметы духовной депрессии.

Отец и мать, получив сообщение из Парижа о кончине сына, были потрясены до глубины души. Несколько дней они, запершись в комнате, никого не принимали, находясь в состоянии глубокой скорби и отчаяния. Но едва придя в себя, Троцкий и его друзья потребовали скорейшего расследования обстоятельств смерти Седова. Почти ни у кого не было сомнений, что сын Троцкого отравлен. Однако, как и ожидалось, убийство было совершено достаточно профессионально, без явных следов преступления. В НКВД существовал специальный отдел, обрабатывавший "техническую" сторону подобных дел.

20 февраля 1938 года, через неделю после смерти сына, Троцкий написал потрясающий некролог, который и сегодня читать спокойно нельзя. Приведу лишь некоторые выдержки из него:

"То старшее поколение, в рядах которого мы выходили в конце прошлого века на дорогу революции, все, без остатка сметено со сцены. Чего не сделали каторжные тюрьмы царя, суровая ссылка, нужда эмигрантских лет, гражданская война и болезни, — писал изгнанник, — то доделал за последние годы Сталин, как злейший из бичей революции". Троцкий писал о той большой помощи, которую оказывал ему сын в литературной работе: "Такое сотрудничество было возможно только потому, что наша идейная солидарность перешла в кровь и нервы. Почти на всех моих книгах, начиная с 1928 года, надо было бы, по справедливости, рядом с моим именем написать и имя сына".

С глубокой убежденностью Троцкий пишет, что "московские мастера убили его. И весть о его смерти они отметили в календаре Термидора как крупное торжество". Слова отца полны горечи: "Прощай, милый и несравненный друг! Мы не думали с матерью, не ждали, что судьба возложит на нас еще и эту страшную работу: писать твой некролог... Мы не сумели охранить тебя"¹⁰⁵.

А в Париже окружение Седова, инструктируемое Москвой, хотело сохранить связи со "Стариком" (так называли Троцкого в оперативных донесениях разведки). В архивном деле Марка Зборовского есть такой документ из Парижа:

"1. Русс на заседании Политбюро французских троцкистов предложил "Маку" впредь до особого распоряжения "Старика" взять на себя всю работу русской группы. Французы

будут признавать только "Мака" представителем русской группы.

2. "Мак" вместе с "Соседкой" (Л.Эстрин. — Д.В.) 18 февраля (1938 год) отправят "Старику" письмо, где изложат подробности смерти "Сынка".

3. "Соседка" сообщила "Маку", что имеются три архива:

а) старый архив, который хранится в сейфе банка, а ключи у Жанны;

б) старый архив, хранится у "Мака" (нам известен);

в) спрятан "Соседкой" (архив "Аякса"). Местонахождение "Сынок" не знал.

4. Отношения у "Мака" с "Соседкой" хорошие. Последняя считает себя равноценным преемником "Сынка". Предложено "Маку" "Соседку" не "отщивать", а выкачивать у нее все, что она знает. Это очень важно...

5. "Мак" имеет от нас задание перенять дальнейшую связь с "Международным секретариатом" на себя...¹⁰⁶

Уничтожив Льва Седова, эти же люди над его трупом пытаются связать порванные нити, тянущиеся от кабинетов НКВД к одному из бывших вождей русской революции.

К этому времени уже не было сомнений в том, что в застенках Ежова погиб и Сергей. Кровавая жатва Сталина захватила своим серпом миллионы советских граждан. Среди них оказались и дети Троцкого.

Он не знал о судьбе своих внучек в Союзе после ареста А.Л.Соколовской, а за рубежом остался только один отпрыск его рода — внук Сева. Усыновленный Львом, он сменил много мест жительства: Турция, Германия, Австрия, Швейцария, Франция... К моменту смерти нового отца ему было чуть больше десяти лет. Троцкий, подсознательно чувствуя свою вину за гибель детей, хотел взять заботы о последнем внуке на себя. Почему вины?

Он понимал, что его политическая борьба сделала несчастными обе его семьи, в конечном счете она самым роковым образом сказала на судьбе всех его детей. Прячась за бетонной стеной своего двора в Койоакане, он жестоко судил себя, вспоминая, что так мало сделал для лечения своих дочерей, не нашел должного контакта с Зиной, не уговорил Сергея уехать с ним в Турцию, не откликнулся на желание Левы временно покинуть Францию... Да, в первую очередь он думал о деле, а не о детях. Вина его велика... Комплекс невольной вины за гибель всех своих детей Троцкий мучительно нес до последних дней жизни.

Но с внуком дела оказались сложными. Жанна Молинье оказалась ехать в Мексику с Севой. Началась письменная "война" между Троцким и Жанной, принимавшая порой неприличные, оскорбительные формы. Троцкий это понимал, мучился, переживал. Ему с большим трудом удалось заполучить часть своих архивов, находившихся у сына, но Троцкий потерял покой, постоянно думая о внуке. Он даже обратился в суд, желая законно заполучить внука, дело тянулось целый год, но Жанна не уступала мальчика.

Тогда Троцкий написал внуку письмо на французском. Послание отправлено 19 сентября 1938 года.

"Дорогой малыш Сева!

Я пишу тебе в первый раз. Наш бедный Лев всегда держал нас в курсе (Натали и меня) твоей жизни, твоего роста и твоего здоровья..."

Далее Троцкий пишет, что он очень озабочен тем, что Сева совсем забыл русский язык. Отец мальчика в письмах к Троцкому просил, чтобы в случае "непредвиденного" дедушка сделал все для того, чтобы мальчик не забыл родной язык. Поэтому дедушка предлагает Севе приехать к нему, чтобы обсудить вопросы его будущего и восстановить язык родины.

"Я написал письмо к моим друзьям Альфреду и Маргарите Росмер, — продолжал Троцкий. — Ты их знаешь, мой мальчик. Дядя Лев восхищался ими и был связан с ними горячей дружбой... Я хочу, чтобы ты их навещал, как минимум один раз в неделю. Я написал Росмерам по вопросу твоего путешествия. Я тебя нежно целую, мой маленький Сева. Ко мне присоединяется и Натали. Мы говорим тебе: до скорого свидания!

P.S. Ты, естественно, покажешь это письмо Жанне, чтобы я не писал дважды одно и то же"¹⁰⁷.

Но эти обращения не помогали. Жанна Молинье не хотела отдавать ребенка. Тогда Троцкий написал министру юстиции Франции, где указывал, что отца и матери у Всеволода Волкова теперь нет. "Единственным кровным родственником Всеволода, моего законного внука, остаюсь я, нижеподписавшийся... Г-жа Жанна Молинье не находится с ним ни в родстве, ни в свойстве... Ваше авторитетное вмешательство, г. министр, способно разрубить запутанный узел в 24 часа..."¹⁰⁸

Но лишь в октябре 1939 года, после "похищения" Росмерами Севы, его смогли привезти к деду в Мексику. С дедом внук проживет меньше года.

Более трети своей жизни Троцкий вынужден был обитать на чужбине. Родина отторгла его, и ему пришлось скитаться. Только после смерти сыновей он до смертной боли в сердце понял, что больше никогда не увидит Родину; не посмотрит из окна поезда на бескрайнюю русскую равнину; не побывает на могилах отца, матери, дочери, брата, сестры; не увидит зубчатых стен Кремля, в котором они с Лениным жили в одном коридоре... Осознание окончательной, бесповоротной утраты не только близких, но и самой Родины — груз смертельный, тягостный, невыносимый.

Еще несколько лет назад, незадолго до отъезда из Принкипо, Троцкий "подал сигнал" в Москву о том, что в интересах революции он готов пойти на компромисс. Тогда, в марте 1933 года, Троцкий долго мучился, прежде чем написать это письмо. Он не хотел, чтобы оно выглядело капитуляцией. Нет, он не мог этого сделать. Никогда. Но в условиях, когда, по словам одного из вождей Великой французской революции Сен-Жюста, "революция зачленела", изгнанник еще испытывал слабую надежду на возможность хотя бы прекращения вражды, что дало бы реальные шансы увидеть когда-нибудь Отечество. Сталину писать он не мог, хотя понимал, что решать, как отнестись к неожиданному и последнему предложению Троцкого, будет только генсек.

"Письмо в Политбюро ВКП(б)

Секретно.

Я считаю своим долгом сделать еще одну попытку обратиться к чувству ответственности тех, кто руководит в настоящее время Советским государством. Обстановка в стране и в партии вам видна ближе, чем мне. Если внутреннее развитие пойдет дальше по тем рельсам, по которым оно движется сейчас, катастрофа неизбежна".

Это были слова пророка. Троцкий видел туманную даль далекого грядущего, чувствовал, несмотря на "пятилетки в четыре года", фантастические "проценты роста производства", невиданный и неподдельный "энтузиазм миллионов людей", что поезд социализма набирает ход, но... движется к огромной исторической неудаче. Мы осознали ее лишь в 80-е годы, но она подкралась к стране десятилетиями раньше под звон фанфар, победных рапортов и мажорных ритмов.

"Совершенно безнадежной и губительной является мысль овладеть нынешней обстановкой при помощи одних репрессий... Что надо сделать? Прежде всего возродить партию. Это бо-

лезненный процесс, но через него надо пройти. "Левая" оппозиция — я в этом не сомневаюсь ни на минуту — будет готова оказать ЦК полное содействие в том, чтобы перевести партию на рельсы нормального существования без потрясений или с наименьшими потрясениями... Дело идет о судьбе рабочего государства и международной революции на многие годы".

Изгнанник, предчувствуя то, что сейчас называют исторической неудачей, тем не менее видит пути ее предотвращения однобоко, метафизически. Он выступает против бюрократии и тоталитаризма, но по-прежнему верит в революционные методы одной-единственной партии. У него нет и мысли поставить под сомнение исходные большевистские аксиомы. Троцкий отмечает, что согласия между нынешним руководством и "левой" оппозицией достигнуть можно. "Как ни напряжена атмосфера, но разрядить ее можно в несколько последовательных этапов при доброй воле с обеих сторон... Цель настоящего письма в том, чтобы заявить о наличии доброй воли у "левой" оппозиции". Политбюро могло бы, заканчивает Троцкий, выбрать соответствующие формы и средства, если бы оно "сочло необходимым вступить в предварительные переговоры без всякой огласки"¹⁰⁹.

Но, естественно, ответа не последовало и не могло последовать. Диктатор ждал совсем других вестей. Как мне удалось установить, Сталин, прочитав письмо, грязно выругался и бросил в адрес Менжинского, что тот "перестал ловить мышей" и ему пора наконец заставить замолчать Троцкого. Председатель ОГПУ СССР был болен, и если бы не его скорая смерть, то едва ли он задержался бы на этом посту и, несомненно, разделил бы участь других опальных деятелей.

Это отступление я сделал за тем, чтобы показать, что и в условиях, когда Троцкий и его семья были поставлены в положение скитальцев, он сделал еще одну наивную попытку примирения с режимом, попытку вернуть его к демократическим, революционным идеалам. Этот жест был также отвергнут, и преследование Троцкого было усилено. В мае 1938 года "Бюллетень оппозиции" выступил с предупреждением: редакции известны намерения НКВД в отношении Троцкого. "Пока жив Л.Д.Троцкий, — говорилось в статье, — роль Сталина, как истребителя старой гвардии большевиков, не выполнена. Недостаточно приговорить тов. Троцкого, вместе с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и др. жертвами террора, к смерти. Нужно приговор привести в исполнение"¹¹⁰. В журнале перечисля-

лись подозрительные лица, которые шли по следам Троцкого из страны в страну.

Среди предупреждений о нарастающей опасности одно было очень весомым: в письме подробно, со знанием дела, говорилось о планах НКВД по убийству Троцкого. Это письмо, как потом выяснилось, послал один из высокопоставленных невозвращенцев сталинской разведки — Александр Орлов, тот самый Орлов, который спустя годы напишет сенсационную книгу "Тайная история сталинских преступлений". Но подписано письмо было неким Штейном, якобы родственником беглеца в Японию Люшкова*. Л.Эстрин, ездившая к Троцкому в Мексику, рассказывала, что письмо от имени "Штейна" предупреждало Троцкого об опасности, исходящей из оставшегося окружения его старшего сына. "Штейн имел якобы свидания с Люшковым до того, как тот оказался в Японии. Люшков вроде бы просил предупредить об угрозе, нависшей над "Стариком", и прежде всего от человека, которого зовут "Марком". Фамилию "Марка" Люшков не помнит". Автор письма советовал не доверять никому, кто явится к нему с рекомендацией "Марка". "Штейн" предлагал "Старику" дать ответ в местной газете, свидетельствующий о получении письма.

Троцкий поместил в газете такое объявление: "Ваше письмо получено и принято к сведению. Прошу явиться для личных разговоров"¹¹¹. Но автор не явился в Койоакан, и Троцкий счел письмо провокацией НКВД. Доверие к "Маку" осталось неизменным. А предупреждения, при всей их важности, — это только предупреждения. Опасности они не устраняют. Хотя и требуют повышенной бдительности.

Трагедия семьи Троцкого стала лишь отражением трагедии всего советского народа. Пытаясь ускорить прорыв к "лучезарному будущему" с помощью мировой революции, Троцкий был одним из главных творцов огромного зла, сопутствовавшего утопии. Это зло поглотило его семью, а затем и его самого. Трагедия изгнанника и его семьи, как и миллионов советских людей, стала результатом насилия и надругательства над свободой. Ибо "свобода" под "железной пятой" диктатора — это всегда трагедия.

---

* О Г.С.Люшкове см. в разделе "Московские процессы". — *Ред.*

Московские процессы

Вглядываясь в мирные дали с заброшенного островка в Мраморном море, вслушиваясь в несладкий гул политических страстей, Троцкий рвался в эпицентр классовых схваток, надеясь, что он сможет там заявить о себе громче и увереннее. Все долгие четыре года проживания на Принкипо он не прекращал попыток получить разрешение выехать в одну из европейских столиц. С приходом Гитлера к власти Берлин однозначно отпал.

После изнурительной переписки и дипломатических проволок Троцкий получил наконец разрешение перебраться во Францию — страну, с которой у него было так много связано.

Упаковывая вместе со своим секретарем голландцем Хеаном Ван Хейхеноортом, который останется с ним до последних дней его жизни, бесценные ящики с архивными документами, уцелевшими книгами, бесчисленными вырезками из советских и западных газет, Троцкий мог отметить, что его литературный багаж стал заметно весомее. Именно здесь он написал свои лучшие книги — "История русской революции" и "Моя жизнь", сотни статей, дал десятки интервью журналистам, в которых не уставал повторять: ленинизм не умер, идея мировой революции — не утопия, сталинизм — лишь трагический зигзаг в русской истории. В творческом, литературном отношении "турецкий" период изгнания оказался исключительно плодотворным. Изоляция от "шума городского", непосредственной политической деятельности аккумулировали энергию лидера "левой" оппозиции для создания теоретических, исторических и литературных произведений.

О своей работе на острове изгнанник писал: "На Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимою, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы. Здесь нет не только театров, но и кинематографов. Езда на автомобилях запрещена. Много ли таких мест на свете? У нас в доме нет телефона. Ослиный крик успокоительно действует на нервы. Что Принкипо есть остров, этого нельзя забыть ни на минуту, ибо море под окном, и от моря нельзя скрыться ни в одной точке острова. В десяти метрах от каменного забора мы ловим рыбу, в пятидесяти метрах — омаров. Целыми неделями море спокойно, как озеро"¹¹². Конечно, это изгнание, задворки Европы, но творить здесь было легко...

Троцкий еще не знает, что в оставшиеся годы уже не создаст ничего крупного, непреходящего, за исключением лишь небольшой книги "Преданная революция", о которой даже Виктор Серж, готовивший ее к печати, заметил: "Она громоздка, наспех написана, в ней мало литературы..."¹³ В жертву политической злободневности приносилось все, и литературный талант в том числе. Грядущие "французский", "норвежский" и "мексиканский" этапы его странствий пройдут под знаком рождения его желанного детища — IV Интернационала. Он еще сумеет убедиться, сколь пестрой, разношерстной и малоперспективной окажется эта сектантская организация. Но лишь другие много позже убедятся, как она живуча*.

Живучесть троцкизма объясняется, на мой взгляд, не актуальностью идей, которые когда-то высказал певец мировой революции, а потребностью какого-то узкого круга лиц в любом обществе и в любое время исповедовать крайние взгляды. Иногда это правые (неофашисты, неосталинисты), порой — левые (троцкисты). Что касается троцкизма, то это не только специфическая форма самовыражения отдельных людей, но и преклонение перед легендарной личностью с трагической биографией, выражение традиционного мелкобуржуазного радикализма интеллигенции, студенчества, молодежи, части рабочих и крестьян. Несмотря на малочисленность троцкистских организаций, их влияние в некоторых странах заметно. Особенно это проявляется на выборах в парламенты.

...Троцкий старался уехать из Константинополя незамеченным. Во второй половине июля 1933 года на стареньком итальянском пароходе "Болгария" Троцкий вместе с Натальей Ивановной и двумя секретарями отплыл из Константинополя в Марсель. Он еще не знал, что его ждет во Франции, но надеялся, что появление на Западе лидера "левой" оппозиции активизирует ее сторонников.

Путешествие во Францию и первые месяцы пребывания там Наталья Ивановна описывает так: "На пароходе муж мой чув-

---

* Представляя в 1989 г. свою книгу о Сталине на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне, я обратил внимание, что у входа в зал, где мне предстояло выступать, стоял длинный стол, заваленный троцкистской литературой с большим портретом лидера IV Интернационала. Молодые люди, пытавшиеся продать свои брошюры и журналы, с достоинством сказали, что они представляют "немецкую секцию всемирной партии социальной революции товарища Троцкого" — Д.В.

ствовал себя нехорошо. Было очень жарко. Были сквозняки. Общее его недомогание закончилось люмбаго. Пригласили пароходного врача. Боли были мучительными. Больной не мог встать с постели... 24 июля утром пароход остановился, не доходя до Марселя. К нему подошла моторная лодка с двумя пассажирами: нашим сыном, Л.Седовым, и Р.Молинье..." Далее она отмечает, что, находясь во Франции, они останавливались в разных местах: Ройане, Сен-Поле, на Пиринеях в Боньере, Барбизоне под Парижем. Наконец, пишет Седова, "в середине декабря 1933 года моему мужу удалось побывать с друзьями в Париже, где он провел день"¹¹⁴.

Вскоре семья Троцкого почувствовала, что за ними непрерывно следят, их ищут. Они под пристальным наблюдением. Об этом скоро сказали Троцкому его секретари Рудольф Клемент и Сара Вебер, а также Раймон Молинье. Пришлось принимать повышенные меры предосторожности. Это неудивительно: завербованный Марк Зборовский приступил к своей работе. Встречаясь с Л.Седовым, он черпал информацию о пребывании Троцкого во Франции, хотя старший сын еще опасался нового помощника, подозревая его в том, что он агент НКВД. Троцкий скоро понял, что Франция, куда он так рвался и с которой связывал возможность активизации всего своего дела, кишит агентами ОГПУ. Несмотря на тщательную конспирацию, опального революционера несколько раз опознавали репортеры, функционеры различных политических партий, эмигранты — выходцы из России. "Юманите" несколько раз выступила с протестом против отмены запрета на въезд Троцкого во Францию. Однако, несмотря на это, Троцкий, соблюдая особые меры предосторожности, принимал своих сторонников из Германии, Англии, Голландии, Соединенных Штатов, Австрии, Испании и даже далекого Китая.

Во время этих встреч Троцкий убеждал: зреет новый революционный подъем, нужно готовиться, усилить работу в массах, особенно среди рабочего класса; он вел зондаж о возможности объединения множества троцкистских групп в единую крупную международную организацию; предлагал форсировать оформление организации. Но значительная часть его сторонников с самого начала мало верила в реальность нового революционного подъема. Троцкий был огорчен.

На августовском (1933 г.) совещании в Париже, на котором были представлены четырнадцать партий и групп, лишь три были согласны в принципе с идеей немедленного создания IV Интернационала. Троцкий, который в целях предосторож-

ности не принял участие в этой конференции, был очень разочарован. Он готовил основные документы, резолюции к этой конференции и ожидал от нее явно большего. Но уже в августе 1933 года Троцкий воочию убедился, сколь малочисленны силы, которые его поддерживают. Три партии, поддержавшие Троцкого, приняли резолюцию о необходимости активизировать работу по созданию IV Интернационала и готовить его хартию (программу)¹¹⁵. Троцкому ничего не оставалось, как продолжать пропаганду среди своих сторонников и заниматься литературным трудом. Он возобновил работу над книгой о Ленине, но она продвигалась трудно, и он так и не закончил повествование о человеке, которого искренне считал самым крупным революционером XX века. Хотя изгнанник настойчиво пытался внушать своим сторонникам, что приближение нового революционного подъема неизбежно, в это многие не верили. Обстановка в мире была совсем иной, нежели накануне Октябрьской революции.

Да и сам Троцкий почувствовал: феерического взлета больше не будет. Ни революционного, ни личного. Главное в жизни осталось в прошлом. И это прошлое река времени уносит все дальше и дальше вглубь вечности... Его сентябрьские письма 1933 года к Наталье Ивановне (жена лечилась в Париже, а он жил в Барбизоне) были грустны и печальны. Даже Турция казалась им теперь гостеприимнее:

”...Милая, милая моя, спокойнее было бы на Принкипо, сейчас уже недавнее прошлое кажется лучше, чем было, а ведь мы так надеялись на Францию... Окончательная ли это старость или только временный чересчур крутой спуск, после которого еще будет подъем (некоторый...). Посмотрим...”¹¹⁶ Письма к жене нежны как всегда. Подписывается в них Троцкий кратко: ”Твой”.

Обстановка вокруг его пребывания во Франции все больше накалялась. Весной 1934 года ему предложили покинуть Барбизон (городок в часе езды от Парижа), так как полиция не ручалась за его безопасность. Сталинские агенты могли нанести удар в любой момент. После поспешного отъезда из Барбизона Троцкий пробыл во Франции чуть больше года, но нигде не мог найти ни безопасности, ни покоя. Порой бегство его носило унижительный характер: приходилось, например, сбривать бородку, изменять облик, маскироваться. А однажды он вынужден был несколько дней прятаться на чердаке у одного из знакомых своего сына. Ему угрожали как местные нацисты, так и коммунисты. За ним охотилось и ОГПУ. Он был между не-

скольких огней. В этот период большую помощь ему оказал Ван Хейхеноорт. Своей преданностью он напоминал Сермуksа и Познанского.

Троцкий менял местожительство, часто без Натальи Ивановны. Его обычно сопровождали Р.Молинье, Х.Ван Хейхеноорт и один-два телохранителя из надежных французских сторонников. Он вновь был Агасфером.

Иногда в течение месяца Троцкий пять-шесть раз переезжал с места на место, менял отели. Но везде за ним следовали полицейские, какие-то молчаливые, загадочные личности. Троцкий потерял покой... Он всерьез жалел, что покинул Принкипо. Лишь в небольшой деревушке недалеко от Гренобля семье Троцкого удалось на несколько месяцев укрыться от назойливых и подозрительных глаз. Изгнанник пытался закончить книгу о Ленине (он заключил договоры с несколькими издательствами), однако вдохновение покинуло его, вытесненное постоянной тревогой. Вместе с Натальей Ивановной он все чаще вспоминал тихий Принкипо, его безмятежный покой среди ласковой глади моря.

Каждый день Троцкий нетерпеливо ждал, когда секретарь принесет свежие газеты: после убийства Кирова в СССР назревали грозные события. Буржуазная пресса (московские газеты удавалось читать довольно редко) каждый день сообщала о новых арестах, о поиске заговорщиков по всему Союзу, в окружении Политбюро, о каких-то непонятных, но трагических событиях в стране.

Вечерами Троцкий прикивал к радиоприемнику, с трудом улавливая сквозь треск эфира далекую Москву. Иногда удавалось услышать бой курантов, и воспоминания вновь уносили его в Кремль... А в Москве без конца говорили о преступной деятельности Зиновьева и Каменева, "ответственных" за убийство Кирова, но всех этих "недобитых врагов", утверждало радио, вдохновлял и направлял "фашистский наймит Троцкий". Изгнанник был потрясен глубиной перерождения советской системы. Незадолго до того как Троцкий с женой покинут Францию, где они так и не смогли найти спокойного места, он напишет статью, где напомним: еще в марте 1929 года он предупреждал всех, что Сталин будет обязательно связывать "оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр.". Зная главного организатора начинающихся московских процессов, он во весь голос заявит, что Сталин поставил Зиновьеву и Каменеву ультиматум: они сами должны выработать ему такую формулу, которая бы оправдывала его ре-

прессии против них... Все это было нужно для того, чтобы обвинить Троцкого в терроре и т.д. Он ядовито высмеет попытки Сталина находить все новые и новые надуманные поводы для развязывания массовых репрессий в стране¹¹⁷.

И уже в середине 30-х годов молох террора начал раскручивать обороты безжалостного маховика. Через пару месяцев Троцкий узнает, что вскоре после смерти Кирова была арестована и сослана далеко на Север Александра Львовна Соколовская, вынужденная отправить внучек к тетке на Украину. Соколовская, приобщившая юного Бронштейна к марксизму, за исключением первых двух-трех лет совместной жизни, долгие десятилетия несла тяжкий крест одинокой и покинутой женщины, на которую обрушилось так много жестоких ударов. На допросах от нее требовали ответа: каким образом она по заданию своего бывшего мужа способствовала деятельности троцкистских групп? Какие инструкции получала из-за границы от Троцкого и кто их ей передавал? Оба зятя Троцкого, Волков и Невельсон, ожидавшие окончания срока ссылки, были вновь арестованы и направлены в лагеря, где вскоре бесследно исчезли.

Но вернемся к Троцкому. Его длительные хлопоты дали наконец желаемый результат: норвежское правительство выдало разрешение на его въезд в страну. 15 июня 1935 года революционный пилигрим прибыл в страну фьордов. Раньше ему довелось провести здесь день-полтора, когда в мае 1917 года он возвращался из Канады в Россию. Его немногочисленные друзья подобрали семье скромный отель в двух часах езды от Осло. Жить было трудно: приехали почти совсем без денег. Два года "французской жизни", когда Троцкий больше занимался собственной безопасностью, чем работал, быстро съели небольшие сбережения, которые образовались в результате напряженного литературного труда.

Нужно работать, работать! Писать письма своим сторонникам, разделяющим его идеи о создании международной организации нового типа, способной поднять затоптанное в грязь интернациональное знамя; добывать средства к существованию, на издание журнала, на поддержку старшего сына с Севой... Работать предстояло в условиях, где к нему относились, как к прокаженному. Власти стали настойчиво требовать, чтобы Троцкий дал подписку, что не будет заниматься политической деятельностью. Оппозиция в парламенте вновь подняла вопрос о "временном" пребывании Троцкого в стране. Никто в округе не хотел сдавать нежеланному пришельцу дом или квартиру. Отель был не по карману. Печать была полна недруже-

ственных статей и комментариев по его адресу. Здесь же очень скоро появились старые знакомые — агенты Ягоды... Зборовский, контролируя переписку Седова с отцом, быстро сообщил через своих непосредственных "опекунов" адреса Троцкого в Норвегии¹¹⁸.

Сколько нужно иметь моральных сил, чтобы не сломаться, не сдаться, не опустить руки! В трудные минуты, вспоминал Троцкий, он всегда черпал моральную силу и уверенность в себе. Отверженный революционер писал в своем дневнике: "Мы с Н. связаны уже 33 года (треть столетия!), и я всегда в трагические часы поражаюсь резервам ее натуры... Одно могу сказать: никогда Наташа не "пеняла" на меня, никогда, в самые трудные часы; не пеняет и теперь, в тягчайшие дни нашей жизни, когда все сговорилось против нас..."¹¹⁹.

Наконец скитальцам удалось найти подходящее жилище севернее столицы, где они поселились в семье норвежского социал-демократа Конрада Кнудсена. Теперь у них не было охранников или помощников. Они должны были полагаться лишь на самих себя. Поскольку министр юстиции Трюегв Хальвдан Ли (будущий Генеральный секретарь ООН) официально запретил Троцкому заниматься политической деятельностью на территории Норвегии, изгнанник решил полностью посвятить себя литературной работе, внимательно следя за событиями в Европе, и особенно на своей родине.

Литературному труду мешала громадная переписка, которая захватила Троцкого и здесь, в этой северной стране. Ему по-прежнему приходилось в письмах мирить враждующие группировки своих сторонников, в особенности во Франции, принимать некоторых представителей этих групп. Он с грустью мог думать, что "революционная армия" негодна ни на что, кроме как на распри, мелкие междоусобные интриги и громкие фразы. Человеку, который стоял в свое время на самом гребне русской революции, все это не могло добавить энтузиазма.

Однажды, когда с хозяином дома они отправились в живописный фьорд ловить рыбу, по радио они услышали о начавшемся большом политическом процессе в Москве над Зиновьевым, Каменевым и их "подельцами", которых обвиняли в организации терроризма в СССР. Троцкий услышал самое главное: оказывается, убийство Кирова, подготовка покушения на Сталина, Ворошилова и других "вождей" проходила под "руководством Троцкого"... Услышав эти откровения, "организатор фашистского террора" немедленно вернулся домой и на протяжении нескольких дней не отходил от радиоприемника. Троц-

кий был потрясен услышанным. Это была грандиозная мистификация. То, что говорили Каменев, Зиновьев, Мрачковский и Бакаев, было чудовищно. В их словах не было ни грана правды. Ни грана!

Зиновьев бесстрастным голосом говорил, что он был политическим вдохновителем, а значит, и организатором убийства Кирова. А всем блоком "террористов" руководил Троцкий. "Троцкизм — это разновидность фашизма", — утверждал Зиновьев. Каменев сознавался в том, что "он сам служил фашизму, готовил вместе с Троцким и Зиновьевым контрреволюцию в СССР..." Это было невероятно! Троцкий был потрясен: до какого состояния нужно было довести людей, чтобы они стали говорить такое! Это он, Троцкий, главный "заговорщик", "организатор", "террорист" и "убийца"?!

Троцкий не знал, что Зиновьева и Каменева накануне процесса-спектакля привезли из тюрьмы в кабинет к Сталину, где он предложил им сделку: если на суде они во всем "сознаются" и покажут, что Троцкий был главным организатором враждебной, террористической деятельности против партии и страны, он постарается спасти им жизнь. Постарается... "Другого выхода у вас нет, — негромким, но твердым голосом подчеркнул Сталин. — В любом другом случае вас ждет только смерть".

Сломленные старые большевики, соратники Ленина, бывшие одно время близкими и с самим Сталиным, согласились. Хотя им давно было известно, что в коварстве Сталин не знал себе равных. Но спасительного выбора не было. Мужества все публично отвергнуть — у них тоже не оказалось.

...Троцкий, нервно расхаживая вокруг потрескивающего радиоприемника, потирая виски, отрешенно говорил: это только начало кровавой чистки... это полное предательство революции... это конец всему, что они создавали с Лениным... Чудовищно! Невероятно! Немыслимо!

Троцкий как бы повторял фразы из своей книги "Преданная революция", в которой он 4 августа 1936 года поставил заключительную точку. Это последняя законченная книга Троцкого, полная пророчеств, жестких оценок, категорических, но противоречивых выводов. Он писал ее в течение года, давая развернутую характеристику советского общества, в котором завершалось тоталитарное перерождение первоначальных, как тогда думали, социалистических основ. Главный объект беспощадной критики Троцкого — новая бюрократическая каста.

"Почему победил Сталин?", — спрашивает автор и отвечает: — "Было бы наивно полагать, что неизвестный массам

Сталин вдруг вышел из-за кулис, имея готовый стратегический план. Нет. Прежде чем он нашел свой путь — бюрократия нашла его... Бюрократия победила не только "левую" оппозицию. Она одержала победу над большевистской партией... Она победила всех этих врагов... не идеями и аргументами, а только благодаря собственному весу. Свинцовый зад бюрократии весил больше, чем голова революции... Вот решение загадки советского термидора"¹²⁰. Но неожиданно Троцкий приходит к выводу, что бюрократия, став новым классом, может привести к реставрации капитализма в СССР.

Таков был этот мыслитель. Однако проводя глубокий, верный анализ, изрекая поразительные пророчества, он порой делал неверные выводы. Это можно объяснить его абсолютной "заряженностью" на революцию, ее параметры и ориентиры. А раз бюрократия тормозила, "съедала" революцию, то, по мысли Троцкого, она могла закончиться и буржуазным термидором. Автор явно стоит на позициях, которые ближе к взглядам Сталина, чем трезвых марксистов: "Передача земель колхозам в вечное пользование — мера не социалистическая, которая сохраняет частнособственнические тенденции..." Троцкий считает, что психология кулака не изжита, что приусадебные наделы — рассадник старых, собственнических взглядов. В аграрных вопросах он целиком в плену старых марксистских догматических и утопических схем, согласно которым "истинно социалистические преобразования" можно осуществить только в результате полного обобществления земли и иной собственности.

Троцкий по-прежнему уверен, что "задача европейского пролетариата заключается не в увековечении границ, а наоборот, в их революционном устранении. Не статус-кво, а Соединенные Штаты Европы!" Но Европы рабочей, а в идеале — социалистической! Троцкий, как и раньше, мыслит категориями неизбежного мирового пожара: "Если революция не предотвратит войну, то война поможет революции".

Самый главный вывод "Преданной революции" заключался в том, что "советская бюрократия не откажется от своих позиций без борьбы". Поэтому, полагал Троцкий, рабочий класс, совершив первую в истории социалистическую революцию, стоит сейчас перед необходимостью новой, "дополнительной" революции — не социальной, а "политической, против бюрократического абсолютизма"¹²¹. "Мирного выхода из кризиса нет. Столкновение народа с бюрократической олигархией, бюрократическим абсолютизмом — неизбежно. Политическая

революция свергнет сталинскую систему правления, но не изменит существующих отношений собственности”¹²².

Это был уже прямой и откровенный призыв к изменению существующей политической реальности в СССР. Троцкий звал к революции, что равносильно государственному перевороту. Это было абсолютно утопическим и наивным пожеланием, которое совершенно не имело реальных шансов. Но если не говорить о форме, сроках и характере отчаянного призыва, то Троцкий был, возможно, первым человеком, который открыто поставил на повестку дня необходимость ликвидации сталинизма как системы, как идеологии, как методологии действия и как способа мышления. Изгнанник понимал одно: сталинизм — одна из наихудших форм тоталитаризма и цезаризма. Со сталинизмом можно поставить рядом лишь фашизм. Только на путях демонтажа этой системы возможно подлинное демократическое развитие. У социализма, несмотря на огромную историческую неудачу, возможно, и сейчас еще есть будущее.

Создание “Преданной революции” имело, вероятно, одно роковое следствие, помимо воли самого автора. О чем идет речь?

Подготовив рукопись и отправив ее парижским издателям в августе 1936 года, один экземпляр Троцкий направил своему сыну Льву с предложением опубликовать отдельные отрывки в “Бюллетене оппозиции” или в некоторых буржуазных изданиях¹²³. Это и было сделано. Но сегодня можно документально доказать, что вся рукопись или ее отдельные фрагменты оказались в Москве, в сталинском кабинете еще до того, как она вышла летом 1937 года в Париже. Как читатель догадался, это было сделано все через того же Марка Зборовского. В пухлых томах архивного дела НКВД, озаглавленного “Издания”, содержится множество статей, интервью, манифестов Троцкого, которые советская разведка поставляла в Москву. “Преданная революция”, как только она была написана Троцким, оказалась в поле зрения 7-го отдела ГУГБ НКВД. Едва рукопись была переправлена Троцким во Францию, начальник этого отдела Слуцкий доложил Ежову, а тот Сталину: “Седов ведет переговоры с разными издательствами об издании книги. Ее предполагается издать на нескольких языках. На французский язык ее переводит Виктор Серж (издательство “Грасси”). Немецкий перевод делает жена немецкого троцкиста Пфюмферта. В Чехословакии изданием будет заниматься В.Бурян. Получено также предложение польского издательства “Видовництво

Польске” в Варшаве....” НКВД знал все. Знал все и главный противник Троцкого — Сталин.

Некоторые косвенные свидетельства об изданиях Троцкого можно получить, знакомясь с ”фондом Снейвлита”, который получен в свое время бывшим Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС из Института истории партии при ЦК ПОРП. Эти документы оказались у польских коммунистов потому, что они якобы были брошены гитлеровцами в 1944—1945 годах в Польше. В этом ”фонде” есть бумаги*, которые, вероятно, еще раньше попали в Москву по линии НКВД¹²⁴.

Известно, что, стремясь спасти свои архивы, Троцкий передал часть документов в парижский Институт исторических исследований по улице Мишле, дом 7. Непосредственно передавали документы Седов вместе с Этьеном (Зборовским) и меньшевиком Николаевским. А через несколько дней, в ночь с 6 на 7 ноября 1936 года, взломщики проникли в институт и похитили документы Троцкого... Кроме Троцкого и Седова, о передаче документов знали только Николаевский и Этьен... Николаевский, как и Седов, тоже был в поле зрения советской разведки. В связи с пропажей архива агент ”Гамма” смог добыть материал на Николаевского, составленный французской спецслужбой в ноябре 1936 года. Там, в частности, говорилось: ”Николаевский во Франции с 1933 года. Прибыл из Берлина, где он работал библиотекарем. Его друзья: Борис Суварин, Церетели, Борис Сапир, Фридрих Адлер...” В этом же документе приводится и такая важная деталь: ”...ввиду соглашения между Норвегией и Союзом, корреспонденция Троцкого вскрывается...”¹²⁵ Как видим, Троцкий ”просвечивался” с разных точек. В результате работы спецслужб, и прежде всего агента Зборовского, Москва имела о Троцком, его творчестве, планах и намерениях почти исчерпывающую информацию.

Таким образом, фрагменты рукописи Троцкого ”Преданная революция”, а может быть, и вся она, оказались в Москве. Нетрудно представить, какое впечатление на Сталина произвели призывы Троцкого совершить в СССР ”политическую революцию” и ликвидировать ”бюрократический абсолютизм”! Марк Зборовский проинформировал Сталина значительно раньше,

---

* Это сотни документов: статьи, отчеты, письма, циркуляры, протоколы, письма, воззвания троцкистских организаций с 1922 по 1940 гг. — Д.В.

чем рукопись увидела свет. Вполне допустимо, что это могло сыграть важную роль в решении Сталина осуществить грандиозную чистку в стране. Рукопись книги могла стать определяющим фактором в принятии Сталиным решения о развертывании массовых репрессий. Хотя диктатор уже и так полностью созрел для самого страшного террора XX века. "Преданная революция" окончательно убедила Сталина в том, что Троцкий представляет для него особую опасность. Силой своего пера и мысли Троцкий был способен постоянно наносить идеологические, литературные удары по нему, Сталину. Кроме того, советский цезарь пришел к выводу о необходимости ликвидировать даже потенциальную почву для троцкизма в СССР. Основной удар в предстоящих судебных процессах в Москве будет нанесен по Троцкому.

А между тем, по свидетельству московской печати, процесс над Зиновьевым, Каменевым и их "подельцами" представил Троцкого как дирижера террористических "банд". А дирижировал он, как утверждал Вышинский*, находясь в Норвегии. Репортеры кинулись к Троцкому. Тот с присущим ему красноречием заявил, что все, что говорится о нем в Москве, "ложь века", по своей "грандиозности" соответствующая величине "главного творца этой лжи, укрывшегося за кремлевскими стенами".

29 августа 1936 года, советский посол в соответствии с инструкциями из Москвы потребовал от норвежского правительства высылки Троцкого из страны¹²⁶. Но правительство уже приняло меры: Троцкий был взят под домашний арест. От потрясения, вызванного чудовищной мистификацией московского процесса, он заболел. Зборовский, прочитав письмо, отправленное Натальей Ивановной сыну в Париж, и узнав о болезни изгнанника, сообщал в Москву: "Старик" очень болен, совершенно не выходит, все время лежит, по ночам очень высокая температура, сильно потеет, что его чрезвычайно ослабляет. Необходим санаторий, но норвежские власти еще ухудшают его положение"¹²⁷. Однако радостное для Москвы сообщение не получило продолжения. Организм Троцкого был крепок, и он вскоре поднялся.

Основанием полуреста Троцкого явились его шаги, на-

---

* Кстати, после высылки Троцкого в Алма-Ату его квартиру на улице Грановского, 43, на 4-м этаже, занял один из главных жрецов сталинского правосудия Вышинский. — Д.В.

правленные на то, чтобы через буржуазную печать парировать сталинские инсинуации. Так или иначе, Троцкий оказался в политическом карантине: к нему не пускали журналистов, просматривали его почту, не разрешали выходить на улицу. В таком полуарестованном состоянии Троцкий пробыл до середины декабря 1936 года, когда наконец стало известно, что Мексика согласна принять изгнанника. Норвежское правительство зафрахтовало танкер "Руг", который 19 декабря покинул негостеприимную для Троцкого страну и взял курс за океан. Троцкий очень боялся, что корабль могут потопить в океане и на всякий случай отправил сыну в Париж письмо-завещание. Но все обошлось благополучно, и в первые дни января 1937 года изгнанник был доставлен в очередную и последнюю в его жизни страну. Через три дня после отплытия Троцкого из Норвегии "Мак" сообщал в Москву: "Сынок" получил телеграмму от "Хельда" 23 декабря в 8.30 следующего содержания: "Дядя и тетя отправлены". "Сынок" был очень взволнован этим фактом, так как по его расчетам "Старик" должен был отправиться в Мексику через Францию и здесь встретиться с ним и своими друзьями. Виза для проезда через Францию уже была получена... Немедленно "Сынок" решил отправить в Мексику Вана и Яна Френкеля, как людей совершенно верных..." Далее "Мак" сообщал, что "вся почта для "Старика" идет пока по адресу Вана в Мексику на Пост Рестанг. В будущем важные письма предполагается посылать на адрес Диего Ривера, а менее важные на адрес какого-нибудь серьезного американца-троцкиста"¹²⁸.

НКВД знал о каждом шаге изгнанника, даже о том, куда будут поступать "важные" письма и письма "менее важные".

1937 год вошел в историю как символ необузданного террора лидера огромной страны и его страшных карательных органов против собственного народа. Для Троцкого этот год был временем чудовищных шельмований, остракизма и клеветы. Хотя массированный поход против троцкизма по команде Сталина начался раньше. Еще в феврале 1934 года начальник Секретно-политического отдела ОГПУ Г.А.Молчанов подписал обвинительное заключение по так называемому "делу о всеоюзном троцкистском центре". Были арестованы и осуждены десятки людей. Среди них Л.А.Вольфсон, Я.В.Гофлин, Г.Б.Дзеньнович, Н.А.Кожевников, И.С.Пархомов, А.Н.Файнберг, С.Я.Гринблатт, М.Я.Блохин, В.П.Казлас, А.П.Лифшиц, В.И.Романов, Я.И.Штейнбок и многие, многие другие. В 1937—1938 годах почти все они по приговорам "троек" были

расстреляны. В те годы слово "троцкист" звучало как приговор...

Апофеозом коллективного безумия, к которому постепенно подвел партию, общество и государство Сталин, стал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б). По сути, Пленум одобрил и утвердил самый жестокий метод решений и действий в отношении "врагов народа". Троцкий, читая газеты об этом инквизиторском чистилище, проходящем в Москве, вспомнил, как незадолго до депортации в Мексику его квартиру, взятую под охрану, посетил Трюгве Ли. Увидев в руках Троцкого томик Ибсена, министр поинтересовался, как он относится к норвежскому классику. Троцкий, как всегда, остроумно ответил:

— Меня очень привлекает ибсеновская трактовка "врага народа". Нахожу ее сильно отличной от московской...

Трюгве Ли не считал целесообразным поддержать эту шекотливую тему, а Троцкий хотел было продолжить разговор о новых откровениях Сталина, о которых он узнал из сообщений Москвы. В них говорилось, что советский лидер заявил: "Троцкистский контрреволюционный IV Интернационал состоит на две трети из шпионов и диверсантов". Так же, как и "группа пройдохи Шеффо в Норвегии, приютившая у себя обершпиона Троцкого и помогающая ему пакостить Советскому Союзу"¹²⁹. Но Трюгве Ли явно не хотел беседовать на уголовные московские темы...

Оказавшись в далекой Мексике, Троцкий следил за новыми актами чудовищной трагедии, главную роль в которой не по своей воле, исполнял великий народ. Он был главным страдальцем, но от его имени и совершались преступления. Сегодня Сталин, мог думать изгнанник, взял на вооружение идею Робеспьера, высказанную им 5 февраля 1794 года в Конвенте: врагами народа следует управлять с помощью террора... По настоянию Робеспьера, в ответ на убийство Марата, Шалье, Лепелетье де Сен Фаржо и других якобинцев Конвент решил: "Поставить террор в порядок дня". Революционный трибунал, созданный Конвентом за полтора месяца до начала термидора, вынес 1563 приговора, и из них лишь 278 оправдательных, остальные смертные¹³⁰. Но каким пигмеем выглядел Робеспьер по сравнению с размахом и масштабом советского диктатора!

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), который продолжался около двух недель, все доклады, с которыми выступали Жданов, Молотов, Каганович, Ежов и, естественно, сам Сталин, были посвящены, в сущности, одному вопросу — "Урокам вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецких

и троцкистских агентов". По истечении многих лет видишь, что в докладах подручных Сталина не было абсолютно никакого рационального анализа, реального осмысления дел по той простой причине, что сам предмет обсуждения был миражом¹³¹. Но все докладчики единодушно предавали анафеме троцкизм. Как и полагается, основные выводы и указания по этому вопросу содержались в докладе Сталина "О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников".

Негромким голосом, который заставлял всех напряженно вслушиваться в речь "любимого вождя", излагались основные положения, характеризующие троцкизм. Оглядев зал, Сталин задал себе и членам ЦК вопрос:

— Что представляет собой современный троцкизм?

И, сделав паузу, ответил:

— Это оголтелая банда вредителей. Еще 7—8 лет назад это было ошибочное антиленинское политическое течение. Каменев и Зиновьев отрицали наличие у них политической платформы. Они лгали. А Пятаков, Радек и Сокольников на процессе в 1937 году не отрицали наличия такой платформы: реставрация капитализма, территориальное расчленение Советского Союза (Украину — немцам, Приморье — японцам), в случае нападения врагов — вредительство, террор. Это все — *платформа троцкизма*¹³².

Сталин особенно напирал на стремление "троцкистских вредителей и шпионов" совершать террористические акты против советских руководителей. Нынешняя программа троцкизма, вещал Сталин, — это не только "расчленение Советского Союза и отдача его земель Германии и Японии, но и прежде всего индивидуальный террор против руководителей советской власти"¹³³. Этого Сталин боялся больше всего и, видимо, поэтому так настойчиво насаждал политику террора. При этом все были единодушны, когда Сталин призывал "громить и корчевать японо-германских агентов троцкизма"¹³⁴.

Все дружно аплодировали, слушая преступную речь вождя. Она понадобилась Сталину, чтобы придать видимость законности организации грандиозной кровавой чистки в стране. Удар наносился по всем потенциально возможным оппонентам сталинского курса.

Сталин, желая подчеркнуть, как важно укрепить партийный аппарат, основу его режима, оперировал категориями казармы: "В составе нашей партии 3—4 тысячи высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. 30—40 тысяч —

средних руководителей — партийное офицерство; 100—150 тысяч низового командного состава — партийное унтер-офицерство...”¹³⁵ В военизированном идеологическом ордене, каким он хотел видеть партию, весь состав должен пройти проверку и быть ”исключительно надежным”.

Услышав призыв ”беспощадно разоблачать троцкистов”, многие приступили к этой задаче прямо здесь, на Пленуме. Например, Косиор, полностью поддержав положения сталинского доклада, доложил, что ”в ЦК КПУ(б) было немало троцкистов. Многих мы убрали и продолжаем убирать: Килерога, Ашрафьяна, Кравицкого, Наумова, Радкова, Карпова, Канторовича, Соколова, Голуба, Сергеева, Исаева, Дзениса, Сараджева, Гителя, Сенченко...” Перечисления продолжались. Не отставали от Косиора и другие руководители, приводя длинные списки репрессированных троцкистов¹³⁶.

С высоты сегодняшнего дня этот Пленум похож на действие упырей в иррациональном мире. Как будто говорили люди с деформированной психикой. Нет, читая архивные документы того времени, часто кажется, что это были антилюди. Каганович, любивший точность и конкретность, пересыпал свой доклад статистическими данными о начале большой работы по ”искоренению троцкистов” и иных врагов: ”Мы в политаппарате НКПС (только в политаппарате! — *Д.В.*) разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 285 вредителей, 443 шпиона. Все они были связаны с право-троцкистским блоком”¹³⁷. Слово ”уволены” никого не может ввести в заблуждение. Представьте себе: шпион увольняется с работы, чтобы поступить на другую!

Ворошилов, в свою очередь, много говорил о том, как успешно выкорчевывается троцкизм в армии: ”В 1923—1924 годах троцкисты имели за собой почти весь Московский гарнизон. Военные академии почти целиком, школа ВЦИК, артишкола, штаб Московского округа, где сидел Муралов, и другие части были за Троцкого...”¹³⁸ Ворошилов неточен: за наркомом по военным и морским делам действительно шла армия, но он никогда не пытался ее использовать в политической борьбе, хотя ему и приписывали такое намерение.

По докладам были приняты зловещие постановления, предписывающие усилить борьбу с троцкизмом и троцкистами в стране и за рубежом. В констатирующей части по докладу Ежова отмечено, что ”в борьбе с троцкизмом Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года, в результате чего измен-

никам родины — троцкистам и иным двурушникам, в союзе с германской и японской разведками, удалось сравнительно безнаказанно развернуть вредительскую диверсионную шпионскую и террористическую деятельность”.

Далее отмечалось, что ”Наркомвнудел проводил неправильную, мягкую карательную политику в отношении троцкистов”. В постановлении говорилось, что ”Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД имел возможность еще в 1932—1933 годах вскрыть чудовищный заговор троцкистов (связь советских деятелей с сыном Троцкого и др.). Начальник отдела Молчанов был связан с троцкистом Фурером...” Предписывалось:

”Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы *подавить* малейшее проявление их антисоветской деятельности.

Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми.

Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки”¹³⁹.

Раньше я уже упоминал Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, который наряду с Иностранным отделом занимался не только разведкой, но и, в случае ”необходимости”, устранением политических и идеологических противников за рубежом. От рук сотрудников этих отделов, имевших за рубежом разветвленную сеть исполнителей, погибли многие десятки и сотни неугодных сталинскому режиму людей. Именно работники этих секретных подразделений уже давно вели охоту и за Троцким, его окружением. Они были способны на любую акцию, ведь они боролись, по официальной версии, со ”злейшими врагами народа”. Секретно-политический отдел НКВД подчинили непосредственно наркому. А особо важные задания, например, связанные с устранением Троцкого, давал сам Сталин. Но подробнее об этом я расскажу в следующей главе. В этих секретных подразделениях были, конечно, и честные люди, которые фанатично верили в идею, думали, что, выполняя ”мужские” задания руководства, они тем самым исполняют свой революционный долг. Затмение сознания людей было почти полным.

Охотились не только за Троцким. Паутина слежки опутала многих действительных и мнимых ”контрреволюционеров”, находившихся за рубежом. О намерениях и делах Дана, Абрамовича, Николаевского, Югова, Розенфельда, Шварца, Гурвича, Богаевского, Конради, Кутепова, Ливена, Милюкова, Мак-

лакова, Бурцева, Чайковского, Мельгунова, Мансветова, Бусанова и многих других хорошо были осведомлены карательные органы первой "земли социализма". Параллельно с Троцким в поле зрения советских спецслужб находились сотни тысяч людей. Вот, например, некоторые детали слежки за одним из известнейших русских революционеров, лидером партии эсеров, бывшим председателем Учредительного собрания, Виктором Михайловичем Черновым.

Популярный революционер, защитник интересов крестьян в России, он верил в социализм, но не мог принять большевистских программ насилия. Чернов, переезжая из страны в страну, мучительно искал пути "исправления ошибок революции". Несколько раз писал Сталину. Так, по докладу агента ИНО ОГПУ Менжинскому, Чернов в ноябре 1926 года встречался с посланцем Сталина в Праге и вел переговоры. Лидер эсеров заявил после этого, что, возможно, скоро вернется на родину. Чернов якобы сказал после встречи с эмиссаром Сталина: "Большевики испортили программу в отношении крестьянства и теперь желают, чтобы я исправил извращенное"¹⁴⁰. Но скоро Чернов поймет, что его просто хотят заманить в СССР и расправиться. На протяжении почти двух десятилетий российская крестьянская партия за рубежом стремилась что-то сделать, чтобы создать хотя бы туманную альтернативу политике большевиков в России. Чернов, возглавляя конструктивное крыло эсеров за рубежом, долго пытался установить деловой контакт с московскими руководителями. Но тщетно.

Усилиями лидера эсеров за рубежом стала выходить газета "левых социалистов-революционеров и союза с.р. максималистов" под названием "Знамя борьбы". Острые статьи, например "Голос революционеров из российских тюрем", "О причинах кронштадтского восстания", "О задачах левонародничества" и другие, имели заметный резонанс в эмигрантских кругах. Троцкий, находясь тогда еще в СССР, но отодвинутый от высших коридоров власти, не мог их прочесть. Но многие оценки и мотивы статей Чернова очень созвучны с тем, что он скоро будет излагать на страницах "Бюллетеня оппозиции".

С началом коллективизации Чернов почувствовал плотную слежку за собой. Из архива ИНО ОГПУ явствует, что за Черновым следили сразу несколько агентов: "Лорд", "Лоуренс", "Лука", "Сухой". В сводке "Лорда" от 30 ноября 1936 года подробно рассказывается, например, как с помощью дворника Г.Фурманюка установлено постоянное наблюдение за квартирой В.М.Чернова по улице короля Александра, 17, в Праге.

Ноябрь 1924 г. Л.Д.Троцкий.

Л. Д. Троцкий. Ноябрь 1924 г. Фотография из архива ЦК КПСС. Москва, 1924 г.

Апрель 1923 г. Троцкий на трибуне XII съезда РКП(б).

Апрель 1923 г. Среди делегатов XII съезда от Московской парторганизации.

27 января 1924 г. Красная площадь в день похорон В.И.Ленина.

Ноябрь 1924 г. На Мавзолее В.И.Ленина во время парада в честь 7-й годовщины Октября. Слева направо: К.Е.Ворошилов, Л.Д.Троцкий, М.И.Калинин, М.В.Фрунзе, С.М.Буденный.

ПРАВДА

Партийная жизнь.

Новый курс.

(Письма и корреспонденция)

ПЛЕНУМ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО РАЙОНА (Москва).

«Пленум замоскворецкого района РКП совместно с активными работниками района, заслушав доклад тов. Скворцова целиком и полностью присоединяется к резолюции ЦК с активными работниками».

Перед партией ныне стоят целый ряд задач как внутреннего, так и внешнего характера. Выступление тов. Скворцова на пленуме не может рассматриваться, как желание вернуться к старой дискуссии, а лишь дезорганизаторский таракан, осуждающий эти выступления и считает необходимым с их просьбой ЦК положить конец выступлениям, направленным против ленинизма троцкизмом».

Центральный комитет партии принял единогласно приложенные резолюции.

Привет руководителю ленинской партии — ЦК РКП и его штабу на Украине — ЦК КП(б)У! Привет большевистской «Правде»!

Резолюция бюро ЦК Компартия и ЦК Комсомола Белоруссии.

Минск, 21 ноября 1923 г. Бюро ЦК Коммунистической партии Белоруссии полностью и единогласно присоединяется к резолюции ЦК по поводу выступления тов. Скворцова.

ЦК ЛКСМ Белоруссии и ленинский окружной комитет ЛКСМ присоединяются полностью к резолюции ЦК РКП(б). В резолюции говорится: «Позываем весь ленинский комсомол Белоруссии высоко держать вперед знамя ленинизма и под этим готовить себя к новым боям и к борьбе против великих врагов ленинизма».

«Новый курс» Троцкого, опубликованный в «Правде» 11 декабря 1923 г., и реакция на него в печати.

Л. ТРОЦКИЙ
СОЧИНЕНИЯ
Том III
1917
Часть 2
ОТ ОКТЯБРЯ ДО БРЕСТА

Л. ТРОЦКИЙ
ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

Л. ТРОЦКИЙ
СОЧИНЕНИЯ
Том VIII
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

Л. ТРОЦКИЙ
СОЧИНЕНИЯ
Том IX
КУЛЬТУРА СТАРОГО МИРА

Государственное издательство Москва

Сочинения Троцкого, изданные в СССР в 1925—1927 гг.

Члены Политбюро ЦК партии, избранные в июне 1924 г. после XIII съезда РКП(б). В первом ряду: Л.Д.Троцкий (до 23 октября 1926 г.), И.В.Сталин; во втором ряду: А.И.Рыков, Н.И.Бухарин, Г.Е.Зиновьев; в третьем ряду: Л.Б.Каменев, М.П.Томский.

Уже без Троцкого... Члены Политбюро ЦК, избранные в декабре 1927 г. после XV съезда ВКП(б). В первом ряду: И.В.Сталин, А.И.Рыков, Н.И.Бухарин; во втором ряду: В.В.Куйбышев, М.И.Калинин, Я.Э.Рудзутак; в третьем ряду: В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, М.П.Томский.

Декабрь 1925 г. Во время выступления на XIV съезде ВКП(б).

Последний отдых в Сухуми.

1926 г. Л.Д.Троцкий (в третьем ряду, в центре) в траурной процессии на похоронах Ф.Э.Дзержинского (крайний справа — И.В.Сталин).

Об исключении тт. Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП (б).

(Постановление объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 23 сентября 1927 г.).

Объединенный пленум ЦК и ЦКК в августе 1927 года проявил высокую степень терпимости и уступчивости в отношении тт. Троцкого и Зиновьева, дав возможность этим товарищам выполнить свое обещание от 8 августа об уничтожении элементов фракционности и оградившись предупреждением, которое было последним предупреждением.

Однако, тт. Троцкий и Зиновьев вторично обманули партию и грубейшим образом нарушили взятые ими на себя обязательства, не только не уничтожив «элементов фракционности», но, наоборот, доведя фракционную борьбу против партии и ее единства до степени,

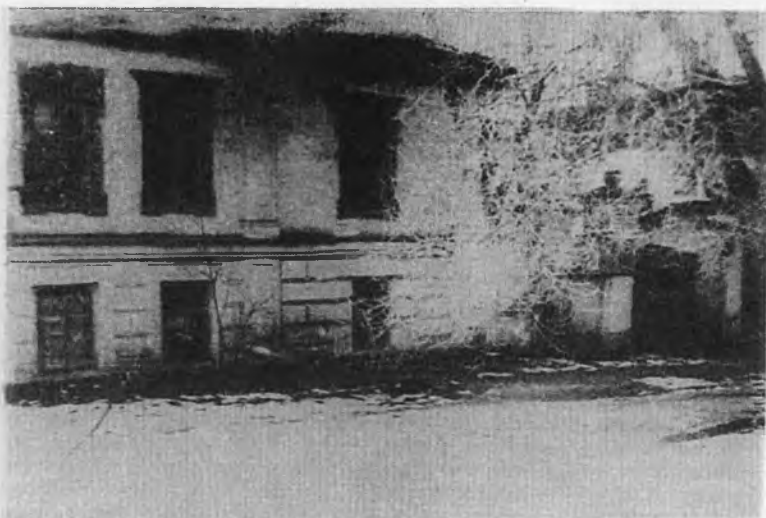
граничащей с образованием новой антиленинской партии совместно с буржуазными интеллигентами.

В виду этого объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет: тт. Троцкого и Зиновьева из состава ЦК исключить.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет далее все данные о раскольничьей деятельности лидеров троцкистской оппозиции (организация нелегальной антипартийной типографии для разрушения партии, блок с ренегатами Масловым, Рут Фишер, Суварихиным для разрушения Коминтерна и т. д.), равно как группы тов. В. Смирнова—Сапронова представить на рассмотрение XV съезда партии.

1928 г. Группа членов оппозиции, исключенных из партии. В первом ряду (слева направо): Л.П.Серебряков, К.Б.Радек, Л.Д.Троцкий, М.С.Богуславский, Е.А.Преображенский; во втором ряду: Х.Г.Раковский, Я.Н.Дробнис, А.Г.Белобородов, Л.С.Сосновский.

1928 г. Дом, в котором жила семья Троцкого во время алма-атинской ссылки.

1928 г. Троцкий с женой Натальей и сыном Львом в Алма-Ате.

1928 г. Троцкий с женой Натальей и сыном Львом в Алма-Ате. Фотография сделана в Алма-Ате. В центре — Наталья Троцкая, слева — Лев Троцкий, справа — Лев Троцкий. Фотография сделана в Алма-Ате. В центре — Наталья Троцкая, слева — Лев Троцкий, справа — Лев Троцкий.

Я не и
и в 1929
1929

Я не илечу илечим илечу а оста
вайтис в кохуль това ни одно
нильдо гит. Но я не илечу по-
ступитис элечитакхитис илечу
ваилечи брела поити мой самб.
или во похатаетел разрешити во-
прот не на основат соглашенил,
а при илечимеи физическои ^(исполненил) ~~силеи~~
^(илечити мой силеи) как во мне илечити говарити,
то я оставити са собой илечу
илечу гелитви. Ответ илечу
и илечитви илечу илечу илечу
5 ^{мар} 1929 Л. Троцкий

На Принкипо в Мраморном море. Факсимиле письма Троцкого в ЦК ВКП(б) от 5 марта 1929 г.

Л. БРЕЖНЕВ

Л. БРЕЖНЕВ

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

• Bulletin der Opposition (Bolschewiki-Leninisten)

№ 27

Администрация и Редакция: А. Оулевич
Телефон: 10 Немецкий квартал
Полковника

Preis 80 Pf.

Preis 5 fr.

Куда сталинская бюрократия ведет СССР?
Генеральный секретарь партии

- Л. Троцкий. — Пленум ЦК Союза ССР
- Заявление личной оппозиции в ЦК Партии
- Л. Троцкий. — Прогнозы для Украины ССР
- «Вонзвующий большевик» (извещения) — С. П. Причин угрозы бояни
- «Восстания» 7-го ноября 1931

В течение последних нескольких месяцев в нашей стране наблюдается процесс, который можно назвать процессом «сталинизации» партии и государства. Этот процесс характеризуется тем, что все больше и больше в жизни нашей страны начинает преобладать бюрократический аппарат, который, действуя в интересах своей личной власти, стремится к тому, чтобы укрепить и расширить свои полномочия. Это приводит к тому, что партия и государство превращаются в бюрократическую машину, которая не учитывает интересов народа и не отвечает его требованиям.

В результате этого процесса происходит разрыв между партией и народом, между руководством и массами. Это приводит к тому, что партия теряет свою революционную направленность и становится инструментом в руках бюрократов. Это является серьезной угрозой для существования Советского Союза и для интересов пролетариата.

Мы считаем, что единственный выход из этого положения — это свержение сталинской бюрократии и восстановление демократической партии, которая будет бороться за интересы народа и за осуществление его требований.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Президиуму ЦИК'а Союза ССР

С неизбежным запозданием я ознакомился с вашим Постановлением от 15 февраля 1932 года, ликвидирующим мою семью, разделившим ее на знанье и работу. Став с запретом, чем состо...

революционеров. «Манчестер» этому попову, который Тр...

буржуазная печать, характеризовал «Подземный», как «Правды» с подделкой...

ДВУХНА ЗВЕЗДА: ГИТЛЕР-СТАЛИН

СТАЛИН ПОСЛЕ ФАШИСТСКОГО ПИЛКИ

Ваше постановление от 15 февраля 1932 года, ликвидирующее мою семью, является несправедливым и не законным. Оно является попыткой подавить оппозицию и укрепить власть бюрократов. Мы считаем, что это является серьезной угрозой для существования Советского Союза и для интересов пролетариата.

Мы считаем, что единственный выход из этого положения — это свержение сталинской бюрократии и восстановление демократической партии, которая будет бороться за интересы народа и за осуществление его требований.

Ваше постановление от 15 февраля 1932 года, ликвидирующее мою семью, является несправедливым и не законным. Оно является попыткой подавить оппозицию и укрепить власть бюрократов. Мы считаем, что это является серьезной угрозой для существования Советского Союза и для интересов пролетариата.

Мы считаем, что единственный выход из этого положения — это свержение сталинской бюрократии и восстановление демократической партии, которая будет бороться за интересы народа и за осуществление его требований.

Антитроцкистская пропаганда в СССР и статьи Троцкого в "Бюллетене оппозиции" в 1930 — 1932 гг.

В (Коллективе ВЛКСМ).
государства и в ближайшем будущем. Если бы, наоборот, и восторжествовала коммунистическая партия, то система быковобленцев, а также и их наследники, расколота под руководством ВЛКСМ, сохранила бы в себе все родство и близость, и могла бы только укрепить существующие связи и дисципину. Истина, партии отныне в то же время, возможности, высшего и высшего уровня, которые, наоборот, привели революция (используя, например, апрельская конференция, предельно высокая точка). Может ли пролетарский авангард Борович думать, что он, в работе, свои взгляды и подвигнется таким последовательным убеждением, как правдивости, которое одно только и позволит ему познать не рожденные мысли, но реальный мир? Уже считается фактом, - потому что в качестве примера, - что революция, и в частности, выжужжала Андрея Николаевича характеризовать, как контр-революционера, не может не вести к чудовищной смуте, прежде всего в самих коммунистических рядах. Не смелой смуты партия подняться не сможет. Невозможно, при дальнейшей выделенности и слабости коммунистов, по рабски испанской революция почти автоматически придет к установлению в Испании настоящего диктатора, в стиле И. Сталина. Не стоит говорить о том, какие последствия это имело бы для всей Европы и для СССР. С другой стороны, успешное развитие испанской революции в условиях еще далеко не завершающегося мирового кризиса открывало бы грандиозные возможности.

Глубокие разногласия по ряду вопросов, существующих СССР и мирового рабочего движения, не должны помешать сделать частью попытки единого фронта на время испанской революции. Все не позднее. Нужно немедленно прекратить, в Испании, политику искусственного риска, полагая, что, указывая, в рискованном совете, - испанским коммунистическим организациям создать в возможно короткий срок объединительный съезд, который должен обеспечить разный оттенок, при обязательной дисциплине не действия, но крайней мере, ту степень свободы, критики, как, в 1917 году, раннее течение русского большевизма, обладавшего на протяжении более высоким оплотом и закалом.

Можно не сомневаться, что если официальная испанская партия поймет диспропорцию между своей слабостью и грандиозностью задач и сделает серьезную попытку

Чтоб не создавать даже и внешних затруднений, я даю это свое пред-
ложение не в печати, а в настоящем письме. Ход событий в Испании - в этом отно-
шении нельзя - будет каждый день подтверждать необходимость единства комму-
нистических рядов. Ответственность за раскол ляжет в данном случае грандиоз-
ной исторической ответственности.

Д. Троцкий

ПС. К своему письму от 15 февраля с.г. могу в настоящий момент доба-
вить следующее. В качестве эксперта, заключения которого будет иметь несом-
ненно крупнейшее значение, приглашен профессор лейпцигского университета Гей-
рих Браун. Это, как мне сообщают, русский немец, долго бывший профессором петер-
бургского университета; покинул Россию в 1917 или 1918 году. Вероятно,
что Браун принадлежал в России к экадетской партии, и что, в качестве историка
он вдвойне близок с Миллюковым. Тем более желательнее, тем неотложнее принятие все-
тех мер, о которых говорилось мое письмо от 15 февраля.

Д. Тр

27-я апреля 1931г.
Кадикс.

Резолюция на письме изгнанника в Политбюро ЦК от 27 апреля 1931 г.:
"Молотову, Кагановичу, Постышеву, Серго, Андрееву,
Куйбышеву, Калинин, Ворошилову, Рудзутак. Я думаю, что г-на
Троцкого, этого пахана и меньшевистского шарлатана, следовало
бы огреть по голове через ИККИ. Пусть знает свое место.
И. Сталин".

Лидеры антисталинской оппозиции. Слева: И.Т.Смилга, Г.Е.Зиновьев, К.Б.Радек, Н.И.Муралов, Х.Г.Раковский, Н.И.Бухарин.

Справа: В.А.Антонов-Овсеенко, А.С.Бубнов, Л.Б.Каменев,
И.И.Врачев, Г.Я.Сокольников, Г.Л.Пятаков.

БЮЛЛЕТЕНЬ ОПОПОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin de l'Opposition (Bolsheviks-Léninistes)

№ 60-61

ADMINISTRATION ET REDACTION - ADMINISTRATION ET REDACTION :
« Bulletin de l'Opposition », Librairie du Travail
17, Rue de Sambre-et-Meuse - Paris (10e)

Prix 5 fr.

Подписная плата за 12 номеров — 34 фр. фр., за 6 номеров — 17 фр. фр.

СОДЕРЖАНИЕ:

- Л. Троцкий. Пора перейти в международное наступление против сталинизма. (Письмо ко всем рабочим организациям).
- Л. Т. Трагический урок.
- И. Марини. От Термидора назад к Октябрю?
- А. Барнини. В Комитет по расследованию московских процессов (письмо).
- Е. Криничский (Вальтер). Письмо к рабочей печати. Из беседы с тов. Криничским (Вальтером).
- А. Барнини. Почему и как я порвал со сталинским режимом? (Ответы на вопросы).
- Записки И. Райсса.
- И. Р. По поводу Фейхтвангера.
- Заявление А. Гризельева.
- Бем. Исчезновение Эрвина Вольфа — Новое преступление ГПУ в Испании.
- Е. ГПУ готовится убийство Л. Сегова.
- В. ГПУ (Из рассказов тов. Райсса)
- Из советской жизни (корреспонденция): На базаре крестьян-узбеков. — Как готовится демонстрация. — В госпитале.
- Библиография.
- А. Л. Кто такой Аппрей Седыз? (Письмо из Нью-Йорка).
- Почтовый ящик.

Решение международной следственной комиссии

Международная следственная комиссия признала Л. Троцкого невиновным в выдвинутых против него на московских процессах обвинениях в терроризме, саботаже и фашистском заговоре.

Решение Комиссии принято единогласно.

Результаты расследования, продолжавшегося восемь месяцев, опубликованы в обстоятельном отчете, опровергающем все обвинения.

(Телеграмма Гавайс, Нью-Йорк, 13 декабря 1937 г.)

Пора перейти в международное наступление против сталинизма!

ПИСЬМО КО ВСЕМ РАБОЧИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Мировое общественное движение раздается в ужасной боделью. Носителями заразы являются Коминтеры или, вернее, ГПУ, для которого Коминтерн служит только прикрытием. События...

ГПУ отплевывает...

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Обвинительное заключение

Мы ждем: Пашинин Ю. Л., Репин К. Е., Соколовский Г. И., Семеновский Д. П., Муравьев Н. П., Лопатин Я. А., Дробинский И. И., Бусуевский М. С., Бабкин И. А., Рязанский С. А., Нуровский Б. О., Шестов А. А., Островский М. С., Турин Н. А., Гринштейн С. В.

Вручил: Г. Е. в Архиве В. В.

Обвинительное и заключительное обвинение, вынесенное в отношении троцкистского центра, см. стр. 58-1-а, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

Московские процессы 1937 г. Сообщения в "Правде" и "Бюллетене оппозиции".

О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И МЕРАХ ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ ДВУРУШНИКОВ.

Доклад т. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

... (Small text column on the left side of the page, partially obscured and difficult to read due to image quality)

... (Small text column on the right side of the page, partially obscured and difficult to read due to image quality)

Политическая

... (Continuation of text in the left column, partially obscured)

бесчестность.

... (Continuation of text in the right column, partially obscured)

... (Small text column on the far right side of the page, partially obscured)

Социалистическая "перековка" в действии. На строительстве Беломорканала.

... (Mirrored text at the bottom of the page, likely bleed-through from the reverse side)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 11 (1300) | 7 марта 1938 г., понедельник | ЦЕНА 10 КОП.

Право-троцкистские бандиты — поджигатели войны

Право-троцкистские шпионы и провокаторы разоблачены перед трудящимися всего мира, как злейшие враги рабочего класса и крестьянства, как передовой отряд буржуазии, как слепые провокаторы войны.

Март 1938 г. В зале суда во время процесса над участниками "правотроцкистского блока".

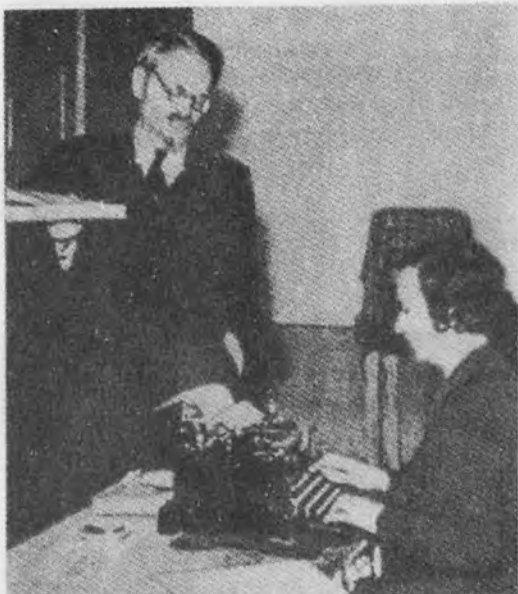
Выступление
"государственного
обвинителя" А.Я.Вышинского.

"Народная поддержка" сталинских репрессий.

Английская газета "Санди телеграф" о судилище над Бухариным:
"Как Сталин уничтожает своих врагов".

Троцкий. Делая доклад куда-то о деятельности ¹⁹¹⁷ ~~1918~~
Союза, во время исполнения дела увидел письмо из Москвы
Литвиной Савиной об отъезде в Москву, что представляло
интерес в Москве, где в то время Савина работала в
нашем. Повторяю, что в Москве в то время. Делая доклад
куда-то о деятельности Союзного Союза в Москве, видя
наши в то время проводимые работы, и как Савина работала
до отъезда в Москву, что представляло интерес. Рассказывая же,
то и так.

В то же время отъезд в Москву - думая, что в
Москву едет из Москвы Савина, - в то время
тогда в Москве, то, в то время в то время в то время
идеями и идеями, идеями же. Я пришел к мысли
быстро пройти, хотя в то время идеями же
идеями же (идеями же идеями, идеями же).

Троцкий — летописец революции.

Л. ТРОЦКИЙ

СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Л. ТРОЦКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ II
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Л. ТРОЦКИЙ

ОКтяБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БЕРЛИН 1932

Л. ТРОЦКИЙ

МОЯ ЖИЗНЬ

ОПЫТ АВТОБИОГРАФИИ

I

ИЗ-ВО «ЕРАКИТ» • БЕРЛИН 1930

Обложки работ Троцкого, написанных и изданных в изгнании.

Троцкий в Мексике: с женой Н.И.Седовой, среди мексиканских друзей и соратников.

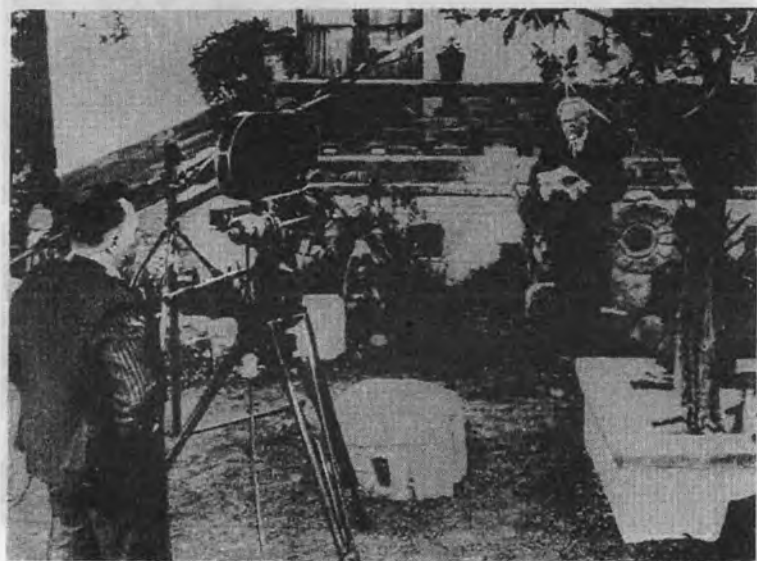

Д.Ривера, П.Неруда, Д.Сикейрос; Троцкий и его охрана.

Басня 1940 с Во время одной из последних съемок

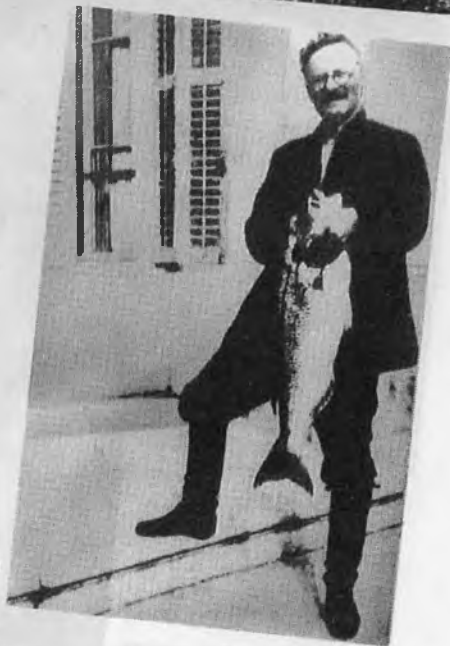
Отшельник из Койоакана.

Весна 1940 г. Во время одной из последних съемок.

1940 г. Троцкий в часы отдыха в
Койоакане.

20 августа 1940 г. Кабинет Троцкого после покушения Р.Меркадера.

Р.Меркадер после ареста.

Орудие преступления — альпеншток.

Во время проведения следственного эксперимента.

Л.Д.Троцкий на смертном одре.

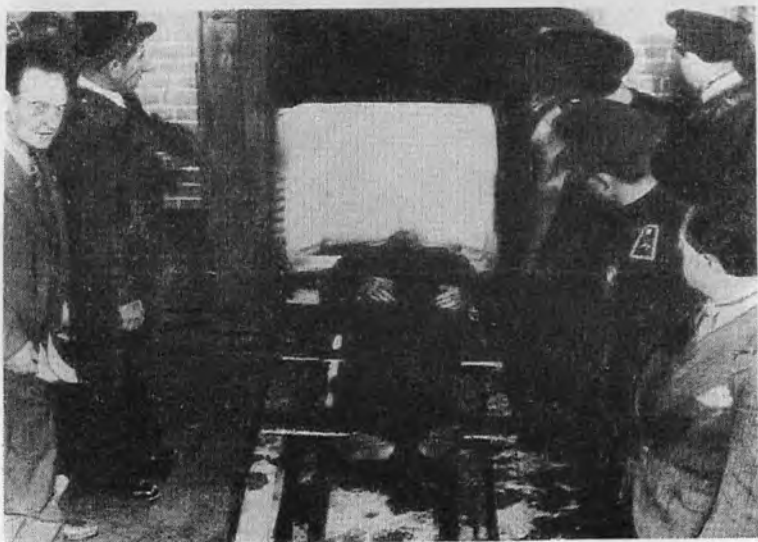

Почетный караул у гроба.

Похороны Троцкого. Траурная процессия.

Кремация.

IDENTIDAD DE:

RAMON MERCADER DEL RIO CON JACQUES MORNAUD

INVESTIGACIONES DE POLICIA

IDENTIFICACION

Nombre: RAMON MERCADER DEL RIO

Edad: 36 años

Talla: 1.70

Fecha: 9-11-1940

1933 EN ESPAÑA

SECCION DE IDENTIFICACION

AT SERIE 2-1-10 FOT 1-1-10-100

NOMBRE: JACQUES VAN DER BRUG

1 JACQUES VAN DER BRUG

OTIVO: Holandés, AT. 18 años, 1.70 m, ojos azules, pelo castaño, nariz recta, boca normal, dientes blancos.

OBSERVACIONES: tomado por el Sr. Juez de Instruccion de Coyahuacan el 10 de Agosto de 1940.

FORM V-3333 V-200

MEXICO 1940

Полицейская карточка на Р.Меркадера (Ж.Морнара).

50-е гг. Меркадер во время отбывания наказания в мексиканской тюрьме.

Памятник на могиле Р.И.Лопеса (Меркадера-Морнара) на одном из московских кладбищ.

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin of the Opposition (Bolshevik-Leninists)

ЛЕВ СЕДОВ — Редактор-Издатель с июля 1929 г. по февраль 1939 г.

No. 85

Администрация и Редакция:
BULLETIN OF THE OPPOSITION
116 University Place, New York City
Подписная цена за 10 номеров \$1.25

Price 15c.

СОДЕРЖАНИЕ:

Наталья Седова-Троцкая: Так это было.
Лев Седов.

Л. Д. Троцкий: Коммунисты и ГПУ.
Л. Яковлев: Политика мизра.

ТАК ЭТО БЫЛО

День 20-ый августа, вторник, 1940 г., 7 часов утра.

«Знаешь, я сегодня с утра, по крайней мере, совсем хорошо себя чувствую, давило так же было... принял вчера на ночь двойную порцию снотворного... Я заметил, что снотворное хорошо на меня действует» — «Да, я помню, мы еще отмечали это в Норвегии, когда узнали, что чувствовала горлозю чаще... Только это творческое хорошо действует, а крепкий чай — «Да, конечно».

Открывая утром из железные ставни нашей спальни

еще 24-го мая, теперь до нас

А просыпаясь, он нас с вами этой докольным». Я за

раз после такого «пробавил: «Да, Наташа».

Еще в 1928 году, в Ату, где нас ждали

разговаривали как-то по ссылке... Не спали

ношений в последние недели в Москве. Чув

усталость, но переносить

Помню, как Л.

«это лучше (ссылка)... умирать в Кремлевской постели я не согласен».

В это утро он был далек от всех этих мыслей... Хорошее физическое состояние окрыляло

его надежды... как следует сегодня, бы

е обитание, также бы

шел во двор кормить плохо себя чувствовал,

даться от него не мог. Сделав это,

было трудно — были трудные: надо эконо

письменным сти

ности их клеток и отдых, отвле

на работу по

сением, что

Принципо

вселенной

ического оке

приготовили для

«Брызги»

наш сад, а соденые

открытые окна. Мы жили по

окруженные друзьями. Бывало до 20-ти

или восемь-десять основных. В виду нашего

назначения приглашение посторонней женщины для

ПРАВДА

Смерть Троцкого

ЮДИНОВ, 23 августа, (ТАСС). Долго

село радио сообщило

В Москве в болельщике Троцкого

прихода черной, дающего во время по

буждения на него свиста из толпы его близ

каждого друга.

12-ый год издания. Август 1941 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin of the Opposition (Bolshevik-Leninists)

ДЕВ СЕ.1008 — Редактор Шварцман, с июля 1929 г. по февраль 1930 г.

№ 87

Администрация и Редакция:
BULLETIN OF THE OPPOSITION
115 Broadway, New York City
Телефонный код по 10 номерам 3125

Price 15 c.

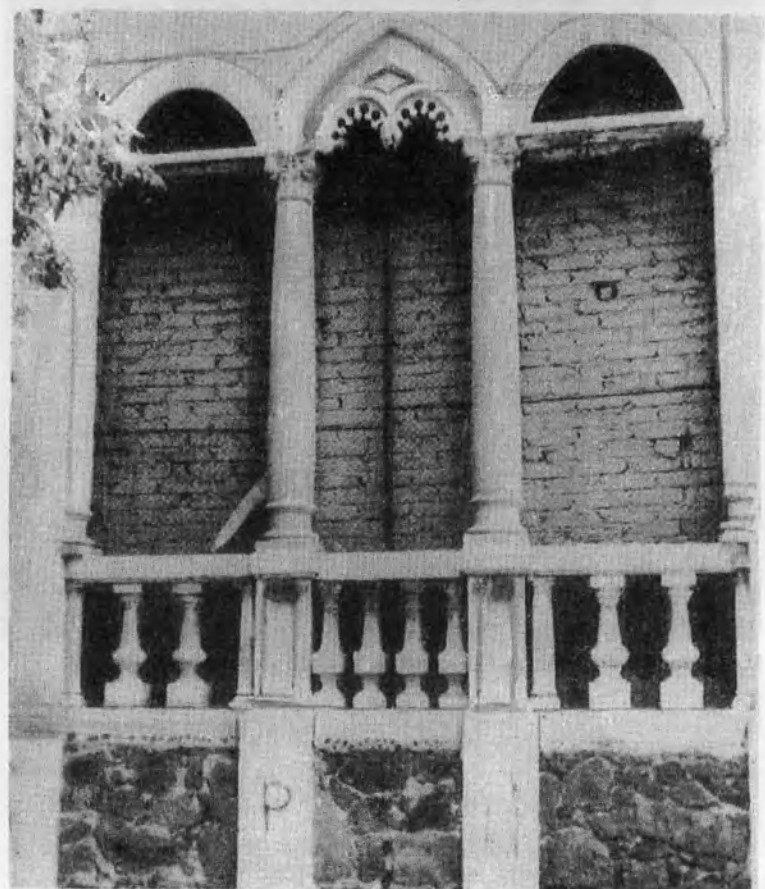
Порядок жизни трудящимся, что в уверен и борьбе Чехарского
Постеризация. Наме наперед!

Л. Троцкий, 20 августа 1940 г.

Год 1940 января — 21-го августа 1940 г. Леонид Данилов
Троцкий погиб от руки наемного убийцы Сталина.

Материалы об убийстве Троцкого в "Бюллетене оппозиции".

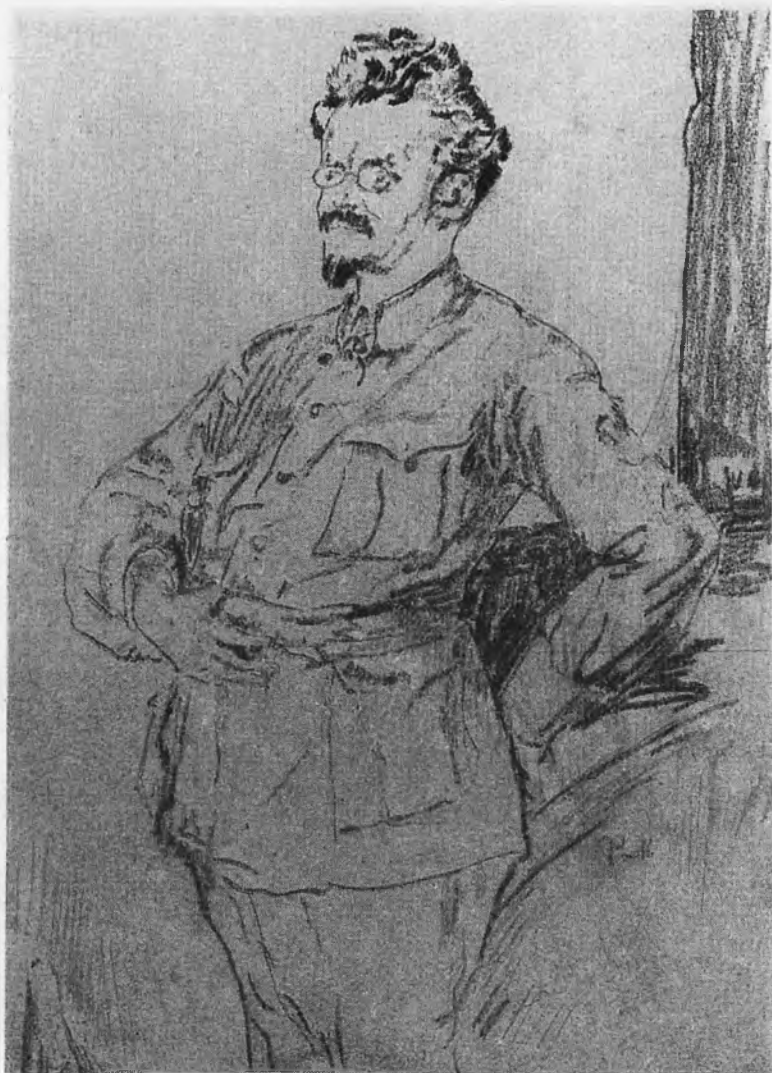

Дом-музей Л.Троцкого в Койоакане. Фото 1990 г.

Английский скульптор Клэр Шеридан — автор бюста Троцкого, созданного в 1920 г.

Карандашный портрет Троцкого, выполненный художником Ф.Мялиным в 1920 г.

Ольга Каменева (Бронштейн) — сестра Троцкого.

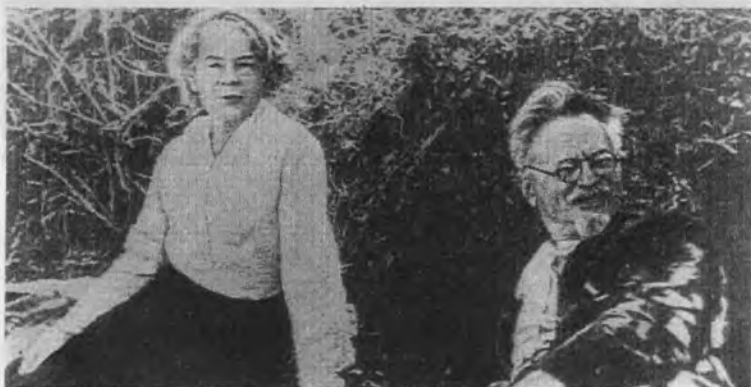
Троцкий с дочерью Зинаидой.

Старший сын Троцкого. Лев Седов.

Младший сын Сергей Седов.

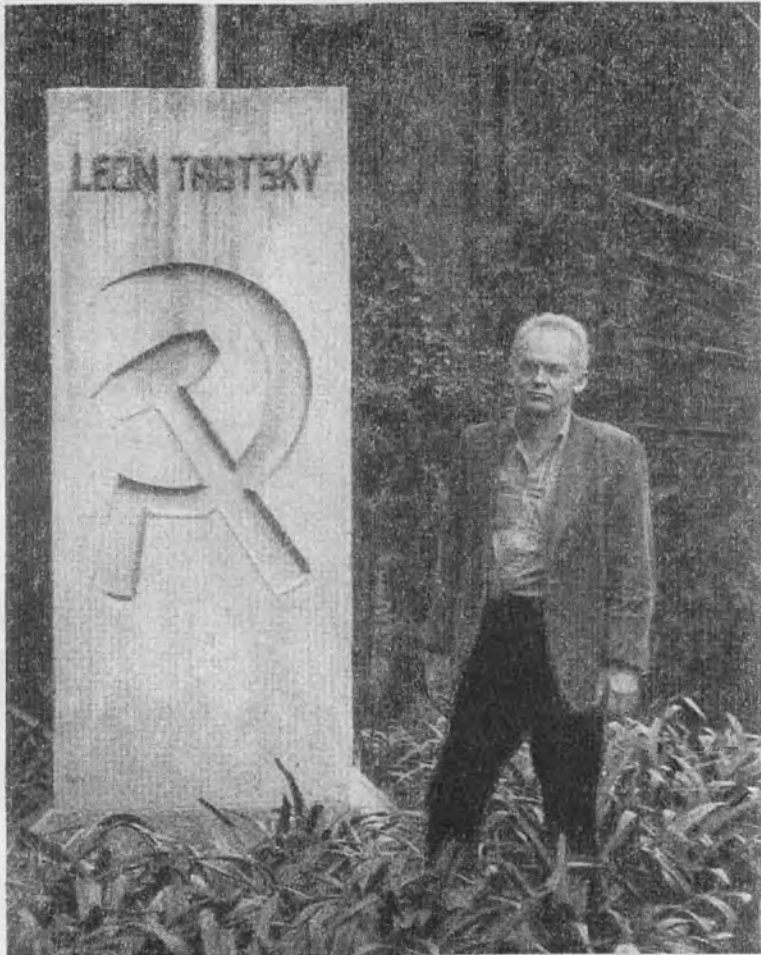

Троцкий с женой Натальей Седовой в Мексике.

Внуки и внучатые племянники Л.Троцкого. Стоят (слева направо): Гордеева Мария Ивановна (няня), Сева Волков (внук Троцкого) и Лева Мягков. Сидят (слева направо): Александра Моглина (сводная сестра Севы), Миша Смирнов, Валерий Бронштейн (внучатый племянник Троцкого). Фото 1930 г.

Троцкий и его семья (Гордеева и другие) в кругу семьи в 1930 г.

1989 г. Внук Троцкого Эстебан (Всеволод) Волков на могиле деда в Койоакане.

Подробно описываются соседи, окружение, подходы к дому, пути быстрого ухода из квартиры¹⁴¹. Видимо, готовилась "акция", но Чернов, почувствовав неладное, выехал из города.

Чернов часто выступал с лекциями, о содержании которых докладывали в Кремль. Выступая 18 октября 1938 года перед секцией Социалистического Интернационала, Чернов пророчески сказал: "Мировая война начнется, вероятно, на Востоке. Немецкий фашизм столкнется с большевистской красной диктатурой. И я боюсь, что не будет на земле третьей силы, которая могла бы отнять у наступающей войны характер борьбы между двумя типами тоталитарного режима..." Далее Чернов заявил, что в будущем нужно следовать главному принципу: "нет полноты демократии без социализма и нет никакого социализма без демократии"¹⁴². Содержание речи Чернова Берия доложил Сталину. Лидер эсеров вновь почувствовал возросшее внимание к нему со стороны "неизвестных лиц" и переехал в Париж, а затем в США. Там он встречался с Керенским. В одном из своих выступлений после 22 июня 1941 года вновь заявил, что соглашение с Москвой было бы возможно, если бы большевики разрешили создать "вторую партию" или, по крайней мере, "Христианский Союз". Союзники по антигитлеровской коалиции должны добиваться этого... С началом войны Чернов не устал говорить, что ее результатом должно быть крушение двух диктатур: фашистской и сталинской. "После войны, — писал Чернов в своем журнале "За свободу", — русский солдат должен вернуться победителем на родину, освобожденную от тоталитарной диктатуры".

Резолюция Берии на донесении о этих заявлениях автора статьи: "Тт. Фитину, Судоплатову. Надо наладить освещение групп Керенского и Чернова. 7 января 1942 года".

Резолюция Судоплатова: "Тов. Овакинян. Кто кроме "Сухого" мог бы еще освещать Керенского и Чернова? Переговорите. 10 января 1942 года"¹⁴³.

Начальник одного из отделов Гукасов предусмотрительно сообщает, что "Виктор Чернов проживает в Нью-Йорке в доме 222 по Риверсайд Драйв, бывает в аптеке по Амстердам Авеню (угол 84-й улицы)..."

На дворе война, а кремлевских правителей по-прежнему беспокоят тени политических противников из далекого прошлого. Троцкого в это время уже нет, а Чернов умрет на 79-м году жизни в собственной постели от старости и болезней за год до смерти советского диктатора. В Кремле к нему пропал интерес после того, как "Сухой" сообщил, что Чернов болен "тяже-

лой болезнью и опасности не представляет". Так на чужбине умирали последние вожди русской революции. Это пространное отступление я сделал для того, чтобы показать: Троцкий не был исключением. Охота шла на всех тех, кто представлял хоть какую-то опасность для сталинского режима. Система не прощала инакомыслия. И то, что Чернов избежал в конечном счете участи Троцкого, скорее случайность, чем закономерность. Он не представлял для Сталина такой опасности, как Троцкий.

Еще до февральско-мартовского Пленума ЦК, 23 января 1937 года, в Москве начался так называемый "процесс 17-ти". Здесь вместе с Г.Л.Пятаковым, которого Ленин в своем "Письме к съезду" назвал человеком "несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей", было еще 16 обвиняемых. Главная цель процесса — доказать, что Троцкий с помощью этих людей организовывал вредительские акции, готовил "реставрацию капитализма в СССР". После пыток Пятаков сказал все, что ему приказали. Красочно описал встречу с сыном Троцкого в Осло (где Пятаков никогда не был), рассказал о том, что изгнанник в своей директиве предусмотрел два варианта "нашего" прихода к власти. Первый — до войны. Для этого, по словам Пятакова, Троцкий считал необходимым нанести "концентрированный террористический удар" — одновременно уничтожить Сталина и других руководителей партии и государства. Второй — приход к власти во время войны в результате военного поражения. Троцкий якобы рассматривал этот вариант как наиболее реальный¹⁴⁴. Кстати, Зборовский доносил из Парижа, что в осторожном разговоре с Седовым удалось установить, что со дня своего отъезда из Советского Союза Троцкий никогда с Пятаковым не разговаривал¹⁴⁵. А ведь именно эти обвинения против Пятакова в Москве были едва ли не основными! Но для правосудия Вышинского и Ульриха превыше всего было указание самого вождя.

Вся стенограмма процесса пестрит словами: "Троцкий", "троцкисты", "троцкистские убийцы", "диверсии троцкизма" и т.д. Главным обвиняемым был Троцкий.

Но особенно тягостное впечатление на мировую общественность произвел так называемый "процесс 21-го", среди которых были Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Н.Крестинский, Х.Г.Раковский, А.П.Розенгольд и другие жертвы сталинского произвола. Это был уже "правотроцкистский блок".

С помощью этого грандиозного судилища-спектакля Сталин хотел нанести еще один смертельный удар по Троцкому и его сторонникам. Он пытался заклеить своего главного оп-

понента перед всем миром как "террориста", "шпiona", "убийцу", по сути, как "международного подонка". В Кремле надеялись, что в результате "разоблачений" не найдется ни одного государства, которое бы согласилось дать ему прибежище, и Троцкий рано или поздно будет выдан советским властям. Кроме того, Москва полагала, что после таких "разоблачений" его уничтожение за рубежом будет воспринято спокойно. Сталина мало беспокоило, что он уже давно лишил Троцкого советского гражданства, что СССР не имеет "права" на него. И в этом, как и в других московских процессах, главной идейной и политической мишенью был Троцкий. Например, в тексте обвинительного заключения по делу Г.Л.Пятакова, К.Б.Радека, Г.Я.Сокольников и других фамилия Троцкого упоминается более 50 раз! Подобная картина и в обвинительном заключении по делу Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, Н.Н.Крестинского, Х.Г.Раковского, А.П.Розенгольца и их товарищей по несчастью.

Троцкий из далекой Мексики протестовал, разоблачал, высмеивал чудовищные спектакли, главный режиссер которых все время находился за кулисами.

Изгнанник заранее предвосхитил результаты процессов и их цель. Многочисленные провалы в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве, медленный рост жизненного уровня народа требовали, по логике Сталина, выявления "вредителей". Ненормальные, форсированные темпы строительства, например, сопровождались низким качеством работы, большим количеством аварий и катастроф. Объяснение было одно: "вредительство". А руководил этим всесоюзным "вредительством" один человек... Троцкий был далеко, за океаном, а в зале суда прокурор Вышинский сынал в его адрес и по отношению к несчастным, сидевшим на скамье подсудимых, "перлы" из лексикона сталинского правосудия: "вонючая падаль", "жалкие подонки", "проклятая гадина", "цепной пес империализма". Традиции правосудия по Вышинскому столь укрепились в последующем, что "Правда" — неиссякаемый источник Лжи — советскую юстицию именовала не иначе, как "самый демократический в мире народный суд..."¹⁴⁶.

На всех процессах в качестве одного из самых страшных обвинений звучало: "терроризм", "замыслы покушений на руководителей партии и правительства", намерения "убить Сталина". Но ни на одном московском процессе ни разу не приводились конкретные факты, вещественные доказательства этих намерений. И сегодня нас интересует: были ли у кого-нибудь в

действительности хотя бы намерения устранить Сталина? Есть ли какие-то документальные свидетельства по этому поводу? Насколько они правдоподобны? Мне придется сделать некоторое отступление, чтобы коснуться этих вопросов.

В Советском Союзе ни печать, ни радио в июне 1938 года не упоминали имя Генриха Самойловича Люшкова. Но именно он, бывший в то время начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю, ранним утром 13 июня 1938 года, прихватив с собой шифры радиосвязи, некоторые списки и оперативные документы, перешел советско-маньчжурскую границу и обратился за политическим убежищем к японцам. Опытный чекист, пользовавшийся доверием самого Сталина и Ежова, не без ведома первого был избран депутатом Верховного Совета СССР. Работая в 1920 года в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД, Люшков хорошо знал порядки и нравы советской спецслужбы. Этот высокопоставленный работник органов активно участвовал в чистке государственного, партийного и военного аппарата и вовремя понял, что и над ним занесен нож гильотины, когда на Дальний Восток по указанию Сталина прибыли Мехлис и Фриновский — два близких доверенных лица советского диктатора. Его указание было лаконичным и зловещим: "разобраться с Блюхером"¹⁴⁷. Люшков почувствовал, что он, не подав своевременного сигнала в Москву о "вредительской деятельности" маршала, обречен. Уж он-то знал, что подобные "промахи" в системе не прощаются. Каким-то загадочным образом накануне своего ухода за границу он сумел организовать выезд своей семьи в Финляндию. Перебежчик активно сотрудничал с японской разведкой в надежде за услуги выехать в третью страну, чего ему, однако, так и не удалось сделать. Из ряда источников, о которых стало известно из книги Е.Хияма "Планы покушения на Сталина", из других материалов можно сделать вывод, что в Японии накануне войны рассматривался план ликвидации советского лидера с помощью Г.С.Люшкова. Подтвердить или опровергнуть эту версию я не в состоянии.

Напомню еще об одном факте. В первой половине февраля 1937 года Ф.И.Дан прочел доклад перед группой меньшевиков в Париже, который, по сути дела, повторил содержание его статей в "Социалистическом вестнике", озаглавленных: "Смертный приговор большевизму" и "Кризис политики Советского Союза". В докладе он вскользь упомянул о том, что "среди меньшевиков имеются и такие, которые готовы признать в терроре положительную сторону". После доклада начались прения. Слово взял С.М.Шварц, который заявил, что он "вообще

против террора, но, однако, считает, что при известных условиях террор может сыграть и положительную роль. Убийство Сталина привело бы в движение широчайшие массы, совладеть с которыми не смог бы ни Ворошилов, ни Каганович, ни кто-либо другой, кто заменит Сталина"¹⁴⁸.

Так докладывал в Москву присутствовавший на этом собрании агент НКВД. Нетрудно видеть, что "теоретические" рассуждения некоторых меньшевиков, не имевших абсолютно никакого влияния на процессы в СССР, могли быть использованы подозрительным Сталиным для его выводов на печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б).

Но есть еще одно свидетельство о намерениях "убрать" Сталина, связанное теперь уже с Троцким. Читатель знает о Марке Зборовском. Так вот, в архиве НКВД среди множества его донесений в Москву есть два любопытных документа. Приведу их с некоторыми сокращениями:

"22 января Л.Седов у него (Зборовского. — Д.В.) на квартире, по вопросу о 2-м московском процессе и роли в нем отдельных подсудимых (Радека, Пятакова и других) заявил: "Теперь колебаться больше нечего, Сталина нужно убить".

Для меня это было столь неожиданным, что я не успел на него никак реагировать. Л.Седов тут же перевел разговор на другие вопросы.

23 января Л.Седов в присутствии моем, а также Л.Эстрин бросил фразу такого же содержания, как и 22-го. В ответ на это заявление Л.Эстрин сказала: "Держи язык за зубами". Больше к этому вопросу не возвращались"¹⁴⁹.

Записка-донесение написана рукой Зборовского. Это нетрудно установить, ознакомившись с его заявлением относительно получения гражданства СССР им и его женой, находящимся в деле "Мака". Как отнестись к этому донесению? Блеф? Миф? "Запрограммированное" донесение накануне очередного московского процесса? Но почему его не использовали ни Вышинский, ни Ульрих? Побоялись разоблачить тайного сотрудника в Париже? Вопросов больше, чем ответов. Приведенный документ с 8 февраля 1937 года значится в деле М.Г.Зборовского. В конце концов Седов мог сказать фразу "Сталина нужно убить" просто в приступе бессильной ненависти к диктатору, сделавшему его семью глубоко несчастной и фактически обреченной. А может быть, он таким образом выдал конкретное намерение?

Правда, стоит напомнить, что за несколько месяцев до этого разговора начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД ко-

миссар государственной безопасности 2-го ранга Слуцкий докладывал Ежову:

"21 июля с.г. (1936-го. — Д.В.) сын Троцкого Лев Седов предложил нашему источнику ("Маку") поехать на нелегальную работу в СССР. Л.Седов сказал источнику буквально следующее: "Мы Вам дадим поручения, деньги и паспорт. Вы поедете на два-три месяца, объедете несколько местностей по адресам, которые я Вам дам. Работа нелегкая. Там, к сожалению, нет центра, куда Вы могли бы заехать. Люди изолированы и их нужно искать..." Сроки возможного отъезда в СССР — Седов не определил"¹⁵⁰. Через месяц на донесении — резолюция синим карандашом: "Не пошло". То ли Зборовский не выразил желания ехать, то ли — что более вероятно — Седов и его отец изменили решение. Во всяком случае, "поездка" не состоялась.

Другой документ, поступивший от того же Зборовского уже в феврале 1938 года, более пространен. Вот некоторые фрагменты этого донесения в Москву.

"С 1936 г. "Сынок" не вел со мной разговоров о терроре. Он начал издалека: "Терроризм не противоречит марксизму. Бывают такие положения, в которых терроризм необходим..." Во время чтения газеты он сказал: "Весь режим в СССР держится на Сталине и достаточно его убить, чтобы все развалилось". Он неоднократно возвращался и подчеркивал необходимость убийства тов. Сталина.

В связи с этим разговором "Сынок" спросил меня: боюсь ли я смерти вообще и способен ли я был бы совершить террористический акт? На мой ответ, что все это зависит от необходимости и целесообразности, "Сынок" ответил: все дело зависит от человека, способного к смерти. Как народовольцы. А мне еще сказал, что я человек слишком мягкий для такого рода дел.

Разговор на этом внезапно был прекращен появлением "Соседки" (Л.Эстрин. — Д.В.) и после не возобновлялся"¹⁵¹.

Было ли это зондажом по поручению Троцкого или личной инициативой Седова, сегодня сказать чрезвычайно трудно. Думаю, в объяснении этого документа могут быть разные мотивы и соображения. Не исключено, что НКВД готовил разоблачительный документ, который можно было бы использовать на судебном процессе, но лишь в случае отзыва или ликвидации Зборовского. Далее, Седов, будучи весьма неуравновешенным, эмоциональным человеком, мог сам прийти к этой навязчивой идее: "убрать Сталина". Нельзя исключать (если это не "проделка" НКВД), что таким образом прорупывалась почва по

поручению самого Троцкого: кто способен на террористический акт во имя идеи, во имя очищения от "скверны сталинизма". Мы знаем, как сам Троцкий относился к террору, репрессиям во имя революции. Его работа "Терроризм и коммунизм" весьма красноречива. Так что исключать полностью зондаж с целью поиска террориста-смертника, видимо, нельзя.

Все это, конечно, лишь версии, соображения, размышления, навеянные двумя реальными документами, пролежавшими более полувека в совершенно секретных архивах НКВД—КГБ. Ясно лишь одно: нет ни одного реального факта свершения троцкистами громкого "теракта" или факта разоблачения их в процессе его подготовки или свершения. Поэтому исключать мистификаторский характер донесений Зборовского тоже нельзя.

Говоря о масштабах "троцкистского вредительства", Молотов на февральско-мартовском Пленуме в качестве аргумента приводил слова вождя: "Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты..."¹⁵² Обычно дальше пережевывался сталинский тезис, что НКВД запоздал с ликвидацией троцкистов и иных двурушников на четыре года. Но это запоздание с лихвой наверстали. За всеми, кто был как-нибудь связан с Троцким, устанавливали наблюдение, их арестовывали, ссылали, уничтожали. И вот (редкий случай в истории!) одним из опасных мест для людей становились... архивы. Сотрудники НКВД приезжали в архивы Красной Армии, Центрального Комитета партии, Октябрьской революции и тщательно просматривали директивы, приказы, переписку Троцкого. Сколько фамилий, писем, списков! Подавляющее большинство лиц, которых обнаруживали в архивных делах, обрекались на преследования, обычно с самым трагическим концом.

Вот список сотрудников секретариата Предреввоенсовета Республики в 1919 году:

Готовицкий Николай Михайлович
Глазман Михаил Соломонович
Нечаев Василий Матвеевич
Цветков Петр Андреевич
Сеглин Юрий Иванович
Зейц Георгий Христианович
Горяинов Александр Николаевич
Тихонов Александр Георгиевич
Колонтарова Александра Андреевна
Петржак Андрей Михайлович

Спиридонов Тимофей Иванович

Бранд Елена Андреевна

Попова Елена Александровна

Сафонова Мария Сергеевна...¹⁵³

Фамилии следуют еще и еще. И хотя большинство этих людей пощадила гражданская война, сталинская инквизиция не выпустила из своих лап почти никого... Такова картина по Реввоенсовету, Полевому штабу, наркомату, поезду Троцкого, его помощникам, знакомым по партии и литературной работе.

Цепная реакция политических процессов захватила в свою орбиту тысячи, десятки, сотни тысяч людей. Согласно сталинской логике, всеми ими "руководил" Троцкий. Осталось удивляться, как могла вырасти такая гигантская армия заговорщиков? Ведь в конце 20-х годов в "левой" оппозиции было три-пять тысяч человек. Сам Троцкий, как всегда с убийственным сарказмом, высмеивал парадоксальность этой ситуации: "Из тех итогов, которые Вышинский должен подвести последней серией процессов, советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены. Глава правительства и большинство народных комиссаров (Рыков, Каменев, Рудзутак, Смирнов, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Гринько, Иванов, Осинский и др.); важнейшие советские дипломаты (Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Богомолов, Юренев и др.); все руководители Коминтерна (Зиновьев, Бухарин, Радек); главные руководители хозяйства (Пятаков, Смирнов, Серебряков, Лифшиц и пр.); лучшие полководцы и руководители Красной Армии (Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Муралов, Мрачковский, Алкснис, адмирал Орлов и пр.); наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет (Томский, Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Серебряков, Богуславский, Мрачковский); глава и члены правительства Российской советской республики (Сулимов, Варвара Яковлева); все без исключения главы трех десятков советских республик... (Буду Мдивани, Окуджава, Кавтарадзе, Червяков, Голодед, Скрыпник, Любченко, Лакоба, Файзула Ходжаев, Икрамов и десятки других); руководители ГПУ в течение последних десяти лет... наконец, и это важнее всего, члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин, Рудзутак — все они состояли в заговоре против советской власти, даже в те годы, когда она находилась в их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в

ключья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет.

В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы, — издевательски, едко, с огромной силой гротеска пишет Троцкий, — неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вождю, нет — изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По "инструкции Троцкого"... руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу "врага народа", железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушение воинских поездов, а маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов...

Но здесь возникает затруднение, — язвительно и блистательно завершает свою мысль Троцкий. — Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему, в таком случае, Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?"¹⁵⁴

Я привел этот пространный фрагмент из статьи Троцкого "Итоги процесса" потому, что лишь одним мастерским приемом логического парадокса изгнанник сокрушительно разбивает всю зловещую, но и смехотворную и примитивную "теорию" обострения классово-борьбы, в которой троцкисты "орудуют" буквально во всех сферах общественной жизни государства. Троцкий верен себе: загнанный в четырехугольник бетонного двора в Койоакане, он и не думает сдаваться. Даже десятилетия спустя длинная тирада, которую я привел выше, свидетельствует и об исторической правоте Троцкого в сфабрикованном Сталиным деле, и об огромной силе интеллекта, способного несколькими десятками фраз опрокинуть все многотомные конструкции выпшинских и ежовых. (Но, к сожалению, в СССР, да и за рубежом, многие верили именно этим диким вымыслам.)

Таким образом, московские процессы были не только генеральной чисткой. Они были призваны морально, политически, духовно уничтожить Троцкого. Команда "ликвидировать физически" была отдана уже давно. Ослепленный, дезинформированный, оболваненный народ слепо поддерживал чудовищные акции властей. С митингов неслось: "Смерть фашистским наймитам!", "Раздавить троцкистских гадов!", "Троцкизм — это разновидность фашизма!". "Правда" 6 марта 1937 года утверждала, что "троцкисты — это находка для международного

фашизма... Ничтожное количество этой банды не должно успокаивать нас — бдительность надо удесятерить". Газета "Вечерняя Москва" 15 марта 1938 года писала: "История не знала злодеяний, равных преступлениям банды из антисоветского правотроцкистского блока. Шпионаж, диверсия, вредительство обер-бандита Троцкого и его подручных — Бухарина, Рыкова и других — вызывают чувство гнева, ненависти, презрения не только у советского народа, но и всего прогрессивного человечества".

Одна из величайших в истории мистификаций захватила своим дурманом десятки миллионов людей. Колоссальная, несчастная, обманутая страна судила лжеврагов. В разведке также шла страшная чистка. В НКВД в 1937—1938 годах было репрессировано 23 тысячи сотрудников. Доносили друг на друга, чтобы выжить. Подозрения превращали людей в подлецов. Начальник 1-го отдела Главного разведывательного управления РККА А.И.Старунин сообщал "наверх": в результате "вражеского руководства разведкой Красная Армия осталась фактически без разведки. Накануне крупнейших событий мы не имеем "ни глаз, ни ушей". С 1938 года по 1940-й были уничтожены три руководителя разведывательного управления Красной Армии: Я.К.Берзин, С.П.Урицкий, И.И.Проскурин, почти все заместители начальника управления, большинство начальников отделов... Незадолго до ареста Проскурин как о большом достижении докладывал: "Репрессировано более половины личного состава разведки..."¹⁵⁵

В центре гигантской скамьи подсудимых виднелась тень изгнанника. "Хотя Троцкий находился за тысячи километров от зала суда, — писал Александр Орлов (напомню: один из высокопоставленных советских разведчиков, порвавший с советским режимом в конце 30-х годов), — все знали, что именно он, как и на предыдущих процессах, был здесь главным подсудимым. Именно ради него вновь пришла в действие гигантская машина сталинских фальсификаций, и каждый из подсудимых отчетливо чувствовал, как пульсируют здесь сталинская ненависть и сталинская жажда мщения, нацеленные на далекого Троцкого"¹⁵⁶. Вместе с тем сегодня ясно, что на процессах, фальсифицированных от начала до конца, иногда упоминались факты, имевшие некоторое отношение к действиям Троцкого.

Троцкий также отвечал Сталину жгучей ненавистью. Но посудите сами: что может чувствовать человек, у которого уничтожили почти всех близких по воле другой личности? Как должен относиться к нему пострадавший? Разве не естественна

в этом случае ненависть? Но Троцкий не хотел, чтобы о нем думали так. Он никогда не считал, что борьба "левой" оппозиции сводится в конечном счете к личной борьбе. Все было неизмеримо сложнее. Поэтому, когда изгнанник продолжил свою работу над политической биографией Сталина, то написал в предисловии: "В известных кругах охотно говорят и пишут о моей ненависти к Сталину, которая внушает мне мрачные суждения и предсказания. Мне остается по этому поводу только пожимать плечами. Наши дороги так давно и так далеко разошлись и он в моих глазах является в такой мере орудием чуждых мне и враждебных исторических сил, что мои личные чувства по отношению к нему мало отличаются от чувств к Гитлеру или японскому микадо. Что было личного, давно перегорело. Уже тот наблюдательный пункт, который я занимал, не позволял мне отождествлять реальную человеческую фигуру с ее гигантской тенью на экране бюрократии. Я считаю себя поэтому вправе сказать, что никогда не возвышал Сталина в своем сознании до чувства ненависти к нему"¹⁵⁷. Сказано с достоинством, которое никогда не было ведомо его главному противнику.

Но вспоминал ли Троцкий, что в бытность "вторым человеком" в государстве, он сам закладывал основы беззакония? В ноябре 1922 года бакинские руководители Киров, Васильев, Полуян докладывали в Политбюро о процессе над эсерами. В сообщении говорилось, что из 32 обвиняемых восемь человек (Голомазов, Плетнев, Зайцев, Самородова, Одинцов, Клешанов, Карашарли, Иванов) приговорены к расстрелу. В конце сообщения были слова: "Замену высшей меры наказания считаем совершенно невозможной..."¹⁵⁸ При голосовании члены Политбюро Ленин, Троцкий, как, впрочем, Сталин и Молотов, без колебаний высказались "за". Традиции беззакония и жестокости закладывались давно. Сталин прошел хорошую школу у Ленина и Троцкого...

Даже после убийства Троцкого Сталин по-прежнему будет бояться его тени. В декабре 1947 года Сталин отдаст злое распоряжение Министерству внутренних дел о создании тюрем и лагерей самого строгого режима для особо опасных государственных преступников, и в первую очередь "для троцкистов, террористов, меньшевиков, эсеров, националистов..." Подумать только: и в 1947 году Сталин продолжал твердить об опасности со стороны троцкистов! В личном архиве Сталина хранится ответ министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова. Уже в начале февраля 1948 года тот докладывал:

”ЦК ВКП(б), товарищу Сталину И.В.

В соответствии с Вашим указанием при этом представляю проект решения ЦК ВКП(б) об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников...

Прошу Вашего решения”¹⁵⁹.

Сталин, конечно, решил, и вскоре его воля была закреплена постановлением Совета Министров № 416-159 ”ос” от 21 февраля 1948 года и приказом МВД СССР № 00219 от 28 февраля 1948 года.

В этих документах указывалось, что тюрьмы и лагеря для ”троцкистов и других врагов” следует создавать на Колыме, в Норильске, в Коми АССР, в Елабуге, Караганде и других местах, превращенных в острова ”архипелага ГУЛАГ”. Юридическим обоснованием служили соответствующая часть ”Уголовного кодекса РСФСР” и все многочисленные модификации печально знаменитой 58-й статьи, согласно которой даже члены семьи ”преступника” подвергались бесчеловечной каре¹⁶⁰. В приказе министра внутренних дел, в соответствии с решением Сталина, предписывалось ”вести чекистскую работу по выявлению оставшихся на воле троцкистов и иных врагов государства”, не допускать ”сокращения сроков наказания этим лицам и применения других льгот”, а по истечении сроков заключения и ссылки, ”задерживать освобождаемых заключенных с последующим оформлением...”¹⁶¹ Уничтожали даже тех, кто хоть что-то знал о Троцком или где-то упоминал его имя.

До конца своих дней Сталин считал троцкистов особо опасными врагами, ибо они для него были уже олицетворением универсального зла. Естественно, его верные подручные тоже продолжали ”искать” троцкистов и их сообщников до самой смерти диктатора. И находили... Об этом, например, свидетельствует еще одна записка С.Н.Круглова:

”Товарищу Сталину И.В.

Численность особых лагерей установлена в 180 тысяч человек. МВД просит разрешения *увеличить емкость* (курсив мой. — Д.В.) особых лагерей на 70 тыс. человек и довести их до 250 тысяч заключенных...”¹⁶²

Сталин, естественно, разрешил. Если бы было возможно, он бы всю страну превратил в один гигантский ГУЛАГ. Впрочем, она (страна) и так мало отличалась от него. Например, все крестьяне не имели паспортов и не могли никуда выехать. Они

находились на положении крепостных. В каждой бригаде, каждой роте, на любой кафедре, в любом цехе были секретные осведомители. Но в стране некому было сказать: в XX веке мы идем к новому рабству. Кто мог, хотя бы потенциально, это сказать, того уничтожали. Другие уже этого не понимали и считали, что все так и должно быть. Система превращала людей в инструмент достижения утопической цели. Вот когда стало ясно, что революция, которой посвятил всего себя Троцкий, стала патологией общественного развития.

Я, однако, забежал вперед. Но приведенные выше документы, надеюсь, красноречиво свидетельствуют, что могущество Сталина всегда соседствовало со страхом. Призрак Троцкого преследовал главного жреца "бюрократического абсолютизма" всю жизнь. Независимо от того, где находился этот человек: в Алма-Ате, на Принкипо, в Барбизоне, Осло, в Койоакане или за той тонкой невидимой чертой, которая разделяет жизнь и смерть и которую каждый из живущих на Земле когда-то перешагнет.

Одиночество Койоакана

Нет, Троцкий никогда не был отшельником. До последнего дня вокруг него было много людей. Иногда больше, иногда меньше. Но в последние годы жизни в далекой Мексике изгнанник и его жена испытывали сильное внутреннее одиночество. Постепенная утрата идеалов, которым Троцкий молился всю жизнь, смерть всех его детей и многих друзей, эфемерность текущих дней неумолимо подтачивали в душе человека без гражданства то, что можно назвать "внутренним стержнем". Троцкий не раз возвращался даже к мысли о самоубийстве, но не хотел, чтобы этот последний трагический аккорд жизни бросил тень на его биографию борца и революционера.

...Вопреки ожиданиям, его и Наталью Ивановну в Мексике встретили почти дружелюбно. Когда пустой танкер "Руг" 9 января 1937 года пришвартовался в мексиканском порту Тампико, Троцкий отказался сойти на берег до тех пор, пока не увидит встречающих его друзей. Они его не подвели.

Но главное, изгнанника очень тепло встретили официальные представители президента Мексики Ласаро Карденаса, ко-

торый предоставил ему свой личный вагон. Фактически Троцкий оказался в стране как гость президента и известного мексиканского художника Диего Риверы. Здесь же находилась и небольшая делегация американских троцкистов. По настоянию Риверы, семья Троцкого остановилась в его пригородном доме в Койоакане на улице Лондона. Знаменитый художник и архитектор оборудовал свой дом, который он называл Каса-Асуль — Синий дом, как пристанище Искусства, Вдохновения, Творчества. Троцкий и его жена были в восторге от их нового местопребывания. В своем первом письме в Париж Седову невольный путешественник подчеркивал: "Мексиканские власти проявили по отношению к нам совершенно исключительное внимание... Президент ведет радикальную, смелую политику. Открыто помогает Испании и обещал сделать все, чтобы облегчить наше существование"¹⁶³. Диего Ривера, как явствует из донесения еще одного советского агента, "Оскара", требует в своих выступлениях разрыва "настоящих марксистов с полицейско-реакционным духом, представителем которого является Иосиф Сталин". Что касается взглядов Риверы, как сообщает агент на основании заявления художника, то он мечтает созвать всемирный "съезд, который официально освятит основание Международной федерации работников искусств. Мы хотим: независимого искусства — для революции; революции — для окончательного освобождения искусства"¹⁶⁴. Троцкий внимает Ривере, восхищается его искусством, испытывая радость от первых впечатлений на мексиканской земле.

Троцкий в письме к сыну ограничился описанием первых вдохновляющих впечатлений и тут же перешел, как обычно, к поручениям: он закончил на пароходе книжку о московском процессе* объемом 200—250 страниц. Нужно найти издателей в разных странах. А самое главное, сообщил Троцкий, что в результате беседы со встретившими его американскими сторонниками Джорджем Новаком и Максом Шахтманом было решено организовать встречный контрпроцесс, на котором нужно разоблачить ложь, клевету и инсинуации московских процессов против него, Троцкого. Процесс желательно провести в Нью-Йорке или Париже. В крайнем случае, в Швейцарии. Далее, Троцкий дал сыну множество поручений: найти определенные документы, связаться с его сторонниками, проанализиро-

---

* Речь идет о книге, получившей позднее название "Преступления Сталина". — Д.В.

вать реакцию европейской прессы на процессы в Москве, высказать пожелание, что отразить в очередном "Бюллетене" и т.д. Троцкий был безжалостен к себе и сыну: он давал ему столько поручений, сколько был в состоянии выполнить лишь большой секретариат. Сам он работал также до изнеможения.

Последующие письма весьма похожи на первое, если не считать, что Троцкий весьма подробно пишет о малярии Натальи Ивановны, своем самочувствии, прекрасных овощах и фруктах в Мексике... Троцкому был свойственен, если так можно выразиться, "революционный эгоизм": самого себя и всех, кто зависел от него, он целиком подчинял политической борьбе, которую отчаянно вел со Сталиным и сталинизмом.

Едва оглядевшись, воздав должное гостеприимству Риверы, с которым около года у него были прекрасные отношения, Троцкий тут же засел за подготовку контрпроцесса. Он надеялся, что с помощью Риверы сможет поднять мировую общественность против сталинской тирании. По каждому пункту обвинений, выдвинутых против него на московских процессах, Троцкий скрупулезно готовил фактическое, документальное или логическое опровержение. Этим же были заняты и два его секретаря и техническая сотрудница, которую ему посчастливилось найти: она была дочь русского, помнила родной язык и прилично печатала на машинке. Эта женщина, как я могу судить по документам и рассказам, была связана с НКВД и играла роль информатора о происходящем в окружении Троцкого. По некоторым данным, она работала и на ФБР¹⁶⁵. Небольшая "бригада", к которой присоединились и друзья Троцкого из американских троцкистских групп, работала с утра до вечера. Троцкий надеялся, что контрпроцесс будет грандиозным общественным форумом, который заклеяет Сталина и его камарилью за террор, ложь и предательство революционных идеалов. Увы, как мы увидим позже, этому не суждено будет свершиться в полной мере.

Так уж случилось, что, прибыв в Мексику, Троцкий встретил антиподов в лице двух выдающихся художников. Один — Диего Ривера, бывший в числе основателей Мексиканской компартии, но отошедший затем от нее, — на первых порах поразил изгнанника своим радушием, вниманием, заботой, охраной. Другой, еще более знаменитый, Давид Альфаро Сикейрос, решительно выступал за высылку Троцкого из страны. Два больших художника-мыслителя оказались по разные стороны баррикады. Троцкий уже привык к политическим кампаниям против собственной персоны и слабо реагировал на заявления

руководителя профсоюзов мексиканских рабочих Висенте Ломбардо Толедано, требовавшего "отправить врага социалистической революции из страны на все четыре стороны".

Троцкий чувствовал осторожную, ненавязчивую опеку мексиканского президента, выразившуюся, в частности, в полицейской охране места проживания изгнанника. Он не раз передавал слова благодарности Карденасу, но за три с половиной года своего пребывания в Мексике ни разу лично с президентом не встречался. Он понимал, что своим визитом поставит главу государства в непростое положение.

Едва Троцкий вступил на мексиканский берег, как сюда потянулись агенты секретной службы из Москвы. И здесь я хочу познакомить читателя с человеком, свидетельства которого имеют исключительное значение. Речь идет о Павле Анатольевиче Судоплатове*, профессиональном советском разведчике с огромным опытом и трагической судьбой. Его трагедия заключается не только в том, что ему пришлось отсидеть 15 лет в советской тюрьме после устранения Берии, но и в том, что, выполняя задания руководящих органов страны, Судоплатов, как и его товарищи, искренне верил, что исполняет высшую пролетарскую волю, добывая нужную информацию, а также способствуя устранению злейших политических врагов Советского государства. Этот человек, разведчик-нелегал, который многое повидал на своем веку и очень многое знает, рассказал мне не только о подробностях охоты на Троцкого по личному заданию Сталина, но и об обстановке, которая тогда царил в НКВД.

Так вот, Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, который с начала 1937 года начал укрепляться новыми кадрами для работы за рубежом¹⁶⁶, как и Иностраный отдел, активно среагировал на перемещение Троцкого за океан¹⁶⁷. Как рассказывал П.А. Судоплатов, к свидетельствам которого мы еще вернемся, в Мексику были направлены опытные разведчики-нелегалы для наблюдения за изгнанником и реализации плана его физического устранения.

Как я уже говорил, вся деятельность Троцкого в первые месяцы пребывания в Мексике была посвящена так называемому контрпроцессу. Многими часами он, согнувшись за столом, анализировал материалы советской печати, поступавшей в

---

* О П.А. Судоплатове я подробнее расскажу в следующей главе. — Д.В.

Мексику с большим опозданием, делал пометки, искал контр-аргументы, готовил тезисы. "С карандашом в руках, — писал об этом времени жизни Троцкого Виктор Серж, — Лев Давидович, перенапрягшийся и переработавшийся, часто в лихорадке, но тем не менее неустанно, отмечал ложь, которая разрослась так, что становилось невозможно опровергнуть ее"¹⁶⁸.

Огромную помощь отцу в подготовке процесса оказал Седов. Он отправил в Мексику огромное количество материалов, документов, свидетельств, позволяющих отцу опровергнуть московские обвинения¹⁶⁹. Некоторые документы требовали огромной предварительной работы. Например, чтобы доказать, что Троцкий в 1932 году посетил Копенгаген исключительно для чтения лекций, его сторонники опросили 40 человек и отправили показания в Мексику. Амстердамский архив весьма красноречиво говорит об усилиях Седова в стремлении помочь отцу отвернуть московские обвинения в "шпионаже", "терроре", подготовке "государственного переворота" и т.д.¹⁷⁰.

По инициативе ряда общественных организаций была создана Международная комиссия по расследованию московских процессов и обоснованности обвинений, выдвинутых на них против Троцкого. В состав Комиссии вошли: Джон Дьюи — крупный американский философ и педагог (председатель), Сюзан Лафолет — писательница, Веньямин Столберг — публицист левой ориентации, Отто Рюм — германский марксист, Карло Треска — теоретик анархистского движения, Эдвард Росс — крупный американский социолог, Эдвард Израэль — раввин и другие лица. Представители сопольсольства и компартии ответили на приглашение в Комиссию красноречивым молчанием.

Первое заседание Комиссии проходило с 10 по 17 апреля 1937 года в Синем доме Диего Риверы, в зале, вмещающем около 50 человек. (Второе состоялось в сентябре того же года.) Провести процесс в Нью-Йорке, Париже или другом месте оказалось сложно как по причине финансовых затруднений, так и с точки зрения безопасности. Троцкий догадывался, что в Мексике уже находится "бригада" НКВД.

Открывая первое заседание, профессор Дьюи заявил: "Если Лев Троцкий виновен во вменяемых ему действиях, никакая кара не может иметь веса в глазах Комиссии. Но тот факт, что он был осужден без предоставления ему возможности быть выслушанным, имеет величайший вес перед лицом совести всего мира"¹⁷¹.

Находясь под перекрестным допросом, Троцкий отверг аб-

солотно все обвинения политического, уголовного, идеологического характера, предъявив присутствующим документальные, фактические доказательства своей невиновности. Например, он решительно опроверг показания Гольцмана, что тот якобы посетил его в Копенгагене в ноябре 1932 года; показал лживость утверждений о его свидании с Владимиром Роммом в Булонском лесу в конце июля 1933 года; доказал, что Пятаков не мог летать в Норвегию в декабре 1935 года и т.д. Предоставленные Троцким документальные данные о том, что он проживал в это время в другом месте, а также квитанции, поездные билеты, нотариально заверенные свидетельства начисто отвергли все лжедоказательства московских процессов. Как докладывал "Мак" в Москву, со слов Седова, тот "встретил Пятакова в Берлине 1 мая 1931 года на Унтер-ден-Линден. Пятаков его узнал, но отвернулся в сторону, не желая говорить с ним. Пятаков тогда шел с каким-то человеком, кажется Шестовым"¹⁷².

Особое впечатление на всех произвело заявление Троцкого следующего содержания: "Если Комиссия решит, что я хоть в малейшей степени виновен в преступлениях, которые Сталин приписывает мне, я заранее обязуюсь добровольно сдать в руки палачей ГПУ..." Троцкий просил опубликовать сказанное им во всех газетах. Это было мужественное заявление, ибо в состав Комиссии входили не только его стопроцентные сторонники. Но все же сомнений в том, какое решение примет Комиссия у Троцкого не было. Он заявил, что если обвинения Сталина не подтверждаются, то это "будет вечным проклятием в адрес кремлевских руководителей".

Многочасовая речь Троцкого на заключительном заседании была страстной. Он отверг все обвинения в свой адрес и закончил выступление словами, преисполненными веры в конечное торжество идеалов Октябрьской революции и, естественно, "мирового коммунизма".

Все были потрясены красноречием Троцкого и тщательностью аргументации против шитых белыми нитками "доказательств" Вышинского. 12 декабря 1937 года на митинге в Нью-Йорке Джон Дьюи огласил вердикт Комиссии, гласивший, что московские процессы являются подлогами, а Троцкий и Седов невиновны¹⁷³. Полный текст заключения Комиссии содержал 617 страниц. Троцкий очень надеялся, что издательства заинтересуются таким богатым материалом, разоблачающим Сталина и сталинизм. Он почти был уверен, что контрпроцесс и его речь — готовая книга.... Увы, этого не случилось. Многие крупнейшие газеты Европы и Америки ни словом не обмолви-

лись о контрпроцессе, не считая нужным ухудшать из-за Троцкого отношения Запада со Сталиным.

Изгнанник рассчитывал, что эхо контрпроцесса будет услышано во всем мире, однако для того времени значение его оказалось локальным. Даже такой выдающийся деятель мировой культуры, как Бернард Шоу, отнесся к контрпроцессу с большой долей скептицизма. Почти 300 дней работы Комиссии дали Троцкому лишь основание для успокоения своей возмущенной совести. Повлиять на Москву, да и на остальной мир, контрпроцесс был не в состоянии.

После этой многомесячной оправдательно-разоблачительной эпопеи Троцкий почувствовал не только опустошенность, но и глубокое одиночество. Кроме небольшой группы его сторонников, отдельных деятелей культуры и интеллектуалов, мир проявил равнодушие, более того — безразличие к судьбе изгнанника. Не Сталин, а это безразличие надломило Троцкого. Так много сил было отдано утверждению правды, но она пока что ни на дюйм не потеснила зло. И хотя Троцкий, написав свой комментарий к вердикту Комиссии, привел слова Эмиля Золя: "Правда шествует, ничто ее не остановит", он понял, что даже самые великие истины, несмотря на их бесспорность, часто занимают свое место в нашем сознании лишь в конечном счете. Для постижения многих истин нужно время. Тем более что весь мир давно начал понемногу понимать, возможно, даже раньше Троцкого, что ничего хорошего от новой революции не дождешься.

В своих "Размышлениях о русской революции" Николай Бердяев писал, что "русская революция есть великое несчастье. Всякая революция — несчастье. Счастливых революций никогда не бывало... Всякая революция бывает неудачной". Бердяев вспоминает Достоевского, понимавшего, что "русская революционная интеллигенция... не политикой занята, а спасением человечества без Бога"¹⁷⁴. Троцкий тоже хотел "спасти человечество без Бога", но люди планеты не приняли такого намерения. "В большевиках есть что-то запредельное, потустороннее, — продолжал русский мыслитель. — ...За каждым большевиком стоит коллективная намагниченная среда и она повергает русский народ в магнетический сон, заключает русский народ в магический круг. Нужно расколдовать Россию. Вот главная задача"¹⁷⁵.

Троцкий навсегда остался в "магическом круте" революции. Вот почему мир оказался равнодушным к контрпроцессу. Человечество проявляло и проявляет неослабевающий интерес

к трагической личности революционера, а не к его революционным химерам, ради которых он был готов перевернуть всю планету.

В Кремле тщательно следили за действиями Троцкого в Мексике. Посольство СССР в Вашингтоне и Мехико, органы советской разведки регулярно сообщали в Москву о заявлениях Троцкого, об откликах печати на его пребывание за океаном. Однако донесения дипломатов и разведчиков шли не только на самый "верх" — Сталину, Молотову, Ежову, но и в органы пропаганды для соответствующей реакции советских идеологических центров. Вот, например, куда была расписана шифротелеграмма с большой статьей Джозефа Фримэна, опубликованной в ряде американских и мексиканских газет в апреле 1937 года: "В ЦК ВКП(б) тов. Стецкому; отдел искусств — тов. Ангарову; "Правда" — тов. Кольцову; Союз писателей — тов. Ставскому; Отдел печати ЦК — тов. Юдину". Статья называлась "Троцкий в Койоакане".

Материал явно тенденциозен. Например, в нем говорилось: "Прибыв в Койоакан, Троцкий принял группу буржуазных журналистов; они задали ему вопрос о его разногласиях со Сталиным и о его отношениях с гестапо. Троцкий обрушился с неистовой руганью на Советский Союз и Сталина, но не сказал ничего о Гитлере и Муссолини..." В статье подробно описывается, что "днем и ночью Троцкого охраняют полицейские караулы. Никто не пытался даже нанести ему какой-то ущерб, хотя Троцкий не перестает в своих заявлениях ссылаться на якобы угрожающую его персоне опасность... Заявления Троцкого носили характер яростных атак на его страну и на то дело, с которым он некогда был связан"¹⁷⁶.

Что делает Троцкий в Мексике? Каковы его намерения? Что пишут о нем? Советские дипломаты и разведчики за океаном читали десятки газет и журналов, скрипели перьями, делая обобщения, выводы, прогнозы. Передо мной — целый том донесений из США, которые поступили члену Политбюро наркомату обороны К.Е.Ворошилову только за три первых месяца 1937 года. Похоже, высшее политическое руководство СССР, организуя в Москве судебные спектакли над старыми большевиками, одновременно проверяло реакцию на них американской общественности и Троцкого. В деле — выдержки о пребывании Троцкого в Мексике из множества журналов и газет: из "Нью-Йорк таймс", "Нью-Йорк геральд трибюн", "Нэйшн", "Чикаго трибюн", "Коммершиэл", "Вашингтон стар", "Со-

шиэлист холл", "Вашингтон пост", "Нью рипаблик", "Денвер пост", "Балтимор сан" и других.

При всем желании дипломатам и разведчикам было чрезвычайно трудно найти одобрительные отзывы американской прессы о московских процессах, поэтому они вынуждены были информировать Москву и о критической реакции. Разведчики сообщают, что "в связи с переездом (а не высылкой. — *Д.В.*) Троцкого в Мексику усилилась и издательская деятельность троцкистов в США. В последнее время появились сообщения о выходе в свет и подготовке к выходу ряда троцкистских книг. Так, выпущена книга Шахтмана "За кулисами московского процесса"; скоро выйдет книжка Троцкого "Революция предана" (так в тексте. — *Д.В.*), а также — "Преступления Сталина"¹⁷⁷.

Эти донесения, попадая на стол к Сталину, "подогревали" в нем неугасающую ненависть к Троцкому, который даже в самой сложной ситуации находил возможность задеть советского лидера наиболее чувствительно, бросить тень на его политику, а главное — изобразить его в самом неприглядном свете. Сталин еще и еще раз убеждался, что и Иностраный отдел НКВД, и Секретно-политический отдел того же ведомства "работали" значительно хуже, чем того требовало время. Ежов явно не справлялся с международной частью своей "миссии".

Авторы информации, в угоду адресату, нередко передергивали факты, фабриковали фальшивки о Троцком. Так, в 1938 году в одном из январских сообщений из посольства СССР в Вашингтоне говорилось, что Троцкий в своих выступлениях утверждает, что "внутри партии Сталин поставил себя выше всякой критики и выше государства. Его иначе нельзя сместить как путем убийства..."¹⁷⁸ Ничего подобного Троцкий "об убийстве Сталина" не говорил, однако на предстоящем в феврале—марте 1938 года процессе над "правотроцкистским блоком" это "свидетельство" будет фигурировать как особо отягчающее обстоятельство.

По указанию Сталина советские дипломаты в Вашингтоне, и прежде всего посол Трояновский и советник полпредства Уманский, публиковали статьи, давали интервью американской прессе с целью изменить негативное отношение американской общественности к происходящему в Москве. О характере этих выступлений могут свидетельствовать, например, следующие фрагменты из статьи Трояновского о московских процессах: "После проявленной к этим людям (подсудимым. — *Д.В.*) снисходительности, после того как советские вожди, и в особенности Сталин, проявили готовность помочь этим людям и

спасти их от падения в пропасть контрреволюции, ни один информированный человек не может поверить, что эти люди обвинены без предварительного и тщательного расследования... Я лично был свидетелем той мягкости, которую сам Сталин во многих случаях проявлял по отношению к Пятакову, Сокольникову, Радеку и др. Всякие указания на личную месть и на расправу из низменных побуждений недостойны ответа... Почти все обвиняемые пользовались *сердечным отношением* (курсив мой. — Д.В.) и доверием со стороны Сталина, даже после того, как Сталин знал, что они раньше были рьяными троцкистами¹⁷⁹.

А вот что говорил Уманский в своем интервью газете "Нью-Йорк геральд трибюн" 13 февраля 1938 года: требование Троцкого о беспристрастном рассмотрении выдвинутых против него обвинений "настолько смехотворное, что его не стоит даже комментировать... Троцкисты форсируют войну для того, чтобы захватить власть и осуществить свою реставраторскую цель... Два факта говорят сами за себя: это полная поддержка новой Конституции советским народом и поддержка, оказываемая Троцким фашизму и фашизмом Троцкому"¹⁸⁰.

Несостоятельность этих утверждений Трояновского и Уманского настолько очевидна, что, говоря словами последнего, их "не стоит даже комментировать". Эти люди, как и множество других, как и вся страна, были превращены в бесправные, подневольные элементы "бюрократического абсолютизма". В конечном итоге не только Троцкий, но и весь советский народ оказались в определенном смысле жертвой сталинской системы.

Да, народ стал жертвой. Дикие слова, которые можно было прочесть на страницах, скажем, "Большевика", отражают ослепление народа, лишенного за короткое время (но, к счастью, не навсегда) совести, памяти, способности мыслить. В статье "Приговор суда — приговор народа" говорится: "Единодушным одобрением встретил советский народ приговор военной коллегии Верховного суда по делу участников антисоветского троцкистского центра. На фабриках и заводах, в колхозах, на общегородских митингах трудящихся прокатилась бурная волна народного гнева против подлых изменников и предателей нашей родины, против убийц рабочих и красноармейцев, против германских и японских шпионов, поджигателей мировой войны, действовавших по прямому указанию лютого врага народа — Троцкого... Враг народа Л.Троцкий дал обязательство перед германским фашизмом в случае захвата власти ликвидировать совхозы, распуснуть колхозы, отказаться от политики

индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капиталистические отношения... Троцкистские банды торопились уплатить своим фашистским хозяевам по кровавым векселям, выданным злейшим врагом народа Л.Троцким...¹⁸¹

Самое горькое заключается в том, что люди этому бреду искренне и долго верили. Как верили и тому, что говорил Вышинский на этих чудовищных процессах:

"...Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через "Правду" и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми..."¹⁸²

Чудовищная беспредельная демагогия делала свое дело: люди все больше верили в фантастические вымыслы о деяниях "террориста", "шпиона", "убийцы" Троцкого. Сам изгнанник, листая в далеком Койоакане вырезки из подобных материалов, поражался глубине падения общества, партии, людей за какое-то десятилетие. У Троцкого больно сжималось сердце от мысли, что можно сделать с миллионами людей, если они способны верить в самую чудовищную ложь — Универсальное Зло, с которого начинается любое падение или преступление. Приходит только поражаться, сколь сильным у Троцкого оказалось самообладание и воля к борьбе.

Естественно, что в этой неравной борьбе Троцкий допускал грубые ошибки: негативно отзывался о роли Народного фронта в Испании, рядом своих шагов осложнил и без того сложное положение защитников испанской революции, однозначно отвергая деятельность тех компартий, которые не "вписывались" в его схему... Троцкий, давая многочисленные интервью, не всегда выбирал подходящие выражения, в результате чего доставалось не только Сталину и его бонзам, но и народу, Советскому государству в целом. Троцкий как бы забыл, что он прямо причастен к созданию того государства, которое так яростно теперь атаковал. Это не осталось незамеченным.

В начале 1938 года его недавние сторонники Истмен, Серж и Суварин публично поставили вопрос об ответственности Троцкого за жестокое подавление кронштадтского мятежа в 1921 году. В.Серж прямо и резонно заявлял: разве этот террор, использование силы против инакомыслия не означали поворота к репрессивной политике в Советской республике еще при

Ленине и Троцком? Разве Троцкий не возглавлял подавление мятежа? Чем он лучше Сталина?

Троцкий действительно никогда подробно не описывал кронштадтского мятежа. Думаю, спустя годы всем, принимавшим решение о его жестоком подавлении, было не слишком приятно вспоминать об этом. Но критика его бывших сторонников была прямой, ясной, в основе своей справедливой. Нужно было отвечать.

В статье "Еще об усмирении Кронштадта" Троцкий в прищем ему духе ответил критикам: "Суварин, который из вялого марксиста стал восторженным сикофантом*", утверждает в своей книге о Сталине, что я в автобиографии сознательно умалчиваю о кронштадтском восстании: есть подвиги, иронизирует он, которыми не гордятся... Дело в том, что я лично не принимал ни малейшего участия ни в усмирении кронштадтского восстания, ни в репрессиях после усмирения... Что касается репрессий, то ими, насколько помню, руководил непосредственно Дзержинский, который вообще не терпел вмешательства в свои функции (и правильно делал)... Но я готов признать, что гражданская война не есть школа гуманности... Кому угодно, пусть отвергает на этом основании (в статьях) революцию вообще. Я ее не отвергаю. В этом смысле я несу за усмирение кронштадтского мятежа ответственность полностью и целиком"¹⁸³.

Троцкий непримирим к тем, кто его оставил. Об этом, например, говорит характеристика, данная им Борису Суварину: "Экспацифист, экскоммунист, экстропкист, эксдемократокоммунист, эксмарксист... почти эксСуварин, с тем большей наглостью атакует пролетарскую революцию... Он обладает острым пером. Когда-то он думал, что этого хватит ему на всю жизнь. Затем он должен был выяснить, что еще нужно уметь мыслить... В его книге о Сталине, несмотря на изобилие интелресных цитат и фактов, он выдал сам себе аттестат на интеллектуальную нищету..."¹⁸⁴

Жизнь была беспощадна к Троцкому. Он тоже был беспощаден к тем, кто делал для него и без того горькую жизнь трудновыносимой. Но в данном случае изгнанник не был честен перед собой и историей. С ведома Ленина, он был одним из организаторов жестокого подавления мятежа. Критика его

---

* Сикофант — профессиональный доносчик, клеветник, шантажист. — *Ред.*

бывших друзей Суварина и Истмена больно задела Троцкого, и он решил на нее резко отреагировать. В конце 1937 — начале 1938 года Троцкий написал на полутора десятках страниц статью "Шумиха вокруг Кронштадта". Она быстро попала в руки М.Зборовского, от него — заместителю начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД С.Шпигельглазу, затем к Ежову, Молотову и наконец — к Сталину¹⁸⁵. Чем же заинтересовала разведчиков эта пространный статья, что они доложили о ней самому вождю?

Думаю, люди, пославшие статью на самый "верх", понимали, что в ней Троцкий излагал взгляды, которые полностью разделяло тогдашнее руководство СССР. Листая страницы пожелтевшей от времени бумаги архива НКВД, ловлю себя на мысли, что под статьей могла бы стоять подпись Сталина, так как идеи, излагавшиеся в статье, были типично большевистскими. Впрочем, судите сами:

"...Кронштадтское восстание является ничем иным, как вооруженной реакцией мелкой буржуазии против трудностей социалистической революции и суровости пролетарской диктатуры..."

"...Они (участники кронштадтского мятежа. — *Д.В.*) хотят такой революции, которая не вела бы к диктатуре, и такой диктатуры, которая обходилась бы без принуждения"¹⁸⁶.

Приведенные фрагменты написаны сталинским, а точнее, характерным большевистским языком. И Троцкий, и Сталин были личными антиподами, но оба остались типичными большевиками, помешанными на насилии, диктатуре и принуждении. Подобная заданность дала основание Бердяеву заявить: "Этим жутки они"¹⁸⁷.

Оказавшись за океаном, Троцкому пришлось отбиваться от сталинской клеветы, критики отколовшихся сторонников, нападок коммунистических и рабочих организаций Мексики, которые по-прежнему требовали высылки Троцкого из страны. Находясь в гуще событий, в кипящем море страстей, изгнанник тем не менее чувствовал себя как бы за околицей революции, на периферии главных мировых событий. В нем нарастало чувство внутреннего одиночества, которое порой чрезвычайно угнетало сознание. Троцкий не сдавался, пытался сохранить лицо революционера, напоминал мировому сообществу о себе: он еще жив, он надеется, он еще не сказал последнего слова... Только Наталья Ивановна понимала всю глубину его духовной депрессии, которую он искусно скрывал.

Почти два года, которые Троцкий и его жена прожили у

Диего Риверы, казались в смысле быта и условий просто идиллическими. Но неожиданно наступил разрыв. "Яблоком раздора" стал президент Мексики Карденас. Троцкий относился к нему с подчеркнутым уважением: ведь именно он смело приютил его у себя в стране. И вдруг Ривера обрушивается в печати на президента как на "пособника режима Москвы". Троцкий и Ривера пробовали объясниться, но разногласия углубились. Тогда Троцкий заявил, что не может больше пользоваться его гостеприимством.

Почти в это же время произошли и другие события в семье Троцкого, о которых его биографы, за исключением, пожалуй, лишь И. Дейчера, ничего не говорят.

Когда Троцкий прибыл в Мексику, кроме лиц, направленных президентом, и сторонников лидера IV Интернационала, его встречала невысокая, хрупкая, красивая женщина — Фрида Кало. Актриса и художница, она была другом и секретарем Диего Риверы. Живя в Синем доме художника, Троцкий часто встречался не только с хозяином, но и с Фридой. Неожиданно у 57-летнего Троцкого возникло сильное влечение к этой умной и обаятельной женщине. Это было необычно, потому что Троцкий по своей натуре был пуританином и придерживался строгих взглядов на семейные отношения. Он искренне любил Наталью Ивановну, но здесь чуть не потерял голову. Троцкий, будучи воспитанным человеком, вдруг стал публично проявлять повышенные знаки внимания к Фриде, восхищаться ее умом и талантами. В июле 1937 года Троцкий, по предложению Диего, выехал на три недели (один) в поместье Гомеса Ландеро, где отдыхал, ездил верхом, занимался рыбалкой и немного писал. Через несколько дней к Троцкому приехала на один день Фрида. Никто не знает характера и глубины отношений этих двух людей: немолодого, изломанного жизнью революционера и 28-летней красавицы. Троцкий увлекся, о чем свидетельствуют его несколько записок, адресованных Фриде Кало. Недавно их обнаружил мексиканский журналист Ксавьер Гусман Урбиола в бумагах покойной подруги Фриды — Терезы Проенцо¹⁸⁸.

Содержание записок говорит о глубоком смятении и увлечении Троцким неожиданно встретившейся на его тернистом пути женщиной. Об их отношениях становится известно Наталье Ивановне и Диего. Последовали трудные объяснения. У Троцкого хватило рассудка не доводить до разрыва с женой. Отряхнув с себя магические чары мексиканки, Троцкий все откровенно поведал Наталье Ивановне. Его секретарь Хеан Ван Хейхеноорт в своей книге "С Троцким в изгнании. Из Принки-

по в Койоакан” пишет, что у его шефа после небольшого “помутнения” разум взял верх над чувствами.

Но с Диего Риверой отношения уладить не удалось. В своей последней записке к Кало Троцкий пишет: “Я надеюсь, что можно еще восстановить с ним (Диего Риверой. — Д.В.) дружбу: политическую и личную и я искренне надеюсь, что ты будешь моим сторонником в этом мнении. Я и Наталья желаем тебе отличного здоровья и подлинного артистического успеха и обнимаем тебя как нашего доброго и искреннего друга. Твой как всегда, *Л.Троцкий*”¹⁸⁹. Как летняя гроза поздней осенью, вспыхнула в сердце революционера любовь и... вернулась в лоно революции.

С помощью своих американских друзей Троцкий весной 1939 года приобрел большой, но неудобный дом на улице Вены на окраине Койоакана — предместья Мехико. Покупка строения сразу поставила Троцкого в тяжелейшее финансовое положение. Он публиковался, где мог, получил в нескольких издательствах авансы на незавершенную книгу “Сталин”, пытался переиздать свои старые книги. А нужно было содержать еще двух-трех секретарей, телохранителя, экономку, машинистку. В этой обстановке Троцкий вынужден был продать Гарвардскому университету (Хоттонгская библиотека, бумагами которой пользовался и я с любезного разрешения ее директората) свой архив за поразительно малую цену — 15 тысяч долларов! В критический момент, как и раньше, помогли друзья Троцкого, включая Альберта Голдмана, благодаря чему изгнанник смог более или менее наладить быт в своем последнем пристанище на этой грешной земле.

Первое, чем занялись его друзья и охрана, — это укреплением высокого забора, дверей, входных ворот. У них соорудили специальную башню с прожектором, в доме установили сигнализацию. Он стал похож на крепость. Двери в кабинете и спальне Троцкого обили листовым железом. Несколько полицейских круглосуточно охраняли дом снаружи; секретари и телохранитель — внутри. Наладили контролируемый порядок посещения. Незнакомые люди допускались к Троцкому без вещей и только в сопровождении телохранителя. По-прежнему к нему шли журналисты, ехали сторонники из разных стран. Революционера навещали издатели, деятели троцкистских организаций. Через секретаря Троцкого М.Зборовский узнал, что Троцкий “падок на приезжих из Союза и Испании”¹⁹⁰. Эту особенность изгнанника пытались учесть в Москве.

Весь день у Троцкого был строго распланирован. Он рано

вставал и до завтрака обычно часа два работал за письменным столом. После завтрака литературная работа продолжалась до обеда. Троцкий диктовал, редактировал, писал сам, рылся в своем архиве. Помощники-секретари просматривали почту, делали вырезки, выписки, подбирали необходимый материал к очередной главе книги, новой статье, готовили проекты ответов на многочисленные письма.

Маленькая крепость жила своей напряженной и тревожной жизнью. Шла борьба за выживание. Окружение Троцкого давно заметило, что вокруг дома изгнанника все чаще стали появляться незнакомые люди. Одно время у одного из соседних домов возник настоящий наблюдательный пункт. Какие-то люди вроде что-то копали, но вскоре стало ясно, что это имитация деятельности, потому что каждая новая смена — три-четыре человека — не столько ковырялась в своей траншее, сколько разглядывала дом Троцкого: кто входит, кто выходит, когда и т.д. Сомнений не было: сотрудники НКВД, вынужденные покинуть Пиренеи после поражения испанской революции, видимо, были в немалом количестве перебазированы сюда.

Льва Давидовича страшно сковывали стены двора и дома. Выходя из кабинета во двор, обычно вечером, он мерял три десятка шагов в одну сторону, затем в другую, погрузившись в раздумья. Как он признавался Наталье Ивановне, все чаще его мысль возвращалась назад, к подножию века, в Октябрь, в бронированную коробку его фронтového поезда, к тем ошибкам, которые они допустили с Лениным, не разглядев в Сталине чудовищного Каина. Мысль о "кремлевском горце" все чаще витала в этом каменном дворике еще и потому, что Троцкий последние год-полтора своей жизни отдал созданию политической биографии своего смертельного врага, олицетворявшего, по словам автора биографии, "похмелье русской революции".

В своем мартовском (1938 г.) письме в редакцию "Бюллетеня" он, в частности, пишет: "Я обязался в течение ближайших 18 месяцев написать книгу о Сталине и завершить книгу о Ленине. Все мое время, по крайней мере в течение ближайших месяцев, будет посвящено этой работе... Для книги о Сталине мне нужна будет Ваша помощь. Послезавтра я вышлю Вам список своей литературы по Сталину, какая у меня имеется. Уже сейчас могу сказать, что у меня нет книги Барбюса. Не знаю, не было ли в архиве Льва (Седова. — Д.В.) специальных папок, касающихся Сталина..."¹⁹¹

Троцкий еще не ведал, что Марк Зборовский, оставшийся в "Бюллетене" после смерти Льва Седова, передаст содержание

этого письма своему резиденту и через некоторое время его прочтет сам Сталин. Думаю, нетрудно себе представить, какое впечатление оно произвело на диктатора. Через 18 месяцев из-под пера Троцкого выйдет книга о нем! Этого нельзя допустить! Сталин понимал, что изгнанник глубже других узнал его "изнутри" и может представить "вождя народов" в таком свете... Именно в конце 1938 — начале 1939 года последовали энергичные устные указания самого Сталина по ликвидации человека, которого он давно поставил вне закона.

А Троцкий продолжал писать Ванцлеру, Коган, Вебер и другим своим сторонникам о необходимости поиска новых дополнительных материалов и документов о Сталине. В письме к Коган в мае 1938 года Троцкий, в частности, пишет: "...было бы хорошо, если бы Вы просмотрели комплект "Красной Нови" с точки зрения политической эволюции Сталина, вернее его зигзагов и методов борьбы с оппозицией. За всякую справку такого рода буду Вам очень благодарен, т.к. у меня здесь очень мало литературы, а книгу о Сталине я должен закончить в течение ближайших пяти месяцев..."¹⁹²

Презрев опасность, Троцкий иногда рано утром в сопровождении одного-двух человек, прижавшись в угол салона автомобиля, изменив внешность, покидал свою крепость. Выезжали за 20—30 километров в горы, на поля. Бродили, искали оригинальные сорта кактусов, заходили в какую-нибудь деревню, обедали и с наступлением темноты быстро возвращались домой. Каждая такая "экспедиция", как называл Троцкий эти выезды, была сопряжена с риском.

Несколько раз, когда по некоторым наблюдениям "гарнизон" мог ожидать прямого нападения, Троцкий выезжал на две-три недели в отдаленные села, где для него тайно снимали крестьянский домик и он, замаскировавшись, под другой фамилией, проводил с двумя сопровождающими эти дни. Сохранилось немало писем Троцкого к Наталье Ивановне, написанных во время этих поездок. Письма жене очень личные, даже интимные, нежные. В них Троцкий почти никогда не касается политических или идеологических вопросов. Но вместе с тем их содержание свидетельствует о растущем одиночестве изгнанника, для которого единственным близким человеком в мире осталась жена.

В одном из таких писем Троцкий писал: "...читая твое письмо, я поплакал... Все, что ты говорила мне о нашем прошлом, правильно, и я сам сотни и сотни раз говорил это себе. Не чудовищно ли теперь мучиться над тем, что и как было свыше

20 лет назад? Над деталями? И тем не менее какой-нибудь ничтожный вопрос встает передо мной с такой силой, как если бы от ответа на него зависела вся наша жизнь... И я бегу к бумаге — записать вопрос...¹⁹³ Духовная пустыня после смерти поледнего сына простерлась в душе изгнанника. Все в ней отзывалось болью и неизбывной печалью. Эфемерность своих нынешних усилий он, по-видимому, сознавал, но у него осталась в жизни лишь одна реальная цель — сохранить реноме революционера. Тогда для него история выделит нишу, которая не разрушится никогда.

Одиночество несчастных супругов скрасили их последние настоящие друзья — Альфред и Маргарита Росмеры. Они приехали в Койоакан в октябре 1939 года и прожили в угрюмом доме-крепости восемь месяцев. Но самое главное, они привезли наконец с собой внука Троцких — Севу. Радости супругов не было предела, хотя мальчик, которого судьба из России бросала в Турцию, Германию, Австрию, Швейцарию, Францию и вот — в Мексику, многого не понимал. Вокруг него в эти годы стремительно менялись лица новых и новых людей. Его почему-то прятали. Наставляли. Уговаривали. В одной школе он учился на немецком, в последнее время — на французском. После смерти Льва Седова с ним никто не разговаривал по-русски, и Сева говорил на родном языке, как иностранец, недавно начавший изучать чужой язык... Трагедия семьи Троцкого отпечаталась в чистом сознании ребенка как странный калейдоскоп имен, мест, соперничества многих людей за право на него. Мальчик, меченный роком судьбы Троцкого, скрасил последние месяцы одиночества мятежного изгнанника.

Иллюзии Интернационала

Еще живя на Принкино, Троцкий, по мере того как начала таять надежда на возвращение в Москву, понял: нужна организация внутри коммунистического движения, которая могла бы противостоять Сталину и сталинизму. Он понимал, что будущая организация могла бы существовать лишь при наличии ясной программы, целей, путей борьбы с буржуазным строем, реформизмом и сталинскими извращениями. Троцкизм как политическое и идейное течение с самого начала поставил себя в крайне невыгодное положение: он пытался вес-

ти борьбу не только с капитализмом, буржуазными партиями и правительствами, но и со всеми теми, кто, по мнению Троцкого, изменил марксизму и ленинизму. А таковыми он считал все коммунистические и рабочие партии, входившие в III Интернационал и признававшие его программу.

Уже в начале 30-х годов в ряде стран Европы, Северной и Южной Америки возникли партии, группы, которые разделяли идеи "большевиков-ленинцев", солидарных с взглядами разгромленной "левой" оппозиции в ВКП(б). Троцкий вел с ними обширную переписку, к нему ехали представители этих групп и партий, он выслушивал, советовал, рекомендовал, убеждал, учил, информировал, вдохновлял своих сторонников. Но очень скоро убедился, что эти партии и группы были крайне малочисленны, по несколько десятков человек, в лучшем случае — трех-четыре сотен. Правда, сам Троцкий в интервью, которое он дал мадам Титейн в марте 1937 года, так оценил количество своих сторонников в мире: "Трудно указать точную цифру, тем более что среди рабочего класса происходят постоянные перемещения: имеются наполовину сторонники, на четверть сторонники и т.д. Я думаю, что сегодня уже можно говорить о нескольких десятках тысяч сторонников"¹⁹⁴. Видимо, он серьезно преувеличивал.

Троцкого неприятно поражало, что внутри этих партий постоянно шли распри, расколы, вражда. Многие партии были явно сектантскими, левацкими формированиями, члены которых были исключены, изгнаны из коммунистических и рабочих партий. В рядах "большевиков-ленинцев" было немало провокаторов, агентов ОГПУ, лиц, которые примыкали к этим группировкам с целями, далекими от революционных.

Знакомство с рядом советских архивов позволяет сделать вывод, что о многих акциях, шагах, конференциях сторонников Троцкого ОГПУ—НКВД хорошо знал. Свидетельством тому — наличие копий и подлинников многих документов троцкистских организаций, а затем и Международного секретариата IV Интернационала. Донесений, подобных тому, что я приведу ниже, немало шло в то время в Москву.

"Совершенно секретно.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Направляю Вам продолжение письма Седова к Троцкому от 3 марта (1937 г. — *Д.В.*). Сообщаемые в этом письме сведения из СССР Седов якобы получил через меньшевистские круги от представителя французской газеты или агентства Гавас, ко-

торый недавно выехал из Москвы. Приняты меры к более точному выяснению этого лица.

Письмо имеет некоторые пропуски и неясности; объясняется это тем, что оно записано в порядке подслушивания во время диктовки.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

*Ежов*¹⁹⁵.

Любые упоминания в корреспонденциях Троцкого фамилий его сторонников в СССР вели к безусловному их аресту.

Не случайно, что одно из указаний Москвы, адресованное "Скифу" в июне 1939 года предписывает: "Тюльпан" (Зборовский. — *Д.В.*) должен быть ориентирован прежде всего на выяснение шпионских, террористических центров, контрреволюционных связей в СССР, подготовку переброски в СССР и т.д.¹⁹⁶. Этим в значительной степени объясняется большое количество провалов, арестов, убийств не только в рядах сторонников Троцкого, но и тех, кто хотя бы косвенно был связан с троцкизмом в СССР. Так, за короткий срок погибли близкий помощник Троцкого Рудольф Клемент, а также секретарь изгнанника во время его пребывания в Норвегии Эрвин Вольф. Этот симпатичный чех, преданный Троцкому, был выслан властями из Норвегии, когда его шефа отправили на пустом танкере за океан, в Мексику. Вольф с молодой женой (он только что женился в Норвегии на дочери хозяина дома Троцкого) выехал в Испанию. Но там скоро бесследно и навсегда исчез. Уже позже, по ряду косвенных доказательств, можно было прийти к выводу, что он был устранен теми же, кто вел охоту на Троцкого. Погибло много и советских людей, выезжавших по служебным делам за рубеж. По возвращении на них часто смотрели уже как на шпионов.

В советских архивах со временем оказались многие документы Троцкого, написанные в 30-е годы. Часть их — из "архива Снейлита", другая — доставлена с помощью Марка Зборовского и других агентов НКВД, внедрившихся в троцкистские структуры. В архивных делах НКВД это четко зафиксировано: "Тюльпан" занимался разработкой членов Международного секретариата, давал документальные данные о М.С., о французских троцкистах и о деятельности Седова. При его содействии произведена выемка архивов Международного секретариата, Седова и части архива Троцкого..."¹⁹⁷ Эта деятельность, как считали в Москве, позволяла пресекать "подрывные действия" троцкистов. В чем же она заключалась?

Троцкий в своем письме в июле 1935 года советует руководителям "большевиков-ленинцев" Польши создавать оппозиционные группы внутри социал-демократической партии. Троцкий пишет, что "нужно в соципартию проникать потихоньку, а в компартии работать нелегально. В Бунд нужно тоже вползти. Нужно прекратить напрасные дискуссии и связываться активнее с левыми элементами Польской социал-демократии"¹⁹⁸. Конечно, Троцкий не ведет речь о каком-либо "терроре", всячески ему инкриминированном, но о нелегальных и других методах усиления своего влияния в рядах социалистических и коммунистических партий лидер троцкистов пишет обстоятельно. Эти указания тут же становились известными в Москве. Причем доклады шли не только в ГУГБ НКВД: наиболее важные — в ЦК ВКП(б)¹⁹⁹.

Троцкий долго не решался пойти на организационное оформление IV Интернационала, несмотря на то что планы его создания были разработаны уже в 1933 году. Когда же изгнанник решился на этот шаг, время было упущено. Хотя, конечно, и раньше троцкисты не имели больших шансов на заметный успех, но в начале 30-х годов их положение было более предпочтительным. К 1938 году, когда в Париже состоялся Учредительный конгресс, троцкистская волна, и так едва заметная, почти сравнялась с гладью постреволюционной поверхности. В Советском Союзе последние сторонники Троцкого беспощадно уничтожались, вымирали в сталинских лагерях. В Германии Гитлер поступал с марксистами любых оттенков аналогичным образом. В Австрии, Чехословакии, Италии фашизм подмял под себя все. Время народных фронтов проходило. Троцкизм и ранее был малозаметен, а после поражения, к которому шли республиканцы в Испании, он стал лишь символом своего великого вождя. Не будь во главе этого движения такой фигуры мирового масштаба, как Троцкий, едва ли кто знал бы раньше и теперь о такой ветви в онтологии марксизма, как троцкизм.

Троцкий стремился оказать всяческую поддержку Учредительному конгрессу IV Интернационала. Еще ранее в специальном письме Международному секретариату его бесспорный лидер предложил назвать интернациональное объединение его сторонников "Мировой партией социальной революции"²⁰⁰. Троцкий еще верил, что можно что-то круто изменить в судьбе левого крыла международного марксизма и в своей собственной. И он активно работал по подготовке нового союза. Его имя должно было стать знаменем этой "мировой партии". Главная идея Троцкого — "собрать вокруг IV Интернационала

всех, кто за него, даже если между ними существуют серьезные разногласия”²⁰¹.

Но в действительности этот Учредительный конгресс оказался лишь небольшим нелегальным совещанием, на которое приехал 21 представитель из 11 стран. Конгресс прошел 3 сентября 1938 года на вилле друга Троцкого, Альфреда Росмера, в пригороде Парижа. Все очень боялись какой-либо провокации со стороны правых сил Франции или ОГПУ. Съехавшиеся собрались в большой комнате виллы и почти без обсуждений, торопясь, одобряли заготовленные документы после новой чашки кофе, который разносила Маргарита Росмер. Призывали они ни больше ни меньше как вздыбить мир в судорогах новой революции... Состоялось только одно заседание, но оно продолжалось весь день. Для маскировки в информационном сообщении сказано, что конгресс проходил в Лозанне.

На конгрессе был распространен ряд материалов, подготовленных Троцким: ”Задачи IV Интернационала”, ”Пора перейти в международное наступление против сталинизма!”*, ”Обращение” к молодым социалистам и коммунистам по вопросу о войне и IV Интернационале²⁰² и другие документы. Там же был принят манифест ”К рабочим всего мира”, в котором говорилось, что IV Интернационал ”с гордостью провозглашает себя наследником и продолжателем дела I Интернационала Маркса, русской революции и Коммунистического Интернационала Ленина”²⁰³.

Манифест нового Интернационала, отредактированный Троцким, вновь провозгласил неизбежность мировой социалистической революции. Документ был направлен против фашизма, а также ”московской бюрократии”, которая ”установила ненавистный тоталитарный режим”. Этот режим ”дискредитирует самое имя социализма”. Манифест звал трудящихся идти ”приступом против крепости капитализма”, взяв на вооружение непобедимое оружие, ”выкованное нашими великими учителями Марксом, Энгельсом, Лениным и Троцким...”²⁰⁴ Изгнанник поддался искушению заменить одну фигуру в возникшей в 1934 году ”квадриге” (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин) на свою собственную персону... Таким был Троцкий — пронипательным, непреклонным, решительным, но и тщеславным.

Будучи пленником идеи мировой революции, Троцкий стал

---

* Этот материал был опубликован еще в декабре 1937 г. (См.: Бюллетень оппозиции. 1937. № 60—61. С. 2—4. — Д.В.)

пленником и нового своего детища — "Мировой партии социальной революции".

На длинном, без перерывов, заседании были рассмотрены вопросы о форме борьбы рабочего класса на данном этапе, о ситуации в СССР, о позиции IV Интернационала по отношению к надвигающейся войне. Были приняты и специальные резолюции о войне на Дальнем Востоке, о жертвах классовой борьбы, об интернациональной солидарности. Почти без обсуждения приняли Устав IV Интернационала.

В резолюции о положении в СССР, в частности, говорилось: "В результате роста угрозы уничтожения всех завоеваний Октябрьской революции основная задача русской секции IV Интернационала — призыв к новой социальной революции..."²⁰⁵

Конспирация конгресса была напрасной. Почему? Советскую "делегацию" в единственном числе представлял... Марк Зборовский, который после смерти Льва Седова стал представлять "интересы" Троцкого в Париже... Советский агент докладывал в Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД: "Старик" распорядился, чтобы меня ввели в секретариат и приглашали бы на все заседания Международного секретариата"²⁰⁶. Тайный агент быстро проинформировал Москву о персональных участниках тайного совещания троцкистов и его резолюциях. Он, конечно же, сообщил и о решении участников конгресса усилить работу по внедрению троцкистов в различные массовые организации для усиления своего влияния, особенно среди молодежи и студенчества. Впрочем, об этом еще раньше писал Троцкий: "IV Интернационал будет интернационалом молодежи"²⁰⁷. Лидер "мировой партии", как всегда, делал главную ставку на молодых. Стоит заметить, что на конгрессе в качестве переводчицы присутствовала Сильвия Агелоф, которая сыграет, хотя и косвенно, трагическую роль в судьбе Троцкого. Марк Зборовский знал ее по работе в Международном секретариате, но лишь как троцкистского функционера. Ему поручили познакомить ее с одним молодым человеком. Это удалось сделать быстро. После конгресса около дома Альфреда Росмера ее уже дождался молодой испанец, называвший себя Жаком Морнаром... Он, как окажется позже, был не только любовником Сильвии... Рождение политического детища Троцкого происходило в присутствии и при участии агента Иностранного отдела ГУГБ НКВД.

Зборовский, став "представителем" русской секции, регулярно информировал Москву о каждом шаге, решении и на-

мерении Международного секретариата троцкистов. Например, 20 июня 1938 года, еще до созыва Учредительного конгресса, Зборовский сообщал: "Заседание М.С. состоялось 18 июня. На порядке дня были вопросы: 1) О "Дер Ейнциге Вег", 2) Бельгийский вопрос, 3) Мексиканский вопрос"²⁰⁸. Далее подробно описывал все перипетии споров, борьбы, трудности. Здесь же информировал, что "при секретариате организована комиссия борьбы против полиции и ГПУ". Также обстоятельно советский агент доложил о подготовке, ходе и решениях Учредительного конгресса в Париже.

Выказывая свое рвение, Зборовский лично составил опись всех документов, которые ему удалось сфотографировать после проникновения в бумаги IV Интернационала и в личный архив Троцкого²⁰⁹. Эта опись для Москвы, кстати, была составлена Зборовским куда более тщательно, нежели это сделали хозяин документов и его секретарь для себя.

Конгресс, как думал Троцкий, ожидая в Койоакане вестей из Парижа, решит главную задачу: заявит о создании новой мощной политической силы, с которой придется считаться всем, — "Мировой партии социальной революции". Он, как не раз с ним бывало, вновь ошибется в этом политическом вопросе. Интернационал окажется чрезвычайно живучим, хотя и бесплодным. Он сохранит себя как секту и спустя десятилетия, но роль его в политических делах была и останется малозаметной. Особенно после ухода с мировой сцены его основателя и лидера.

3 и 4 сентября 1938 года Троцкий напряженно ждал сообщений из Европы. Буржуазная печать молчала. Радио говорило об агонии Испанской республики. Передавали экономические новости, музыку. Молчал телефон в рабочей комнате Троцкого. Наконец 5 сентября он получает условленную телеграмму: "Новорожденный обещает стать богатырем". Троцкий с Натальей Ивановной, секретарями тихо радовались, надеясь на торжество дела, ради которого они так многим пожертвовали.

Недели через две Троцкий получил копии всех документов, одобренных на конгрессе, всего более 200 страниц. Особенно его взволновало письмо, принятое в заключительные минуты работы форума троцкистов: "Конгресс IV Интернационала шлет Вам горячий привет. Варварские репрессии, направленные против нашего движения, и в особенности против Вас, не позволили Вам быть среди нас и внести в наше обсуждение свой важный вклад организатора Октябрьского восстания, теоретика перманентной революции, прямого наследника учения Лени-

на. Нам, противникам Сталина, фашизма и империализма, выпали огромные испытания... Вы сами являетесь объектом постоянных попыток убийства.

Все эти преследования, как бы жестоки они ни были, еще больше укрепляют нашу убежденность в правоте марксистской программы, главным интерпретатором которой после смерти Ленина стали для нас Вы. Вот почему в нашем приветствии заключено нечто большее, чем признательность великому современному теоретику революционного марксизма... Мы выражаем надежду, что Вы еще долго будете разделять успехи победы, как Вы долго разделяли все превратности борьбы...²¹⁰

В одной из американских газет, как зафиксировала советская спецслужба, Троцкий заявил, что "десять лет понадобилось кремлевской клике, чтобы задушить большевистскую партию и превратить первое рабочее государство в мрачную карикатуру. Десять лет понадобилось Третьему Интернационалу, чтобы бросить в болото свою собственную Программу и превратиться в вонючий труп. Десять лет! Только десять лет! Позвольте мне закончить предсказанием: в течение ближайшего десятилетия Программа Четвертого Интернационала делается путеводной звездой миллионов и они будут знать, как штурмовать землю и небо!"²¹¹

Через два месяца после завершения конгресса Троцкий встретился с Максом Шахтманом, который был председателем на конгрессе. Из его рассказа, материалов, поспешно принятых на заседании, откликов руководителей секций Троцкий понял, что "мировая партия" — лишь великая иллюзия. Конгресс объединил максимум восемь-десять тысяч членов небольших разношерстных групп, часто именующих себя "партиями". Троцкий, избранный на конгрессе почетным председателем и членом исполкома, почувствовал, что на спаде активности рабочего движения, при усилении тоталитарных режимов в Германии, Италии, СССР, при возрастании угрозы новой мировой войны трудно будет рассчитывать на успех этого политического предприятия. IV Интернационал, или "Мировая партия социальной революции", оказался туманным миражом, который едва заметили основные политические силы, разыгрывавшие в этот момент предвоенный акт всемирной драмы.

Троцкий надеялся использовать лозунги, рождавшиеся в ходе первой мировой войны: "Для марксистов борьба против войны означает одновременно борьбу против империализма. Средством этого служит не "разоружение", а вооружение пролетариата в целях революционного свержения буржуазии и созда-

ния рабочего государства. Не Лига Наций, а Соединенные Штаты Европы и всего мира... Кто действительно хочет бороться против войны, должен встать под знамя IV Интернационала..."²¹²

Но то было еще одной иллюзией. Троцкий по-прежнему уповал на возможность мировой революции или, по крайней мере, на подъем революционного движения, которое может остановить сползающие с полпосов антагонистических интересов ледники мировой войны.

IV Интернационал мог еще как-то заявлять о себе, пока в главе него стоял такой человек, как Троцкий. Большой просчет лидера "мировой партии" заключался в том, что на волне упадка III, "московского", Интернационала он еще надеялся, что его Интернационал займет место Коминтерна. Ни у кого уже не вызывало сомнения то обстоятельство, что "московский" Интернационал давно стал заурядным сталинским подразделением, послушно исполнявшим волю кремлевского руководителя.

Чтобы полнее скомпрометировать Коминтерн, Троцкий опубликовал ряд злых статей против него. Одна, правда, увидела свет, только после его смерти. Название ее было красноречивым: "Коминтерн и ГПУ". В ней затворник из Койоакана раскрывает зависимость Коминтерна, руководителей и функционеров многих компартий от финансовой поддержки ЦК ВКП(б). Весь бюджет Коминтерна — из бюджета ЦК, а часто и ГПУ. Нетрудно представить, какова "независимость" этой переродившейся организации, резюмирует Троцкий²¹³. Статья была закончена 17 августа 1940 года, за три дня до рокового покушения... Троцкий знал, что Сталин мог использовать Коминтерн и для прикрытия террора против непослушных, строптивых, своевольных, подозрительных. В сталинском фонде есть не один документ, свидетельствующий о стремлении вождя творить свои дела в коммунистическом движении под прикрытием Коминтерна. Эта практика отмечается уже с мая 1931 года²¹⁴.

На самом же деле III Интернационал оказался в руках одной партии с момента своего рождения. С помощью Коминтерна вожди большевиков хотели ускорить приход мировой революции. И Троцкий об этом знал. В ленинском фонде неопубликованных "секретных" документов — множество свидетельств о финансировании зарубежных компартий с целью инициирования новых революционных процессов. Впрочем, приведу выдержки из этих документов.

Раскольников — Троцкому: "Прошу Ваших указаний относительно дальнейшей политики в Персии. Могу ли я считать у

себя развязанными руки в смысле продвижения в глубь Персии, если в Персии произойдет переворот и новое правительство позовет на помощь?..”²¹⁵ Благословение дано...

Письмо Ленину председателя Центрального исполнительного совета депутатов трудового калмыцкого народа А. Чапчаева: ”1) Нужно снарядить и отправить через Монголию и Тибет в Индию вооруженный отряд. 2) С отрядом следует послать оружие и военные припасы для раздачи среди населения. 3) Нужно приобщать на буддийском Востоке народы к мировой революции...” Резолюция Ленина красноречива, хотя и лаконична: ”...направить Чичерину для подготовки мер. Ленин. 16/VIII-1919 г.”²¹⁶

В своем письме к вождю Э.Рахья от имени ЦК финской компартии просит у Ленина отпустить драгоценностей на сумму 10 миллионов финских марок. Раз это для коминтерновских целей и нужд, вождь не возражает и пишет Крестинскому: ”Вполне поддерживаю просьбу. Прошу удовлетворить просьбу. Если нужно, созвонимся сегодня. Ленин”²¹⁷.

В новом Интернационале Троцкий хотел видеть очищенную от сталинизма пролетарскую политическую силу. Но творец новой ”мировой партии” понимал, что без изменения положения в СССР любые планы и программы, которые он будет сочинять в Койоакане, останутся клочками бумаги. Никакого влияния IV Интернационал на трудящихся Советского Союза оказать не мог. Думаю, что, кроме партийной верхушки и функционеров НКВД, мало кто на родине Троцкого знал, что их изгнанный соотечественник попытался создать организацию, альтернативную ”московскому” Коминтерну. ”Железный занавес” опустился между СССР и Западной Европой, всем миром не после второй мировой войны, как утверждал Черчилль в своей знаменитой речи в Фултоне, а значительно раньше: с начала 30-х годов. Поэтому влияние Троцкого на политические и социальные процессы в СССР было ничтожным, если не нулевым. Лишь иногда, окольным путем — через воздействие на другие партии и организации — до первой страны социализма доносились неясные звуки речей, эхо заявлений и статей Троцкого. Между ним и его родиной возвышалась невидимая, огромная, непробиваемая бетонная стена, сооруженная ”бюрократическим абсолютизмом”. Надеждам изгнанника обладать мощной независимой радиостанцией не суждено было сбыться. Такое не могло произойти не только по техническим и финансовым причинам, но и прежде всего по причинам политиче-

ским. Ни одно государство не предоставило бы Троцкому возможность вещать на СССР со своей территории.

После долгих размышлений, в апреле 1940 года Троцкий решил обратиться с открытым письмом-обращением к советским рабочим. Он слабо надеялся, что какое-то количество экземпляров обращения удастся доставить в СССР, а там путем нелегального копирования оно будет передаваться из рук в руки.

Вопреки обычной "технологии" подготовки подобных документов, Троцкий, последовательно шлифуя текст, написал несколько вариантов письма. В конечном счете документ выглядел и как личный манифест, и как призыв нового Интернационала. Нельзя не признать не только крайне радикальный характер документа, но и его огромную разоблачительную силу. На трех страницах Троцкий смог спрессовать историю, политику, мораль, философию, психологию. Здесь были оценка ситуации, причины перерождения советской системы, раскрытие путей, по которым, по мнению Троцкого, страна могла выйти из глубокого тупика, в который ее вел Сталин. Документ заслуживает того, чтобы привести здесь несколько фрагментов из него.

Письмо было озаглавлено так: "Вас обманывают!" Начиналось оно словами: "Привет рабочим, колхозникам, красноармейцам и краснофлотцам СССР из далекой Мексики, куда я попал после того, как сталинская клика выслала меня в Турцию, а буржуазия гнала меня затем из страны в страну!

...Всякого, кто поднимает голос против ненавистой бюрократии, называют "троцкистом", агентом иностранного государства, шпионом, вчера — шпионом Германии, сегодня — шпионом Англии и Франции — и подвергают расстрелу. Десятки тысяч революционных борцов погибли". Троцкий не знает, что погибли уже не десятки тысяч, а миллионы. По моим данным, основанным на архивных материалах, статистических отчетах НКВД, отдельных донесениях, которые мне удалось просмотреть в личном архиве Сталина, а теперь и в архивах бывшего ЦК КПСС, к моменту, когда Троцкий составлял свое письмо к советским рабочим, за 1937-й (неполный)—1939 годы было репрессировано 5—5,5 миллиона человек. Не менее трети из этого числа было расстреляно, а многие из оставшихся сгинули в бесчисленных лагерях. Так что информация Троцкого о масштабах сталинских чисток была явно неточной.

В письме изгнанника дальше говорилось: "Сталин истребил всю старую гвардию большевизма, всех сотрудников и помощ-

ников Ленина, всех борцов Октябрьской революции, всех героев гражданской войны. В историю он войдет навсегда под презренным именем Каина!"

Наконец, Троцкий переходит к самому главному: "Честные передовые революционеры организовали за границей Четвертый Интернационал, который уже имеет свои секции в большинстве стран мира... Участвуя в этой работе, я остаюсь под тем же знаменем, под каким стоял вместе с вами или вашими отцами и старшими братьями в 1917 г. и в годы гражданской войны; под тем же знаменем, под которым мы вместе с Лениным строили Советское государство и Красную Армию.

Цель Четвертого Интернационала — распространить Октябрьскую революцию на весь мир и в то же время возродить СССР, очистив его от паразитической бюрократии. Достигнуть этого можно только *путем восстания* (курсив мой. — Д.В.) рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов. Для подготовки такого восстания нужна новая партия... Учитесь создавать в сталинском подполье тесно спаянные и надежные революционные кружки... Нынешняя война... приведет весь мир к новым революционным взрывам".

Письмо, датированное 25 апреля 1940 года, заканчивается призывами крепить СССР — "крепость трудящихся", готовиться к "мировой социалистической революции", для чего надо устранить "Каина Сталина и его камарилью"²¹⁸.

Пожалуй, это самый радикальный антисталинский документ Троцкого. Он был опубликован 11 мая 1940 года и вскоре стал известен в Москве.

Прямой призыв к восстанию, созданию нелегального подполья против сталинского режима, устранению "вождя народов" был как выражением готовности идти до конца, так и проявлением отчаяния Троцкого. Попытка устранить Сталина путем нелегальной работы и восстания представляется абсолютно нереальной, даже фантастической. Всякая оппозиция в стране была давно подавлена. Любая попытка выступить против Сталина не имела ни малейших шансов на успех. Дело не только в зловеще четком функционировании карательной системы, но и в неспособности одурманенного народа в тот момент осознать свое совершенное бесправие, рабское положение. Заидеологизированный народ сам ревностно берег свои цепи. Возводя бесчисленные тюрьмы и лагеря ГУЛАГа, народ сам же и заполнял этот печальный "архипелаг". То было величайшим трагическим парадоксом в человеческой истории.

Троцкий заставлял себя верить в мифы. Ведь IV Интернационал был лишь миражом "грядущей" мировой революции.

Я склонен считать, что все последние годы жизни Троцкого, связанные с попыткой создания крупной и влиятельной международной организации, были последним выражением огромного, планетарного эгоцентризма его натуры. Он никак не хотел понять, что время, в которое произошел его феерический взлет, и время, когда родилось его новое хилое и бесперспективное дитя, навсегда разминулись. IV Интернационал был самой крупной авантюрой Троцкого в последней эмиграции. На фоне своих грызущихся сторонников он был, как Гулливер среди лилипутов. Движение троцкистского Интернационала оставило эфемерный след в истории политической борьбы, и то лишь благодаря весу и мировой значимости его основателя. У IV Интернационала с самого начала не было исторических шансов.

Стремясь оживить анемичную организацию, Троцкий в ряде случаев попытался вернуться к тем догмам марксизма, которые уже показали в сталинской практике свою ограниченность и историческую уязвимость. Это прежде всего теория классовой борьбы и диктатуры пролетариата, монополия одной партии и предание анафеме социал-демократов. Троцкий думал вести борьбу на два фронта: против империалистической буржуазии и "бюрократического абсолютизма" Сталина. При чем вести эту борьбу без союзников: ведь он по-прежнему считал социал-демократию "идеологическим сословием", находящимся в услужении буржуазии. Однако эти задачи были не по плечу не только Троцкому и его "Мировой партии социальной революции", но и ни одной мировой политической силе того времени. Затея с IV Интернационалом еще ярче высветила обреченное донкихотство Троцкого.

Он часто пытался выдавать желаемое за действительное (например, не переставал утверждать, что самая мощная и влиятельная секция в IV Интернационале — советские "большевики-ленинцы"). И это в то время, когда даже на Учредительном конгрессе не было ни одного делегата из Советского Союза, если не считать тайного агента НКВД Марка Зборовского! В своей статье "Советская секция IV Интернационала" (хотя официально он тогда, в 1936 г., еще не оформился. — Д.В.) Троцкий писал: идеи "левой" оппозиции проникают в СССР, "в частности, и через наш "Бюллетень". Это явное преувеличение. "Бюллетень" после 1933 года мог попадать только в руки сотрудников ОГПУ—НКВД. А Троцкий в этой же статье утверждает: "IV Интернационал имеет уже и сегодня в

СССР свою самую сильную, самую многочисленную и наиболее закаленную секцию²¹⁹. То был миф, в который страстно хотел верить вождь нового Интернационала.

Но нельзя не подчеркнуть важного политического момента: борясь за создание новой партии, Троцкий вел эту работу в контексте разоблачения тех политических сил, которые готовили войну. Еще в 1937 году он точно предсказал, что через два-три года разразится новая, вторая мировая война. Троцкий раньше, чем многие политики, разглядел, что приход фашистов к власти в Германии рано или поздно приведет к войне. Такие великолепные его работы, как "Германия — ключ к международной обстановке" (1931 г.), "Единственный путь" (1932 г.), "Что такое национал-социализм" (1933 г.), пророчески показали роковую роль нацизма²²⁰. Троцкий, возможно, первым дал глубокую характеристику фашизму как источнику войны. Еще в 1933 году он писал, что "Гитлер смог выдвинуться лишь за счет своего неукротимого темперамента, громкого голоса, самоуверенности, выступлений, звучавших то как молитвы, то как приказы. Невежество и национализм нашли отклик у обездоленных, сломленных, отчаявшихся людей, которым он обещал лучшую долю и величие. Неожиданно его поддержали массы"²²¹. Еще осенью 1938 года Троцкий пророчески предсказал, что "Сталин вскоре заключит союз с Адольфом Гитлером"²²². Как мы знаем, это пророчество изгнанника трагическим образом сбылось.

Троцкий видел приближение зловещего призрака войны, который приобретал все более реальные и грозные очертания. Но, увы, лидер международного левого движения искал спасения от мировой войны в... новой революции: "Если она не произойдет до войны, то сама война вызовет революцию, в результате которой рухнет как сталинский режим, так и фашистский"²²³. Изгнанник мыслил старыми догматическими категориями и всю многогранную социальную действительность по-прежнему стремился втиснуть в прокрустово ложе схемы мировой революции. Даже когда мировая война уже разразилась, в феврале 1940 года — последнего года своей жизни — Троцкий писал американскому экономисту Уэлшу: "В этот ужасный период разгула мирового шовинизма... единственным путем выживания человечества является путь социалистической революции"²²⁴.

В мировом политическом хоре все громче звучали металлические ноты милитаризма. Лишь одинокий голос далекого изгнанника с Американского континента тщетно пытался перекри-

чать лязг танковых гусениц. Но старые революционные молитвы в этом грохоте совершенно не были слышны. Троцкий, глядя далеко-далеко вперед, продолжал жить в иллюзорном мире навсегда ушедшей эпохи.

глава 3

«Пасынок» эпохи

Активнейший из революционеров оказался лишним и ненужным человеком в революционную эпоху. Это есть печальная судьба личности.

Н. Бердяев

Последние год-полтора своей жизни Троцкий нередко выходил поздно вечером с Натальей Ивановной во двор своей маленькой крепости. Они садились на деревянную скамейку, похожую на русскую, деревенскую, стоящую у стены дома, и молча смотрели на быстро опускающийся полог южной ночи. Молчали. Иногда перебрасывались несколькими фразами. Снова молчали.

О чем они думали и говорили? Наверное, этого теперь уже никто не скажет. Даже у обреченного человека остается великая, может быть, самая великая, роскошь — свободно думать, парить мыслью над прошлым и будущим. Это единственный атрибут свободы, который отнять никто не в состоянии — будь то диктатор или трагические обстоятельства. Хотя эта роскошь может быть мучительно горькой, невыносимо печальной... Может, изгнанник мысленно возвращался в далекую Яновку? Но с годами даже мысленно все труднее попасть в исчезнувший мир своего детства — с теплом матери и близких людей, уже ушедших в мир теней. Или он вспоминал свои дерзкие побеги из ссылки, революционные триумфы и скитания? Более трети прожитой жизни Троцкий провел вдали от родины... Увидит ли он ее когда-нибудь? Троцкий теперь не сомневался, что отторгнут от нее навсегда. И эта необратимость жгла сознание горячими углями воспоминаний, заставляла в спазме сжиматься горло. Где он допустил непростительный промах? Как он мог просмотреть Сталина?

О чем бы ни думал Троцкий, его мысль то и дело возвращалась к тем едва заметным "бугоркам", где он много лет назад едва заметно "запнулся". В феврале 1940 года Троцкий написал: "Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы.

разумеется, избежать тех или других ошибок..."¹ Но свой революционный фанатизм и большевистскую одержимость он был не в состоянии считать ошибкой.

Иногда, правда, приходили на память мелочи, не имевшие, казалось, никакого отношения к революции. Троцкому вспомнилось почему-то о расстрелянной семье русского царя, на что члены Политбюро дали санкцию, и в этой связи — о записке заместителя особоуполномоченного Совнаркома Базилевича из далекого марта 1922 года:

”Предреввоенсовета Республики тов. Троцкому

Доношу, что 8 марта в Оружейной палате при вскрытии ящичков с имуществом бывшей царицы — без всяких описей — оказалось по оценке представителя Гохрана Чинарева (драгоценностей. — Д.В.) на 300 млн. рублей золотом. Приглашенные ювелиры Котляр и Франц оценили следующим образом: если бы нашелся покупатель, который бы смог купить эти ценности как вещи, то оценка была бы в 458 700 000 золотых рублей... А коронационные ценности, те, что лежат в 2-х отдельных ящиках, — на 7 с липшим миллионов рублей...”²

Троцкий помнил, что буднично доложил этот документ Ленину, а тот, наверное, распорядился использовать сокровища на нужды мировой революции.... А еще через год, Троцкий это знал, начальник Гохрана А.Альский докладывал о выделении Коминтерну дополнительных сумм (главным образом, в виде ювелирных изделий) в размере 2 200 000 золотых рублей³. Боже, при чем здесь золото царицы, сановников и церквей, если мирового пожара зажечь так и не удалось!..

Наталья Ивановна тихо опускала свою руку на колено задумавшегося мужа и, как всегда, вводила Троцкого от горьких дум: еще есть шансы, не все потеряно, будем бороться до конца, я с тобой... Троцкий сжимал руку жене: да, полог небытия над будущим еще не опустился. Нужно думать о нем.

Исаак Дейчер в своей превосходной книге о Троцком называет его пророком. Есть все основания присвоить изгнаннику этот ”титул”. Но Троцкий был не только пророком. Некоторые его пророчества больше походят на утопические мечтания, заимствованные у итальянца Кампанеллы, французов Сен Симона и Мабли, англичанина Оуэна. Во времена Троцкого не писали, кажется, антиутопий, таких, как ”Прекрасный новый мир” О.Хаксли, ”1984” Дж.Оруэлла или ”Партия лото” Ю.Айхенвальда, которые, по сути, отвергли утопии-пророчества Троцкого. А может быть, если быть точным, отвергли не эти самобытные художники, а сама жизнь?

В речи, произнесенной 24 ноября 1920 года на заседании Исполкома Коминтерна, Троцкий, полемизируя с голландским коммунистом Гертером, назвал себя одним из “пасынков Восточной Европы”⁴. Он еще не знал, что окажется “пасынком” своей эпохи. А ведь в свое время он с великой надеждой называл ее “эпохой последнего штурма”!⁵

Пророк и пророчества

Троцкий был равнодушен к религии. Но Бердяев ошибается, утверждая, что Троцкий потому “ограничивается плоским замечанием, что не может найти психологического соприкосновения с людьми, которые умудряются одновременно признавать Дарвина и Троицу”⁶. Нет, о религии революционер говорил — и не раз — в своих речах и статьях, но его никогда не интересовали великие библейские пророки Исаия, Иеремия, Иезекииль и Даниил. Эти нави (пророки) были провозвестниками, объявляющими волю Бога. Правда, Всевышний обезопасил себя в Священном Писании: “Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей”.

Троцкий вещал от имени революции, за свою “дерзость” он мог рассчитывать только на марксистские индульгенции. И если в первой русской революции Троцкий мыслит и действует в ее национальных рамках, то уже с первых месяцев после победы Октября он зовет пролетариат Европы “сомкнуть ряды... под знаменем мира и социальной революции!”⁷. После создания III Интернационала, в начале 1919 года, Троцкий не перестает убеждать себя, очередной конгресс и весь мир, что это “великое начало торжества пролетариата”. В своей статье “Мысли о ходе пролетарской революции (в пути)” борец за великие перемены, как всегда, образно пишет: “История пошла по линии наименьшего сопротивления. Революционная эпоха ворвалась через наименее забаррикадированную дверь... Если сегодня центром Третьего Интернационала является Москва, то — мы в этом глубоко убеждены — завтра этот центр передвинется на Запад: в Берлин, Париж, Лондон... Международный коммунистический конгресс в Берлине или Париже будет

означать полное торжество пролетарской революции в Европе, а стало быть, и во всем мире”⁸.

Троцкий глубоко убежден в том, о чем пишет и о чем говорит. Его речи так зажигательны, что верят этому не только рабочие, солдаты, студенты, но верят и революционеры, собравшиеся на заседание конгресса. Верят потому, что страстно хотят увидеть пророчество Троцкого сбывшимся. Всем кажется, что этот провидец видит дальше всех и способен предвосхищать то, что закрыто взору других пеленой сегодняшних будней. Поздравляя рабочих и работниц всей планеты с Первым мая, Троцкий как великий пророк восклицает: “Да здравствует Коммунистический Интернационал, Красная Армия всемирной революции! Да здравствует мировая революция и международный союз пролетарских советских республик!”⁹. Троцкий говорит о мировой революции как о деле решенном, неизбежном, необратимом. Говорит и тогда, когда стало ясно: начался революционный спад, паводок революции стал уходить, обнажая бесчисленные мели заблуждений. Но его, Троцкого, это не смущает.

В 1923 году в Москве был создан институт имени Карла Либкнехта. Троцкого пригласили выступить на торжественном заседании института. Как всегда его встречают овацией. Он все еще популярен в массах. Основная тема выступления одного из вождей русской революции и здесь прозвучала громко. О чем же говорил Троцкий 24 июня 1923 года? Приведу фрагмент из его речи: “...сейчас рабочий класс Германии движется по асфальту, но руки и ноги у него связаны классовым рабством. Мы шагаем по рывтинам, по оврагам, по ямам, по лужам, а ноги свободны. Вот этим, товарищи, характеризуется наше отличие от европейского пролетариата... Мир, нас окружающий, мощнее нас, и буржуазия не сдаст своих позиций без жестоких боев. Бои будут тем страшнее, чем более будет усиливаться коммунистическая партия, а она усиливается... Приближение мировой коммунистической революции означает, что нам предстоит пройти еще через большие бои...”¹⁰

Идет огливл, а Троцкий говорит о приближении мировой революции. Он предрекает обострение классовых боев по мере усиления коммунистической партии. Эта мысль во многом перекликается с печально известным тезисом, который зловеще разовьет его вечный оппонент в 30-е годы. Пророчество Троцкого однозначно: мировая революция неизбежна, она приближается, она грядет. На чем же основывается такая уверенность коммунистического пророка?

Прежде всего, Троцкий, как и другие ортодоксальные российскийские революционеры, безоглядно, фанатично верил в марксизм. Все, что было сказано великими немцами, не подвергалось сомнению. Полагаю, что сами Маркс и Энгельс никогда не могли даже предположить, что их учение, творчество, переписка будут канонизированы. Каждая их мысль представляется большевикам глубоко пророческой. Как говорится в Книге Пророка Исаии, "всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: "прочитай ее"; и тот отвечает: "не могу, потому что она запечатана"¹¹. И хотя русские революционеры "распечатали" Марксовы книги, их смысл для них остался святым, как в Книге Пророка Исаии. Троцкий и его единоверцы могли подвергать сомнению все, кроме марксизма. Веря в марксизм, Троцкий верил и в его железобетонные догматические постулаты. В этом и заключается парадокс: обладатель безусловно мощного интеллекта стал пленником утопической Идеи, в которую он фанатично поверил.

Но разве этим пленником стал один Троцкий? 2 марта 1919 года в своей речи при открытии I Конгресса Коммунистического Интернационала Ленин прямо заявил: "...победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена"¹². Закрывая этот Конгресс через четыре дня, вождь русской революции выразился еще определеннее: "Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики"¹³. Его слова потонули в громе аплодисментов. Все верили, что всемирное счастье совсем близко. Оно рядом!

Уверенность Троцкого в осуществимости мировой коммунистической революции опиралась и на практический опыт. Та легкость, с которой большевики взяли власть, породила иллюзии, что этот исторический эксперимент можно повторить в любой стране. Да что в стране — во всем мире! Вначале эта уверенность как будто подтверждалась быстро поднимавшейся волной революционного движения на разных континентах. Возникли компартии. Вспыхнули революции в Венгрии, Германии, Китае. Оптимизм ленинского Интернационала захватил миллионы. Все это подпитывало веру Троцкого в возможность невозможного. Он полагал, что наряду с самой активной идейной работой Интернационала нужны и конкретные организационные шаги по революционному "раскачиванию" мирового сообщества. Он предлагает послать конный корпус в Индию для инициирования революции, разгромить белополяков и от-

крыть революционные ворота в Европу. Эти предложения не казались ему авантюрой.

Большевики пытались действовать на Западе, Юге, Востоке. Троцкий помнил, что после окончания I Конгресса Коминтерна Ленин написал в Туркестан Элиаве о необходимости спешно создать самостоятельную революционную базу: "Денег мы не пожалеем, пошлем довольно золота и золотых иностранных монет... Вести дело, конечно, архиконспиративно (как умели при царе работать...). Привет! Ленин"¹⁴. А затем пошло. Карахан даже вычислил, что стоимость командирования каждого агитатора в Северный Китай и Корею составляет 10 тысяч рублей золотом¹⁵. Для защиты Советской России и оказания помощи мировому пролетариату не хватало оружия. Троцкий предложил в октябре 1921 года дополнительно выделить 10 миллионов рублей золотом для закупки оружия в Америке. Ленин согласился¹⁶. Троцкий верил, что революционную волну удастся поднять еще выше...

Самое поразительное, что с годами пророчество Троцкого о возможности коммунистической мировой революции не ослабевало. В мае 1938 года, незадолго до созыва Учредительного конгресса IV Интернационала, Лев Давидович Троцкий написал в Койоакане пространную программу действий, которую предлагал обсудить Международному секретариату и национальным секциям. В программе, красноречиво названной "Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала", он утверждал, что "стратегическая задача Четвертого Интернационала состоит не в реформировании капитализма, а в его низвержении"¹⁷. Троцкий по-прежнему обвиняет социал-демократов в "пособничестве капитализму", отказывает профсоюзам в их революционной роли, призывает к созданию партий IV Интернационала и вооружению пролетариата. Он выражает уверенность, что выполнение этих требований создаст все необходимое для всемирной пролетарской революции. "Всеякие разговоры о том, что исторические условия еще "не созрели" для социализма, представляют собою продукт невежества или сознательного обмана. Объективные предпосылки пролетарской революции не только "созрели", но и начали подгнивать. Без социалистической революции, притом в ближайший исторический период, всей культуре человечества грозит катастрофа"¹⁸. Был бы готов авангард, заявляет Троцкий, а массы к революции уже готовы...

Сразу же после официального учреждения IV Интернационала Троцкий в своем приветствии американской партии троц-

кистев (“большевиков-ленинцев”), направленном 18 октября 1938 года, предсказывает, что устремленность новой международной организации к мировой революции в течение ближайших десяти лет... станет программой миллионов и они “умеют взять штурмом и землю, и небо!”¹⁹. Здесь Троцкий определяет уже конкретные временные рубежи начала очистительной планетарной революции.

Впрочем, он, как и Ленин, не раз пытался предвосхитить сроки прихода лучезарного будущего. И, как и Ленин, жестоко ошибался. Выступая на Всесоюзном съезде библиотекарей, Троцкий под веселый смех и аплодисменты говорил, что в силу большого культурного развития французский и английский пролетариат “лет через 10, 15, 20... — глядишь, а он нас в области социалистического строительства обскакал. Мы, конечно, в обиде несколько не будем. Сделайте ваше одолжение, обскакивайте, мы давно ожидаем...”²⁰ Так он говорил в 1924 году, определяя сроки коммунистического свершения. Но и спустя полтора десятилетия Троцкий, по сути, говорит о тех же сроках...

Началась вторая мировая война. Человечество сотрясилось от рокота в Европе танковых моторов, голос разума заглушался лязгом гусениц, а Троцкий и в этой ситуации видел выход только в революции... В феврале 1940 года он фиксирует для истории свою приверженность революционной идее в “Завещании”, где, в частности, говорится: “Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности”²¹.

Великий пророк великой утопической идеи... Страна, где Ленин, Троцкий и другие революционеры совершили социалистическую революцию, 70 лет, собрав все свои силы, оставляя на своем пути бесчисленные жертвы, двигалась к призрачной цели — коммунизму. Революции XX века — это великие социальные патологии движения... Если верно бессодержательное утверждение: “Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние”²², то в коммунизме мы уже пожили в течение семидесятилетнего эксперимента. Пожили и... пришли к крупной исторической неудаче, которую едва ли кто может оспаривать. Если же исходить из того, что “основным принципом” коммунизма, как утверждал Маркс, “является полное и свободное развитие каждого индивидуума”²³, то страна, где проходил этот социальный эксперимент, дала такую чудовищную картину духовного и физического надругательства над “индивидуумом”, какой история

прежде не знала. Трудно поверить, что это может когда-нибудь повториться.

Великий пророк и его главное пророчество опровергнуты не теорией, не логикой, а самой жизнью. Это не означает, однако, что коммунизм не будет существовать как разновидность утопического учения или как проявление общественной мысли. И Г.Мабли, и Ж.Мелье, и Т.Кампанелла, и Т.Мор, и Т.Дезами, так же как и позднее великие мыслители К.Маркс и Ф.Энгельс, подготавливали духовную почву для поисков подлинного народовластия, гуманизма и справедливости. Таким образом, у более реальной концепции гуманного и демократического социализма исторический шанс, возможно, сохраняется. Коммунистическая Утопия, в которую верил Троцкий (и все мы на протяжении десятилетий), не могла осуществиться не только потому, что методы, формы достижения целей оказались ошибочными, а у Сталина и просто преступными, а прежде всего потому, что в центре всего учения не стояла свобода как главная социальная, экономическая и духовная ценность. Принятие за исходное, фундаментальное положение коммунистического учения диктатуры пролетариата, которой до последних дней жизни поклонялся Троцкий, предопределило глубокую ошибочность прогноза "дерзкого пророка".

Больше всего Троцкий пророчествовал в отношении судеб своей родины, социализма в СССР, будущности Сталина. Нужно сразу сказать, что в этой области его прогнозы в значительной мере оказались верными, а что касается исторической судьбы советского диктатора, — глубоко провидческими.

Наиболее смелые и глубокие прогнозы развития процессов на своей родине Троцкий сделал в книге "Что такое СССР и куда он идет?", переработанный вариант которой назывался "Преданная революция". В своих рассуждениях изгнанник делает ряд парадоксальных выводов: "...подавление советской демократии всесильной бюрократией, как и разгром буржуазной демократии фашизмом, вызваны одной и той же причиной: промедлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним исторической задачи. Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собою симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга"²⁴. Знаменательное наблюдение! "Симметричные явления"...

Нынешний режим в стране, многократно повторяет Троцкий, не имеет будущего. "Чиновник ли съест рабочее государство, или же рабочий класс справится с чиновником? Так стоит

сейчас вопрос, от решения которого зависит судьба СССР"²⁵. Троцкий полагает, что в Советском Союзе "неизбежна политическая революция" (не социальная), которая изменит форму правления, устранив партийную и государственную бюрократию. Нужно, пишет Троцкий, "восстановить право критики и действительной свободы выборов", нужна "свобода советских партий", следует потеснить "дорогие игрушки" (строительство престижных дворцов) "в пользу рабочих жилищ". А также, прогнозирует революционный футуролог, "чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать. Наука и искусство освободятся от оков. Наконец, внешняя политика вернется к традициям революционного интернационализма"²⁶.

Многое из этого прогноза — устранение "бюрократического абсолютизма", свободное волеизъявление народа, гласность (по Троцкому, "свобода критики") — через десятилетия стало программой трудного обновления Советского государства. Троцкий, поднявшись над священным мифом мировой революции, ясно, осязаемо увидел, что то общество, которое строилось под руководством Сталина и его окружения, могло прийти только в тупик. Чувство исторической перспективы, социальной интуиции на сей раз ему не изменило: "Главная опасность для СССР — сталинизм"²⁷. В своей статье "Пора перейти в международное наступление против сталинизма" Троцкий убежденно пророчествует: "...мы уверенно бросаем вызов сталинской банде перед лицом всего человечества... Отдельные из нас могут еще пасть в этой борьбе. Но общий исход ее предопределен. Сталинизм будет раздавлен, разгромлен и покрыт бесчестьем навсегда"²⁸.

Думаю, пророчество Троцкого в отношении Сталина и сталинизма — одна из главных его заслуг перед историей. Хотя сам он никогда не упоминал о своем вкладе в бетон тоталитаризма. А этот вклад велик, после Ленина — второй по значимости. Тем не менее Троцкий стал разоблачителем... Когда казалось, что монолитная империя непоколебима, а положение ее вождя в высшей степени прочно, далекий изгнанник не переставал будоражить мировое общественное мнение, привлекая внимание к опасности диктаторства Сталина, предрекая ему неминуемый крах. Здесь, конечно же, говорила и личная неприязнь и даже ненависть. Но главное все же заключается в анализе советской действительности, международного положе-

ния СССР, глубоких противоречий, связанных с перерождением партии и государства.

Троцкий, где рациональным, а где и интуитивным путем, пришел к выводу о временном силовом укреплении системы "бюрократического абсолютизма". В таком, затянутом ремнями военной опасности и "карательных органов" режиме система долго существовать не может. А любое ослабление этой "хватки", этого диктаторского обруча, с неизбежностью приведет общество, народ, партию к осознанию непреходящего значения тех ценностей, которые в Советском Союзе давно утрачены: свобода, народовластие, уважение разномыслия. Пророчество в отношении Сталина и сталинизма поразительно не только по своему содержанию, категоричности выводов, но и по времени их оглашения. Уже в 1926-м, 1927-м, 1928 годах и позже Троцкий не устал говорить об обреченности сталинизма. Возможно, эта непреклонность в осуждении сталинского тоталитаризма, помноженная на истинное отражение действительности, является самой большой заслугой Троцкого перед историей.

Один из организаторов Красной Армии, затворник из Койоакана пристально следил за политическими маневрами государств накануне войны. Троцкий еще в начале 30-х годов предсказал неизбежность второй мировой войны. Пожалуй, наиболее поразительный прогноз грядущей войны, различных ее параметров содержится в статье Троцкого "Сталин — интендант Гитлера".

В ней он пишет, что "автор этих строк имеет право сослаться на непрерывный ряд собственных заявлений в мировой печати, начиная с 1933 года, на ту тему, что основной задачей внешней политики Сталина является достижение соглашения с Гитлером... Общие причины войны, — справедливо отмечает Троцкий, — заложены в непримиримых противоречиях мирового империализма. Однако непосредственным толчком к открытию военных действий явилось заключение советско-германского пакта... Сталин боится Гитлера. И боится не случайно. Армия обезглавлена. Это не фраза, а трагический факт. Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокружительной высоте он остался тем, кем был всегда: ограниченным провинциалом, без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора". Троцкий пишет далее, что "Пакт (о ненападении. — Д.В.) обеспечивает Гитлеру возможность пользоваться советским сырьем". Получается, ядо-

вито констатирует автор статьи, что “Гитлер ведет военные операции, Сталин выступает в качестве интенданта...”

Ссылаясь на раннее заявление Димитрова о том, что Берлин планирует наступательные операции, Троцкий заявляет: “Осенью 1941 г. Германия должна открыть наступление против Советского Союза”. Весьма вероятно, что через два года после оккупации Польши “Германия нападет на Советский Союз. В обмен за Польшу Гитлер предоставил Москве свободу действий в отношении балтийских лимитрофов*. Как ни велики, однако, эти “выгоды”, они имеют в лучшем случае конъюнктурный характер, и их единственной гарантией является подпись Риббентропа под клочком бумаги”²⁹.

Как бы мы ни относились к Троцкому, соглашаясь или ставя под сомнение его прогнозы, нельзя не отметить: они были сделаны еще летом 1939 года!

Троцкий в ряде своих статей о предвоенных годах, и особенно в материале “Двойная звезда: Гитлер — Сталин”, написанном в декабре 1939 года, но опубликованном только после его смерти, верно подметил маневры по периметру большого треугольника: СССР — Германия — западные демократии. Каждая из сторон пыталась обеспечить собственную безопасность за счет другого. Циничные торги, освященные декларациями, обман, дележ на “зоны интересов”, умалчивание и сокрытие истинных целей — все это с избытком присутствовало в дипломатической практике того времени. Пророчества, сделанные Троцким перед войной, очень походили на аналитические обзоры историков и политологов наших дней, исследующих события тех далеких уже, предвоенных лет. Но их разделяют десятилетия!

Судьба Троцкого после революции была тесно связана с армией. Поэтому не случайно, что он довольно часто обращается к военной теме. В упоминавшейся книге “Что такое СССР и куда он идет?” Троцкий в разделе “Красная Армия и ее доктрина” несколько раз упоминает М.Н.Тухачевского, выделяя его среди советского высшего командования. Автор книги вспоминает, что в 1921 году Тухачевский обращался к Коммунистическому Интернационалу с предложением создать при Президиуме ИККИ “Международный Генеральный штаб”. Затем это

---

* Лимитрофы — в 20—30-е гг. XX в. общее название буржуазных государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи после 1917 г. (Латвия, Литва, Эстония, Польша, Финляндия). — *Ред*

свое письмо молодой полководец опубликовал в сборнике статей с выразительным названием "Война классов". Бывший Председатель Реввоенсовета охарактеризовал Тухачевского как "талантливый, но склонный к излишней стремительности полководца"³⁰. Троцкий еще не знал, что примерно в это время за самым молодым (43-летним) Маршалом Советского Союза шла слежка, что его подозревали в каких-то тайных намерениях, хотя у органов еще не было ясности, каковы прегрешения Тухачевского. Были лишь какие-то "сигналы". Когда Тухачевский в начале 1936 года был в служебной поездке в Лондоне и Париже, начальник 1-го отдела Главного разведывательного управления РККА корпусной комиссар Штейнбрюк регулярно доносил Ворошилову о том, что пишет о маршале буржуазная пресса. Сделаю, однако, отступление.

В целом парижские газеты весьма благожелательно говорили о красавце-полководце, отличавшимся гибким умом и покорявшим всех своей галантностью. Красный карандаш Ворошилова многозначительно подчеркнул слова Тухачевского, сказанные им о французских офицерах, с которыми он находился в немецком плену во время первой мировой войны:

— Я никогда не забуду нашу дружбу. Мы встретились через двадцать лет, как у Дюма...

Товарищи по несчастью вспоминали подробности побегов, а затем Тухачевский сказал собеседнику:

— Вы приедете в Москву... Теперь мы не расстанемся на двадцать лет: теперь мы будем видеться гораздо чаще³¹.

Далее в подборке переводов из парижской прессы, услужливо положенной на стол наркома, есть такие слова: "Маршал Тухачевский, бывший поручик императорской гвардии, является, конечно, самым блестящим военным в СССР... В 26 лет он был главнокомандующим Красной Армии, которая шла к Варшаве..."³². Ворошилов, явно недовольный такой оценкой своего заместителя, жирно отчеркнул и эти фразы. Он их еще припомнит ему. В конце 1936 года Ворошилову стали известны и лестные отзывы Троцкого о Тухачевском.

Троцкий никогда не узнает о деталях скоропалительного судилища над М.Н.Тухачевским, И.Э.Якиром, И.П.Уборевичем, А.И.Корком, Р.П.Эйдемманом, Б.М.Фельдманом, В.М.Примаковым, В.К.Путной, состоявшегося 11 июня 1937 года. Но в целом он окажется прав, рассуждая о низкой степени готовности обезглавленной Красной Армии к войне с Гитлером. Я приведу лишь две-три выдержки из записки Маршала Советского Союза С.М.Буденного наркому обороны К.Е.Ворошилову. Буден-

ный входил в состав членов суда над Тухачевским и его “подельцами” и в своей записке изложил “свои впечатления по прошедшему процессу контрреволюционной военной фашистской организации”. Буденный, в частности, пишет, что “заговорщики ориентировались на Троцкого и его блок”. Докладная записка полна таких, например, характеристик, как эта: “Путна — это патентованный шпик, убежденный троцкист современного типа, действующего под знаменем фашизма”. Он сам заявил, пишет Буденный, что после гражданской войны “стал крепким сторонником Троцкого” и “считал: что говорит Троцкий — правда”. Примакову, оказывается, говорится в записке, “Троцким была поставлена более серьезная задача — поднять в Ленинграде вооруженное восстание... В связи с этим специальным заданием Троцкого, Примаков обрабатывал 25-ю кавдивизию во главе с командиром дивизии Зыбиным. По его словам, Зыбин должен был встретить на границе Троцкого при овладении повстанцами Ленинградом. Для этой же цели готовили одну стрелковую дивизию и механизированный корпус”³³.

В таком же ключе написана почти вся двадцатистраничная записка Буденного Ворошилову. “Легендарный красный конник” не жалеет бранных слов по адресу оклеветанных товарищей, особенно Тухачевского. Между тем сталинский маршал, видимо, случайно оставил в записке для будущих поколений историков интересную психологическую деталь. “Тухачевский, — пишет Буденный, — с самого начала суда, при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых, качал головой, подчеркивая тем самым, что дескать все это неправда, все не соответствует действительности”³⁴.

Прав был Троцкий: обезглавленной армии будет крайне тяжело противостоять вермахту. Ведь ворошиловы и буденные, которых Троцкий хорошо знал с времен гражданской войны, продемонстрируют свою полную несостоятельность на фронтах Великой Отечественной войны.

Я несколько отвлекся от пророчеств Троцкого, но, думаю, некоторые приведенные документы если не прямо, то косвенно подтверждают правоту оценок Троцким положения в военной сфере СССР, хотя о многом, что происходило в стране в конце 30-х годов, Троцкий не знал. Ну, например, мог ли он знать об этой записке наркома внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности Н.И.Ежова в адрес Маршала Советского Союза К.Е.Ворошилова:

“Комкор тов.Капуловский направил на мое имя из Киева письмо с просьбой принять его. Он был мною вызван в Моск-

ву, где в беседе со мною изложил ряд фактов, о которых я предложил ему написать.

Копии двух его заявлений при сем прилагаю.

*Ежов*³⁵.

Командир корпуса Иван Дмитриевич Капуловский, поручик царской армии, смелый офицер, затравленный подозрениями и близким арестом, писал просто фантастические вещи о Якире, Туровском, Шмидте, Гарькавом, Буравском, Примакове и других. Какая степень падения людей, доносивших один на другого! Что сделала с "красными командирами" сталинская система! Кстати, комкор Капуловский, написавший многостраничную записку на имя Ежова и приложивший к ней список на двадцать с лишним человек, не спас свою жизнь. В том же, 1937 году, он был арестован и расстрелян.

Оценка состояния Красной Армии Троцким была верной. Разве военная система могла быть прочной, если, допустим, было достаточно телеграммы начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД Миронова, командированного на Дальний Восток, чтобы указанные в ней Путьна, Карпель, Кашеев, Вольский, Коммендантов, Ефремов, Фрумкин, Максимов, Тулько, Горшков, Атто, Ионов были арестованы. Телеграмма Миронова заканчивалась зловещими словами: "Арест остальных подготавливаем"³⁶.

Троцкий, даже не зная всех этих и иных подробностей повседневных будней в стране, партии, армии, по отрывочным данным прессы весьма верно представлял картину происходящего в СССР. Если глобальное мышление Троцкого в вопросах мировой революции здорово его подвело, то в отношении собственной родины его прогноз и пророчества по главным пунктам оказались верны: сталинизм не имеет будущего, от войны с Гитлером стране не уйти, низвержение Сталина с исторического пьедестала будет страшным.

...Изгнанник, меряя быстрыми шагами небольшой двор своего унылого убежища, не мог не думать о судьбе своих пророчеств. Сбудутся ли они? Ведь от того, насколько близки они к грядущей реальности, зависел уже сегодняшний день... Видимо, есть рациональная мысль в парадоксе Ницше: "Наше будущее дает предписания нашему настоящему"³⁷. Вечно ускользающему настоящему, в котором жили гонимые ветром истории скопища людей. Облик многих из них Троцкий сохранил для потомков в своих словесных портретах.

Кисть портретиста

Наверное, трудно найти другого такого политического, общественного и государственного деятеля, как Троцкий, который оставил бы потомкам такое количество литературных портретов выдающихся личностей. По моим подсчетам, Троцкий написал их более ста. Они публиковались в советской и буржуазной печати, российских и зарубежных издательствах. Портреты людей, оставивших свой след в истории, появлялись в "Киевской мысли", "Новом мире", "Нашем слове", "Начале", "Луче", "Борьбе", "Коммунистическом Интернационале", "Правде", "Известиях", "Бюллетене оппозиции", выпусках "Война и революция", всевозможных сборниках, многих крупнейших западных газетах.

Наталья Ивановна была особенно большим почитателем литературного таланта мужа. Однажды в Париже, в 1934 году, прочтя очерк об Анатолии Васильевиче Луначарском, она, как вспоминали Росмеры, тихо воскликнула:

— Боже, до чего все люди разные в своей общей схожести!..

— Если бы люди были слишком одинаковы, — также громко ответил Лев Давидович, — человечество давно бы погибло.

Думаю, что в этом мимолетном словесном обмене содержится одна из разгадок "живучести" образов, созданных Троцким. Многие из них не затерялись в потемках истории лишь благодаря мастерству Троцкого. Едва ли кто хорошо помнил бы, например, Эдуарда Давида, Гуго Гаазе, Георгия Замысловского, генерала царской армии Александра Николаева, Семена Клячко и некоторых других, не коснись их судьбы перо Троцкого. Я совсем не хочу нанести посмертную обиду этим людям. Нет. Просто время безжалостно, оно слишком быстро уносит из человеческой памяти тех, кто прошел по нашей грешной земле. Хотите в этом убедиться? Пожалуйста, проверьте себя: назовите имя и отчество ваших прабабушки и прадедушки. Бьюсь об заклад, что если они не были знаменитыми при жизни или если вы не "выращиваете" в своем фамильном альбоме генеалогическое дерево, вы едва ли сможете назвать их.

По нашей планете прошагало и навсегда исчезло более семидесяти миллиардов землян. Абсолютное их большинство для нас совершенно неизвестно. Чем глубже пласт истории, тем она безымяннее. В наше время люди нередко задерживаются на ее поверхности не только потому, что они оставили в ней след

своими делами и мыслями, но и потому, что их образ запечатлен большим мастером.

Троцкий был именно большим мастером политического портрета. Хотя в предисловии к восьмому тому сочинений Троцкого "Политические силуэты" говорится, что это "статьи и очерки преимущественно о лицах. Эпоха освещается в них лишь попутно..."³⁸, трудно с этим согласиться. Я думаю, что самая большая ценность портретов Троцкого как раз и заключается в том, что ему поразительно хорошо удавалось через призму судьбы личности взглянуть на те или иные исторические события, на драму конкретного времени, на саму эпоху. Считая себя "пасынком" эпохи, Троцкий, как немногие другие, умел в нее вглядываться исключительно пронизательно.

Значительное большинство политических, исторических и литературных портретов написаны им за рубежом. Складывается впечатление, что как только Троцкий оказывался за пределами отечества, он особенно пристально, подчас и пристрастно, всматривался в лица людей, которые были с ним рядом, с которыми он плечом к плечу боролся за великую идею или с которыми непримиримо враждовал. Можно было бы сказать, что на чужбине у него стало больше времени для описания лиц, запавших ему в душу и сердце. Но, думаю, не это главное. Оказавшись в изгнании, Троцкий, набрасывая штрихи к очередному портрету, как бы спрашивал у себя и этого человека: на чем "запнулась" русская революция, большевистская партия, Ленин, наконец, он сам? Портреты несут в себе этот неясный, "внутренний" вопрос, на который и сегодня пока что никто не может дать удовлетворительного ответа.

Чьи портреты создавал Троцкий? Были ли среди них главные? Попытаюсь ответить на эти вопросы.

Троцкого интересовали не только те люди, которые находились на гребне исторической волны, но и те, с которыми пересекался его путь; он одинаково внимательно следил за людьми, которых ценил и которых презирал. Портретист имел обыкновение сказать художественное, поэтическое слово и о тех, кто заканчивал свой земной путь. В его восьмом томе, сборниках, отдельных брошюрах и очерках даны "силуэты" многих, очень многих людей. Это прежде всего люди, причастные к революции: Виктор, Фридрих и Фриц Адлеры, Жан Жорес, Карл Каутский, Франц Шумайер, Георгий Плеханов, Л.Мартов, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Яков Свердлов, Виктор Ногин, Франц Меринг, Михаил Фрунзе... — всех не перечить.

Троцкий не обходил вниманием и тех, кого не "жаловал", к

кому не испытывал симпатий. К ним относятся: Карл Каутский (он написал не единственный его портрет), граф Витте, Евно Азеф, Николай Второй, министры Хвостов и Сухомлинов, думские депутаты Пуришкевич, Гучков и Милоков. Особняком стоит портрет Гитлера, который Троцкий набросал во многих статьях и очерках.

Как бы на взлобке, подобно деревенской церкви, стоят портреты художников, литераторов, ученых. Они известны меньше, но написаны с блеском. Это портреты Василия Жуковского, Николая Гоголя, Александра Герцена, Николая Добролюбова, Глеба Успенского, Петра Боборыкина, Константина Бальмонта, Генрика Ибсена, Петра Струве, Леонида Андреева, Максима Горького, Анатолия Луначарского, Льва Толстого, Дмитрия Мережковского, Корнея Чуковского — всех и не перечислишь...

В последней эмиграции-изгнании ему пришлось написать немало портретов-некрологов на людей, которые ушли из жизни по чужой воле. Самый потрясающий, волнующий, страшно горький — портрет Льва Седова, своего старшего сына. Когда читаешь очерк, складывается впечатление, что Троцкий писал его кровью своего сердца. Он обжигает ненавистью к убийцам сына и неприкрытой болью за собственный “недосмотр”, за обрыв последней надежды; в нем и мольбы к молодым — не забудьте вашего товарища. (Я еще вернусь к нему.) Печальны портреты Игнатия Райсса, Рудольфа Клемента, Якова Блюмкина, Нины Воровской, Андреса Нина и многих других.

Но я не назвал два главных портрета, которые Троцкий так и не закончил. Это политические портреты Ленина и Сталина. Две большие работы остались незавершенными. Почему же Троцкому не удалось написать эти книги, хотя писал он их (с перерывами) много лет? Что ему помешало исполнить задуманное?

Троцкий намеревался написать книгу о Ленине еще при его жизни. Вскоре после принятого решения он отдал распоряжение Бутову и Сермуксу, чтобы они “собрали в отдельные папки” все бумаги, свидетельствующие об отношениях Ленина и Троцкого. Я уже писал, что после того как Троцкий накануне Октября примкнул к большевикам, у них с Лениным серьезных разногласий было не много.

Первые наброски книги о Ленине Троцкий сделал уже вскоре после его смерти. Вначале он хотел опубликовать просто книгу воспоминаний о Ленине. В фонде Троцкого сохранилась большая рукопись машинописного текста (объем более

200 страниц), которая включает в себя опубликованные и неопубликованные статьи ("В годы гражданской войны", "Вокруг 1905 года", "Разрозненные заметки", "Верное и фальшивое о Ленине", "Маленькие о большом" и др.), некоторые наброски, фрагменты, размышления, посвященные вождю революции. Отдельными небольшими изданиями (в сокращенном виде) эти материалы увидели свет в 1924 году, когда вышла книга "О Ленине. Материалы для биографа". Книга очень фрагментарна. Наиболее впечатляют материалы приложения: "О пятидесятилетнем", "О раненом", "О больном", "Об умершем". При этом, как пишет Троцкий, "целый ряд обстоятельств опущен мною сознательно как слишком близкое отношение к злобам сего дня"³⁹. Первоначально, видимо, Троцкий намеревался опубликовать эту книгу быстро, ибо на первой странице рукописи напечатано:

"С согласия Государственного издательства чистый доход с этого издания предназначен на нужды пострадавших от наводнения ленинградских рабочих и работниц.

16 октября 1924 года"⁴⁰.

В этом фонде — записки, направленные "вождями" друг другу. Они тщательно систематизированы еще секретарями Троцкого, хронологически выверены. Троцкий пишет: "Во время заседания, обмена речами Ленин прибегал к записочкам, чтобы навести справку, узнать чье-либо мнение и таким образом сэкономить время... Иногда такая записочка звучала, как пистолетный выстрел около уха..."⁴¹ Такая манера общения со многими, пишет Троцкий, "требовала чрезвычайного расхода энергии". Нередко Ленин сам писал письма, подписывал конверты и сам клеивал их.

Ленин рассказывал Троцкому, что он не любил работать со стенографистками:

— Не выходит, стесняюсь. Начнешь фразу, кончить сразу ее не можешь, а стенограф ждет, и это меня стесняет...

Обращения Ленина, записано у Троцкого, рождались "как письма, как остро-остро отточенные орудия момента..."⁴²

Некоторые наблюдения Троцкого, находящиеся в папках для книги о Ленине, весьма глубоки психологически, они своеобразно отмечают грани ленинского интеллекта:

"...На одном из заседаний Петербургского Совета 1905 года Ленин присутствовал в Вольном экономическом обществе, на невысокой галерее зала заседания. Помню ленинский глаз из-под руки, прощупывающий и взвешивающий (каждого) всякого, кто выступал и говорил; то был особенный взгляд —

взгляд е пристрастием, проникавший в подноготную, добравшийся до глубоких истоков мыслей и чувств оратора и в то же время попутно просвечивающий его самого..."⁴³

Или вот еще фрагмент незавершенной рукописи: "После Конгресса (имеется в виду IV Конгресс Коминтерна. — Д.В.) Ленин участвовал в работе еще около 3-х месяцев до начала января. В эти последние месяцы, когда пульсация кровеносных сосудов в мозгу прерывалась закупорками и спазмами, ленинская мысль пульсировала мощно и отчетливо, как в самые лучшие времена его творчества. Позже, когда Владимир Ильич лишился речи, мы говорили врачам, что последние его статьи и письма, написанные в эти недели, поражают своей проникновенностью мысли. Можно сказать, что из-под ленинского пера даже в самые тяжелые периоды болезни не вышло ни одной строки, которая обнаруживала бы признаки ослабления ленинской мысли или ленинской воли и вообще была бы ниже ленинского уровня"⁴⁴.

Троцкий пытался, набрасывая портрет Ленина, сделать особый акцент на его духовных качествах. Например, он сделал попытку сравнить Ленина с Марксом. Не знаю, кому как покажется, но мне подумалось, что в этом сопоставлении Ленин явно проиграл. В черновике статьи "Национальное в Ленине", подготовленной в апреле 1920 года для "Правды", есть такие слова: "...самый стиль Маркса, богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности, несет в себе литературные и эстетические направления всей предшествующей социально-политической немецкой литературы, начиная с Реформации и ранее.

Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уж, конечно, не рисовка, — это просто внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия. Это хозяйская, мужицкая деловитость, — только в грандиозном масштабе"⁴⁵. Почему так? Несколькими строками выше Троцкий еще и еще раз повторит свою старую мысль: "...наша история не дала в прошлом ни Лютера, ни Мюнцера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера. Именно поэтому русский пролетариат имеет своего Ленина..." Похоже, Троцкий хотел, но не решился сказать, что в отсутствие других корифеев фигура Ленина была более заметной.

Троцкий, много рассуждая о политических, волевых чертах Ленина, как-то неохотно касается его моральных качеств, часто

просто не замечая ленинского коварства, жестокости и нетерпимости. Он не возразил, когда по предложению Председателя Совнаркома было принято, например, такое постановление: "Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концентрационные лагеря... В.Ульянов (Ленин)"⁴⁶.

Однажды Ленин показал Председателю Реввоенсовета книгу Р.Леви "Троцкий", изданную в Париже. Вечером Лев Давидович пролистал ее, задержавшись на 160-й странице с ленинской пометкой. Там было написано: "...нескончаемые заседания 20 и 21 февраля, на которых противопоставлена тактика и сторонники Троцкого и Ленина. Первый проповедует священную войну; второй только хочет сохранить власть, которую он захватил..." Ленинская рука зло и ревниво подчеркнула слово "только" и написала на полях: "вот болван!!!"⁴⁷ Типично в ленинском духе абсолютной нетерпимости. Но Троцкий об этом не пишет...

Думаю, что Троцкий имел больше, чем кто-либо другой, прав и оснований написать наиболее обстоятельную, талантливую, неординарную книгу о Ленине. Ему было что сказать о человеке, с которым его четверть века связывали борьба, разногласия, острые ссоры, обидные взаимные уколы, сотрудничество, доверие, взаимное уважение и близость духа. Пожалуй, Троцкий первым сказал о серьезной опасности канонизации Ленина, которая вскоре после смерти вождя русской революции стала выражаться, по словам его ближайшего соратника, в "бюрократизации почитания и автоматизации отношения к Ленину и его учению"⁴⁸. Увы, голос предупреждения не был услышан. Крупный революционер, каковым несомненно был Ленин, человек, который часто ошибался, страдал, мучился, надеялся, но никогда не был земным богом, волею бюрократического абсолютизма превратился в икону, а его учение — в светскую религию. Тысячи бездарных монументов Ленина напоминали не о нем, а об идоле религиозной идеологии, о верности застывшим догматам. В конце концов это вызвало справедливый протест. Может быть, поэтому сейчас столь полярны взгляды на этого человека в нашем обществе. Все наши надежды и трагедии связаны в первую очередь с Лениным. Надежды, увы, не сбылись, а трагедий было в избытке.

В бумагах Троцкого то и дело встречаются письма, свидетельствующие о его намерениях "написать книгу о Ленине",

”ускорить работу над рукописью”, ”завершить наконец эту книгу” и т.д. Оказавшись на Принкипо, Троцкий пишет Росмеру, что хочет к осени написать книгу ”Ленин и эпигоны”⁴⁹. Здесь же он говорит, что подумывает также подготовить работу ”Личные характеристики (друзья и враги)”, где ленинский портрет должен занять особое место.

Он направляет письмо в парижское в издательство: ”Моя работа над Лениным не вышла и не скоро выйдет еще из подготовительной стадии. Для перевода я смогу дать первые главы вряд ли ранее июля... 20 февраля 1934”⁵⁰.

Увы, его пребывание во Франции мало располагало к творчеству. Месяцем раньше он пишет Саре Вебер в Америку: ”Наш переезд во Францию совпал с денежными затруднениями... В ближайшие месяцы $\frac{9}{10}$ моего времени будет посвящено работе о Ленине...”⁵¹

Так будет и в Норвегии, и в Мексике. Троцкому мешали текущие политические дела и обстоятельства: преследования, высылки, московские процессы и контрпроцесс, создание IV Интернационала, а затем и книга о Сталине. Троцкому не хотелось, чтобы книга о Ленине была скороспелой. Он слишком много связывал с ней. Я думаю, что после Принкипо Троцкий понимал, что окончит жизнь в изгнании. На какие-то неожиданные перемены в собственной стране оставалось все меньше и меньше надежд. С помощью книги о Ленине он хотел ”отчитаться” перед историей и доказать будущим поколениям свою правоту. Ленин оставался пока и в СССР, и в остальном мире фигурой исторического, эпохального масштаба. Этой книгой Троцкий не без основания хотел сказать, что он, второй человек после Ленина в русской революции, делал все, чтобы спасти ее плоды, идеалы, надежды. И книга та виделась ему особенной, а потому ее нельзя было написать за три-четыре месяца, как ”Преданную революцию”. Самое главное, Троцкий, судя по отрывкам, фрагментам, публикациям о Ленине, хотел показать — как они с Лениным пытались спасти революцию. Ленин и он, Троцкий. Это должна была быть книга о ”двух вождах” русской революции.

Можно возразить: ведь он уже написал о себе автобиографическую книгу ”Моя жизнь”? Да, написал. Но, видимо, очень поспешил. Такие книги обычно пишут в конце жизненного пути, когда подводят итоги. Ему была известна и сдержанная оценка его автопортрета крупными художниками. Николай Бердяев отозвался о ”Моей жизни” так: ”Книга написана для

прославления Л.Троцкого как великого революционера и еще более для унижения смертельного врага его Сталина как ничтожества и жалкого эпигона... Бесспорно, Л.Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ"⁵². Такова оценка замечательного русского мыслителя. Николай Валентинов в своей почти неизвестной для советского читателя книге "Малознакомый Ленин" пишет о вождях Октября по-другому: "Оригинальность Ленина в том, что в его самооценке отсутствовало столь обычное и у многих больших людей — мелкое самолюбие, самолюбование. А всего этого было изрядное количество, например, в Троцком, после Ленина виднейшей фигуре Октябрьской революции. Троцкому не было и 48 лет, когда он начал писать автобиографию, с тщеславием рассказывать о своей жизни и свершенных в ней революционных подвигах"⁵³. Думаю, автопортрет Троцкого прославил его не как революционера, а как талантливого писателя. Он это, видимо, знал, поэтому хотел сказать о себе глубже и полнее, работая над портретом Ленина. Но, увы, так и не закончил его...

Все последние годы, которые Троцкому отмерила судьба (а точнее, московский диктатор), изгнанник отчаянно боролся с преследованиями, травлей, высылками, угрозами, клеветой. Он не мог уйти из жизни, не ответив Сталину. Да, Троцкий написал много уничтожающих статей о кремлевском руководителе. Ни одна его большая политическая статья не обходилась без язвительных, резких, разоблачительных абзацев о Сталине. Он произнес множество гневных, уничтожающих речей о московском тиране, сделавшем Кремль своим Акрополем!.. Но этого было мало. Троцкий давно задумал большой капитальный труд о человеке, который олицетворял российский термидор, стал вдохновителем невиданного в истории террора в собственной стране, искалечил его, Троцкого, жизнь, отобрал у него практически всех родных и близких.

Уже в январе 1936 года он писал своим сторонникам: "Цезаризм был (если не бояться анахронистических выражений) бонапартизмом античного мира. Историческое развитие показало (этого еще не знали ни Маркс, ни Ленин), что бонапартизм возможен и на социальных основах пролетарской революции... Все говорит за то, что пролетариату придется в конце концов сбрасывать сталинскую бюрократию путем революции"⁵⁴. Еще в августе 1930 года Троцкий опубликовал большую

статью "К политической биографии Сталина"⁵⁵, которая явилась, по сути, кратким рефератом будущей книги.

Нужно отдать должное Троцкому: он хотел не просто показать Сталина Каином, но и высветить генетические истоки сталинизма как явления, олицетворившего "бюрократический абсолютизм".

Далеко не все получилось в этом произведении (написано было 11 глав, а вторая книга так и осталась незавершенной); в ряде мест присущий Троцкому талант публициста, историка, мыслителя как бы покинул его. Возможно, это одна из самых слабых книг Троцкого. Но согласитесь, трудно писать беспристрастно, если твое перо ежеминутно опускается в чернильницу ненависти. Но тем не менее, и это следует сказать особо, Троцкий верно определил многие истоки сталинизма — в сращивании государственного и партийного аппарата, в быстром усилении власти всесильной бюрократии, в ликвидации политических, духовных и идейных альтернатив в обществе. Но Троцкий был совершенно несамокритичен. Он не хотел и не умел говорить о собственных промахах. Во многих главных пороках системы, которые Троцкий стал критиковать после октября 1923 года, повинен он вместе с Лениным. Да, именно они, а также другие якобинцы русской революции. Немало его тоталитарных идей материализовалось в новом государстве. Он был одним из главных архитекторов "бюрократического абсолютизма". Троцкий никогда не говорил об этом, самом уязвимом, пункте своей биографии.

Свою высылку Троцкий, конечно, всегда считал незаконной. Правда, старший сын уже на Принкипо говорил отцу и матери: депортация в конечном итоге спасла им всем жизнь (добавлю, пока!). Но тем не менее практика высылки родилась еще при Троцком, и он не протестовал против нее, а, наоборот, одобрял.

В "секретном" фонде Ленина, насчитывавшем 3 724 неопубликованные работы, есть такая записка, набросанная химическим карандашом.

"Т. Сталин.

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п., я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решено ли "искоренить" всех энесов (народных социалистов. — Д.В.)? Поглехонова, Мекотина, Горнфельда, Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

То же А.Н.Потресов, Изгоев и все сотрудники "Экономиста" (Озеров и мн. другие). Меньшевики Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик (Мигуло или как-то в этом роде). Любовь Николаевна Родченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А.Рожков (надо его выслать, неисправим); С.Л.Франк (автор "Методологии"). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и пр. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго...

С ком.приветом, *Ленин*

17 июля 1922 г., Горки"⁵⁶.

Бессвязный текст Ленина, тем не менее, с пронзительной беспощадностью передает умонастроение главного вождя, наставляющего своего будущего преемника. Троцкий в то время считал это обычной "революционной практикой". Даже если Ленин знает "понаслышке", надо "выслать за границу безжалостно".

В своей статье "Наши разногласия", написанной в 1924 году, но не опубликованной сразу, Троцкий утверждал необходимость революционного радикализма революции: "Революции уже не раз погибали из-за мягкотелости, нерешительности, добродушия трудящихся масс... Революция может спастись, лишь перестроив самый характер свой на иной, более суровый лад и вооружившись мечом красного террора... Красный террор был необходимым орудием революции"⁵⁷.

Однако, оказавшись в изгнании, Троцкий справедливо клеймил террор Сталина, как бы оставляя за скобками свои старые взгляды на роль насилия в революционном переустройстве общества. В то же время Троцкий пытался говорить, что условия гражданской войны, когда он использовал насилие только против врагов, и мирная обстановка 30-х годов слишком разнятся по своему политическому содержанию. Что верно, то верно. Но даже спустя годы Троцкий продолжал защищать правомерность декрета 1918 года о заложниках. Так, в своей знаменитой статье "Их мораль и наша" он заявил, что декрет "был необходимой мерой в борьбе против угнетателей"⁵⁸.

Троцкий помнил, как однажды Ленин показал ему письмо мэтра анархизма Петра Кропоткина:

"Уважаемый Владимир Ильич!

В "Известиях" и "Правде" помещено заявление, извещающее, что Соввластью решено взять в заложники эсеров из груп-

пы Савинкова и Чернова... и в случае покушения на вождей Советов, решено “беспощадно истреблять этих заложников”.

Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее...”⁵⁹.

Троцкий посмотрел на резолюцию Ленина: “В архив... 21 дек. 1920 г.”. Соратник Ленина был с ним согласен и в этом вопросе.

В упорном стремлении Троцкого защитить “свое” насилие и осудить сталинское видна явная непоследовательность яростного критика Сталина. Хотя еще раз повторю — историческая обстановка, условия применения карательной силы действительно были различны.

Троцкий с большим трудом писал книгу о Сталине. Он не мог по-настоящему анализировать, сопоставлять, объективно рассматривать различные факторы и параметры, определяющие цвета, оттенки, черты зловещего портрета. Он жаловался Наталье Ивановне:

— Идет трудно. Невыносимо тяжело писать спокойно о негодяе. Легче вылить флакон черных чернил на лист бумаги. Я могу писать об этом Каине только так — и показывал при этом фрагменты статьи, которую он готовил. Там легким, ясным почерком были выделены строки: “Методы сталинизма доводят до конца, до высшего напряжения и, вместе, до абсурда все те приемы лжи, жестокости и подлости, которые составляют механику управления во всяком классовом обществе... Сталинизм — сгусток всех уродств исторического государства, его зловещая карикатура и отвратительная гримаса”⁶⁰.

Все сказанное Троцким о Сталине и сталинизме верно. Но когда говорится только о “политической гангрене сталинизма”, о том, что “Сталин — похмелье революции”, а “сталинизм — контрреволюционный бандитизм”, это постепенно начинает надоедать читателю. Ненависть — не лучший союзник художника и мастера.

Троцкий мучительно вспоминает последние дни своего членства в ЦК. Былое вновь высвечивает Сталина как главного организатора его травли. Он тщательно воспроизводит подробности: “В 1927 году официальные заседания ЦК превратились в поистине отвратительные зрелища. Никаких вопросов не обсуждалось по существу... Назначением двух официальных заседаний ЦК была травля оппозиции заранее распределенными ролями и речами. Тон этой травли становился все более необуз-

данным. Наиболее наглые члены высших учреждений непрерывно прерывали речи опытных лиц сперва бессмысленными повторениями обвинений, выкриками, а затем руганью, площадными ругательствами. Режиссером этого был Сталин. Он ходил за спиной президиума, поглядывая на тех, кому намечены выступления, и не скрывал своей радости, когда ругательства по адресу оппозиционеров принимали совершенно бесстыдный характер...⁶¹ Троцкий, работая над книгой, искал в памяти события, факты, которые могли бы побольше уколоть советского диктатора. Подчеркивая постоянно злобность и мстительность этого человека, он терял нечто важное, существенное. Но затем как бы спохватываясь и вновь возвращаясь к социально-политическому анализу сталинизма.

Троцкий был прав в главном — он, по сути, пришел к выводу, который время само сделало позднее, а именно: сталинизм, родившийся как попытка решительного исторического опережения, превратился в конечном счете в реальный факт огромного исторического отставания. Сравнивая Сталина с другими политическими деятелями, Троцкий отводит ему роль неприметного статиста: "Нынешние официальные приравнивания Сталина к Ленину — просто непристойность. Если исходить из размеров личности, то нельзя поставить Сталина на одну доску даже с Муссолини или Гитлером. Как ни скудны "идеи" фашизма, но оба победоносных вождя реакции, итальянский и германский, начинали сначала, проявляли инициативу, поднимали на ноги массы, пролагали новые пути. Ничего этого нельзя сказать о Сталине. Большевикскую партию создал Ленин. Сталин вырос из ее аппарата и неотделим от него..."⁶²

Портрет Сталина — последний из портретов, который Троцкий пытался написать, — как я уже говорил, не был закончен. Оригинал портрета смертельно боялся своей копии, рождавшейся под кистью-пером далекого мастера революции. Возможно, это единственный случай в истории, когда "натурщик" убивает художника до завершения портрета. Но весьма символично то, что Троцкий закончил свой земной путь, когда писал книгу о Сталине, развенчивая страшнейшего из тиранов. В портрете, который создало время, маски Троцкого — одни из самых заметных, уверенных и резких.

Литературно-политические портреты Троцкого читать очень интересно. Порой поражает афористическая точность исторических оценок: "...несчастье Плеханова шло из того же корня, что и бессмертная заслуга: он был предтечей. Он не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретиче-

ским предвестником. Он полемически отстаивал методы марксизма, но не имел возможности применять их в действии. Прожив несколько десятков лет в Швейцарии, он оставался русским эмигрантом”. Заканчивает очерк Троцкий призывом: “Пора, пора написать о Плеханове хорошую книгу”⁶³.

Порой Троцкий, верно отображая главную мысль при характеристике личности, кокетничает с фразой, демонстрирует свою виртуозность во владении словом. Вот, например, каким выглядит черновик его статьи о Жане Лонге, подготовленной в 1919 году для журнала “Коммунистический Интернационал”, с которым он одно время активно сотрудничал: “...теперь, когда класс открыто идет на класс, когда исторические идеи вооружены до зубов и решают свою тяжбу сталью, каким оскорбительным издевательством над нашей эпохой являются “социалисты” типа Лонге. Мы его только что видали: кланяется направо, расшаркивается налево, молится великому Гладстону, который обманывает Ирландию, склоняется перед своим физическим дедом Марксом, который презирал и ненавидел лицемера Гладстона, восхваляет царского наперсника Вивiani, первого министра президента империалистической войны, сочетает Ренана с русской революцией, Вильсона с Лениным, Вандервельде с Либкнехтом, подводит под “право народов” фундамент из рурского угля и тунисских костей и, проделывая все эти невероятные чудеса, перед которыми глотание зажженной пакли является детской забавой, Лонге остается самим собой, куртуазным воплощением официального социализма и увенчанием французского парламентаризма”⁶⁴. Такой большой текст — и всего две фразы! Стремление Троцкого показать “буржуазность” социализма Лонге вылилось, по существу, в демонстрацию эрудиции автора. Такие портреты в его реестре есть: там он не столько пишет о конкретном лице, сколько демонстрирует свою литературную технику и мастерство.

У Троцкого-портретиста исключительная образность и красочность письма. Но главное для него — политическая позиция героя. Вот что он пишет в своем очерке о Петре Струве, опубликованном в 1909 году: “Главный талант Струве или, если хотите, проклятие его природы в том, что он всегда действовал “по поручению”. Идеи-властительницы никогда не знал; зато всегда стоял к услугам выдвигающихся классов — для идеологических поручений... в будущем сможет утешаться разве лишь длинным политическим титулом своим в новом издании словаря Брокгауза: сперва марксист, затем либерал-идеалист, а

после того славянофил-антисемит и великороссийский империалист... из голыштинских выходцев"⁶⁵.

Большинство его портретов написаны только темными тонами или только светлыми. У него как у истого большевика была позиция: или союзник, или противник, или друг, или враг. И если враг — на портрете нет ни одного светлого пятна. В черновике статьи "Царская рать за охотой" Троцкий пишет о Николае II: "Тупой и запуганный, ничтожный и всесильный, весь во власти предрассудков, достойных эскимоса, с кровью, отравленной всеми пороками рода царских поколений..."⁶⁶ Чувство меры здесь явно изменило Троцкому. Не с тех ли пор у нас русского императора изображали абсолютным ничтожеством? Троцкий не хотел замечать сильных сторон облика последнего царя: невозмутимость в самых трагических ситуациях, мужество, державное достоинство и т.д. Но по Троцкому: раз император — значит, средоточие зла и низостей...

Троцкий понимал, что история — не просто смена времен и эпох. Это бесконечная галерея лиц, оставивших свой след на земле. В 1901—1902 годах Троцкий сделал ряд набросков к портретам В.А.Жуковского, Н.В.Гоголя, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, очень любимого им Г.И.Успенского. Для всех их характерны многоцветность, разнообразие оттенков и в то же время интеллектуальная расплывчатость, акцентирование внимания лишь на каком-то нюансе характера или судьбы. В этих работах Бронштейн (тогда он еще не был Троцким) предстает как начинающий импрессионист, быстро накладывающий свои впечатления-мазки на полотно.

Работая, например, над очерком о Жуковском, молодой литератор "нажимает" на его романтизм: писатель "приспособил к русскому климату немецких и английских чертей — и тем насадил в России романтизм". Каков романтизм Жуковского? "Это — желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несовершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченном счастье, которое бог знает в чем состояло... Всю свою жизнь писатель прожил в оранжерейной атмосфере... И во всю жизнь, во всю долгую жизнь Жуковского, кошмары крепостного права не тревожили его поэтического полусна"⁶⁷.

Иногда молодому публицисту удается одной-двумя фразами сказать во сто крат больше, чем кому-нибудь другому: "...Гоголь-сердцевед, Гоголь-юморист, Гоголь-реалист, выведший на лобное место всероссийскую пошлость, узость, бездельность, маниловщину... Кто посмеет бросить ныне камень

осуждения в великого мученика совести, который так страстно искал истины и ценой таких страданий покупал заблуждение?"⁶⁸ Поразительно умение совсем молодого Троцкого в парадоксально-афористической форме ярко высветить основную черту личности, портрет которой он создавал: "великий мученик совести..."

О Герцене Троцкий написал то, что сегодня в какой-то степени можно отнести и к нему самому: "Мы, по-видимому, vstupаем в "эпоху" реставрации или, пожалуй, легализации Герцена, что естественным образом создает или обновляет некоторый культ его личности. Мы искренно и глубоко убеждены, что личность Герцена настолько громадна, выпукла, заслуги его в истории развития русского общественного самосознания столь велики, что исключают надобность и возможность какой бы то ни было переоценки, преувеличения..."⁶⁹ Троцкий не мог знать, что в некотором смысле он в чем-то повторит общественную судьбу Герцена. Конечно, его "Бюллетень оппозиции" не был так возвышен как "Колокол" Герцена, но их роднила мятежность духа и тоска по свободе для родины. Хотя для революционера XX века свобода была закована в классовые обручи, а у Герцена она витала высоко над извечным эгоизмом социальных групп.

Охватывая своим взором целую эпоху мастеров слова, Троцкий явно не симпатизирует декадансу, мистике, глубоко субъективной философичности целого ряда видных русских литераторов в начале нынешнего столетия. Особенно достается Константину Бальмонту и Дмитрию Мережковскому. В очерке "О Бальмонте" Троцкий сыграл с поэтом злую шутку: напечатал в начале статьи стихотворение Бальмонта в шестнадцать строк; при этом последнее четверостишие поставил первым, третье — вторым и т.д. Другими словами, "перестроил" стих. И спрашивает, заметил ли это читатель. Действительно, не зная стихотворения, обнаружить это невозможно. Троцкий в восторге: он "доказал", что Бальмонт — верный носитель декадентского идеала, который "эмансипирует" поэтическую строку от здравого смысла..."⁷⁰

"Подковырнув" таким образом своеобразного поэта, Троцкий откровенно высмеивает формалистические увлечения Бальмонта, который "беззаботно приплясывает" в такт стиху и "приседает на рифмах". Читая очерк о поэте, закончившем свою жизнь, как и Троцкий, в изгнании, еще раз убеждаешься: неординарным, нестандартным, необычным людям и самобытному таланту всегда жить трудно. Усредненность.

обычность, конформность не вызывают столь ядовитых тирад. Но... их носители редко удостаиваются собственных портретов.

Троцкий давно интересовался публикациями Дмитрия Мережковского и его жены, Зинаиды Гипшиус. Она интересовала Троцкого не столько как поэтесса (к ее стихам он относился насмешливо-иронически), сколько как писательница-портретистка. Будучи уже на Принкипо, изгнанник с интересом прочел воспоминания этой женщины о великих современниках, которых она знала лично, — о А.Блоке, А.Белом, Ф.Сологубе, В.Розанове, Л.Толстом, А.Чехове и других. Книга называлась "Живые лица. Синяя книга: петербургский дневник 1914—1918" (напечатана в Белграде). Троцкий не мог не отдать должного мастерству и наблюдательности писательницы, не преминув, правда, высмеять ее мистику, о которой интеллигенция Петербурга еще на пороге века рассказывала анекдоты. Многие знали, что для Гипшиус число "9" было кошмаром. Оно, как писала поэтесса, преследовало ее всю жизнь. В этой цифре ей виделся перст Провидения. Возможно, что так все и было. Троцкий никогда не узнает, что ее муж, Дмитрий Мережковский, умрет 9 декабря 1941 года, а она сама — 9 сентября 1945 года...

Дочь обер-прокурора Сената Николая Романовича Гипшиуса, выходца из Мекленбурга, горячо встретив Февраль 1917 года, отпрянула от Октября со страхом и ужасом:

*Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.
Столпы, радители, воители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.
Мы стали псами подзаборными
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель пути...?"*

Стихотворение датировано 9 ноября 1917 года. Троцкий отчеркнул в сборнике эти четверостишия, негодуюя. Ему, архитектору русской революции, было трудно понять, что это страшный облик того времени...

Он явно не принимал творчества Мережковских, но... часто к нему обращался. Когда после депортации начались его скита-

ния и Троцкий оказался во Франции, он несколько раз спрашивал старшего сына:

— Что слышно о Мережковских? Так же пописывают камерные романы и стихи? И так же с антисоветским акцентом?

Седов не мог ответить на подобные вопросы: ему было не до Мережковского и Гиппиус...

Что касается Мережковских, то их, в свою очередь, мало интересовал Троцкий. Он был одним из тех, кто лишил их почти всего. Когда я положил скромные цветы на неухоженные могилы З.Гиппиус и Д.Мережковского, навечно оставшихся в аллеях русского кладбища Сен-Женевьев де Буа, то подумал: эти наши соотечественники никогда не смогли принять того, с чем согласились все мы. Отрицая нарождающуюся реальность несвободы, они оказались исторически правы.

Троцкий не хотел понять Мережковского — оригинального художника и мыслителя, утверждавшего, что каждый человек пуст без Бога. На это портретист отвечал:

— Меж фундаментом культуры и куполом мистики, там где должна помещаться “правда о спасении общественности”, у него царит откровенная пустота, которую наполнить он раз и навсегда бессилён⁷².

Троцкий несправедлив к Мережковскому. Он всегда категоричен. В его оценках нет и тени сомнения. Ведь он не критик, а революционер!

Портреты Троцкого — ясные реалистические полотна. Многие из них оптимистичны. Гораздо больше — ядовито саркастических. Немало полотен, которые подобны реквиему. Как я уже говорил, самый потрясающий и ошеломляющий — портрет старшего сына Льва Львовича Седова. Очерк озаглавлен красноречиво: “Лев Седов. Сын, друг, борец”. Думаю, что портрет сына — один из самых лучших в бесконечно длинной галерее словесных образов, созданных Троцким.

Когда читаешь внешне простые строки о жизни мальчику-юноши, то перед мысленным взором бегут немые черно-белые кадры тогдашней революционной хроники: “...его отрочество проходило под высоким давлением. Он прибавил себе год, чтобы поскорее вступить в комсомол, который кипел тогда всеми страстями пробужденной молодежи. Молодые булочки, среди которых он вел пропаганду, награждали его свежей булкой, и он радостно приносил ее под порванным локтем своей куртки. Это были жгучие и холодные, великие и голодные годы. По собственной воле Лев ушел из Кремля в пролетарское студенческое общежитие, чтоб не отличаться от дру-

гих. Он отказывался садиться с нами в автомобиль, чтоб не пользоваться этой привилегией бюрократов. Зато он принимал ревностное участие во всех субботниках и других "трудовых мобилизациях", счищал с московских улиц снег, "ликвидировал" неграмотность, разгружал из вагонов хлеб и дрова, а позже, в качестве студента-политехника, ремонтировал паровозы..." В конце очерка слова: "Мы не верим, что его больше нет, и плачем, потому что не верить нельзя... Вместе с нашим мальчиком умерло все, что еще оставалось молодого в нас самих..."⁷³

Читая очерки-портреты Троцкого, нельзя быть равнодушным. Перо большого мастера заставляет читателя удивляться, негодовать, страдать, восхищаться, поражаться, спорить с автором, соглашаться и снова категорически спорить. Природа была щедра к нему: она наделила его не только способностью глубоко, гибко и широко мыслить, но и самым активным образом реализовывать свои мысли. Троцкий любил писать очерки о людях. Делал он это по какому-то внутреннему зову. Портреты не похожи один на другой не только потому, что "натурщики" были разными людьми. Дело в том, что Троцкий каждый раз занимал новую, оригинальную позицию, менял ракурс, угол интеллектуального "освещения".

Троцкого часто уговаривали написать о конкретном лице. Весной 1924 года, например, Л.Л.Авербах попросил его написать очерк о Я.М.Свердлове, попутно поставив ряд писательских, литературных вопросов. Троцкий отказался. Вероятнее всего, он бы написал панегирик, хотя во ВЦИКе все знали, что Свердлов как революционер был беспощаден и страшен в повседневных делах. Его подпись стоит на ряде документов, решивших судьбы многих, многих людей.

Это за его подписью пошла на Дон печально известная директива ЦК от 24 января 1919 года о расказачивании, которая требовала физического уничтожения многих тысяч казаков. Это после его "команд" появились страшные документальные свидетельства, подобные этому:

"Москва, Енукидзе

Сегодня прибыли в Орел из Грозного 403 человека мужчин и женщин казачьего населения в возрасте 14—17 лет для заключения в концлагерь без всяких документов за восстание..."⁷⁴ Страшно читать эти телеграммы и семь десятилетий спустя...

Свердлов, этот якобинец из Нижнего Новгорода, сын

ремесленника-гравера и печатника, видел смысл революции в беспощадности к себе и другим.

Авербах получил письмо, в котором Троцкий отвечает критику: “Литература прежде всего расширяет *поле* зрения и лишь отчасти и далеко не всегда воздействует на *угол* зрения... Литература не есть микрокосм, а есть часть макрокосма...”

В словах этих, не бесспорных, но очень глубоких, Троцкий выражает свое отношение к политическому и литературному портрету. Кстати, в том же письме Троцкий весьма своеобразно и откровенно характеризует Горького (в изгнании он напишет о нем очерк): “Коммунистический характер произведений Горького более чем сомнителен. В них много анархо-индивидуализма, обывательской ограниченности, скрытой мистики и пр. Это было бы опасно и заставило бы нас поставить крест на Горьком, если бы воспитание пролетариата определялось целиком или главным образом литературой...”⁷⁵

Для Троцкого портрет исторической личности — это ее социальная и художественная оценка, своего рода “приговор” вечности, которая редко дает отсрочки платежей по моральным векселям. По сути, Троцкий, создавая портреты, как бы корректировал (а часто и пересматривал) марксистский тезис о “решающей роли народных масс”, исподволь “заселяя” историю людьми, прошедшими по земле и оставившими на ней свой след. В храме цивилизации, который Троцкий намеревался сделать коммунистическим, по его мнению, должны быть массы и личности. И хотя очеркист не раз критиковал Михайловского и Карлейля за преувеличение значения в истории роли личностей, своей политической и литературной практикой он говорил в значительной мере другое.

Как бы мы ни относились к портретам Троцкого и к нему самому, нельзя не признать: это не манекены, не тени, не плакатные фигуры. Возможно, главным достоинством его портретов является способность отражать то, что описать крайне трудно: работу мысли его “натурщика”. Троцкий понимал, что каждая личность — это бесконечный лабиринт мыслей, в котором, однако, всегда видна цельная “система”. Люди у Троцкого — персонажи исторической драмы, в которой сам автор был и героем, и неудачником, и режиссером, и сценаристом. Изгнанник давно стал вглядываться в зеркало истории. Взгляд его был зорким, пронизательным, хотя собственное изображение нередко заслоняло или даже искажало события драмы, участником которой он был.

Летописец революции

Патриарх исторической науки Геродот считал, что задача летописца состоит в том, "чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях..."⁷⁶ Геродот, созерцая греко-персидские войны (500—449 гг. до н.э.), стал писать "истории". Троцкий, который по праву является выдающимся историком, не просто созерцал, а творил то, о чем он затем спешил поведать людям.

На всех исторических описаниях революционера лежит печать личного опыта. Может быть, поэтому, обращаясь к историческим сочинениям Троцкого, мы не только сухо отмечаем "этапы", "периоды", "эпохи" человеческой эволюции, как бывает при чтении обычной исторической литературы, но чувствуем борение страстей, волю, интеллектов людей, прошедших по сцене бытия. История по Троцкому — это бесконечная галерея лиц, сражающихся, смятенных, одержимых, действующих в соответствии с объективными законами развития. Троцкий всем своим творчеством старался показать, что история развивается "по Марксу" не в фатальном смысле, а с точки зрения закономерности ее "технологии". По сравнению со многими писателями периода русских революций Троцкий никогда не ограничивается событийной летописью. Он стремится подняться до высот философии истории. Прошлое для него — это всегда драма идей и драма людей.

Я не знаю ни одного марксиста, который бы так подробно, масштабно и увлеченно описал все три русские революции. К ним можно относиться по-разному, но нельзя не признать: в книгах Троцкого изложена большевистская версия революций. Не поняв эту версию, трудно понять советское прошлое. О первой революции Троцким написано множество статей. Это, пожалуй, еще не "история" в собственном смысле слова, а горячие "сводки" с поля боя, которые по прошествии десятилетий стали летописью первого штурма самодержавия. "Революция пришла, — писал Троцкий, — и закончила период нашего политического детства. Она сдала в архив наш традиционный либерализм с его единственным достоинством: верой в счастливую смену правительственных фигур"⁷⁷. Троцкий как революционный радикал полагал, что была возможность всероссийского восстания, но этому помешал ряд обстоятельств, и особенно — нерешительность демократических либералов. Поэтому "наша

борьба за революцию, — подчеркивал Троцкий в статье “Что же дальше?”, — наша подготовка к революции будет... беспощадной борьбой с либерализмом за влияние на массы...”⁷⁸

Троцкий своими статьями о первой русской революции представляет потомкам широчайшую панораму событий, процессов, лиц, противоборств. Это статьи о Булыгинской Думе*, профессоре П.Н.Миллюкове, октябрьской стачке; речи на заседаниях Совета рабочих депутатов, ответы Витте; статьи о “Сыне Отечества” и “Новом времени”, о Георгии Плеханове и Петре Струве... Летопись революции пока бессистемна, фрагментарна, стихийна. Повторюсь: это еще не собственно “писаная” история, а ее импульсивное отражение. Тем не менее для человека, интересующегося историческим срезом того времени, многочисленные статьи Троцкого о первой русской революции — богатая пища для размышлений. В своем письме в Истпарт, направленном в августе 1921 года, Троцкий уже спустя полтора десятилетия после революционных событий начала века делает важные дополнения и оценки по поводу минувшего⁷⁹. Он как бы примеряется к мантии летописца. Но в этих исторических заметках пока почти что отсутствует он сам. Лишь изредка говорит Троцкий о себе. Исторический эгоцентризм, в котором позже биографы не без оснований начнут обвинять революционера, пока еще отсутствует.

Первую серьезную попытку рассказать об Октябрьской революции Троцкий предпринял уже через несколько месяцев после памятных событий драматической ночи с 25 на 26 октября 1917 года. Находясь на переговорах в Брест-Литовске, он вечерами готовил очерк, который вышел в виде небольшой книжки, выдержавшей много изданий в России и за рубежом.

Настоящим историком Троцкий стал в 50 лет. К этому времени переменчивая судьба испытывала его на духовную прочность. По мнению наиболее серьезных исследователей жизни и трудов Троцкого, к лучшим книгам из всего созданного им относится “История русской революции” в двух томах и автобио-

---

* Булыгинская Дума — проектировавшийся высший законо-совещательный представительный орган Российской империи. Проект закона об учреждении Думы и положение о выборах в нее разработаны в июле 1905 г. министром внутренних дел А.Г.Булыгиным. Созыв Думы был сорван революционными событиями октября—декабря 1905 г. — *Ред.*

графическая двухтомная книга "Моя жизнь". Даже если бы изгнанник не написал больше ничего, кроме этих работ, его имя навсегда бы осталось в ряду талантливых исторических писателей. Почти в 50 главах и приложениях обширного труда о революциях 1917 года Троцкий развертывает огромное полотно в двух актах: Февраль и Октябрь. Сейчас единственный черновик этой работы находится в архиве Гуверовского института по проблемам войны, революции и мира при Стэнфордском университете. Почему документы Троцкого оказались там?

Дело в том, что Борис Николаевский, перебравшийся в США еще до войны, продал в 1963 году "свой" архив этому институту. Каким образом рукописи Троцкого попали к Николаевскому, не совсем ясно. Как я писал раньше, Троцкий, перед тем как перебраться в Норвегию, передал часть архива Институту исторических исследований на улице Мишле, 7, в Париже. Там работал и Николаевский. Архив этого института в ночь с 6 на 7 ноября 1936 года был разграблен. Куда девались многие рукописи, статьи, письма ("весом в 80 кг", как писал Л.Седов), теперь мы знаем. Все они — в подлинниках или в копиях — перекочевали по частям в Москву. Многие документы докладывались лично Сталину. Роль М.Зборовского в этой длительной операции нам известна. В почте, которую ежедневно доставлял вождем А.Н.Поскребышев, не раз встречались доклады такого рода:

"Совершенно секретно.

Секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Сталину.

Направляю Вам 103 письма, изъятые из архива Троцкого в Париже.

Письма содержат переписку Троцкого с американским троцкистом Истменом и его женой Еленой Васильевной Крыленко за 1929—1933 гг.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

*Ежов*⁸⁰.

Ну а как некоторые материалы попали к Николаевскому?

Борис Николаевский, который пережил Троцкого на 26 лет, увлекался коллекционированием редких документов, фотографий, писем о российском революционном движении. В США он оказался в год смерти Троцкого и вместе со своей женой, Анной Бургиной, неплохо классифицировал архив, который, повторю, в 1963 году он продал Гуверовскому институту. Здесь в основном рукописи его книг и писем первой половины последней эмиграции. О коллекции Николаевского существует инте-

ресная публикация американских ученых Дейла Рида и Майкла Якобсона⁸¹.

Во всяком случае, нет данных о том, что Троцкий лично сам передавал Николаевскому бумаги. Думаю, что “хранитель документов” кое-что прихватил для своей коллекции. А таких документов при передаче в Гуверовский институт оказалось более четырехсот, главным образом тех, что были написаны на Принкипо. “История русской революции” — главный раритет этой коллекции.

Впрочем, на то, куда и как исчез архив, проливает свет одно пространное донесение Зборовского в Москву, направленное 7 ноября 1936 года. Вот вкратце изложение доклада, хранящегося в архивах НКВД:

“В 12 часов дня меня вызвал “Сынок” (Л.Седов. — *Д.В.*). В кафе пришла также “Соседка” (Л.Эстрин. — *Д.В.*). “Сынок” заявляет, что ночью ГПУ выкрало архив “Старика” из Института. “Сынок” тут же говорит, что знали всего четыре человека о местонахождении архива: он, “Соседка”, Николаевский и я. Первые три человека — вне подозрений. Остается — “Мак” (Зборовский. — *Д.В.*). Его мы знаем всего два года... Но, помолчав, “Сынок” говорит, что лично питает к “Маку” стопроцентное доверие. Нужно проверить, цел ли второй архив, хранящийся в конспиративном месте. (Здесь на полях пометка “Мака”: “Этот архив нами уже сфотографирован”. — *Д.В.*) Их беспокоит следствие полиции, которая едва ли найдет архив, но вскрыет нечто другое.

Мне стало известно, что в мое отсутствие Николаевский, “Сынок” и “Соседка” обсуждали возможность похищения архива “Маком”. Но в конце концов отвергли это подозрение, а в полиции все заявили: “Это дело рук ГПУ”. Когда же им намекнули на “Мака”, “Соседка” заявила: “Ни в коем случае. Нужно быть гениальным, чтобы так играть в течение двух лет. Я прекрасно помню, как он реагировал на расстрелы в Москве...”⁸²

Таким путем, через агентуру НКВД основная часть архивов оказалась в Москве. (Я уже приводил некоторые документы из этого массива.) Кроме того, часть бумаг Троцкого осела у Б.Николаевского — “посредника” между Седовым и парижским институтом. После смерти Троцкого Николаевский, видимо, счел возможным распорядиться ими по своему усмотрению. Хотя французская полиция заподозрила в пропаже архивов прежде всего Б.Суварина, который, по ее мнению, являлся “опасным коммунистом”⁸³. Так вот, в гуверовской коллекции

хранится рукопись "Истории русской революции", попавшая туда через Николаевского...

Что можно сказать об этой главной исторической работе Троцкого? Лаконичные заголовки труда точны: "Парадокс февральской революции", "Царь и царица", "Агония монархии"... Философия истории Февральской (как и Октябрьской) революции жестко втиснута Троцким в канонические рамки марксистской теории. Этим "История" Троцкого изначально ограничена и сужена. Своей заданностью она заранее признает любую иную трактовку ошибочной. "Вся суть в том, — писал в 1930 году на Принкипо Троцкий, — что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции. История Февральской революции есть история того, как октябрьское ядро освобождалось от своих соглашательских пороков. Если бы вульгарные демократы посмели объективно изложить ход событий, они также мало могли бы призывать кого-либо вернуться к Февралю, как нельзя призывать колос вернуться в породившее его зерно"⁸⁴.

Историческая безапелляционность Троцкого, свойственная ему как ортодоксальному марксисту, выглядит сегодня по меньшей мере сомнительной. Свою концептуальную идею он старается рельефнее высветить на фоне ушербных, по его мнению, изысков буржуазных писателей. И это очень характерно для его методологии. Представляя в "Предисловии" читателю свою историю Февральской революции, он упоминает о странном труде на ту же тему бывшего лидера кадетов Павла Николаевича Милюкова. Но его труд "о Февральской революции, — однозначно оценивает Троцкий, — ни в каком смысле нельзя считать научным трудом. Вождь либерализма выступает в своей "Истории" как потерпевший, как истец, но не как историк. Его три книги читаются, как растянутая передовица "Речи" в дни крушения корниловщины". Милюкову, пишет Троцкий, "не остается в конце концов ничего иного, как обвинить русский народ в том, что он совершил преступление, именуемое революцией"⁸⁵.

Предопределенность оценок, выводов Троцкого нередко вызывает сильный протест беспристрастного читателя. Политическая заданность, классовая ограниченность, абсолютная уверенность в своей исторической правоте априори — самая слабая сторона этого выдающегося исторического произведения. Придерживаясь памятных вех, остроумно и оригинально описывая калейдоскоп событий 1917 года, автор настойчиво, многократно, однозначно проводит чрезвычайно сомнительную

мысль: Февральская революция была обречена. "К исходу четвертого месяца, — утверждает Троцкий, — Февральская революция уже политически исчерпала себя"⁸⁶.

Революционер-историк, находясь в тисках своих взглядов и мировоззрения, не хочет видеть: Февраль лишь приоткрыл дверь в храм демократии. Он не хочет понять: Октябрьскую революцию сотворили не большевики, а прежде всего империалистическая война, слабая власть, глубочайший кризис общества, возмущение "низов". Большевики, ведомые Лениным и Троцким, оказались наиболее предприимчивой и радикально настроенной силой, которая использовала эти обстоятельства. Но Троцкий не хочет ни понять, ни признать, что в самом акте "перескакивания" через демократический этап коренилась величайшая опасность — преклонение перед насилием. Революция, а не реформы, диктатура, а не демократия, беспепелляционная историческая правота, а не сомнение — вот что характеризовало кредо большевиков, которые вскоре без сожаления расстались и со своим политическим союзником — левыми эсерами.

Троцкий видел в насилии глубинную пружину революции. Раз эта пружина приводится в действие пролетариатом, она делает справедливое дело. Таков бесхитростный сюжет исторического оправдания революции.

Когда Троцкий ответил Каутскому по поводу его брошюры о терроризме, Бернард Шоу тоже счел нужным высказаться по этому поводу. Статью великого английского писателя "Троцкий — король памфлетистов" перевели и представили для ознакомления Председателю Реввоенсовета в конце января 1922 года. Троцкий подчеркнул много мест в статье, но не решился публично "воевать" с Бернардом Шоу.

"Троцкий, опьяненный своим успехом, подобного которому никогда не выпадало на долю Маркса, в борьбе с Колчаком, Деникиным и Врангелем, которых он раздавил, как три гнилых ореха, преуспел в деле наведения такого страха на Европу, в каком ее не держал никто..." Далее Шоу продолжает: "Романтическая традиция истории требует, чтобы наиболее эффективным моментом революции было царубийство. Почему Советская власть воскресила эту традицию? Почему русские революционеры не только вернулись к устарелой традиции царубийства, но просто уничтожили царскую семью без суда, в прямое нарушение прав, принадлежащих членам этой семьи как гражданам республики?..

Троцкий должен был ответить на этот вопрос... Как бы там ни было, когда время стрельбы миновало, Троцкий нашел, что

с победой затруднения для него только начинаются. Он мог перестрелять весь человеческий род, кроме Коммунистической партии и сторонников ее правления, но задача спасения России не становилась от этого легче...⁸⁷

Перевод статьи Бернарда Шоу так и остался лежать в бумагах Троцкого. И как ни копались в них сотрудники НКВД, ее нельзя было использовать для морального уничтожения Троцкого. В ней — приговор марксистской исторической концепции, основанной на догматической вере в возможность достижения "царства справедливости" в союзе с безграничным насилием. Самое уязвимое место Троцкого как теоретика, историка и философа заключается в том, что он всю жизнь верил ложной идее диктатуры одного класса. Все его исторические сочинения несут печать верности этим каноническим соображениям.

Троцкий был способен всего несколькими энергичными мазками реставрировать не только внешнюю картину революции, но и ее внутренние механизмы. "То, что придало перевороту характер короткого удара, с минимальным количеством жертв... — писал он, — это сочетание революционного заговора, пролетарского восстания и борьбы крестьянского гарнизона..." Троцкий резюмирует: "Руководила переворотом партия; главной движущей силой был пролетариат; вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решал исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон"⁸⁸.

Автор книги, стремясь быть точным перед историей, пишет: "октябрьский переворот" занял лишь сутки, и в нем участвовало "вряд ли более 25—30 тысяч"⁸⁹. Как это не вяжется с последующими утверждениями официальной историографии о "народной революции"!

Троцкий, хорошо знакомый с западными демократиями, отдает им должное. "По сравнению с монархией и другими наслідиями антропофагии и пещерной дикости, — пишет он, — демократия представляет, конечно, большое завоевание". Как говорится, слава богу, признал очевидное. Но здесь же многозначительно добавляет: демократия "оставляет нетронутой слепую игру сил в социальных взаимоотношениях людей". А посему на эту "область бессознательного впервые поднял руку октябрьский переворот"⁹⁰. Вначале разрушить, затем создать. В этой ошибочной формуле кроются истоки конечной исторической неудачи большевистского социалистического эксперимента. Социальная методология такова, что успех в преобразованиях может прийти тогда, когда разрушение старых структур идет одновременно с созданием новых. Октябрь же

был апофеозом сметения, ликвидации старого. Меня могут сразу же уличить в замалчивании соответствующих высказываний Ленина, основоположников научного социализма о недопустимости "зряшного отрицания". Я же сейчас говорю о социальной практике, которая была не только бесчеловечно радикальна, но и предельно жестока. Вначале все превратили в пепел, а затем, на основе умозрительных выводов вождей, стали конструировать казарменный социализм.

Задумывался ли над этим Троцкий? Да, бесспорно. Отвечая на вопрос: "Оправдывают ли вообще последствия революции вызываемые ею жертвы?" — он говорит: "Вопрос телеологичен и потому бесплоден". Еще ниже он добавляет: "Если дворянская культура внесла в мировой обиход такие варваризмы, как *царь*, *погром* и *нагайка*, то Октябрь интернационализировал такие слова, как *большевик*, *совет* и *пятилетка*. Это одно оправдывает пролетарскую революцию, если вообще считать, что она нуждается в оправдании"⁹¹. Но разве дворянская культура сводится к "царю" и "нагайке"? Разрушительный характер революции по Троцкому — это "праздник пролетариата". Но этот "праздник" патологически затянулся. Приведенные выше слова были написаны Троцким в 1932 году, и он не мог еще знать, что спустя годы с Октябрем, а точнее, с его детищем будут ассоциироваться и другие слова: ГУЛАГ, тотальная бюрократия, примитивный догматизм.

Но даже когда Троцкий узнает о "свершившемся термидоре", революционер-историк не откажется от оптимистического видения будущего. Уже находясь в Мексике, в письме к своей стороннице Анжелике Балабановой от 3 февраля 1937 года он пишет: "Что значит пессимизм? Пассивная и плаксивая обида на историю. Разве можно на историю обижаться? Надо ее брать как она есть, и когда она разрешается необыкновенными свинствами, надо месить ее кулаками. Только так и можно прожить на свете"⁹². Троцкому ничего не оставалось (даже тогда, когда стало ясно, что он проиграл), как "месить" историю "кулаками" в надежде, что она когда-нибудь все расставит по своим местам.

Оценки Троцкого несут на себе печать революционного радикализма и фанатичной веры в истинность исходных посылок русской революции. Но "История русской революции" тем не менее является одним из лучших его сочинений. Правдив ли Троцкий как историк? Можно ли ему верить? Он знает, что потомки зададут ему эти ядовитые вопросы. Из глубин ушедших десятилетий летописец революции, отвечая, нужно ли писателю

”так называемое историческое беспристрастие”, пишет: ”...серьезному и критическому читателю нужно не вероломное беспристрастие, которое преподносит ему кубок примирения с хорошо отстоявшимся ядом реакционной ненависти на дне, а научная добросовестность, которая для своих симпатий и антипатий, открытых, незамаскированных, ищет опоры в честном изучении фактов, в обнаружении закономерности их движения”⁹³. Мы же должны знать, что Троцкий не был беспристрастен. Когда он писал о революции, он писал как бы о себе. Для него революция и он сам были едины. Этим, думаю, многое объясняется. Но для нас важен его цельный взгляд на драму и трагедию русских революций.

Интересно отметить, как Троцкий работал над историческим трудом. Изучив огромное количество самой различной литературы, историк начинал собирать наиболее характерные цитаты, высказывания, документы. Затем наклеивал их в определенном логическом порядке на листы бумаги в соответствии с намеченным планом подготовки статьи, главы, книги и т.д. Получались своеобразные длинные ”свитки”, в которых между цитатами ”монтировались” размышления, комментарии, умозаключения Троцкого. Это был первый черновик главы. Обычно он писал и второй черновик, наполняя намеченный исторический сюжет все новыми и новыми данными и обобщениями. И лишь третий вариант, по его мнению, можно было считать последним. Поражает работоспособность Троцкого: некоторые фрагменты ”Истории” вошли в последний вариант рукописи лишь после многократной переделки. На полях бумаг — статистические выкладки, справки, ссылки на документы, пометки для себя.

В рукописи, сохранившейся в Гуверовском институте, обнаружены главы, которые не вошли в книгу. Например, там есть глава ”Соглашатели”, посвященная в значительной мере попыткам Керенского использовать Краснова против большевиков в ноябре 1917 года. Затем, однако, Троцкий не вставил эту главу в книгу, а часть материала включил в другие разделы.

Троцкий, работая над ”Историей русской революции” (почти через полтора десятка лет после ее победоносного свершения) и будучи одним из ее активных участников, выступал одновременно и как мемуарист, и как вездливый историк. Этот синтез, помноженный на литературное мастерство, позволил автору создать выдающееся произведение.

Позже, незадолго до своей гибели, Троцкий уже не мог писать так, как раньше. Московские процессы, где он, по сути,

был главным обвиняемым, выбили его из колеи. Так, его книга "Преданная революция", представляющая синтез исторического и логического анализа советской действительности, написана много слабее его более ранних книг. В июне 1937 года Виктор Серж в письме Седову сообщал, что, редактируя "Преданную революцию", он встретился со многими трудностями: "Книга не написана, не составлена, а наспех сшита из разных материалов... масса почти дословных повторений и длиннот... Не надо убивать книгу громоздкостью..."⁹⁴ Но эту книгу Троцкий писал в Норвегии, когда над ним уже была занесена рука "карательных органов". На Принкипо творческая обстановка была неизмеримо благоприятнее.

Нужно сказать, что, хотя Троцкому не удалось избежать писательского эгоцентризма при освещении событий, "История" — глубокое и масштабное свидетельство колоссальной российской драмы. При всем эгоцентризме повествования, которое едва ли устранимо при описании пласта времени, где художник лично сам действовал, страдал, надеялся, "История" написана в основном в спокойном, сдержанном, исторически объективном стиле. Думаю, это далось Троцкому нелегко, ведь летопись революции создавалась им после сокрушительного поражения, которое он потерпел от Сталина.

Труд философски глубок, психологичен, крайне заострен полемически. Это вызвано тем, что в то время, когда он создавал свою "Историю", в Москве уже полным ходом шла фальсификация всего минувшего, начиная с 1917 года. В статье, посвященной откликам на "Историю русской революции", Троцкий писал: "Подобно тому как разбогатевшие лавочники создают себе новую, более подобающую генеалогию, так выросший из революции бюрократический слой создал себе свою собственную историографию. На службе ее стоят сотни ротационных машин. Но количество не возмещает ее научного качества"⁹⁵.

Фактически те же самые слова он пишет и в предисловии к своей книге "Сталинская школа фальсификаций", увидевшей свет почти одновременно с "Историей". Книга состоит из ряда подлинных исторических документов, трех его неопубликованных речей и так называемого "письма в Истпарт". В основу письма положены ответы Троцкого на анкету Истпарта, сделанные им еще в 1927 году. (Об этом я уже говорил в своей первой книге.) Письмо пространно. Оно занимает около ста страниц и содержит 70 (!) тезисов. В нем Троцкий использует множество документов, весьма убедительно иллюстрирующих

эволюцию "переделки" истории в Москве. Троцкий, помимо Сталина, прямо обвиняет в "перелицовке" исторической ткани Зиновьева, Бухарина, Ярославского. Последнему "перелицовщику" Троцкий посвящает специальный фрагмент, как, впрочем, Ольминскому и Луначарскому... Эти люди, писал Троцкий, "и так и эдак выполняют социальный, то бишь секретарский наказ!"⁹⁶

Отвечая на обвинения в меньшевизме, Троцкий пишет, что организационно и политически он порвал с ним еще в 1904 году. "Я никогда не называл и не считал себя меньшевиком, — отмечает он. И далее самокритично добавляет: — Как я не раз уже заявлял, в расхождении моих с большевизмом по ряду принципиальных вопросов *неправота была на моей стороне*"⁹⁷ (курсив мой. — Д.В.).

Касааясь вопросов Брест-Литовского мира, Троцкий отмечает, что оттягивание "момента капитуляции перед Гогенцоллерном" было одобрено большинством ЦК и большинством фракции ВЦИК... "Во время брестских переговоров, — продолжает Троцкий, — весь вопрос состоял в том, созрела ли в Германии к началу 1918 г. революционная ситуация настолько, чтобы мы, не ведя дольше войны (армии у нас не было!), могли, однако, не подписывать мира. Опыт показал, что такой ситуации еще не было"⁹⁸.

Троцкий уже знал (книга писалась в 1931—1932 гг.), что в Москве предприняты энергичные меры по полной исторической дискредитации его позиции на мирных переговорах в начале 1918 года. При этом создавалась видимость, что Ленин принимал решения по этому вопросу, только посоветовавшись со Сталиным.

Так что Троцкий, выпуская "Сталинскую школу фальсификаций", уже видел попытки искажения недавнего прошлого. Эта "традиция" деформации истины в угоду политике, угоду кремлевскому цезарю сохранится на десятилетия. Об этом, в частности, свидетельствует упоминавшаяся мною записка Стасовой и Сорина, направленная Сталину в мае 1938 года. В ней они, по сути, предлагают сделать "исправления" в записях Ленина, касавшихся позиции Сталина в начале 1918 года⁹⁹.

Работая над "Историей русской революции", Троцкий очень жалел, что не сумел вывезти из Москвы значительную часть материалов, относящихся к предреволюционному периоду и первым годам Советской власти, когда направлялся в ссылку. Речь идет о копиях протоколов Реввоенсовета, его приказах и распоряжениях как наркома трех комиссариатов (по

иностранным делам, по военным и морским делам и комиссарията путей сообщения), об обширнейшей переписке... Например, он очень хотел бы воспользоваться архивом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, но этих документов у него не было.

В это общество его приняли в июне 1924 года, когда звезда его уже начала закатываться. В пространной анкете из 43 пунктов Троцкий добросовестно зафиксировал, что местожителство его — "в Кремле", профессия — "литератор-революционер", образование — "среднее", сословие — "сын колониста-землевладельца", в каких тюрьмах сидел — "Николаевской, Одесской, Московской, Иркутской, Александровской, в "Крестах"...¹⁰⁰ В Обществе было много ветеранов, которые о всех трех русских революциях знали нечто такое, что могло бы обогатить будущую "Историю". С самого начала в Обществе стал издаваться журнал "Каторга и ссылка", накапливаться фонд воспоминаний, документов, различных свидетельств. Новый член Общества намеревался воспользоваться его архивами.

Троцкий, закончив свою "Историю", еще не знал, что Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев доживает последние месяцы. Члены парткомиссии Я.Петерс и П.Поспелов после "проверки и ревизии" Общества докладывали Председателю комиссии партийного контроля при ЦК Н.И.Ежову и его заместителю М.Ф.Шкирятову: "...состав Общества на I.IV.35 г.: членов ВКП(б) — 1307 человек, беспартийных — 1494 чел. Выходцы из других партий — 57 процентов". Петерс и Поспелов сообщали в своей записке, что в Обществе преобладают бывшие эсеры и меньшевики, "тесно спаянные между собой старыми связями". После убийства Кирова "было арестовано 40—50 членов Общества". Вся докладная — длинный перечень политических криминалов: "эсер Андреев, меньшевики Дрикер, Типулков, Фельдман и др. называют органы НКВД "охранкой". В своих изданиях, гласит записка партийных инквизиторов, "Общество особый упор делает на Бакунина, Лаврове, Ткачеве, Радищеве, Огареве, Лунине и др." Половина авторов журнала — народники, эсеры и меньшевики. "В журнале есть статьи о Ницше, пишут о Керенском..." В одном из номеров, сообщают Петерс и Поспелов, утверждается, что "не было бы Октября, если бы не было Февраля", идеализируется казачество, косвенно ставятся под сомнение "некоторые классические положения товарища Сталина". Дело дошло до того, что среди бывших каторжан бытовало мнение: "Общество должно защищать своих членов, если их арестует и Соввласть".

В заключении записки фактически ставился вопрос о ликвидации Общества¹⁰¹. Естественно, Сталин согласился с этим предложением. Так Троцкий "выбыл" из Общества, не зная об этом. Кстати, сразу же после ликвидации Общества Горький с разрешения Сталина изъясил для Союза писателей значительную часть библиотеки политкаторжан, а Ворошилов — сочинский санаторий для своего наркомата¹⁰². В тоталитарном обществе не нужны были ни люди, ни документы, ни архивы, которые слишком много знали и могли бросить тень на официальную историю.

Троцкий был согласен с многими членами Общества в объяснении причин и генезиса революции: не только глубокий кризис старого мира, но и историческое нетерпение ускоряют социальный взрыв. Любые катастрофы, потрясения, политические катаклизмы неизменно быстро способствуют вызреванию революции. Таким ускорителем, писал Троцкий, явилась империалистическая война. При невнимательном прочтении "Истории" Троцкого может сложиться впечатление, что это летопись деятельности ЦК, различных Советов и наркоматов. Но нет. Троцкий ненавязчиво проводит мысль о глубокой связи настроений масс, классов, народов с реальной ситуацией. Однако, как ортодоксальный марксист, Троцкий ни на миг не сомневается в "историческом праве" коммунистов насильственно переделывать мир.

Обладая энциклопедическими знаниями, Троцкий изображал русскую революцию, постоянно держа перед своим мысленным взором коллизии Великой французской революции. Здесь он не был оригинален. Все руководители русской революции были якобинцами и часто меряли свои помыслы и шаги мерками Робеспьера, Марата, Дантона, Сен-Жюста... В критические моменты в 1918—1919 годах Троцкий внутренне чувствовал себя как бы членом Конвента и главой Комитета общественного спасения. Он, наверное, понимал, что порой играл роль Лазара Карно — крупного военного руководителя и организатора Французской революции.

Но наиболее полно и постоянно при историческом анализе Троцкий использовал феномен термидора. Пришествие сталинизма Троцкий расценил как проявление термидорианской закономерности, когда подлинно революционные силы теряют бдительность и на благодатной почве перемен вырастает новый привилегированный слой. Когда праздник революции кончается, отмечал он, начинаются серые, холодные и голодные будни. Не все в состоянии тогда понять, что "нужда — не ре-

зультат революции, а лишь ступень к лучшему будущему”. Но эти будни всегда, горько замечает Троцкий, остужают дух революции. Здесь — один из истоков термидора.

Проводя исторические аналогии и рассматривая различия между французским и советским термидором, историк ищет внутренние закономерности этого исторического процесса. “Французский термидор, начатый якобинцами левого крыла, в конце концов превратился в реакцию против якобинцев в целом. Имя террористов, монтаньяров, якобинцев стало поносным. В провинции срубали деревья свободы и попирали ногами трехцветную кокарду...” В России многое было иначе. “Тоталитарная партия включала в себя все элементы, необходимые для реакции, мобилизовывала их под официальным знаменем революции. Партия не терпела никакой конкуренции даже в борьбе со своими врагами. Борьба против троцкистов не превратилась в борьбу против большевиков, потому что партия поглотила эту борьбу целиком, поставила ей известные пределы и вела ее якобы от имени большевизма”¹⁰³.

Троцкий неоднократно возвращается к выяснению соотношения “лидеры — партия — класс — масса”. Он фактически утверждает, что в этой системе баланс бывает редко. Задача лидеров — не оторваться от массы. Для решения этой задачи есть партия, рекрутируемая из пролетарского класса. Но когда удастся партию заменить аппаратом, считает историк, лидер становится цезарем, а масса — бесформенным объектом для манипулирования.

Троцкий-историк чрезвычайно полемичен. Это, впрочем, традиция русских революционеров. Враги Октября у Троцкого изображены рельефно, ярко, но, как правило, уничижительно. Будь ли это Романов, Керенский или Прокопович с Авксентьевым, Троцкий одинаково щедр на краски и оттенки, чтобы силуэт на историческом фоне стал отчетливым и определенным. Нередко Троцкий в своей критике беспощаден не только к врагам, но и людям из своего лагеря. Так, прочитав статью военного теоретика Ф.Гершельмана “Возможна ли война в будущем”, Троцкий решил ответить публично. Но само название статьи-ответа оскорбительно: “Глубокомысленное пустословие”. Критическая часть статьи безапелляционна: “Автор начинает, как и полагается стародуму, от печки, т.е. от беспомощного в исторических вопросах схоласта Леера (кстати, одного из крупных и оригинальных военных теоретиков России начала века, автора книги “Обзор войн России от Петра Великого до наших дней”, многочисленных трудов по стратегии и военной ис-

тории. — Д.В.), извлекая у него в качестве большой посылки пошлейшую банальность на счет того, что "борьба лежит в основании всего живущего". Высказывая в статье интересные мысли, Троцкий походя "изничужает" попавшегося ему под руку, то бишь перо, Гершельмана¹⁰⁴. Разносная, грубая критика была стилем лидеров большевистской революции. Так критиковал Ленин, Сталин, другие вожди после революции. Они знали: так же ответить им оппоненты не могут, ибо их сразу же обвинят в контрреволюции. Чувство непогрешимости и безнаказанности приходит с бесконтрольной властью.

Иногда эта критика у Троцкого более тонка. Например, говоря о роли Мартова на II съезде Советов, Троцкий называет его "Гамлетом демократического социализма". "...Мартов делал шаг вперед, когда революция откатывала, как в июле; теперь, когда революция готовилась совершить львиный скачок, Мартов отступал. Уход правых лишил его возможности парламентского маневрирования... Он спешил покинуть съезд, чтоб оторваться от восстания"¹⁰⁵. Политические оценки Троцкого всегда рельефно-определенны, но часто оскорбительны. Для него Мартов, Суханов, Абрамович, любой другой политический оппонент — лишь один из "артистов" исторической сцены, на которой каждый играет свою роль. И он — тоже.

Говоря о вождях революции, Троцкий, естественно, очень много пишет о Ленине. Нельзя не отметить интеллектуального изящества и психологической тонкости историка в описании бесспорного вождя. Но... закрывая книгу о русской революции, начинаешь чувствовать, что культовая апологетика, против которой вроде бы выступали и Ленин и Троцкий, рождалась и благодаря усилиям последнего. Трудно поверить, что Ленин-человек обладал "исключительно" позитивными качествами. Троцкий, до революции не скупившийся на обидные эпитеты, после Октября придерживался совсем другой тональности — превосходной.

Николай Владиславович Вольский (Валентинов), близко познакомившийся с Лениным еще в 1904 году, отмечает: "Понять до конца Ленина — далеко не простая вещь. Он гораздо сложнее, противоречивее, чем это видно из биографий его хулителей, и тем более его казенных хвалителей"¹⁰⁶. Может быть, отношения Троцкого с Лениным не были так близки, как писал об этом сам Троцкий, ибо он видел лидера революции только с одной стороны? Как свидетельствовал тот же Валентинов, Ленин "в течение своей жизни... был в хороших отношениях по меньшей мере с сотней лиц, но только с двумя — с Мартовым и

Кржижановским — на очень короткое время был на ты¹⁰⁷. Может быть, поэтому Троцкий видел Ленина только со стороны, освещенной солнцем истории? Не думаю. Троцкий давно поставил себя рядом (хотя и чуть ниже) с Лениным. В борьбе со Сталиным это была неплохая позиция. Для следа в истории — тоже. Но Троцкий не учел, что Ленин также был достаточно честолюбив, но умел скрывать это. Он ценил в людях прежде всего способность разделять его взгляды и материализовывать их. Анжелика Балабанова, давно знавшая Ленина и бывшая в свое время одним из руководителей циммервальдского движения, а затем (в 1919 г.) секретарем Коминтерна, написала примечательные строки в своей, малоизвестной в России, книге "Впечатления о Ленине": "Ленину нужны были соучастники, а не соратники. Верность означала для него абсолютную уверенность в том, что человек выполнит все приказы, даже те, которые находятся в противоречии с человеческой совестью"¹⁰⁸.

Но не это главное. Троцкий не видел многих генетических пороков большевизма, ярким выразителем которых был сам Ленин. Апологетика диктатуры пролетариата, абсолютизация роли классовой борьбы, убежденность в изначальной ущербности социал-демократии и многое, многое другое, воспринимались Троцким как постулаты божественного учения. Троцкий убежден, что без Ленина Октябрьская революция не могла бы свершиться. Поэтому Ленин изображается Троцким не просто мессией, но и лицом, несущим ответственность перед историей за этот акт революционного спазма.

Мне представляется, что в своих исторических сочинениях Троцкий так высоко оценивает Ленина не только в силу реальных качеств этого революционера. Поднимая Ленина до апологетических высот, Троцкий незаметно вслед за ним поднимает на исторический пьедестал и самого себя. Ведь он же был вторым человеком в революции и гражданской войне! Ну и, конечно, апологетика Ленина была средством политической, идейной борьбы Троцкого с новым лидером партии и государства. Поэтому Троцкий особенно непримирим, когда советская печать пыталась усадить Сталина рядом с Лениным.

5 августа 1935 года "Правда" поместила статью, посвященную 40-й годовщине со дня смерти Энгельса. На эту публикацию Троцкий откликнулся статьей "Как они пишут историю и биографию". Приводя слова Д.Заславского об Энгельсе: "Замечательная, достойная изучения дружба Маркса-Энгельса не случайно повторилась в замечательном содружестве, великой дружбе Ленина-Сталина", Троцкий тут же убийственно ре-

зюмирует, используя слова бессмертного русского сатирика по адресу автора статьи в московской газете: "После этого садится сукин сын на корточки и ждет поощрения"¹⁰⁹.

Троцкий был не только историком революции, но в известном смысле и военным историком. По его инициативе, в 1923—1924 годах были изданы приказы, директивы, речи Председателя Реввоенсовета. Это пятитомное издание имело общее название "Как сражалась революция". Еще в феврале 1920 года Троцкий направил циркулярное письмо начальнику Полевого штаба, Политуправлению Красной Армии, Военно-исторической комиссии, в котором он писал: "Представляется безусловно необходимым в течение ближайших месяцев составить хотя бы краткую историю Красной Армии. Такая история необходима прежде всего для Западной Европы и Америки... Эта история должна стать источником многих поучений для других стран, вступивших или вступающих в революционную эпоху"¹¹⁰. Здесь же Троцкий указывает, что в "Истории Красной Армии" должны быть отражены партизанский, добровольческий и регулярный периоды ее развития, роль комиссаров, особенности стратегии гражданской войны и другие вопросы.

В литературном наследии Троцкого гражданская война занимает особое место. Например, семнадцатый том его сочинений целиком посвящен хронике, истории, анализу, описанию самых различных аспектов российской Вандеи. Выступая в ноябре 1918 года на VI съезде Советов с докладом "О военном положении", наркомвоенмор заявил, что создана и победоносно действует "первая армия коммунизма во всей мировой истории"¹¹¹. Несмотря на критическое положение Республики, доклад Троцкого оптимистичен, он уверен в победе Красной Армии.

Давая картину бесконечных фронтов, сражений, боев, Троцкий верит, что персонифицированные идола, как символы революции, способны по-прежнему высекать искры революционного энтузиазма, поднимать до предела измученный народ на продолжение долгой братоубийственной войны.

Сотни статей Троцкого на военную тему — это чаще всего военная хроника, которая, застывая на бесконечном свитке уходящего в бесконечность времени, становится исторической летописью.

Если собрать в хронологическом и тематическом порядке бесчисленные статьи Троцкого, его приказы, обращения к красноармейцам, речи по фронтовым вопросам, получится много томная история гражданской войны. В ней не будет академической стройности и логического схематизма, но тем не менее

такая “История” способна передать дыхание того трудного и жестокого времени.

Многие из его работ по истории гражданской войны не только возвращают в наше сознание прошлое, но и свидетельствуют об огромном вкладе Троцкого в решение сложных задач строительства новой армии. Выступая в ноябре 1920 года в Комиссии по использованию опыта гражданской войны, Троцкий еще до военной реформы 1925 года выдвинул идею создания регулярной армии, опирающейся на милиционную основу¹². Уже после окончания войны Троцкий, исходя из своей главной идеи — неизбежности мировой революции, неоднократно ставил вопрос об обобщении военного опыта победившего пролетариата. Летом 1924 года состоялось заседание правления Военно-научного общества, обсудившего вопрос распространения знаний об истории гражданской войны в России. Доклад Троцкого, как и выступления Я.М.Жигура, И.С.Уншлихта, Х.Г.Раковского, М.Н.Тухачевского, К.Б.Радека, А.И.Корка, А.А.Иоффе, Р.А.Муклевича, В.Коларова и других членов правления, преследовал весьма прагматическую цель: ознакомить массы с военной историей русской революции, поскольку знание ее необходимо как наставление, как устав, как стратегия восстания и грядущих гражданских войн в других странах.

Военные деятели хотели увидеть за горизонтом новые революционные всполохи, где понадобится их опыт, их советы, их методы. Военная история Октября, по мысли Троцкого, имеет непреходящее теоретическое и практическое значение: “Надо составить стратегический и тактический календарь Октября. Надо показать, как события нарастали волна за волной, как они отражались в партии, в Советах, в Центральном Комитете, в военной организации...” Все это, по мнению Троцкого, может быть использовано нашими “братьями по классу”.

Есть и другая сторона вопроса, как подчеркнул в своем докладе Троцкий: “Мы должны уметь сочетать навязанную нам оборонительную войну Красной Армии с гражданской войной в стане наших врагов”¹³. В этом смысле исторический опыт становится конкретным оружием. Когда ответственный редактор журнала “Военный вестник” Д.Петровский прислал на отзыв Л.Троцкому труд Б.Шапошникова “К истории одного похода. Лето 1920 года”, посвященный лекции М.Тухачевского “Поход за Вислу”, рецензент вычеркнул слова бывшего командующего фронтом о том, что “из-за нашего военного проигрыша

12 Троцкий, кн II

было разорвано звено, связующее октябрьскую революцию с западноевропейской¹¹⁴. Троцкий не хотел в 1924 году публично говорить об этом, но вывод Тухачевского он безусловно разделял.

Собственно говоря, Троцкий явился одним из родоначальников советской военной истории. Именно в результате его распоряжений, советов, инициированных им совещаний в стране в начале 20-х годов вышел ряд крупных трудов: "Очерки истории гражданской войны" А.Анищева, "Стратегический очерк гражданской войны" Н.Какурина, трехтомник "Гражданская война 1918—1921 годов" под редакцией А.Бубнова, С.Каменева, М.Тухачевского и Р.Эйдемана и другие работы. Но... в конце 20-х годов места в них Троцкому уже не оказалось. Опальный к тому времени лидер как бы выпал из истории, где он был одним из главных действующих лиц. Еще и сейчас среди его бумаг имеется много документов, неизвестных или малоизвестных читателям и историкам.

Например, по распоряжению Троцкого, бывший командир 3-го конного корпуса Г.Гай направил ему служебную записку, в которой изложил обстоятельства гибели частей соединения и перехода германской границы в 1920 году. После тяжелых боев и поражения в Польше корпус, отрезанный от основных сил фронта, был вынужден прорваться в Германию, где и был интернирован. Описание гибели соединения помогает глубже понять причины неудачи "похода за Вислу"¹¹⁵. Троцкому было так же известно (но это не отражено ни в каких исторических летописях), что отступающая 1-я Конная армия под командованием С.М.Буденного принесла с собой волну еврейских погромов. Как сообщал уполномоченный Зилист Ленину, "1-я Конная армия и 6-я дивизия на своем пути уничтожали еврейское население, грабя и убивая на своем пути... Не отставала также и 44-я дивизия..."¹¹⁶ Мета Ленина лаконична: "В архив". Но об этом даже Троцкий не имел права писать.

Троцкий требовал, чтобы военная история не ограничивалась реляциями о победах и триумфальных походах, а рассматривала в совокупности весь процесс вооруженной борьбы без каких-либо изъятий.

Троцкий не мог еще знать, что уже с конца 20-х годов начнется "перелицовка" и военной истории. Когда изгнаннику стала известна статья Ворошилова "Сталин и Красная Армия", написанная к 50-летию юбилею "вождя", он долго не мог прийти в себя. В бессовестном панегирике утверждалось: спаси-

телем Советской власти в годы гражданской войны был... Сталин. Ворошилов уже в 1929 году пишет о его “железной воле и стратегическом таланте”, исключительно умелом и искусном руководстве. Ну а о нем, изгнаннике, сказано диаметрально противоположное: “...неудача наших войск под Варшавой, в результате предательских приказов Троцкого и его сторонников в Главном штабе Красной Армии, срывает Конную Армию, изготовившуюся к атаке Львова и находившуюся в 10 км от него...”¹⁷

Троцкий был взбешен. Ворошилов, которого Ленин не дал ему окончательно развенчать и устранить с военного поприща, задним числом мстил своему бывшему начальнику, нагромождал одну небывлицу на другую. Едва успокоившись, Троцкий засел за большую статью “Сталин и Красная Армия, или Как пишется история”. Ворошилов в своей статье, опубликованной, как уже говорилось раньше, в “Правде”, а также выпущенной в виде брошюры, дает четыре подзаголовка: “Царицын”, “Пермь”, “Петроград”, “Южный фронт”. Троцкий почти повторяет эту структуру и с документами в руках шаг за шагом, абзац за абзацем разоблачает творение сталинского подручного, подчеркнув во введении: в статье Ворошилова “нет ни единой строчки правды, ни единой”¹⁸. Статья выйдет за подписью Н.Маркина; этот псевдоним затем будет использовать в литературе Л.Седов.

Троцкий понимал: статью Ворошилова прочтут миллионы советских граждан. А его страстный и неизмеримо более аргументированный ответ на нее не прочтет на родине никто. За исключением сотрудников ОГПУ, кучки дипломатов и самого Сталина... Изгнанник не знал, что, когда он был в пути из Алма-Аты в Одессу, по предложению Ворошилова были сделаны купюры в книге А.И.Егорова “Львов — Варшава”. В сокращенных кусках содержались упреки Сталину за его ошибочную телеграмму о несогласии перебросить Конную Армию на помощь Тухачевскому.

Ворошилов пишет фамильярную записку Сталину:

“Дорогой Коба!

Прочитал твое письмо к Егорову относительно помещения телеграммы от 13.VIII.20 г. в труде Егорова “Львов — Варшава”. С существом твоего письма согласен полностью... Но, к сожалению, т. Егоров комментирует телеграмму по-своему. Убедительно прошу пробежать пару страничек (127—130) “Львов — Варшава”, откуда ясно будет, почему я тревожусь.

Если все же сочтешь достаточным объяснением телеграфную переписку Берзина с Троцким и комментарии Егорова, прикажи т. Товстухе позвонить мне, или брякни по телефону лично. Что касается меня, то я был бы против помещения телеграммы со столь своеобразными комментариями, которыми сопровождает ее Егоров...

28.XII.28 г.

Жму руку. Твой *Ворошилов*¹¹⁹.

Член Реввоенсовета и командующий Белорусским военным округом А.И.Егоров пытался протестовать письмом в издательство: "Книга является моей монографией и вносить изменения в нее без моего ведома — значит обезличивать таковую... я как автор не могу брать на себя ответственность перед общественным мнением за изменение, внесенное в книгу другими лицами..."¹²⁰

Но, конечно, были выполнены пожелания Сталина и Ворошилова, а не автора. Станет правилом: во всех грехах, прошлых и настоящих, во всех поражениях и провалах винить главного оппонента — далекого изгнанника. Совсем скоро о Троцком Ворошилов скажет еще более определенно. В своем приказе № 072 от 7 июня 1937 года человек, который станет наркомом обороны после Троцкого и Фрунзе, подчеркнет: "...советский суд уже не раз заслуженно карал выявленных из троцкистско-зиновьевских шаек террористов, диверсантов, шпионов и убийц, творивших свое предательское дело на деньги германской, японской и других иностранных разведок, под командой озверелого фашиста, изменника и предателя рабочих и крестьян, Троцкого... Агент японо-немецкого фашизма Троцкий и на этот раз узнает, что его верные подручные Гамарники и Тухачевские, Якиры, Уборевичи и прочая сволочь, лакейски служившие капитализму, будут стерты с лица земли и память их будет проклята и забыта..."¹²¹

Все это имеет уже косвенное отношение к истории как науке. К слову сказать, Троцкий с начала 30-х годов уже не смог больше создать значительных исторических трудов. На пути историка встала политика. Троцкому было уже не до истории. Он был поглощен отчаянной борьбой за выживание.

Драма истории — не только в фолиантах исследователей. Драма самих историков тоже может подняться до уровня самой высокой трагедии. Личная судьба Троцкого — яркое тому подтверждение.

43 мексиканских месяца

Троцкий был обречен. Вместе с депортацией в Мексику он получил "отсрочку" в 43 месяца, ибо в Кремле судьба его была давно решена. Официально сталинский суд не приговаривал Троцкого к смертной казни, ведь вся семья изгнанника еще в 1932 году по предложению Сталина была лишена советского гражданства. А судить заочно и публично, с вынесением приговора негражданину СССР — на это даже Сталин не решился.

Правда, все же имеется один обнародованный документ юридического характера, который не оставляет сомнений в намерениях советского руководства в отношении Троцкого. В деле так называемого "антисоветского троцкистского центра", проходившего 23—30 января 1937 года, Троцкий не только множество раз упоминается в ходе процесса как законченный преступник — ему посвящена заключительная часть приговора. На скамье подсудимых, где сидели самые разные люди — Г.Л.Пятаков, Л.П.Серебряков, Н.И.Муралов, Я.Н.Дробнис, Я.А.Лифшиц, М.С. Богуславский, И.А.Князев, С.А.Ратайчак, Б.О.Норкин, А.А.Шестов, И.Д.Турок, Г.Е.Пушин, И.И.Граше, Г.Я.Сокольников, К.Б.Радек, В.В.Арнольд, М.С.Строилов, главное место было отведено Троцкому. Тень Л.Д.Троцкого витала в зале судилища. В обвинительном заключении, которое считал секретарь суда А.Ф.Костюшко, в речах председателя военной коллегии Верховного суда В.В.Ульриха, союзного Прокурора А.Я.Вышинского, а также в заявлениях обвиняемых в адрес Троцкого и его "банды" было произнесено так много огульных обвинений, слов, полных яростной ненависти, что ее хватило бы на десятки процессов самых закоренелых преступников. Чего стоят одни только выражения государственного обвинителя: "тупое упорство и змеиное хладнокровие троцкистских бандитов", "контрреволюционный троцкизм — злейший отряд международного фашизма", "Троцкий брызжет ядовитой слюной", "Троцкий поочередно служит экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, социал-демократизму, национал-шовинизму, фашизму", "Троцкий и троцкисты — капиталистическая агентура в рабочем движении", "это — шайка бандитов, грабителей, поддельвателей документов, диверсантов, шпииков, убийц" — и так далее и тому подобное. Я утомил, видимо, читателя. Мне хотелось лишь напом-

нить вам атмосферу сталинской инквизиции, в которой Ульрих с Вышинским пытались навсегда морально и политически уничтожить далекого изгнанника. Когда Вышинский закончил свою яростную трехчасовую речь словами: "Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тяжчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти!" — зал встретил эти заключительные слова долго не смолкающими аплодисментами...

В 19 часов 15 минут 30 января 1937 года сталинский суд удался на совещание, хотя приговор уже давно был согласован со Сталиным и предрешен еще до начала судилища. Но тем не менее, пока Вышинский с Ульрихом докладывали "вождю" об окончании процесса, пока за кулисами пили чай, зал не расходился. Обреченные ждали долгие восемь часов, сохраняя где-то в глубине души крохотную искру надежды. Но лишь четверым была сохранена (пока!) жизнь. Завершая чтение приговора, армвоенюрист Ульрих произнес:

"Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишенные постановлением ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа Троцкий Лев Давыдович (так в тексте. — Д.В.) и его сын Седов Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых Г.Л.Пятакова, К.Б.Радека, А.А.Шестова и Н.И.Муралова, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей В.Г.Ромма и Д.П.Бухарцева и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР"¹²².

Ульрих мог и не знать, что приказ о физической ликвидации Троцкого был отдан Сталиным уже давно.

Я уже писал раньше, что первые два-три года Троцкий еще сохранял какие-то эфемерные надежды на возвращение на родину. Он понимал, что это может произойти лишь в случае отстранения Сталина от руководства или в связи с какими-то драматическими изменениями внутреннего и внешнего курса партийной верхушки. Так или иначе, Троцкий дважды подавал "сигналы" из Койоакана о возможности примирения без каких-либо предварительных условий. Базой, основой такого примирения, по мысли Троцкого, могло бы быть международное революционное движение. Изгнанник не терял надежды на его подъем, что не только соответствовало убеждениям револю-

ционеру, но и подтвердило бы в глазах московского руководства его историческую правоту.

Каждый день, написав несколько страниц книги или статьи, Троцкий переключался на анализ почты — писем, телеграмм, газет, журналов. Его сторонники в Испании в 1931 году настойчиво сообщали своему патрону: революция в стране "на подходе". Но в рабочем и коммунистическом движении нет единства. Коминтерновцы отвергают какое-либо сотрудничество с подлинными "большевиками-ленинцами".

В феврале 1931 года после долгих размышлений Троцкий принялся за составление письма в Москву. Им двигало желание убедить сталинское окружение в необходимости способствовать объединению усилий всех революционных сил в Испании. В этом случае Пиренеи могут стать европейским факелом, который не удалось зажечь в Германии. В глубине души Троцкий надеялся, что на это его письмо может последовать осторожное предложение к "мировой", хотя бы в вопросах международных. Но будучи убежденным антисталинцем, Троцкий знал, что все будет решать один человек, а он не хотел, не мог ничего у него просить. После многократных зачеркиваний очередной скомканый лист бумаги летел в корзину. Наконец, письмо было готово:

"В Политбюро ВКП(б)

Дальнейшая судьба испанской революции полностью или целиком зависит от того, сложится ли в ближайшие месяцы в Испании боеспособная и авторитетная коммунистическая партия. При системе искусственных, навязываемых движению извне расколов, это неосуществимо..."

Ссылаясь далее на опыт русской революции и призывая к единству, Троцкий пророчески предостерегает: "...поражение испанской революции почти автоматически приведет к установлению в Испании *настоящего* фашизма, в стиле Муссолини. Незачем говорить о том, какие последствия это имело бы для всей Европы и для СССР".

Троцкий задолго до победы Гитлера в Германии видит глубину опасности фашизма для цивилизации. Но тут же пытается привлечь внимание далекого Политбюро (хотя обращается фактически к Сталину) к новому историческому шансу мирового революционного пожара:

"С другой стороны, успешное развитие испанской революции в условиях еще далеко не завершившегося мирового кризиса открывало бы гигантские возможности. Глубокие разно-

гласия по ряду вопросов, касающихся СССР и мирового рабочего движения, не должны помешать сделать честную попытку единого фронта на арене испанской революции. Еще не поздно!"

Троцкий с трудом, видимо, выдавливает слова "честную попытку". Он-то знает, что ничего честного от Сталина ждать нельзя. Вся его судьба последних пяти-семи лет тому свидетельство. Троцкий предлагает, как он пишет, "серьезную попытку объединения коммунистических рядов", ибо разногласия "на 9/10 лежат вне условий испанской революции". Далее Троцкий предлагает и предостерегает:

"Чтоб не создавать даже и внешних затруднений, я делаю это свое предложение не в печати, а в настоящем письме. Ход событий в Испании — в этом сомневаться нельзя — будет каждый день подтверждать необходимость единства коммунистических рядов. Ответственность за раскол явится в данном случае грандиозной исторической ответственностью.

15 февраля 1931 г.

*Л.Троцкий*¹²³.

Написав обращение к высшему партийному ареопагу, Троцкий, по-видимому, задумался. Не будет ли расценено это письмо как сигнал о капитуляции или просто о политической сделке? Подобная мысль для изгнанника была мучительной. Письмо легло в ящик стола. Но в конце апреля Троцкий извлек его оттуда и дополнил следующим предостережением:

"Тем обязательнее, тем неотложнее принятие всех тех мер, о которых говорило мое письмо.

27 апреля 1931 г.

*Л.Тр.*¹²⁴.

Запечатал обращение в простой конверт и написал латинскими буквами: "В Политбюро ВКП(б). СССР, Москва".

С тех пор письмо и покоится в закрытом фонде партийного архива.

Троцкий не дождался, естественно, ответа и опубликовал через месяц это свое послание в "Бюллетене оппозиции", но без последнего добавления и изменив почему-то дату написания на 24 апреля¹²⁵.

Он не знал, что с его письмом члены Политбюро (и первым — Сталин) действительно ознакомились. Резолюция генсека весьма красноречива и не носит частного характера. По существу, еще в мае 1931 года Сталин дал понять: Троцкий дол-

жен быть полностью устранен с политической сцены. Обычно свои предписания на документах, которые со временем станут основным законом государства, писались им синим, реже красным карандашом. Иногда карандашом простым, совсем редко — чернилами. Эта резолюция написана красными чернилами, и она факсимильно приводится среди фотографий этой книги:

”Молотову, Кагановичу, Постышеву, Серго, Андрееву, Куйбышеву, Калинин, Ворошилову, Рудзутак.

Думаю, что господина Троцкого, этого пахана и меньшевистского шарлатана, следовало бы *огреть по голове* (курсив мой. — Д.В.) через ИККИ. Пусть знает свое место.

*И. Сталин*¹²⁶.

Здесь же подобострастные приписки членов Политбюро: ”Правильно. *Ордж.*”, ”*Ворошилов*”, ”*В.Куйбышев*”. Молотов более многословен: ”Предлагаю не отвечать. Если Троцкий выступит в печати, то отвечать в духе предложения т. Сталина”.

Стоит подумать, что имел в виду Молотов, предлагая ”отвечать в духе предложения т. Сталина”. Ведь Сталин ничего не предлагал, кроме как ”огреть по голове”. Обращает на себя внимание, что генсек адресовал документ не всем членам Политбюро: нет фамилии С.М.Кирова. Не всем кандидатам в члены — отсутствуют фамилии А.И.Микояна, Г.И.Петровского, В.Я.Чубаря, но присутствует А.А.Андреев, который уже освобожден от обязанностей кандидата, став Председателем ЦКК ВКП(б). Ход мыслей Сталина не всегда можно проследить. Но в целом, столь откровенно указующая резолюция однозначно определила отношение генсека к дальнейшей судьбе изгнанника.

Зная вес Сталина к тому времени в партии и стране, можно с уверенностью считать, что это было фактическое указание на физическое устранение Троцкого. Приказы на расправу Сталин отдавал обычно устно или иносказательно: ”Осудить по первой категории” (т.е. приговорить к расстрелу). В данном же случае ”осудить” к чему-либо нельзя, и генсек распоряжается совершенно откровенно: ”огреть по голове”. Я долго писал политический портрет Сталина и с абсолютной уверенностью говорю: резолюция давала сигнал к физическому устранению Троцкого. Такое уж получилось и буквальное совпадение. Спустя девять лет (раньше просто не удалось) Троцкого ”огреют” в прямом смысле этого слова.

Почему Сталин предложил ”огреть” через ИККИ? Можно

вначале подумать, что эту акцию следовало осуществить через какое-то пропагандистское решение Исполкома Коминтерна или соответствующие политические действия Испанской компартии. Но нет. Дело значительно сложнее и серьезнее.

Еще в конце 20-х годов при председателе ОГПУ Менжинском была создана специальная группа для осуществления особых операций за рубежом по отношению к российской контрреволюции, и в том числе для ликвидации политических противников сталинского строя. Их действия, связанные с организацией террористических актов за рубежом, рассматривались руководством как особо патриотические, означающие высшее классовое возмездие врагам социализма. Участники террористических операций удостоивались высоких наград, им обеспечивалось быстрое продвижение по службе. В последующем были созданы Иностранный и Секретно-политический отделы ГУГБ НКВД. Для работы в них привлекались крупные советские разведчики, добывавшие важную информацию для Москвы. В их числе следует прежде всего назвать Зубова, Серебрянского, Судоплатова, Слуцкого, Колесникова, Эйтингона, Шпигельглаза и Фитина.

В раскрытии существа всей этой работы неоценимое значение имеют личные свидетельства крупного советского разведчика Павла Анатольевича Судоплатова, с которым я имел долгие беседы. Он один из тех, кто занимался не только разведкой. Нередко эти люди получали приказы о физической ликвидации политических противников из числа бывших соотечественников, офицеров белой гвардии, оппозиционеров. Занимаясь этой работой, наши разведчики попадали в тюрьмы, гибли (часто — в советских застенках, будучи в чем-либо заподозренными). Так, например, кончил свою жизнь разведчик Я.И.Серебрянский. Работники Иностранного и Секретно-политического отделов НКВД верили, что находятся на переднем крае борьбы за коммунизм, являются "героическими бойцами невидимого фронта". А в действительности они были гладиаторами Системы. Режим, сделавший насилие основным методом достижения своих целей, не мог обходиться без таких гладиаторов XX века. Менжинский, Ягода, Ежов, а затем и Берия держали под личным контролем деятельность "легиона" своих агентов-гладиаторов и регулярно, как я убедился по архивным делам, докладывали непосредственно Сталину о их работе за рубежом¹²⁷.

До войны Иностраный отдел ГУГБ—НКВД выполнял задания высшего руководства. Так, П.А.Судоплатов писал

1989 года Генеральному прокурору СССР: “За тридцать с лишним лет работы в разведке все операции, в которых я участвовал, исходили не от Берии, а от ЦК партии... Разведывательно-диверсионные операции за рубежом и в тылу германо-фашистских войск проводились по прямому указанию ЦК партии. (Естественно, Судоплатов и другие не только получали задания от соответствующего отдела в ЦК, но и докладывали ему¹²⁸. — Д.В.) Все отчеты по проведенным мною специальным операциям хранятся в общем отделе ЦК КПСС, а один из них написан от руки на одной странице мною...¹²⁹ (Скажу сразу — это отчет о завершении операции в Мексике по ликвидации Л.Д.Троцкого. — Д.В.)

В другом письме П.А.Судоплатова в адрес Политбюро ЦК КПСС с просьбой о реабилитации говорится, кто были сотрудниками Иностранного отдела НКВД. Наряду с советскими разведчиками в его составе были “политэмигранты из Коминтерна, направленные в Особую группу Димитровым, Мануильским, Долорес Ибаррури”¹³⁰. В письме бывшего работника этой группы, Д.П.Колесникова, в ЦК КПСС также отмечается, что существовала “Особая группа, как героическое подразделение, куда входили видные работники Коминтерна...”¹³¹.

Таким образом, Иностраный отдел, как явствует из воспоминаний П.А.Судоплатова, Д.П.Колесникова, а также Н.И.Эйтингона, состоял не только из советских разведчиков-нелегалов, но и лиц, эмигрировавших в СССР по политическим и идейным мотивам и рекомендованных для разведывательной работы руководителями Коминтерна. С иностранным отделом сотрудничали (не в плане операций, а для добывания информации) немало крупных деятелей Коминтерна и даже дипломатов. Например, как рассказывал Павел Анатольевич, с советской разведкой активно сотрудничал болгарский посол в Москве Стаменов Иван Тодоров, находившийся во главе посольства Болгарии до сентября 1944 года. Судоплатов помнит, например, как царю Борису, по предложению Стаменова, от имени советского руководства Иностраный отдел НКВД готовил подарок: радиоприемник и расписные русские валенки. Работал на советскую разведку, естественно, не один Стаменов.

После приведенной выше резолюции Сталина о необходимости “огреть по голове Троцкого через ИККИ”, Менжинский и Ягода пытались осуществить акцию еще на Принкипо. С этой целью в печати, находившейся под влиянием коммунистов, стал усиленно муссироваться слух о подготовке белогвардейцами-эмигрантами покушения на Троцкого. Прокоминтер-

новские печатные органы и специальные лица, провоцируя бело-говардейцев, а возможно, и готовя их, одновременно создавали для себя политическое алиби. Но к тому моменту, когда подготовка операции, вероятно, вступила в завершающую фазу, изгнанник перебрался во Францию. Это был первый, "вялый" этап реализации явного желания кремлевского вождя окончательно устранить своего главного оппонента. Руководители ОГПУ надеялись, что им удастся направить ненависть поверженных белоэмигрантов на Троцкого. Не получилось. Изгнанник был очень осторожен.

Когда Троцкий ступил на землю Франции, он не мог не знать, что здесь имеются не только большие группы русскоязычного населения, но и неизмеримо большие, чем в Турции, возможности для ОГПУ. Люди из советской разведки быстро установили его местонахождение. Троцкий, как мы знаем, это сразу почувствовал и неоднократно менял квартиры, временами ведя образ жизни настоящего подпольщика. И хотя местопребывание Троцкого содержалось в глубокой тайне, "раствориться" полностью изгнаннику не удавалось, так как в помощниках у Седова был агент ОГПУ.

В начале 1935 года известный советский разведчик Сергей Михайлович Шпигельглаз, как мне удалось установить из ряда документов, получает устное задание от Ягоды, которое тот в свою очередь получил от хозяина Кремля: "ускорить ликвидацию Троцкого". Шпигельглаз, опытный разведчик и один из главных специалистов Иностранного отдела НКВД, для исполнения "высочайшего повеления" привел в действие всю агентуру во Франции, в том числе Игнатия Райсса, польского коммуниста, который работал на советскую разведку с 1925 по 1937 год, находясь последовательно в Германии, Франции, Австрии и Швейцарии.

Но Троцкий был очень осторожен. Есть основания предполагать, что его своевременно предупредили об организованной охоте на него. Очень вероятно, что это мог сделать именно Райсс. Известно, что окончательно порвав в 1937 году со своими хозяевами, он недвусмысленно выразил поддержку Троцкому, направив "Письмо в ЦК ВКП(б)", где писал: "Я шел вместе с вами до сих пор, но — ни шагу дальше. Наши дороги расходятся! Кто теперь еще молчит, становится сообщником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма... В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за мои заслуги перед пролетарской революцией. При сем возвращаю вам

этот орден. Носить его одновременно с палачами лучших представителей русского рабочего класса — ниже достоинства”¹³².

На Лубянке, а затем и в Кремле это произвело переполох. Райсс слишком много знал.

Через полтора месяца после своего мужественного шага, 4 сентября 1937 года, Игнатий Райсс был убит вблизи Лозанны. В его теле было обнаружено шесть пулевых ранений. Чтобы замести следы, убийцы засунули в карман жертвы паспорт на другое имя, но погибший был опознан. Лев Седов (под псевдонимом Н.Маркин) поместил в “Бюллетене оппозиции” некролог. Убийство было напоминанием Троцкому и его семье: смертельная охота на них продолжается.

Ясно, что мысль порвать со сталинизмом пришла к разведчику не в 1937 году, когда произошел прямой разрыв, а ранее. Я выдвигаю версию, согласно которой Райсс весной—летом 1935 года нашел способ предупредить Троцкого о надвигающейся опасности и посоветовать ему покинуть Францию, что тем и было вскоре сделано. Не случайно изгнанник принимает в это время особые, повышенные меры предосторожности: часто меняет места, окружает себя несколькими верными секретарями-телохранителями, почти отказывается от публичных выступлений и встреч с журналистами, меняет внешность и временами полностью переходит на нелегальное положение.

Люди Шпигельглаза несколько раз нападают на след Троцкого, устанавливают за ним наблюдение, выбирая подходящее время для акции, но... Троцкий вновь исчезает. В Москве нервничают, торопят, выражают резкое недовольство. Когда же в июне 1935 года становится известно, что Троцкий перебрался в Норвегию, Шпигельглаза вызывают в Москву. В это время там была уже совсем иная обстановка, нежели та, которую он оставил, отправляясь на задание во Францию. В стране уже началась “охота за ведьмами”. Шпигельглаз попал под подозрение.

Спустя полтора года, на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин заявил: “У нас не хватает одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную близорукость...”¹³³ Сталин обвинил спецслужбу в нерешительности и мягкотелости. Не случайно, что в резолюции по докладу Ежова, уже сменившего Ягоду, утверждалось, что ГУГБ НКВД имел возможности еще в 1932—1933 годах вскрыть заговор троцкистов и покончить с ними. Фактически делался зловещий упрек, что “главный враг” еще жив. В резолюции упоминается о “непресеченных связях” некоторых должностных советских лиц в Бер-

лине с Седовым, о "преступных" отношениях начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Молчанова с троцкистом Фурером и т.д. Кстати, таким образом выясняется, что работники Ягоды, а затем и Ежова, следили за зарубежными поездками всех высокопоставленных советских служащих. Об этом можно судить по докладам агентов НКВД из Парижа¹³⁴.

В постановлении Пленума ЦК Наркомвнуделу предписано "довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем, чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности". Выражение "до конца", зная Сталина, можно понимать буквально, то есть физически. Предлагалось "укрепить кадры ГУГБ НКВД новыми людьми". Ягода, не исполнивший воли вождя по устранению Троцкого еще во Франции, был обречен. Вскоре он был арестован и в 1938 году расстрелян. Это послужило определенным сигналом: Сталин не может держать руководителей, которые не в состоянии выполнять его поручения. Ягода обязан был обеспечить ликвидацию Троцкого. Конечно, в судебном процессе Вышинский и Ульрих не спрашивали бывшего руководителя ОГПУ, почему тот "вовремя не ликвидировал" Троцкого. Как бы там ни было, после ознакомления в Кремле с речью государственного обвинителя в ней появилось красноречивое дополнение: Ягода — "один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Винецкого и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким являлся и сам Ягода, который, вместо того чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма... Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни"¹³⁵. (Естественно, я не утверждаю, что Ягода оказался на скамье подсудимых только потому, что он не сумел ликвидировать Троцкого.)

Он понимал, что ему грозит: "Я знаю свой приговор, я его жду целый год"¹³⁶. В речи Вышинского содержатся многозначительные намеки: "Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направлял против интересов Советского государства и нашей революции изменник Ягода, а

разоблачены той настоящей, подлинно большевистской разведкой, которой руководит один из замечательнейших сталинских сподвижников Николай Иванович Ежов”¹³⁷. Когда во второй половине июля 1933 года Троцкий благополучно отплыл из Турции на теплоходе “Болгария”, Менжинский — председатель ОГПУ и его заместитель Ягода знали: Сталин никогда не забывает то, что он забывать не хочет. Менжинского спасла естественная смерть в собственной постели, а Ягodu “пристегнули” к правотроцкистскому блоку. Ягода не выполнил приказа Сталина, что было главной причиной расправы над ним. Эти люди должны были уступить свое место в руководстве ОГПУ другим, более исполнительным работникам. Шестой пункт резолюции февральско-мартовского Пленума по докладу Ежова не случайно гласил: “Добиться организационного укрепления надежной агентуры в стране и за рубежом”¹³⁸ (курсив мой. — Д.В.).

Это значило, что не только Ягода и его подручные, как можно было судить по постановлению ЦК ВКП(б), “проникли в органы НКВД как пособники троцкистов”¹³⁹, но и люди, подобные Шпигельглазу с его группой. Объяснения разведчика никто не захотел слушать. Теперь он был опасен: ведь ему дали понять перед отъездом, что поручение санкционировано свыше. Правда, еще какое-то время Шпигельглаз, будучи заместителем начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД, анализирует информацию, которую передает из Парижа в Москву Зборовский и докладывает ее по команде выше. Но ему уже не верят¹⁴⁰. Шпигельглаз был вскоре арестован, осужден, а позже расстрелян.

Павел Анатольевич Судоплатов, лично хорошо знавший Шпигельглаза, прокомментировал его судьбу: “Он не выполнил задания по ликвидации Троцкого. Тогда такого простить не могли”. Чтобы были более понятны воспоминания Судоплатова и имеющиеся у него документы, выдержки из которых я и дальше буду приводить, коротко скажу о судьбе самого разведчика.

Заместителю начальника Иностранного отдела Судоплатову поручали ряд важных заданий руководства. Позже он напишет в Политбюро из Владимирской тюрьмы: “Я не щадил себя в этой работе, когда в интересах дела, будучи еще молодым советским разведчиком, нелегально переходил границы враждебных нам государств с паспортами и без документов, через леса и болота Финляндии и когда в течение полтора лет, проникнув в логово врага, вращался и жил в штаб-квартирах и квартирах руководящих кругов германо-фашистской террористической

организации украинских националистов (ОУН) в Берлине, Вене, Брюсселе, Париже, Хельсинки, Эстонии, Голландии. Так было и тогда, когда партия утвердила меня в должности организатора разведывательно-диверсионной работы против гитлеризма и военно-стратегических баз США вокруг СССР. Боевые операции, проведенные мною и тов. Эйтинггоном Н.И., завершились уничтожением руководителя фашистской ОУН в мае 1938 года, наступившим после этого расколом в ОУН на три части, после чего они занялись взаимным истреблением в 1939—1943 годах. Потерпел полный крах и так называемый IV троцкистский Интернационал. Фашистской ОУН я был приговорен к смерти¹⁴¹. После XVIII съезда партии (март 1939 г.) Иностраный отдел был преобразован в Первое управление НКВД, которое возглавил П.М.Фитин, а П.А.Судоплатов был назначен его заместителем. Но в составе управления продолжала существовать и Особая группа, которой руководил известный разведчик, бывший эсер Яков Исакович Серебрянский. Позже, после июня 1941 года, Особая группа была выделена в крупное самостоятельное подразделение.

С началом войны создали специальную группу для диверсионной работы в тылу фашистов. В приказе наркома внутренних дел № 00882 от 5 июля 1941 года говорилось:

”1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД.

2. Особую группу подчинить непосредственно народному комиссару...”¹⁴².

Расширение масштабов диверсионной деятельности на оккупированной противником территории привело к преобразованию Особой группы при наркоме в самостоятельный 2-й отдел НКВД. Но и на этом преобразования не прекратились. Приказом наркома внутренних дел за номером 00145 от 18 января 1942 года этот отдел был преобразован в Четвертое управление НКВД СССР¹⁴³. Начальником Особой группы при наркоме был Судоплатов, ставший 9 июля 1945 года генерал-лейтенантом, а его заместителем — Наум Исакович Эйтингон, которому тем же постановлением правительства было присвоено звание генерал-майора. Кстати, оба к своим многим боевым наградам добавили и по полководческому ордену — ордену Суворова.

Из рядов Особой группы и подразделений, которыми руководили 2-й отдел, а затем и Четвертое управление НКВД, вышли 22 Героя Советского Союза, многие из которых известны всей стране. Это — Д.Н.Медведев, Н.А.Прокопюк, С.А.Вауп-

шасов, К.П.Орловский, Н.И.Кузнецов, В.А.Карасев, А.Н.Шихов, Е.И.Мирковский и другие. Люди Судоплатова активизировали партизанское движение на оккупированных территориях, организовывали террористические операции по уничтожению предателей, немецких руководителей и т.д. При непосредственном участии офицеров Четвертого управления были ликвидированы руководители украинского националистического движения Коновалец, Шухович, нацистский генерал Ильген, гитлеровский судья Функ, гауляйтер Кубе и т.д.

Судоплатов в своем письме в Политбюро сообщает о фактах, которые до недавнего времени были тайной за семью печатаями, но о которых по прошествии почти полувека стали говорить. В частности, обращаясь из советской тюрьмы к высшему руководству, разведчик напоминал: "В 1944—46 годах мы по совместительству возглавляли разведывательное бюро Спецкомитета при Совнаркоме СССР по атомной проблеме. Активно использовался важный канал информации о научно-технических разработках атомного оружия. Материал этот был использован академиками Курчатовым, Кикоиным, Алихановым, Александровым, руководителями промышленности Ванниковым и Завенягиным. В системе НКВД—НКГБ это возглавляемое мною подразделение носило название "Отдел С". О результатах нашей работы регулярно посылались соответствующие отчеты в ЦК"¹⁴⁴. Так что "гладиаторы" Системы занимались широким спектром проблем...

А почему Судоплатов, Эйтингон, Серебрянский и другие разведчики из Особой группы оказались в тюрьме?

После ареста Берии летом 1953 года были вскоре арестованы и эти люди. Главное обвинение состояло в том, что "они были особо доверенными людьми бывшего наркома внутренних дел". Прямое подчинение подразделения, которым руководили Судоплатов и Эйтингон, наркому внутренних дел сыграло роковую роль. Судоплатов просидел в тюрьме долгих 15 лет. Он был лишен звания генерал-лейтенанта и всех орденов. Эйтингон пробыл в неволе на три года меньше, а Серебрянский так и умер в тюрьме. Хотя все, что делали эти и другие люди, выполняя особо важные задания, было с ведома и по решению ЦК, и именно туда они (как и их начальники) регулярно докладывали о ходе "работы". Специальный отдел в ЦК осуществлял непосредственное руководство всей деятельностью этих разведывательных и террористических органов. Вся полнота ответственности за многочисленные "акции", противоречащие правовым нормам и общечеловеческой нравственности,

целиком лежит на штабе большевистской партии. Силовые, бесчеловечные, террористические тенденции, постоянно усиливавшиеся после Октября 1917 года, сопровождали весь путь всеильной карательной системы.

Так, например, все важнейшие шаги "по делу Старика" (Троцкого) согласовывались с ЦК. Вот "Выписка из сводки в ЦК ВКП(б) от 5 марта 1938 года". В ней говорится о том, что 21 февраля в Париже "собралась комиссия в составе Клемана, Русса и Зборовского. Жанна Мартен явилась в сопровождении Раймона Молинье (т.е. своего мужа. — Д.В.). Она заявила членам комиссии, что целиком согласна с предложением послать документы Троцкого, но она не верит комиссии и не желает, чтобы в этом деле участвовали Клеман, Русс и Зборовский, которым она не доверяет..."¹⁴⁵ Даже в таких текущих оперативных вопросах мнение соответствующих сотрудников ЦК было обязательным, тем более что речь шла о возможности получить еще один массив документов Троцкого. Так что вина Судоплатова и его "подельцев" сегодня выглядит совсем иначе, чем в 1953 году... Вот теперь, кажется, читатель знает об этих людях вполне достаточно для того, чтобы я перешел к рассказу об их роли в судьбе далекого изгнанника.

После неудачных попыток ликвидации Троцкого в Турции и во Франции (в Норвегии, ввиду кратковременности его пребывания там, даже не успели развернуть серьезную подготовительную работу) Сталин не оставил мысли устранить своего непреклонного обличителя. Это намерение окрепло после того, как в конце 1936 года "вождь советского народа" получил из Франции известие о подготовке к изданию книги Троцкого "Преданная революция". В ней, как Сталин узнал из сообщений, а потом и из копии рукописи, которую выкрали у Седова, основной удар наносился лично ему. Тем более что Троцкий не раз в своих интервью давал понять, что он намерен "в ближайшее время" обратиться к специальной работе о Сталине. Сама мысль об этом для кремлевского диктатора была невыносимой.

После смерти Седова Секретно-политическому отделу нужно было определить дальнейшую судьбу Зборовского. В апреле 1938 года в Париж прибывает специальный представитель Центра (разумеется с дипломатическим паспортом и надежной "крышей"), чтобы на месте решить, как использовать "Тюльпана" (т.е. Зборовского. — Д.В.) дальше. Первым делом шифровка в Москву: "Дор. Дуглас, приехал, устроился. Все в порядке..."¹⁴⁶

Московский представитель под кличкой “Вест” сообщает, что после смерти “Сынка” положение “Тюльпана” стало трудным. В шифровке отмечается, что наибольшая опасность их агенту исходит со стороны “Соседки” (Л.Эстрин), но что “Тюльпан” эту угрозу “совершенно недооценивает”. Ко всему прочему он “очень ленив по природе”. “Вест” испрашивает разрешения Центра на то, чтобы Зборовский сосредоточился на получении троцкистской информации, продолжении работы с “Бюллетенем оппозиции”, оказании влияния в “русской секции IV Интернационала”. Но главное, Секретно-политический отдел пытается использовать своего агента, оставшегося без работы, для проникновения к “Старику” — Троцкому.

Для этого предлагается “внедриться в охрану “Старика”. Но Ван (секретарь Троцкого. — Д.В.) не ответил на письмо “Тюльпана”. Очередным пароходом будет снова послано письмо Вану...” Далее “Вест” упоминает о “софийском методе” (попытка взрыва квартиры в Софии агентами НКВД), о необходимости, если не удастся ввести в охрану “Старика” Зборовского, направить через Международный секретариат “пару-тройку немцев-троцкистов”. Эти люди “нам могут оказаться очень ценными в будущем и в ином отношении”¹⁴⁷.

Предложения “Веста” принимаются, и из Испании и Советского Союза в Мексику потянулись новые люди — “троцкисты”, готовые к исполнению любых приказов. Пока Троцкий писал, постепенно забывал Фриду Кало, вел контрпроцесс, оборудовал свою личную крепость в Койоакане, в безоблачном мексиканском небе над изгнанником сгушались невидимые тучи.

Вскоре из Парижа приходит еще одна шифровка: “Нужно продвигать “Тюльпана” к “Старику”. Вышлите проект письма “Тюльпана” к “Старику” и только после получения нашей санкции — письмо должно быть отправлено”¹⁴⁸. Как видим, в Центре рассматривали несколько вариантов проникновения в окружение Троцкого.

А тем временем Троцкий, осев в Мексике, не ослабил своей идейной и моральной борьбы с диктатором. В начале 1939 года, как мне удалось установить, Сталин провел узкое совещание с единственным вопросом: о необходимости ускорения ликвидации Троцкого. В Европе пахло войной, страна была к ней не готова, а на стол к вождю почти ежедневно ложились донесения из-за рубежа от дипломатов и разведчиков о новых и новых разоблачениях, заявлениях, пророчествах и призывах Троцкого. Чего стоит только его недавняя статья “Тоталитарные

пораженцы"! Троцкий в ней пишет о разгроме Сталиным армии с помощью мехлисов и ежовых, что может привести страну в надвигающейся войне к поражению. Вот заключительный абзац статьи: "Пораженчество, саботаж и измена гнезятся в опричнине Сталина. Обер-пораженцем является "отец народов", он же — их палач. Обеспечить оборону страны нельзя иначе, как разгромив самодержавную клику саботажников и пораженцев. Лозунг советского патриотизма звучит так: долой тоталитарных пораженцев! вон Сталина и его опричнину!"¹⁴⁹

Или вот еще: сообщение о новой статье Троцкого "За стенами Кремля". В ней изгнанник со знанием дела говорит о судьбе А.Енукидзе, одного из приближенных вождя. Автор утверждает, что Енукидзе был расстрелян после того, как пытался "остановить руку, занесенную над головами старых большевиков"¹⁵⁰. В этом же январском номере 1939 года должна была появиться статья, посвященная годовщине смерти Льва Седова. Но у Троцкого не хватило сил ее написать. В своем ответе Этьену (Зборовскому. — Д.В.) койоаканский затворник пишет:

"Дорогой друг!

...Я вряд ли способен дать теперь что-либо на эту тему. Я надеюсь, что Вы сами, хоть в нескольких строках, отметите годовщину... Большая Ваша заслуга, что вы столь аккуратно и тщательно выпускаете "Бюллетень". Это вам зачтется...

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д."¹⁵¹.

Кремлевский руководитель не хотел больше терпеть разоблачений и ядовитых уколов. Сталин устал ждать, пока его скуратовы — вначале Менжинский, затем Ягода, а потом и Ежов — будут бесплодно пытаться устранить Троцкого с политической сцены. Сталин, отдав необходимые распоряжения новому главе ведомства Л.П.Берии, решил лично поставить задачи исполнителям. В марте 1939 года к нему вызвали комиссара государственной безопасности 3-го ранга П.А.Судоплатова. Павел Анатольевич так рассказывал об этой встрече.

Сталин, поздоровавшись, предложил Судоплатову сесть, а сам молча продолжал расхаживать по своему огромному кабинету. Наконец он стал говорить о том огромном зле, который приносят Троцкий и троцкизм стране, коммунистическому движению.

— Вы, конечно, знакомы с материалами открытых судебных процессов. Там довольно убедительно была вскрыта дея-

тельность троцкистских бандитов. Кому положено — понесли заслуженную кару. А главный вдохновитель продолжает свое черное дело. Вы знаете, конечно, что он поставлен нами вне закона.

Сталин выразительно посмотрел на Судоплатова и продолжал не спеша прохаживаться по дорожке.

— Этот фашистский наймит должен быть ликвидирован. Без долгих промедлений. Думаю, что с этим справитесь Вы. Для этого нужно с верными людьми выехать в Мексику. Вы готовы?

Судоплатов, вспоминая тот далекий разговор, сказал, что сотрудники Иностранного отдела сделают все необходимое для исполнения его, Сталина, указаний. Но при этом заметил, что лично он плохо знает мексиканскую специфику и не владеет испанским языком.

— А Эйтингон? — знающе перебил Сталин. — Берите кого хотите. Не жалейте средств. Привлеките и местные силы. Продумайте все тщательно и доложите. До свидания.

Вскоре Судоплатов еще раз был у Сталина, где устно изложил возможные варианты операции, которую можно будет детально спланировать лишь на месте. В управлении решили, что операцию лучше всего возглавить Науму Исааковичу Эйтингону — сорокалетнему опытному разведчику. Сталин попросил рассказать о нем.

Судоплатов, волнуясь, набросал словесные штрихи портрета разведчика: член партии с 1919 года, знает несколько языков. Работал у Дзержинского, который его весьма высоко ценил. Учился в военной академии. Блестящий знаток Дальнего Востока и Америки. В его биографии есть эпизоды, связанные с "делом Чжан Цолия" в Китае и спасением там же В.Блюхера. Очень хорошо проявил себя в Испании, свободно владеет испанским языком. Надежен, находчив, тверд.

— Ну вот и решили. Действуйте, — не стал больше слушать Сталин. Подчеркнул на прощание, что задача по ликвидации Троцкого — поручение ЦК... — Не мне Вам говорить, что это значит, — многозначительно бросил хозяин кабинета.

К слову, в своем обращении к Никите Сергеевичу Хрущеву, отправленном из знаменитой Владимирской тюрьмы № 2 в сентябре 1963 года, Н.И.Эйтингон писал: "С 1925 года, после окончания Академии имени Фрунзе до начала Отечественной войны находился за пределами страны на работе в качестве..." (там, где Эйтингон не хотел писать лишнего в открытом письме, он ставил многоточие. — Д.В.). Приговоренный к 12 годам

разведчик перечисляет в письме выполненные им в разное время задания. В их числе — ”работа, сделанная в Америке. Этой работой ЦК был доволен. Мне было официально объявлено от имени Инстанции, что проведенной мною работой довольны, что меня никогда не забудут, равно как и людей, участвовавших в этом деле. Меня наградили тогда орденом Ленина... Но это только часть работы, которая делалась по указанию партии”. В письме подчеркивается, что ”личных заданий б. наркома никогда и ни в одном случае не выполняли...”¹⁵²

Сын Наума Исааковича Эйтингона, профессор Владимир Наумович Эйтингон, в беседе со мной рассказывал: ”Оставаясь сыном своего отца, очень незаурядного человека, я заставляю себя иногда посмотреть на него как бы со стороны. Отец был талантлив. Если бы он был химиком — стал бы академиком; физиком — тоже. Думаю, в любой области он добился бы выдающихся успехов. Самостоятельно отец освоил четыре языка: французский, английский, немецкий и испанский. Он был предан идее и верил, что дело, которому он служил, приближает час торжества высоких идеалов. Жизнь обманула не только Наума Эйтингона, прошедшего 17 лет на нелегальной работе за рубежом, долгое время в партизанских отрядах Великой Отечественной войны, 12 лет в советской тюрьме. Это жертва Системы”.

Думаю, во многом профессор В.Н.Эйтингон прав. ”Гладиаторы” Системы, действовавшие на невидимой арене, верили, что совершают подвиги... У трагедии могут быть разные причины. На сцене, где действовали ”бойцы невидимого фронта”, все были жертвами ложной Идеи и тоталитарной Системы. Об Эйтингоне следует еще сказать, что он с другими разведчиками серьезно помог нашим физикам-атомщикам ускорить решение, как тогда говорилось в секретных бумагах, ”проблемы № 1”. В частности, с помощью разведки удалось не повторять некоторых ошибок американцев в процессе работы над атомным проектом... Все это я говорю не в оправдание кого-либо, а прежде всего для выяснения истины.

Впрочем, если бы Троцкий знал о задании, полученном сотрудниками НКВД, он мог бы вспомнить, что устранение негодных политических лиц практиковалось уже в то время, когда он еще входил в высшее руководство государства и партии. В немецких архивах удалось обнаружить любопытные документы (перебежчики, невозвращенцы, просто предатели существовали всегда), свидетельствующие, что Иностраннный отдел ОГПУ занимался этими делами давно. Вот выдержка из копии

документа, направленного начальником Иностранного отдела ОГПУ М.Трилиссером, по-видимому, одному из своих агентов в Германии:

”Москва. 19.20/5.24

Сов.секретно

Уважаемый товарищ!

1. Артур Кох, Винклер, Кусфельд, Бенцманн, Шпанге, Эльза Штюцц, Мадеркребс и Зенгер в достаточном количестве были снабжены инструкциями по пользованию инъекциями и должны были освоить их полностью.

2. В любом случае должны быть устранены Сан, Кайзер, Штютгер и Нойманн.

3. С арестованными в любом случае должен быть установлен контакт или связь, и надо передать директивы, как им вести себя...

7. ...Ссылки на нас абсолютно недопустимы...”¹⁵³

Впрочем, то, что органы занимались устранением неудобных, признавали и подручные Сталина, правда, в связи с другим “делом”. В своей обвинительной речи 11 марта 1938 года Вышинский заявил: “Ягода стоял на высоте техники умерщвления людей самыми коварными способами. Он представлял собою последнее слово бандитской “науки”...”¹⁵⁴ Что верно, то верно: Ягода был инициатором создания более совершенных средств умерщвления людей, которых ОГПУ вычеркивало из жизни.

Так что преступная практика ликвидации политических противников была и во времена, когда Троцкий был всемогущим, и позднее. Впрочем, она существовала (а возможно, и существует) и в других странах... Варварство медленно уступает место цивилизации, особенно в сфере политики.

О своем участии в операции по ликвидации Троцкого П.А.Судоплатов пишет в Политбюро ЦК КПСС, ходатайствуя о реабилитации: “В конце 1938 года усилиями Деканозова, назначенного новым начальником Иностранного отдела, и Берии я был обвинен “в преступных связях с Шпигельглазом”. Мне грозил арест. Да и Эйтингону тоже. В подвешенном состоянии я находился до марта-апреля 1939 года. К этому подоспело возложенное на меня и Эйтингона новое боевое поручение ЦК ВКП(б); все вокруг нас утихомирилось, и мы начали активно готовиться к проведению операции в Мексике. И провели ее в августе 1940 года”¹⁵⁵.

Судоплатов остался в Москве “обеспечивать и координировать” готовящуюся операцию, а Эйтингон и большая группа

разведчиков, главным образом прошедших Испанию, отправилась в Мексику. В ней были, в частности, испанцы — слушатели военных академий — Мартинес, Альварес, Хименес, а также чекисты Рабинович, Григулевич и другие сотрудники, хорошо знавшие Латинскую Америку. Должен был быть в новой мексиканской "команде" и "Тюльпан", но он оказался на Американском континенте, когда изгнанник был уже мертв. Его непосредственная помощь в ликвидации Троцкого уже не потребовалась¹⁵⁶. Зборовский в дальнейшем попытался выйти из игры, занялся наукой и даже смог вместе с Маргарет Мид выпустить в 1952 году книгу "Жизнь остается людям", посвященную антропологии евреев в Восточной Европе. Находясь под подозрением за шпионаж, в 1956 году он был арестован, но потом освобожден. Затем в 1962 году арестован вновь и приговорен к четырем годам тюрьмы. Он смог написать еще одну книгу по антропологии — "Люди в страдании". Но занимаясь литературным творчеством, о своей разведывательной деятельности в качестве агента НКВД не упоминал¹⁵⁷. А ему было что сказать. Тем более что его косвенная помощь в организации охоты на Троцкого в Койоакане сыграла свою роль, о чем я скажу позже.

Под видом беженцев из Испании в мексиканской столице все оседали и оседали лица, которые могли быть использованы для операции. Но вначале, на основании указаний коминтерновского руководства, которое уже давно действовало только по указке Кремля, в Мехико была организована шумная кампания с требованием выслать Троцкого из страны.

Мексиканская компартия опубликовала многочисленные, изготовленные в Москве материалы о "предательстве дела рабочего класса" Троцким, его связях с немецкой и английской разведками, причастности изгнанника к подготовке террористических акций против советских руководителей. Улицы Мехико были заклеены листовками, из которых явствовало, что Троцкий "готовит революцию" в Мексике с целью установления фашистской диктатуры... По сути, "пережевывались" материалы московских чудовищных политических судилищ.

Одновременно НКВД в Москве искало дополнительные "аргументы" в подтверждение "шпионской деятельности" Троцкого. В конце 1938 года в Политбюро пришло совершенно секретное донесение, подписанное Ежовым (это был, кажется, последний документ кровавого наркома) и начальником ГУГБ НКВД Берией, в котором говорилось, что найдены дополнительные доказательства того, что Троцкий еще до Октябрьской

революции сотрудничал с немецкой разведкой¹⁵⁸. Но это была столь явная фальшивка, что ею не заинтересовались.

Троцкий с женой чувствовал, как сжимается кольцо вокруг их последнего прибежища. Охрана и секретари все чаще замечали людей, машины, которые медленно проходили или проезжали мимо дома по улице Вены, внимательно разглядывая особняк. Окружение Троцкого говорило ему, что дом находится "на прицеле". За всеми, кто входил и выходил, было установлено наблюдение. По просьбе Троцкого, обращенной к властям столицы, усилили полицейскую охрану особняка. К этому же времени относится и письмо, полученное Троцким от неизвестного доброжелателя, предупреждавшего изгнанника о надвигающейся грозной опасности. Теперь мы знаем, что это предостережение направил в Койоакан Александр Орлов, бывший высокопоставленный сотрудник ОГПУ, работавший одно время вместе с Эйтингоном в Испании. Поводом для невозвращения Орлова в Москву явился арест его родственника Кацнельсона в Киеве. Он понял, что тень подозрения пала и на него. Прихватив 60 тысяч долларов казенных денег, он вместе с женой и дочерью бежал за океан.

Но Троцкий с сомнением и недоверием отнесся к конкретным предостережениям, в частности, в отношении Этьена (Зборовского), заменившего сына в редакции "Бюллетеня". Изгнаннику везде чудились провокации. Предостережение Орлова не сыграло той роли, на которую рассчитывал бывший советский резидент в Испании. Нужно сказать, что не только Троцкий оказался в осаде. Многие его самые близкие сторонники также находились под наблюдением секретных агентов, вербуемых часто из сотрудников Коминтерна. Узнать адреса многих приверженцев Троцкого помог все тот же "Тюльпан" (Зборовский). В августе 1937 года он сообщал в Москву, что "Сынок" уехал из Парижа и поручил ему вести все дела: переписку, текущую корреспонденцию, связь с различными лицами, пересылку почты и документов "Старику" и т.д. Далее в донесении говорится, что, для того чтобы "Мак" мог вести всю корреспонденцию самостоятельно, "Сынок" передал ему свой "маленький блокнот", в котором имеются все адреса, используемые "Сынком". "Как известно, об этом блокноте и его обладании мы мечтали в течение целого года, но нам никак не удавалось его заполучить ввиду того, что "Сынок" никому его на руки не давал и всегда хранил при себе. Мы Вам присылаем этой почтой фото этих адресов. В ближайшее время мы их подробно разработаем и пришлем. Имеется целый ряд интересных

адресов..."¹⁵⁹ В том числе здесь были адреса лиц из непосредственного окружения Троцкого в Мексике.

НКВД знал о Троцком слишком много, чтобы у того остались шансы уцелеть.

По указанию лидера IV Интернационала в печати была помещена небольшая статья "Жизнь Л.Д.Троцкого в опасности", в которой общественности сообщалось, что изгнаннику известно о готовящемся на него покушении. В публикации ясно говорилось и о том, откуда исходит угроза: от Сталина, Москвы, НКВД. В ней подчеркивалось: "Пока жив Л.Д.Троцкий, роль Сталина, как истребителя старой гвардии большевиков, не выполнена. Недостаточно приговорить тов. Троцкого вместе с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и др. жертвами террора к смерти. Нужно приговор привести в исполнение". В статье речь также шла о том, что в Койоакане уже "была произведена попытка покушения на тов. Троцкого. Под видом посыльного, принесшего подарок, в дом пытался проникнуть подозрительного вида человек. Попытка эта сорвалась, так как поведение его показалось подозрительным. Воспользовавшись случаем, он скрылся, оставив поблизости пакет с взрывчатым веществом"¹⁶⁰. В статье указывались фамилии сталинских агентов, прибывших в Мексику из Испании. Некоторые фамилии были верны. Но в этом списке не было ни Эйтингона, ни Меркадера, ни Григулевича, ни других основных лиц, входивших в группу для проведения операции. В оперативной жизни у них у всех были, разумеется, другие фамилии и другие имена.

В это же время Троцкий пишет два письма в редакцию "Бюллетеня", где сообщает: "В ближайшие два-три месяца вы не должны ждать от меня новых больших статей. Я обязался в течение ближайших 18 месяцев написать книгу о Сталине и закончить книгу о Ленине..." Через два дня он пишет по тому же адресу: "...относительно статей товарища Бармина*, то они прибыли в такой момент, когда у нас здесь была большая тревога (попытка покушения того типа, который был применен в Болгарии против Солоневичей). Я вынужден был на известное время покинуть квартиру без рукописей и документов..."¹⁶¹ Отправив подготовленные материалы в "Бюллетень", Троцкий скрылся в одной из мексиканских деревень. А копии его статей для "Бюллетеня" уже были на пути в Москву. Щупальцы ста-

---

* Александр Бармин, временный поверенный советского посольства в Афинах, ставший невозвращенцем — Д.В

линских агентов по-прежнему цепко держали изгнанника. "Вест" сообщал в Иностранный отдел: "Бюллетень" выйдет 15 апреля. Почти все — статьи "Старика", часть которых Вы получите или получили последней почтой..."¹⁶²

В Москве знали, что Троцкому известно о готовящейся акции против него. Один из крупных советских разведчиков Яков Исакович Серебрянский в конце 30-х годов смог похитить часть архива Международного секретариата троцкистов в Париже при помощи того же Зборовского. Там есть документы, из которых явствует, что в секретариате знали о возможности покушения на Троцкого с целью "возмездия террористу". Например, в документе, датированном еще 19 ноября 1935 года, указывается, что на заседании, где присутствовали Мартин, Люран, Дюбуа, Кларг, Менье, Корин, было рассмотрено письмо Фреда Зеллера, посетившего Советский Союз, а затем побывавшего у изгнанника в Норвегии. В этом письме содержалось предложение "убить Сталина". Письмо Зеллера признано секретариатом явно "провокационным"¹⁶³. Сталину был выгоден миф о готовящемся на него "покушении троцкистов", ибо тогда более оправданными выглядели не только карательные меры в собственной стране, но и действия Иностранного отдела НКВД, развернувшего ширококомасштабную охоту на Троцкого за рубежом.

В "архиве Снейвлита", также оказавшегося в руках НКВД, есть немало документов, свидетельствующих, что в окружении Троцкого чувствовали: полным ходом идут приготовления к физическому устранению Троцкого, антисталинский голос которого не умолкал. Один из приближенных изгнанника, Крукс, писал своему единомышленнику Келлеру: "Над товарищем "Ц" (Троцким. — Д.В.) нависла смертельная опасность со стороны ГПУ; необходимо предпринять все меры для спасения тов. "Ц"¹⁶⁴.

Наум Исакович Эйтингон, непосредственно возглавивший проведение операции, приступил к ее подготовке, как в принципе и было решено в Москве, в двух вариантах: силами Мексиканской компартии и боевика-одиночки.

Давид Альфаро Сикейрос, знаменитый мексиканский художник, довольно подробно описывает мотивы и намерения своих сообщников, решивших, что "штаб-квартира Троцкого в Мексике должна быть уничтожена, даже если бы пришлось прибегнуть к насилию"¹⁶⁵. Но Сикейрос не может сказать всей правды. Он ничего не говорит об участии в операции компартии Мексики, о людях — немексиканцах, — планировавших ее.

Для исторического оправдания Сикейрос пытается изобразить операцию лишь как результат недовольства мексиканцев-интернационалистов действиями троцкистов в Испании. Его расуждения о роли ПОУМ*, "предательстве" троцкистов в гражданской войне, мягко говоря, натянуты и исторически некорректны. Невозможно поверить в намерения большой группы: "Наша главная цель, или глобальная задача всей операции, состояла в следующем: захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития"¹⁶⁶. Может быть, именно для этого они прихватили пулемет?

Думаю, все это говорилось для суда, для общественности, для камуфляжа той жестокой акции, которой дирижировали из Москвы. Сикейрос все изображает почти спонтанным, стихийным порывом мексиканцев-интернационалистов, сражавшихся в Испании, отомстить Троцкому за дела ПОУМ, вносившей, по мнению автора воспоминаний, раскол в ряды сражавшихся республиканцев. В книге "Испанские коммунисты" Хезус Фернандес Томас пишет, что вся вина руководителей ПОУМ Андреса Нина и Хаокина Маурина заключается в том, что они не хотели слепо копировать советский опыт. Еще в 1932 году Х.Маурин писал: "Советы — это русское творение, которое не удастся приспособить к какой-либо другой стране... Подчиниться заблаговременно каким-либо конкретным формам — значит обречь себя на поражение". А.Нин разделял эти взгляды, что, по словам Х.Фернандеса, и обрекло на гибель руководителей ПОУМ. Ликвидацией А.Нина руководил Орлов (тот самый, который будет предупреждать Троцкого об опасности со стороны агентов НКВД). С тех времен и существует легенда о троцкистском заговоре и восстании троцкистов в Испании¹⁶⁷. В общем, если верить книге Сикейроса, то дело сводилось просто к революционному возмездию. Сикейрос, командовавший в Испании в чине подполковника 82-й бригадой, особенно отличившейся под Теруэлем, сколотил в Мексике боевую группу для террористической операции.

Под руководством Эйттингона, который в группе, однако, открыто не появлялся, шла интенсивная подготовка к операции. Предусмотрено было все: способы нейтрализации полицейских, охранявших особняк по периметру, обезоруживание внутренней охраны, нарушение телефонной связи, порядок дей-

---

* ПОУМ — рабочая марксистская партия, находившаяся под влиянием троцкистов. — Д.В.

ствий групп прикрытия и захвата, поджог и уничтожение архива и т.д. Но главными были две задачи: ликвидация хозяина дома и уничтожение его бумаг (Сталин ни на минуту не забывал о книге, над которой сейчас день и ночь работал Троцкий). Казалось, предусмотрено было все. Но, как часто бывает, в события вмешался Его Величество Случай.

1 Мая 1940 года по площадям Мехико прошли тысячи трудящихся столицы, неся подготовленные коммунистами плакаты и лозунги, призывающие не только к классовой солидарности угнетенных, но и требующие от президента Ласаро Карденаса немедленно выдворить Троцкого из страны. Изгнанник, хотя и привык, казалось бы, к непрекращающейся травле и поношениям, в глубине души тяжело переживал ту ненависть, которую вызывала его деятельность в Мексике.

Весь май он лихорадочно писал очередную главу книги о Сталине, статьи “Роль Кремля в европейской катастрофе” и “Бонапартизм, фашизм, война”, отвечал на письма. Накануне майского покушения Троцкий написал письмо Саре Вебер, взявшей на себя заботы по выпуску в Штатах “Бюллетеня”. Он успокаивал ее, заявляя, что впадать в уныние из-за отсутствия денег не стоит. “Будем выпускать номер, когда будут деньги”¹⁶⁸. Написал полемическое письмо своему оппоненту Вайсборду. Он критиковал его группу за недооценку работы “левой” оппозиции, разъяснял некоторые теоретические вопросы. В частности, он писал: “У Ленина вы, конечно, ничего не найдете о демократическом централизме, ибо еталинская фракция сложилась после смерти Ленина”¹⁶⁹.

Еще в середине мая он рискует выйти на час-другой за ворота своей крепости, под охраной двух-трех телохранителей. “Обычно каждая прогулка, — вспоминал позже один из его сотрудников, пожелавший назваться лишь инициалами К.М., — была небольшой военной экспедицией. Надо было заранее выработать план и установить точное расписание. “Вы со мной обращаетесь, как с неодушевленным предметом”, — говорил он иногда, скрывая улыбкой нетерпение”¹⁷⁰.

В ту теплую ночь, когда часовая стрелка уже показывала наступление нового дня — 24 мая, Троцкий еще работал. Жена давно спала, как и их внук Сева, в соседней комнате. Из окна кабинета Троцкого с полуприкрытой изнутри бронированной ставней, свет пробивался до половины третьего ночи. Троцкий долго не мог уснуть, ворочался; наконец, приняв снотворное, стал погружаться в сон...

О дальнейшем, по моему мнению, лучше всего рассказала

Наталья Ивановна в своей малоизвестной работе "Жизнь и смерть Льва Троцкого". Спавших разбудила ожесточенная беспорядочная пальба вокруг дома около четырех часов утра. К этому моменту все полицейские были обезоружены подъехавшей большой группой вооруженных людей под командой плотного "майора". Мы почувствовали, еще не осознавая, что произошло, вспоминала Наталья Ивановна, как от стен брызжут осколки бетона. Комната наполнилась пороховой гарью. В открытое окно непрерывно изрыгался поток пуль. Столкнув Троцкого в угол за кроватью, Седова прикрыла его своим телом. Стрельба продолжалась минут двадцать. За стеной раздался пронзительный, страшный крик перепуганного внука: "Деда!". Супруги обмерли: неужели погиб и Сева? "Крик ребенка, — вспоминал позже Троцкий, — это самый тяжелый момент той ночи". В наступившей тишине был слышен шепот из-за:

— Они похитили его... Они его похитили... Похитили...

Пахло гарью, внутри дома что-то горело. Но все стихло так же внезапно, как и началось. Троцкий с женой кинулись разыскивать внука. К счастью, он оказался почти невредимым, если не считать несерьезной царапины, полученной от отскочившей рикошетом пули.

Возбужденные охранники, среди которых тоже никто не пострадал, наперебой рассказывали Троцкому, как все было. Здесь же стояли и их гости — перепуганные Маргарита и Альфред Росмеры. Я уже говорил, что они прожили несколько недель у четы Троцких, скрашивая их печальную и тревожную жизнь. Росмеры привезли затворникам большую почту: книги, письма, часть архива. В одном из первых разговоров по приезде Росмер рассказал о встречах с женой Игнатия Райсса — Эльзой, с Л.Эстрин, Этьеном, о том "как все они преданы ему — признанному вождю нового Интернационала". А о Этьене (мы знаем, что это М.Зборовский) Росмер сказал, что за его "надежность он ручается головой и дает ему самую лучшую характеристику"¹⁷¹. Знали ли они, стоя сейчас перед Троцким, перепуганные и чудом уцелевшие, что здесь только что бывали такие же "этьены", ведомые все тем же Центром.

Сообща, в возбуждении и горячности восстановили картину ночного нападения.

Более двух десятков человек в полицейской и армейской форме с оружием (был даже пулемет) внезапно подъехали и мгновенно разоружили охрану. Роберт Шелдон Харт, стоявший у ворот, по требованию "майора" тут же открыл ворота. Вор-

вавшиеся люди обезоружили и внутреннюю охрану, открыв при этом яростную стрельбу по окнам и дверям кабинета и спальни Троцкого. Пулемет работал длинными очередями прямо в окно спальни. Казалось, ничто живое не может остаться в комнатах. Просто невероятно, что чета Троцких осталась жива. У них, возможно, был один шанс из ста, чтобы уцелеть. И этот шанс оказался на их стороне. Дело в том, что небольшое мертвое пространство, образовавшееся в углу, ниже окна, спасло супругов. А многочисленные пули рикошетом попадали в прикрывавшую их кровать. Вероятно они оказались в единственном месте, где можно было выжить в этом ливне свинцового дождя. Судьба вновь была благосклонна к изгнаннику.

Раннее утро встретило возбужденных людей за бетонной оградой, энергично жестикулирующих, говорящих, удивляющихся, радующихся, что небытие прошло стороной. Даже угон двух машин Троцкого — “форда” и “доджа” — казался пустяком по сравнению со спасенными жизнями. Пожар удалось быстро потушить: архивы уцелели. Бомба, брошенная напоследок в дом, к счастью, не взорвалась.

В то утро условленный телефонный звонок был принят из Мехико в Нью-Йорке. В тот же день он был расшифрован в Москве и доложен Сталину: “Операция проведена. Результаты будут ясны позже”.

Прибывшая тайная полиция во главе с ее шефом полковником Леонардо Санчесом Саласаром с удивлением констатировала: по спальне выпущено более 200 пуль, но обитатели дома не пострадали. Это обстоятельство вскоре дало основание выдвинуть в печати версию: Троцкий организовал самопокушение, чтобы таким образом скомпрометировать Сталина в глазах мировой общественности. Тем более что журналистам стали известны слова чудом уцелевшего изгнанника, сказанные им в то утро Саласару:

— Нападение совершил Иосиф Сталин с помощью ГПУ... Именно — Сталин!

Троцкий, неожиданно столкнувшись с попытками обвинить его в мистификации, направил письмо президенту Карденасу. В нем он утверждал, что “дом подвергся атаке банды ГПУ”. Однако, писал Троцкий, “следствие вступило на ложный путь. Я не боюсь сделать это заявление, ибо каждый новый день будет опровергать постыдную гипотезу самопокушения и компрометировать ее прямых и косвенных защитников”¹⁷². Письмо возымело свое действие. Тем более что вскоре неподалеку от дома

был обнаружен труп увезенного охранника Роберта Шелдона Харта. Троцкому это дало основание утверждать, что попытка представить дело с покушением как мистификацию опровергает сам факт убийства. Хотя по прошествии лет дело не кажется столь однозначным. Может быть, нападавшие устранили Харта по указанию Эйттингона, ведь он без сопротивления открыл ворота и ушел с нападавшими. Возможно, боевики боялись, что Харт может испортить все дело при расследовании. Но Троцкий настаивал: его помощник честный человек и стал жертвой сталинского покушения. Хозяин крепости распорядился прибить на стене дома металлическую табличку с фамилией погибшего.

Вероятно, есть еще одна тайна, которую тоже нужно раскрыть. П.А. Судоплатов об этом ничего не говорил. Он лишь помнит, что в доме Троцкого была "одна наша женщина", которая информировала советскую разведку. Ее помощь оказалась очень важной. Эта чекистка участвовала и в других операциях. Умерла эта женщина, фамилию которой не стал называть Павел Анатольевич, в 80-е годы в Москве.

Здесь стоит сказать еще вот о чем. Как мне рассказывали современные сторонники Троцкого в Англии, в деле убийства изгнанника замешана и американская спецслужба — ФБР. В двухтомнике "Дело Гелфанда" (в котором содержится большая подборка судебных материалов, писем, стенограмм допросов и показаний свидетелей) утверждается, что НКВД был косвенным образом связан с ФБР. Во всяком случае, говорится в книге, некоторые советские агенты, участвовавшие в операции по ликвидации Троцкого, были "двойными". Анализ документов и опрос очевидцев событий 30-х годов позволил выдвинуть предположение об этой связи. Международный секретариат IV Интернационала в мае 1975 года начал расследование этого обстоятельства. В частности, Гелфанд обвиняет Джозефа Хансена, бывшего личного секретаря Троцкого, возглавившего затем социалистическую рабочую партию, что он защищал Сильвию Франклин — агента НКВД и сотрудницу ФБР¹⁷³.

Сегодня трудно сделать однозначные выводы из этой истории. То, что главные исполнители — люди из опричнины Сталина, это ясно. Но не исключено, что американские спецслужбы следили, а возможно, и влияли каким-то образом на драматические процессы в далеком Койоакане.

После того как суматоха в крепости Троцкого улеглась, все в Койоакане остро почувствовали: Троцкий обречен. Сталин не остановится. Он доведет дело до страшного конца. Но окруже-

ние, соратники лидера IV Интернационала попытались сделать все возможное, чтобы уберечь своего вождя. Ему предлагали уехать в какую-либо другую страну и перейти на нелегальное положение. Называли Францию, некоторые столицы латиноамериканских стран. Троцкий, выслушав предложения, тут же отверг эту идею. Он стар и устал скитаться, гонимый московскими агентами. А главное, он не сможет молчать. А если он будет по-прежнему изобличать Сталина, то его быстро обнаружат. Везде. Нет, он никуда уезжать не будет. Это решено...

Как говорил позже Джордж Кэннон, руководители ряда троцкистских организаций посетили Койоакан. “Это оказалось нашей последней поездкой... После совещания с Львом Давидовичем было решено предпринять новую кампанию по усилению охраны. Мы собрали... несколько тысяч долларов для обороны дома; все члены партии и сочувствующие щедро и самоотверженно отозвались на призыв”¹⁷⁴.

Сообщение о неудаче, поступившее в Москву, как мне удалось установить (это подтверждает и П.А.Судоплатов), вызвало ярость Сталина. Берии пришлось выслушать немало гневных слов, а непосредственных организаторов могла ждать судьба арестованного С.М.Шпигельглаза. Теперь ставка была сделана на действия боевика-одиночки, который уже давно находился в Мексике и готовился к исполнению своей страшной миссии.

Спустя десятилетия, знакомясь со всеми обстоятельствами дела, с огромным трудом проникая в специальные архивы, разыскивая последних живых участников той трагедии, анализируя сказанное другими исследователями, я мучительно ищу ответ на вопрос: зачем Сталину была нужна жизнь далекого изгнанника? Неужели им руководило только чувство мести? Зачем ему стали необходимы жизни миллионов соотечественников, отправленных в небытие по его воле и по приказу созданной партией Системы? На этот вопрос я пытаюсь ответить своими книгами о Сталине, Троцком и Ленине. Задумываясь над этим, каждый раз нахожу новые аргументы для понимания чудовищного абсурда, каким стал в конце концов “бюрократический абсолютизм”.

Все русские, советские яковинцы, стремясь досрочно прорваться в будущее, не понимали его. Ни один из них не мог представить себе, что через несколько десятилетий их образ мыслей и действий окажется в колоссальном несоответствии с общечеловеческими ценностями. Троцкий находился на подступах к этому пониманию, хотя и являлся одним из архитекторов

возникшей уродливой системы. Он имел мужество еще в сентябре 1927 года бросить в лицо партийной верхушке пророческие слова: "Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами этого человека и тем могуществом, которое сосредоточил в своих руках партийно-государственный аппарат"¹⁷⁵. Это несоответствие, как фантастический, зловещий, исторический ров, долго заполнялся тысячами, миллионами трупов людей, захваченных на свое горе событиями той поры. В этом жутком рве пока еще не было Троцкого, хотя 24 мая казалось, что он уже летит в бездну. Но то была лишь случайная отсрочка.

Через три с половиной месяца, когда случится неизбежное, Наталья Ивановна Седова, потерявшая всех близких на этой земле, напишет генералу Ласаро Карденасу, президенту республики: "...Вы продлили жизнь Льва Троцкого на 43 месяца. В моем сердце останется благодарность Вам за эти 43 месяца..."

20 августа 1940 года

Каждое утро Троцкий, покормив своих кроликов, еще до завтрака садился за письменный стол. Книга о Сталине шла трудно. За последнее десятилетие он написал об этом человеке так много статей, что чувствовал какую-то творческую опустошенность. Иногда ему самому казалось, что он просто лил чернила на листы бумаги и затем мучительно долго размазывал их, заботясь лишь о том, чтобы не осталось ни одного чистого места. Троцкий понимал, что это его самая слабая книга. Ненависть сковывала интеллект, как только он садился за нее. Но он должен ее закончить, ведь издатели устали напоминать и грозились востребовать авансы.

Порой могло показаться, что Троцкий смаковал самые непривлекательные черты Сталина, подобно Гаю Светонию, описывавшему жизнь Тиберия. "Перечислять его злодеяния по отдельности слишком долго: довольно будет показать примеры его свирепости на самых общих случаях, — писал Светоний. — Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день: даже в Новый год был казнен человек. Со многими вместе обвинялись и осуждались их дети и дети их детей. Родствен-

никам казненных запрещено было их оплакивать. Обвинителям, а часто и свидетелям назначались любые награды. Никакому доносу не отказывали в доверии. Всякое преступление считалось уголовным, даже несколько невинных слов. Поэта судили за то, что он в трагедии посмел порицать Агамемнона, историка судили за то, что он назвал Брута и Кассия последними из римлян: оба были тотчас казнены, а сочинения их уничтожены..."¹⁷⁶ В середине XX века еще один одержимый тиберий сделал правилом, чтобы "дня не проходило без казни". Этот тиберий находился в Кремле.

Сталин торопил Берию с исполнением его указания. Он не хотел больше ждать.

После провала операции под руководством Сикейроса было неразумно вновь обращаться к коммунистам. Самому Сикейросу пришлось после этого покушения долго скрываться, сидеть в тюрьме, быть в изгнании. Но у него хватило мужества сказать спустя годы: "Мое участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года является преступлением"¹⁷⁷. Этого, разумеется, никогда не смогли признать те, кто унаследовал дела ОГПУ—НКВД, выполнявшего волю ЦК партийного ордена. Даже накануне краха большевизма руководители этого ордена делали вид, что они ничего не знают и у них нет каких-либо документов об этом деле. О том, как я доставал документы, свидетельства, связанные с "делом" Троцкого, можно написать целую повесть. Кое-кто и сегодня считает себя вправе обладать монополией на исторические свидетельства. Этим они, хотят того или не хотят, защищают преступления прошлых лет. Чтобы иметь основания сказать то, что я говорю, мне пришлось приложить поистине огромные усилия и в ряде случаев приводить данные без ссылки на источники, ибо получил их я неофициально. Правда, когда книга была уже в типографии, наступили августовские дни 1991 года — дни краха тоталитарной системы. Возможно, при переиздании работы я смогу внести некоторые добавления и уточнения на основе новых документов, которыми я теперь располагаю. Но это — в будущем.

В глазах советского партийного руководства Сикейрос был не просто выдающимся художником, автором знаменитых росписей "Забастовка", "Полифорум", а прежде всего ортодоксальным коммунистом, способным на "революционные действия". Не это ли явилось одной из причин присуждения ему в 1966 году Международной Ленинской премии "За укрепление

мира между народами"? А может быть, учли и его самоотверженность в мае 1940 года?

После провала майского покушения Эйтингон не мог прибегать к услугам этих людей.

Рамон Меркадер, на которого теперь сделал ставку Эйтингон, помнил: ему поручили "совершить казнь". Ему внушили, что он — лишь "исполнитель справедливого приговора", вынесенного в Москве; что это огромная честь, которая делает его навсегда героем. Ослушаться Меркадер не мог. Еще в Испании он узнал, чем кончается непослушание или подозрение. Когда одного знакомого республиканца во время событий в Каталонии заподозрили в связях с ПОУМ, тот вскоре бесследно исчез. Меркадеру дали понять: таков закон революции — слабых или неверных устраняют.

Пока Эйтингон после майской неудачи готовил запасной вариант плана, жизнь в маленькой крепости постепенно входила в привычное русло. Когда полиция наконец оставила в покое сотрудников Троцкого, подозреваемых в мистификации нападения, хозяин дома и приехавшие к нему друзья укрепили стены, возвели кирпичные ограждения на веранде, соорудили башенку для охраны, провели дополнительную сигнализацию и сделали освещение подходов. Хотя эти хлопоты сопровождались рабочим шумом, Троцкий с женой испытали новый приступ тоски и одиночества. Уехала в Париж милая чета Росмеров, чтобы больше никогда с ними не встретиться. Стало пусто не только в соседней комнате, но и в душе Троцкого...

К новым предупреждениям друзей о необходимости повышенной бдительности и исключении каких-либо случайных контактов с незнакомыми людьми Троцкий отнесся внешне равнодушно. Ведь не оправдалось предостережение его "доброжелателя" (Александра Орлова) о том, что в его окружении притаился убийца. Нападение было совершено целым подразделением террористов извне, а не изнутри. Троцкий помнил, что еще с первых дней революции они с Лениным получали много самых разных предостережений о грозящей им опасности.

Например, однажды, когда он в 1919 году приехал на заседание ЦК в Москву, Владимир Ильич во время прений пододвинул ему бумажку:

"Москва, Предсовнаркома, тов. Ленину.

Товарищ Ленин, прошу немедленно дать мне возможность сообщить Вам тайну военных действий против Советской влас-

ти. Вас и тов. Троцкого хотят убить Ваши враги, которых я всех знаю...

Красноармеец 12 Краснокутского
железнодорожного полка *Ековеску*.

Передал Саратовский губвоенком *Соколов*¹⁷⁸.

Троцкий лишь улыбнулся, отодвигая телеграмму обратно к Ленину. Такие наивные предостережения Предреввоенсовета получал неоднократно и позже. Вот наподобие такого, полученного в апреле 1921 года:

“С коммунистическим приветом Лев Давидович Троцкий!

Уважая вас как вождя пролетарской всемирной революции, прошу вас быть осторожным в Питере. Со слухов мне пришлось убедиться, что какое-то зло питает к вам начальник военных сообщений тов. Дмитриев.

Член РКП *Степан Васильевич Званов*.

Личность моя вам известна. Вместе работали в Америке.

До свидания¹⁷⁹.

Теперь не нужно было никаких предупреждений. Все ясно понимали, что сталинский меч навис над уродливым после укрепительных работ домом. Но каков будет этот удар? Взрыв? Пулеметная очередь? Яд? Никто не мог знать. Даже сам Сталин. Его не интересовали криминальные детали. Ему был нужен конечный результат.

Как вспоминал Павел Анатольевич Судоплатов, во время той, упоминавшейся мной памятной весенней встречи 1939 года у Сталина вождь произнес еще одну откровенную и предельно ясную фразу:

— Война надвигается. Троцкизм стал пособником фашизма. Нужно нанести удар по IV Интернационалу. Как? Обезглавить его...

“Нанести удар”... “Обезглавить”... В мае удар был нанесен, но чудо спасло лидера “Мировой партии социальной революции”. Эйтингон знал, что больше осечки быть не должно. На карту поставлена не только жизнь затворника забаррикадированного дома по улице Вены, но и его собственная жизнь, как и его семьи. Читатель может подумать: а как с законностью? Ведь Троцкий не гражданин СССР, нет приговора по суду и т.д.? Система “бюрократического абсолютизма” давно уже “освободила” власти от химер закона и морали. Еще в бытность Троцкого одним из вождей страны и с его ведома стали широко практиковаться внесудебные приговоры. Например, 9 марта 1922 года Политбюро, на заседании которого присутствовал и Председатель Реввоенсовета, по предложению Унш-

лихта приняло решение "о предоставлении ГПУ права на внесудебные расправы"¹⁸⁰. Потом стало проще. Например, Ягода, один из заместителей председателя ОГПУ, заведующий отделом ОГПУ Дерibas или кто-либо из других функционеров того же уровня писал записку секретарю ЦИК СССР Енукидзе с просьбой на разрешение внесудебного приговора. Тот ставил свою закорючку, и... готово дело¹⁸¹. Десять, двадцать, тридцать подозреваемых без суда расстреливались. И Троцкий это знал. Так что никакой речи о "моральности" советских спецслужб в то время и речи быть не могло; тогда казалось, что в начале пути насилие неизбежно, только в начале. Но, увы... Безжалостный каток диктатуры покатился в будущее, вмяная в небытие судьбы людей.

Эйтингону нужно было найти способ проникновения своего человека внутрь дома Троцкого, ибо изгнанник после майского покушения почти совсем прекратил вылазки за кактусами в горы. Многодневные наблюдения дали неутешительный вывод: Троцкий принял особые, повышенные меры предосторожности. Еще раньше из Парижа пытались через Зборовского внедрить в охрану своих людей. Зборовский написал письмо "Старику", затем секретарю Троцкого Вану. Но Троцкий был осторожен и не хотел расширять круг лиц, находившихся около него¹⁸².

Эйтингону не оставалось ничего другого, как вводить в действие второй вариант. Несколько зашифрованных сообщений в виде писем из Нью-Йорка на имя "Педро Гонсалеса", торопили: "объект" может исчезнуть, сменить место проживания, перейти на нелегальное положение и т.д. Меркадер с начала 1939 года был уже в Америке; сначала в США, а теперь и в Мексике, но под именем Фрэнка Джексона. Правда, когда Меркадер перебрался из Испании во Францию, у него был паспорт на имя бельгийца Жака Морнара. Именно там, как я упоминал раньше, Морнар с помощью Зборовского познакомился с Сильвией Агелоф — активной троцкисткой из одной американской организации "большевиков-ленинцев". Мать Сильвии была русской, поэтому, кроме английского, французского, испанского, С.Агелоф знала и русский язык. В сентябре 1938 года она участвовала в Учредительном конгрессе IV Интернационала. Именно тогда она познакомилась с Жаком Морнаром.

У молодых людей начался бурный роман. Морнар возил 28-летнюю (кстати, малопривлекательную) женщину по ресторанам, театрам, предлагал жениться. Они провели так три

счастливых беззаботных месяца, ибо Жак был не только красив, внимателен, но и не беден. После возвращения Сильвии в феврале 1939 года на родину, в США, через три-четыре месяца туда же приехал и Морнар, объясняя свой приезд интересами коммерции. Но теперь он был уже... канадцем Фрэнком Джексоном. Эту метаморфозу он объяснил Сильвии необходимостью избежать призыва на военную службу. По сути, Сильвия исполнила роль Маты Хари, но наоборот. Не она занималась обольщением нужных лиц, а "обольстили" ее. Именно с помощью этой женщины, чуть не потерявшей голову от привалившего счастья, Ж.Морнар—Ф.Джексон в конце концов проник в дом Троцкого.

...Рамон Меркадер, с молодости захваченный революционным порывом, оказался в руках советской спецслужбы и не смог вырваться из ее тисков до конца своих дней. Мне удалось многое узнать об этом человеке, которому суждено было самым ужасным образом прервать жизненный путь Троцкого. Одна из наиболее интересных работ о Хайме Рамоне Меркадере дель Рио Эрнандесе (таким является его полное имя) написана французским историком Исааком Левиным. Называется она "Человек, который убил Троцкого"¹⁸³. Немало мне рассказал о Рамоне Меркадере Давид Семенович Златопольский, который вместе со своей женой — испанкой Кончитой Бруфау — был очень близок к нему в "московский период" его жизни. Очень интересны свидетельства брата Рамона, Луиса Меркадера¹⁸⁴. Но все же наиболее полная информация о жертве сталинской машины и убийце Троцкого мною была получена от П.А.Судоплатова (он же Матвеев, Яценко, Андрей, Отто) и из тайных архивов ИНО ОГПУ.

Старый разведчик характеризовал Рамона Р.Меркадера как очень умного и волевого человека, фанатично убежденного в исторической справедливости дела, которому он посвятил жизнь. По словам Павла Анатольевича, не то дед, не то прадед Меркадера был послем Испании в Петербурге, а отец его матери занимал пост губернатора Кубы. Мать Рамона — Эустасия Мария Каридад дель Рио была очень импульсивной, энергичной, решительной женщиной. Будучи молодой матерью пятерых сыновей — Хорхе, Пабло, Рамона, Монсеррата и Луиса, — Каридад во время гражданской войны в Испании порвала с небожным мужем, вступила в коммунистическую партию и стала тесно сотрудничать с агентурой НКВД. Уже один этот факт многое говорит о ней. Советским резидентом в то время в Испании был ранее упоминавшийся Александр Орлов, а его за-

местителем — Наум Эйтингон. Именно с тех пор Эйтингон оказался тесно связанным с матерью и ее сыном Рамоном. Наум Исаакович Эйтингон (он же Наумов, Котов, Леонид Александрович) еще в Испании убедился в надежности, воле, решительности молодого офицера республиканской армии. Именно с тех лет тот и стал тайным сотрудником НКВД. Фамилии Морнар, Джексон — ”шпионские”. Например, Фрэнком Джексоном Меркадер стал, когда ему в специальной лаборатории НКВД в Москве подготовили паспорт, используя документы погибшего в Испании канадского добровольца.

Младший брат Рамона Меркадера, Луис, ставший профессором Мадридского университета, связывает трагическую судьбу Рамона с характером своей матери — красивой, привлекательной женщины, готовой на приключения и резкие повороты судьбы. Она оказывала большое влияние на сына. Именно с этими главными действующими лицами приближающейся трагедии готовился разыграть последнюю сцену в жизни Троцкого Эйтингон.

Руководитель операции в Мексике не жалел денег на завершение акции. Возвращаться с пустыми руками в Москву для него значило разделить судьбу С.М.Шпигельглаза. Скрыться, исчезнуть, как это сделал Орлов, Эйтингон не мог. Этого не позволило ему его чувство долга. Поэтому он твердо сказал Рамону: ”Ты должен исполнить приговор”. Денег на подготовку, повторю, не жалели. Луис Меркадер, проживший из своих почти семидесяти 40 лет в СССР, знавший лично Калинина, Берию, Кобулова, Судоплатова, Эйтингона, уверял: ”На операцию с начала до конца они потратили не менее пяти миллионов”.

Рамон Меркадер, обосновавшись в Мехико, вызвал к себе Сильвию, и она в начале 1940 года быстро устроилась работать у Троцкого в качестве секретаря. Быстро потому, что раньше у него работала ее родная сестра Рут Агелоф. Льву Давидовичу понравилась скромная, малозаметная и непривлекательная молодая женщина, готовая во всем помогать ему: стенографировать, печатать, подбирать материалы, делать вырезки из газет, выполнять многие мелкие поручения. Когда Эйтингон узнал, что Сильвия будет работать в доме Троцкого, он был доволен: начало важного ”внедрения” было положено.

Поскольку Сильвия жила в номере гостиницы ”Монтехо” вместе с Рамоном, он вскоре стал подбрасывать ее на работу, на своем элегантном ”бьюике”. Щегольски одетый коммерсант выходил из машины, открывал дверцу, помогал Сильвии вый-

ти, целовал ее в щеку и махал на прощание рукой. Часто он и приезжал за ней. Охранники, сменявшие друг друга у ворот “крепости” Троцкому, постепенно привыкли к красивому, высокому, улыбающемуся “жениху” Сильвии. Исполдволь, незаметно для всех он стал для охраны своим. Однажды ему пришлось подвезти в центр Мехико супругов Росмеров, которые затем говорили Троцкому, что у Сильвии “очень симпатичный, приятный жених”. С помощью Маргариты Росмер Рамон в конце концов несколько раз побывал и на территории “крепости”: гостя из Франции, съездив в столичные магазины, просила “приятного молодого человека” занести покупки в дом. Побывав в доме, Меркадер подтвердил данные советского агента-женщины о расположении комнат, дверей, наружной сигнализации, о запорах и т.д.

До 24 мая 1940 года молодой испанец полагал, что ему не придется самому обагрить руки кровью русского революционера. Но уже через два-три дня, 26 или 27 мая, Леонид Котов (Эйтингон), запершись в номере, долго говорил с молодым испанцем. Сейчас никто точно не скажет, какими словами он разъяснял Рамону “внезапно возникшую задачу”. Как позже вспоминали Судоплатов, сам Эйтингон и другие участники кровавой операции, тогда у всех была уверенность в ее успешном наконец осуществлении. Эйтингон, будучи очень умным и волевым человеком, непрерывно вел психологическую подготовку боевика. Он не только умело убеждал его в реальности благополучного завершения акции, но и бросал мимоходом фразы, которые как бы оседали в сознании испанца:

— Мексика — идеальная страна для осуществления акций возмездия. В ее законах нет даже высшей меры наказания... Но ты должен знать, что если тебе не удастся скрыться, мы спасем тебя. Обязательно!

Рамон слушал и, вероятно, холодок подступал к его сердцу, когда “Леонид” говорил о “высшей мере наказания”. Но психологический массаж сознания давал свои плоды: после короткой депрессии в июне Рамон вновь обрел присутствие духа и стал энергично готовиться к “Акции”, как называл Эйтингон готовившуюся операцию.

Встречаясь в условленное время, Н.Эйтингон, Г.Рабинович и Р.Меркадер несколько раз до мелочей обсуждали детали операции, разные ее варианты и способы осуществления. Сегодня уже никто не в состоянии восстановить, реставрировать сказанное, обдуманное, предложенное. Все непосредственные участники заключительной сцены трагедии находятся в мире

теней. Но, зная весь дальнейший ход событий, можно предположить, что участники прежде всего обговаривали детали беспрюгрышного варианта.

За плечами Наума Исааковича Эйтингона была огромная школа. Я уже упоминал некоторые вехи его биографии. Мало кто знает, что "Леонид" (в нашей печати это имя выдают за действительное) работал в Шанхае вместе с Рихардом Зорге, руководил действиями известного разведчика Кима Филби, других советских нелегалов. Именно Эйтингон просчитывал все варианты и возможности операции.

Больше всех рисковал пока Эйтингон: еще одна неудача — и вызов в Москву, а там и неизбежный конец. Но сильнее всех мучился Рамон: он уже видел Троцкого, говорил с ним, познакомился с Росмерами, Натальей Ивановой, и все к нему отнеслось тепло, дружески, с симпатией. А он должен ответить на это или выстрелом, или ударом ножа, — а может, иного предмета? Рамон знал и любил испанского классика Анхеля Сааведру, романтика и мечтателя. В своей поэме "Деяние чести" писатель ставил перед Испанией и ее гражданами вопросы нравственного выбора по зову совести. А теперь ему предстояло исполнить чужую волю без всякого выбора... Может быть, в этой заданности и содержится самое страшное любой тоталитарной идеологии? Она убивает человека в человеке, делает его бездумным инструментом идеи и приказов "сверху".

Еще до того как Троцкий увидел своего будущего убийцу, его часто посещали мысли о приближении конца. В конце мая, еще до налета, он решил оставить завещание. Скорее всего, им двигало желание не просто сказать своим сторонникам и друзьям послертные напутствия, а напомнить потомкам, что он остался верен Идее до конца. Половина завещания посвящена жене, Наталье Ивановне, нежные чувства к которой он пронес через всю жизнь. Вторая — его политической борьбе.

Ни родина, ни его Интернационал, ни оставшийся рядом внук Сева в последней воле не упоминаются. Есть только два имени: Наталья Ивановна Седова и Сталин.

Впервые в широкой печати завещание Л.Д.Троцкого опубликовал Ю.Фельштинский¹⁸⁵, много сделавший для систематизации литературного наследия революционера. Судя по тексту, затворник из Койоакана писал завещание в три приема, причем первые две части появились в один день — 27 февраля 1940 года. Еще одна часть, очень личная, — 3 марта 1940 года.

Троцкий не был бы самим собой, если бы не подтвердил свою приверженность революционным максимам. "Сорок три

года своей сознательной жизни, — читаем мы в завещании, — я оставался революционером, из них сорок два года я боролся под знаменем марксизма. Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности". 3 марта он еще раз повторил свою приверженность Идее: "Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека, в будущее дает мне и сейчас такую силу сопротивления, какую не может дать никакая религия"¹⁸⁶.

Конечно, Троцкий не мог знать обстоятельств своей смерти, но в строках, где он подтверждает верность идеалам, которые исповедовал всю жизнь, выражена самая глубинная сущность революционера. Да, эти идеалы оказались Великой Утопией, Миражем, Грезами, но именно такая приверженность каким-либо ценностям делает людей величинами исторического масштаба. Эти люди могут быть фанатично преданными, слепо наивными, а то и беспредельно жестокими. Вера нужна везде. Но не будучи в союзе с Истиной, она (вера) может рождать иллюзии, фанатизм, догматизм. Троцкий оказался романтиком мировой революции и "коммунистического будущего человечества". Думаю, что эта часть завещания — главная для понимания феномена Троцкого.

...Троцкий очень любил свою вторую жену. Я внимательно перечитал четыре десятка писем Троцкого к Наталье Ивановне из архива Гарварда и остро почувствовал, сколь глубоки и искренни были его чувства к своей спутнице, разделившей с ним и славу его, и неисчислимые беды. Случай с Фридой Кало был из разряда тех, которые лишь подтверждают привязанность однолюба. В письмах Троцкий обычно называет жену "Наталочкой", сына Леву — "Левусяткой", внука — "Севушкой". Но мне бросилось в глаза то, что эти письма исключительно личные. В них почти нет места политике, борьбе, философским размышлениям. Троцкий, обращаясь к семейной сфере, как бы оставляет все остальное за революционным кадром.

Правда, в письмах есть места, полные глубокого психологизма. Например, находясь во Франции на полулегальном лечении в сентябре 1933 года, он часто пишет жене письма, которые позволяют оттенить портрет еще рельефнее. "Милая Наталочка

ка, — пишет супруг. — То, что у меня отмирает память на лица (и раньше слабая), очень остро иногда тревожит меня. Молодость давно отошла... но я неожиданно заметил, что и воспоминание о ней отошло — живое воспоминание о лицах... Твой образ, Наталочка, молодой, мелькает и исчезает, я не могу его фиксировать, остановить... Очевидно большое влияние на нервную систему и на память оказали все же годы травли... А в то же время умственно я не чувствую себя уставшим или ослабевшим. Очевидно мозг стал скупым, экономным и вытесняет прошлое, чтобы справиться с новыми задачами¹⁸⁷.

В завещании слова о Наталье Ивановне нежны, проникновенны и полны нравственного значения. Начав с благодарности друзьям, которые оставались ему верными в самые трудные часы жизни, он не хочет никого ни выделять, ни называть. "Я ... однако, вправе сделать исключение для своей подруги, Натальи Ивановны Седовой. Рядом со счастьем быть борцом за дело социализма, судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности. Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также и дни счастья..."¹⁸⁸ В тот же день Троцкий написал, что все литературные права на издание его книг завещает своей жене.

В первых строках завещания Троцкий указывает на мучившую его болезнь — "высокое (и все повышающееся) давление крови". Пишет, что судя по всему, "развязка, видимо, близка". Троцкий высказывает гипотезу, что, вероятно, погибнет от кровоизлияния в мозг. "Это самый лучший конец, какого я могу желать". Но если этот процесс затянется, пишет Троцкий, "то я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти". Однако самоубийство, продолжает изгнанник, "не будет ни в коем случае выражением отчаяния и безнадежности". Он сообщает сокровенное, о чем они говорили с женой: в случае наступления беспомощного физического состояния, "лучше самому сократить жизнь, вернее, свое слишком медленное умирание..."¹⁸⁹ Тогда, может быть, все будет по В.Ф.Ходасевичу, с творчеством которого Троцкий был знаком:

*Прервутся сны, что душу душат,
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат
Как утром — лишнюю свечу*¹⁹⁰.

Он надеялся, что ночь революции пройдет, но не хотел по-

вых разочарований. Лучше умереть с надеждой: ”начнется все, чего хочу...”

Символично, что размышления о жене у Троцкого соседствуют с мыслями о смерти. Он не знал, что Н.Бердяев тему любви и смерти философски затронул еще глубже. По мнению русского мыслителя, ”любовь есть главное духовное орудие в борьбе с царством смерти. Антиподы любовь и смерть связаны между собой. Любовь открывается с наибольшей силой, когда близка смерть...”¹⁹¹ Троцкий, размышляя о своей смерти, которая, как он полагал, близка, тем самым думал о вечности, о том состоянии бытия, которое через конечное личное, создает бессмертие человечества.

...Завещание лежало в письменном столе. Жизнь текла по заведенному руслу. Даже после майского покушения Троцкий пристально вглядывался в многоцветный мир через ”амбразуры” заложеного кирпичом окна своего дома-крепости. Последние месяцы он много писал о надвигающейся войне. Гитлер, построивший свое государство на расовой основе, и Сталин — на классовой, должны были с неизбежностью схватиться друг с другом. В 1940 году было уже ясно, что западные демократии будут против нацистов. Троцкий, вероятно, не раз задавался вопросом: чем же отличается Гитлер с его проповедью ”высшей расы” от Сталина, твердившего все время старый марксистский постулат о ”классе-гегемоне”? Однако, ставя двух вождей двух соседних государств на одну доску, Троцкий не решился покуситься на диктатуру пролетариата. Более того, в Манифесте IV Интернационала, написанном Троцким и одобренном чрезвычайной конференцией троцкистской международной организации через два дня после покушения на их лидера — 26 мая 1940 года, однозначно сказано: ”Наша программа сформулирована в ряде документов и доступна всякому. Суть ее может быть исчерпана двумя словами: *диктатура пролетариата*”¹⁹².

Если бы не эта формула, то вся его конструкция ”мировой революции” должна была немедленно рухнуть. Изгнанник появлял двух диктаторов общностью уголовной психологии. Троцкий не приходило в голову, как и нам, миллионам советских людей, что сталинизм не был аномалией, он органично вырос из марксизма и ленинизма, перелицованных на потребу дня. Изначальная ошибочная, а затем и преступная идея о диктатуре пролетариата (фактически выродившаяся затем в диктатуру партии, а потом и одного лица, ставшая нитью Ариадны в

движении к "светлому будущему") преопределила нашу историческую неудачу.

Думал ли об этих вещах Троцкий в последний год своей жизни? Теперь этого никто не скажет. Если и были у него сомнения в верности пройденного пути, то он их тщательно скрывал. Внешне все было как прежде. Троцкий писал, "наговаривал" секретарям и на диктофон, с тем чтобы после перепечатки часами править, редактировать, переписывать. Именно в это время, в апреле 1940 года, Троцкий написал свое известное обращение "К рабочим Советского Союза", в котором заявил: "вас обманывают", "прежняя большевистская партия стала послушным орудием московской олигархии". В этом своем, пожалуй, самом радикально-"антисоветском" обращении Троцкий определил насущную задачу коммунистов — свержение клики Сталина, его бюрократической камарильи. Для этого он призвал создавать нелегальные "спаянные надежные революционные кружки", способные "распространить Октябрьскую революцию на весь мир и одновременно регенерировать советский строй..."¹⁹³

Переписка была такая же обширная, как и прежде. О чем писал Троцкий и кому?

Ежедневно лидер "Мировой партии социальной революции" получал до двух-трех десятков писем. Он их просматривал сам. На некоторые отвечали секретари, на другие — лично Троцкий. Ему писали сторонники, просившие совета и вызывавшие к нему как арбитру, обращались редакторы и издатели, помогаясь интервью и контрактов на будущие книги, писали друзья.

Вот письма Троцкого из того самого 1940 года и выдержки из них:

"Дорогой товарищ Уэлш!

Сердечно благодарю Вас за Ваше теплое письмо, за Вашу солидарность. Мне было особенно приятно получить его в этот ужасный период разгула мирового шовинизма, когда не очень-то часто можно встретить истинных и последовательных борцов за социализм. Я убежден, что их число будет возрастать с каждым месяцем. Мировая обстановка учит пролетариат на его собственных ошибках и жертвах, что единственным путем выживания человечества является путь социалистической революции.

19 февраля 1940 г.

Койоакан

Вечно Ваш Лев Троцкий"¹⁹⁴.

В письме давнему стороннику Троцкий не только убеждает своего единомышленника, но и пытается еще больше утвердить себя в верности неизменной и роковой идее. А вот письмо Саре Вебер, редактору книг Троцкого и "Бюллетеня", давнему другу семьи:

"Дорогая Сара!

Я получил печатную листовку. Думаю, что следовало бы также пользоваться фотографическими миниатюрами. Это стоит, насколько я знаю, очень дешево, между тем эту листовку можно было бы напечатать на бумаге в четыре раза меньшего размера, пожалуй, даже в восемь раз меньше, если печатать с обеих сторон. В Париже одно время выходило два издания "Бюллетеня": одно — обычным типографским способом, для продажи за границей, другое — фотографическим способом, для пересылки в СССР... Следовало бы выяснить техническую сторону дела и сосредоточить внимание на изданиях, предназначенных непосредственно для СССР. Нельзя сомневаться в том, что СССР месяцем раньше или позже будет вовлечен в войну. Тогда сразу откроются многочисленные возможности связи... Мы должны постепенно такую литературу создавать: часть ее пустить в оборот немедленно, а часть — придерживать на складе...

15 мая 1924 г.
Койоакан

Крепко жму руку Л.¹⁹⁵

Письмо интересно тем, что, находясь в глубокой осаде, изгнанник продолжает думать о том, как донести до советских людей свои антисталинские мысли, идеи и призывы. Мы знаем, что таких попыток было немало, хотя почти все они были бесплодными. Но сразу возникает вопрос: что же, Троцкий хотел поражения СССР в войне? Может быть, устранение Сталина для него было важнее национальных интересов? Все не так просто.

В программном заявлении IV Интернационала, подготовленном Троцким, позиция по этому вопросу была выражена четко: "Защита СССР принципиально совпадает для нас с подготовкой международной пролетарской революции. Мы начисто отвергаем теорию социализма в отдельной стране, это невежественное и реакционное детище сталинизма. Спасти СССР для социализма может только международная революция. Но международная революция несет неминуемую смерть Кремлевской олигархии"¹⁹⁶.

Ход мысли Троцкого ясен: нужно защищать СССР, чтобы

вызвать мировую революцию. А уж она-то сметет Сталина и его режим. Эти идеи он хотел внедрить и в общественное сознание советских людей. А пока, как пишет затворник, часть издаваемой троцкистами литературы нужно "придерживать на складе..." Утопичности своего замысла — свершить антисталинскую революцию на волне гитлеровского нашествия — Троцкий не понимал.

Приведу отрывок еще из одного письма Троцкого, отправленного за полтора дня до рокового нападения. Я не мог установить, кто скрывался под именем "товарищ Р." Вероятнее всего, что это один из руководителей американской Социалистической рабочей партии, в значительной мере разделявший взгляды Троцкого.

"18 августа 1940 г.

Уважаемый товарищ Р.!

В течение последних двух лет мы неоднократно обсуждали вопрос о Вашем приезде сюда. В предпоследний раз мы ждали Вас, когда к нам приезжали Ваша дочь и ее муж. Затем мы ожидали Вашего приезда, когда Джордж Кэннон, Форел Доббс и Джо Хэнсон приезжали к нам для оценки обстановки после нападения...

Я могу лишь выразить нашу личную и сугубо "провинциальную" точку зрения, что Ваш визит, неоднократно назначаемый на различные сроки, должен все-таки состояться. Я убежден, что Ваше пребывание здесь даже на протяжении каких-нибудь двух недель будет крайне важным для нашего небольшого гарнизона, не говоря уже о нашем искреннем желании встретиться с Вами.

Вы, безусловно, будете обеспечены жильем и питанием.

С сердечными пожеланиями"¹⁹⁷.

Троцкий, вероятно, хотел еще раз обсудить вопросы упрочения своей безопасности, а одновременно и положение, сложившееся в Социалистической рабочей партии. Дело в том, что в СРП произошел раскол. Большинство, ведомое Кэнноном, продолжало держать сторону Троцкого, а меньшинство, возглавляемое давними личными знакомыми Троцкого — Шахманом и Бернхемом, фактически порывало не только с троцкизмом, но и традиционным марксизмом вообще. Троцкого особенно удручало, что в этой компании оказался Шахтман, которого он считал своим верным учеником.

Попутно замечу, что расколы, фракционные склоки, взаим-

ные обвинения, идейные распри с самого начала стали характерной чертой троцкистского движения. Эта непримиримость друг к другу объясняется глубокой внутренней противоречивостью движения вообще. Троцкий фактически объявил идею войну всем: и буржуазии, и социал-демократии, и сталинизму. Троцкий не изменил своей точки зрения, высказанной им в начале 30-х годов: "Борьба с социал-демократией есть борьба с демократическим флангом империализма"¹⁹⁸. Многие из его сторонников считали главным пунктом стратегии Троцкого борьбу со сталинизмом, а все остальное — как приложение к этому курсу.

Связи с Парижем после смерти сына ослабевали. Он получал по-прежнему письма от Л.Эстрин, Этьена; ему аккуратно высылали книги и журналы, которые он запрашивал. Но с гибелью Льва что-то оборвалось у хозяина маленькой крепости в Койоакане. Правда, когда приехала Л.Эстрин, они весь вечер молча слушали сотрудницу и близкую подругу сына, вновь и вновь безутешно переживая трагедию¹⁹⁹.

А "Тюльпан" в своих письмах по-прежнему просил разрешения у Троцкого приехать в Мексику²⁰⁰. Но изгнанник находился в том состоянии, когда новые люди, новые лица ему уже не были нужны. Он устал от посетителей, устал от опасности, устал от борьбы.

Почти каждый день, справившись с текущими делами, Троцкий пододвигал к себе стопку листов бумаги и мучительно пытался написать что-то новое о Сталине. Но он сказал о нем так много в статьях, очень похожих друг на друга, что его усилия давали незначительный результат. Дело с этой книгой подвигалось медленно. Одна из причин — исключительно слабая информация из СССР. Кроме приходившей с месячным опозданием фальсифицированной "Правды" и с трудом доходящих сообщений радио, сведений почти не поступало. Троцкий не мог, конечно, знать, что за те 43 месяца, что судьба отведет ему пробыть в Мехико, Сталин сумеет сотворить очень многое, что не попадет в его книгу.

Вождь превратился уже в настоящего земного бога. Слепое поклонение ему стало самой главной и уродливой чертой советского образа жизни. Дело дошло даже до того, что незадолго до своего смещения Н.И.Ежов, основываясь на "многочисленных просьбах трудящихся", предложил невероятное. В его ведомстве был подготовлен проект Постановления Верховного Совета СССР о переименовании столицы, города Москвы, в город... Сталинодар. Проект был послан в Политбюро и Прези-

диум Верховного Совета. Но Сталин не решился на этот шаг; диктатор был осторожным и неглупым человеком... Лучше уж "совершенствовать" карательные меры против врагов всех мастей, особенно против троцкистов. Например, в 1939 году по инициативе вождя было решено "применять к дезорганизаторам лагерной жизни самые суровые меры, вплоть до расстрела"²⁰¹. За те годы, что Троцкий провел здесь, в Мехико, Сталин почти ежедневно лично утверждал сотни списков тех, кого считали "троцкистами" и осужденными по "первой категории", т.е. к смерти! Если бы знал изгнанник, что походя кремлевский вождь устанавливал и чудовищные рекорды! Так, только 12 декабря 1938 года Сталин и Молотов санкционировали расстрел 3167 человек!²⁰² Троцкий был отрезан от многого, что творилось на родине, и понимал, что одни заклинания, сентенции, гневные филиппики не спасут его последнюю книгу. Он нервничал, рылся в газетах, просил сторонников найти фактические материалы о сталинском режиме.

Во всяком случае, в канун роковых событий у Троцкого было мало причин для оптимизма как в личном, так и политическом плане. Пока лидер IV Интернационала пытался консолидировать свое движение и направить его в нужную сторону, московская группа чекистов в Мехико не теряла времени зря.

Материалы П.А.Судоплатова, данные процесса над Морнаром—Джексоном—Меркадером, воспоминания Натальи Ивановны Седовой ("Так это было"), показания начальника мексиканской тайной полиции Л.Саласара, секретаря Троцкого Дж.Хансена, рассказы брата Рамона Меркадера — Луиса, публикации И.Дейчера, И.Левина, Дж.Кармайкла, Ю.Папорова и других, в том числе и из закрытых до недавнего времени источников, позволяют проследить хронику внедрения Р.Меркадера в число "своих" людей Троцкого. Это было главной задачей, которую должен был решить Эйтингон. Ликвидация же человека, ставшего объектом страшной ненависти кремлевского руководителя, представлялась делом криминальной техники. Вот перечень-хроника посещений Меркадером "объекта". Составлена она на основе многочисленных документов из архивов НКВД.

Впервые Джексон переступил порог дома где-то в конце апреля 1940 года, когда отвез супругов Росмеров в город по какому-то делу. Он помог занести саквояж Маргариты в их комнату и тут же вернулся к машине.

28 мая накануне отъезда супругов Росмеров Меркадер был приглашен к обеду в дом Троцкого. Его представили как "дру-

га Сильвии”, который отвезет на своей машине Маргариту и Альфреда в порт. По просьбе Росмеров и по распоряжению Троцкого, Меркадера ввел в столовую начальник охраны дома Гарольд Робинс.

12 июня Меркадер, перед тем как выехать по “вызову шефа” фирмы в Нью-Йорк, зашел в дом, чтобы попросить разрешения Троцкого оставить свой “бьюик” во дворе дома на время его отсутствия.

29 июля Наталья Ивановна пригласила Сильвию и Рамона на чашку чая. Разговор в основном шел о будущем “молодых”. Наталья Ивановна была уверена, что у них будет свадьба и тактично, с юмором говорила о семейной жизни и ее привратностях.

1 августа Рамон ездил с Сильвией и Натальей Ивановной за хозяйственными покупками в центральные магазины. Он сосредоточенно переносил пакеты и свертки в дом — туда, куда ему указала Седова. После этого Джексон сразу же уехал, сославшись на неотложные дела.

8 августа Меркадер без видимых причин для визита появился в доме с букетом цветов и коробкой сладостей. В беседе с Троцким он, однако, заметил, что готов сопровождать хозяйна дома во время его экскурсий в горы. Троцкий поблагодарил за готовность, но не дал утвердительного ответа.

11 августа, приехав после обеда за Сильвией, Рамон не стал ее дожидаться на улице у машины, а вошел в дом. Охрана восприняла это как должное; он уже примелькался. Вскоре привлекательный “коммерсант” вышел с “невестой” и они уехали.

17 августа новый “друг дома” приехал без приглашения и попросил, чтобы Троцкий уделил ему несколько минут: Джексон хотел, чтобы Лев Давидович посмотрел его статью, в которой он критиковал тех, кто нападает на троцкизм и прежде всего на Бернхема. Беседа была недолгой и Меркадер уехал. Почему-то на этот раз он был одет в темный костюм и на руке лежал плащ, хотя было жарко.

Всего, как мне удалось установить, Джексон—Меркадер побывал в доме около десяти раз. Видимо, он присматривался к внутреннему расположению (хотя оно уже было известно из сообщений женщины-агента, которая, как мы знаем сегодня, работала на операцию), не имея пока четкого плана акции.

Будет и еще одно посещение, роковое... Оно состоялось 20 августа 1940 года, в 17 часов. Лучшее всего об этом рассказала Наталия Ивановна Седова в своей потрясающей и краткой статье “Так это было”²⁰³. Опираясь на это самое главное свидетельство, а также на показания в суде обвиняемого и рас-

сказы Луиса Меркадера, Джозефа Хансена и полковника полиции Леонардо Саласара, коротко воспроизведу последние часы жизни Л.Д.Троцкого. Материалы Судоплатова и Эйтингона позволяют расставить точные, как мне кажется, акценты в финале сталинской операции. Н.И.Эйтингон в своем сентябрьском письме 1963 года Н.С.Хрущеву из Владимирской тюрьмы назвал операцию "работой, сделанной в Мексике по заданию ЦК партии"²⁰⁴. Задания, особо важные, разведчикам поручались от имени ЦК, туда же руководство Секретно-политического и Иностранного отделов докладывало об их выполнении, а также сообщало всевозможную заслуживающую внимания информацию²⁰⁵.

Просыпаясь утром, вспоминала позже Наталья Ивановна, Троцкий после 24 мая несколько раз говорил:

— Ну вот, судьба нам подарила еще один день. Они не пришли...

Эта навязчивая мысль его больше не покидала. Незадолго до того самого страшного дня Троцкий вновь негромко произнес:

— Да, Наташа, мы получили отсрочку...

Так жили эти люди, находясь в своем доме, как в камере смертников. Они это знали, но в душе не хотели верить, что, как и в тюрьме, когда-то загрохочет засов и за ними придут, чтобы увести навсегда...

Наталья Ивановна, восстанавливая тот последний роковой день в жизни Троцкого, почему-то запомнила больше всего то, что он был тихим и солнечным. "Ничто не говорило о зловещности. Солнце светило ярко с утра, как всегда здесь. Цвели цветы, блестела трава, как лакированная... Никто, никто из нас, ни он сам не догадывались о предстоящей гибели". В утренней почте наконец пришло сообщение о том, что Хоттонгская библиотека Гарвардского университета в Бостоне получила рукописи Троцкого на хранение и использование. Изгнанник очень был обеспокоен их судьбой. Отправка в США была похожа на тайную операцию: Троцкий сильно опасался похищения своих бумаг. Теперь он был спокоен за них, кроме того, получал 15 тысяч долларов (смехотворно маленькая сумма за тысячи документов!).

Обычно утром, в начале восьмого, Троцкий кормил кроликов и кур. Наталья Ивановна, занимаясь своими делами, выглядывала в окно, наблюдая за мужем. Она это делала всегда, даже когда он сидел за письменным столом. "Время от времени я приоткрывала дверь его комнаты чуть-чуть, — вспоминает Седова, — чтоб не помешать ему, и наблюдала его в обычной позе — склонившимся над письменным столом с пером в

руке". У Натальи Ивановны от большой семьи остался только муж и внук, и она боялась потерять последнее, что у нее в этой жизни осталось. Сам Троицкий признавался, что ему лучше работается, когда он знает: Наталья Ивановна где-то рядом. Даже в своем завещании он нашел возможным сказать о ней самым необычным образом: "Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко-зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде"²⁰⁶.

Покормив животных, Троицкий сел за письменный стол. В тот день, вторник 20 августа, он намеревался ответить "Эль Популяр" и продолжить работу над очередной главой о Сталине. После обеда "Л.Д., — вспоминает Наталья Ивановна, — продиктовал несколько "кусков" своей статьи в связи с войной и, как всегда, в половине шестого вечера вышел опять к кроликам". В это время "я вышла на балкон и увидела, что рядом с Л.Д. стоял кто-то посторонний, которого я узнала не сразу, только после того, как он снял шляпу и стал подходить к балкону". Это был "Жасон" (так называли Троицкие Фрэнка Джексона, в действительности — Рамона Меркадера).

— У меня ужасная жажда, я хотел бы стакан воды, — произнес "Жасон", здороваясь с Натальей Ивановной.

— Может быть, Вы хотите чашку чаю?

— Нет, нет, я слишком поздно обедал и чувствую пищу здесь, — указал он на горло. — Она меня душит... — Цвет лица у него был серо-зеленый.

После репетиции 17 августа, когда "Жасон" приходил с плащом на руке и оставался несколько минут наедине с Троицким, сегодня ему предстояло совершить ужасное: убить человека, который относился к нему доброжелательно и не подозревал такого вероломства. Хотя Эйтингтон долго и тщательно готовил исполнителя к этой последней минуте, Джексон—Меркадер не был роботом. В нем обостренно заговорили элементарные чувства. Одно дело лишать человека жизни на фронте — если не ты его, то он тебя. А здесь? Человек — орудие террора, репрессии — должен либо полностью быть "свободным" от нравственных тормозов, либо идти на страшный шаг, будучи вооруженным фанатичной идеей. Брат убийцы Луис Меркадер спустя 50 лет после того рокового дня утверждает: "Брат был не просто убийцей, а человеком, верившим в дело коммунизма". Да, бывшим республиканским офицером, а теперь агентом НКВД руководила приверженность к страшному сталинскому штампу: "Троицкий — агент мирового империализма и смертельный враг коммунизма".

Но, думаю, не только духовные побуждения заставили мо-

лодого испанца превратиться из соратника Эйтингона в его сообщника. Он был вынужден это сделать. Рамон знал, что здесь, в Мехико, его мать. Она ждет его в машине в ста метрах от дома вместе с "Леонидом". Надо думать, какое огромное напряжение испытывают они. В случае его малодушия не только у него, но и у его матери нет шансов выжить. Они — заложники. Гладиаторы-заложники. Только его убьют не на арене честной борьбы, а исподтишка. А вместе с ними — и его младшего брата Луиса, которого по настоянию Эйтингона отправили из Парижа в Москву. Заложники... "Серо-зеленый цвет лица" — это последняя внутренняя борьба перед невидимой тонкой линией, которая делит жизнь и смерть. И за ту линию судьбы, откуда нет возврата, он должен отправить сейчас человека...

"Жасон" был, как и в прошлый раз, с плащом на руке и в шляпе.

— Почему Вы в шляпе и с плащом? Погода такая солнечная...

— Да, но Вы знаете, это ненадолго, может пойти дождь...

"Жасон" после моего вопроса, — вспоминала Наталья Ивановна, — как-то ступешался и направился к кроличьим домикам, где находился Л.Д.

— А статья Ваша готова? — успела спросить Наталья Ивановна.

— Да, готова, — и "Жасон" вынул бумаги стесненным движением руки, не отрывая ее от туловища и прижимая плащ, в котором, как позже установили, были зашиты топор и кинжал²⁰⁷ (так в тексте. — Д.В.).

Троцкому не хотелось возвращаться в свою комнату, но закрыв дверцы домиков и сняв рабочие перчатки, он бросил:

— Ну что же, хотите прочесть Вашу статью? — после чего, отряхнув синюю блузу, медленно, молча пошел с "Жасоном" к дверям своего рабочего кабинета.

Дальше рассказывает сам исполнитель уже на суде в Мехико:

"Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил ледоруб из моего плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове...

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое "А-а-а...", бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне ру-

ку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты...”²⁰⁸

Наталья Ивановна так зафиксировала в памяти кульминацию трагедии:

“...Едва истекло 3—4 минуты, я услышала ужасный, потрясающий крик... Не отдавая себе отчета, *чей это крик*, я бросилась на него... стоял Лев Давидович... с окровавленным лицом и ярко выделяющейся голубизной глаз без очков и опущенными руками...”²⁰⁹

Характеризуя этот момент кульминации 20 августа 1940 года, Судоплатов заметил в беседе со мной:

— В любом деле неизбежны случайности. Проявила себя она и здесь. Как мог сохранить силы Троцкий для борьбы и человеческого крика после такого сокрушительного удара, который нанес альпенштоком физически очень сильный Меркадер? Если бы он погиб сразу, Меркадеру удалось бы, видимо, скрыться.

В доме уже началась суматоха. Джексона—Меркадера тут же схватили охранники и стали избивать. “Мы слышали какое-то жалкое завывание...” — вспоминала Наталья Ивановна.

— Что делать с этим? Они его убьют...

— Нет... убивать нельзя, надо его заставить говорить, — с трудом, медленно произнося слова, ответил Л.Д.

Охранники во главе с Робинсом колотили слабо защищавшегося Джексона кулаками, рукоятками револьверов. Наконец тот прервал свое молчание и окровавленный закричал:

— Я должен был это сделать! Они держат мою мать! Я был вынужден! Убейте сразу или прекратите бить!

Это была единственная слабость агента. Затем, в долгие месяцы следствия и суда Меркадер никогда не вернется к этим словам. Он все решил сам и все сделал сам. Никакого ГПУ, никаких соучастников и помощников не знает. Это его решение... Только его.

Как рассказывал Судоплатов, первые полтора года после приговора (20 лет тюрьмы — высшая мера наказания по мексиканским законам) Меркадера часто били в тюрьме, пытаясь узнать: кто же он в действительности? Целых пять лет держали в одиночной камере без окна, но боевик Эйтингтон взял себя в руки и долго не отказывался от своих первых показаний, хотя еще на суде был документально уличен, что он не тот человек, каковым он себя называет. Как говорит Луис Меркадер, “после первого шока он пришел в себя и всегда думал, что сделал нужное дело”. Приехав через 20 лет в СССР, Рамон, комментируя

однажды события в Колумбии, сказал: "Терроризм необходим в борьбе за коммунизм"²¹⁰. Но он фактически повторил слова Троцкого из работы "Терроризм и коммунизм"! Убитый Рамоном Меркадером революционер писал: "...террор может быть очень действителен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены"²¹¹. В этих высказываниях неожиданно прослеживается родство убитого и убийцы. Идеи большевистского яacobинства, так насаждавшиеся Троцким в русской революции, вернулись политическим бумерангом насилия к нему самому.

Письмо, которое обнаружили у Джексона в кармане, извещало, что он разочаровался в троцкизме и Троцком. Толчком к этому шагу, на который он решился, явилось якобы предложение Троцкого поехать в СССР, чтобы совершить революционный акт ликвидации Сталина. Письмо явно было написано и отпечатано другими. Но суд сразу установил, что Троцкий с Джексоном оставались наедине всего один раз 17 августа на пять-семь минут, а в день убийства — на еще меньшее время. Троцкий не мог предложить такое малознакомому человеку. Джексон же утверждал, что предложение "поехать в СССР и ликвидировать Сталина", было передано ему устно и лично самим погибшим. Если бы суд знал, что это давний почерк ГПУ—НКВД! Похожие письма были прежде найдены на теле погибшего секретаря Троцкого Рудольфа Клемента, у нескольких ликвидированных невозвращенцев, которые якобы по-мертно обвиняли Троцкого и троцкизм в шпионской, террористической деятельности и т.д. Возможно, мотивы этой записки навеяны докладом Зборовского в Москву в феврале 1938 года (если это не мистификация НКВД), когда он утверждал, что Седов поднимал вопрос о поиске террориста, ибо "достаточно убить Сталина, как все развалится..."²¹² В данном случае не вызывает сомнения лживость версии, придуманной в группе Эйтингона.

Но мы забежали вперед. Похоже, те, кто организовал это убийство, не очень-то и заботились об историческом алиби. Ибо публикация "Правды" 24 августа 1940 года с головой выдавала организаторов покушения. Мир еще многого не знал, а партийная газета писала, что "в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения *одним из лиц его ближайшего окружения*"²¹³. Письмо в кармане Джексона—Меркадера и информационное сообщение появилось из одного источника... Впрочем, мировая печать ни на минуту не сомневалась в том, кто является главным убийцей. Исполнителям жестокой акции удалось скрыться. Всем, кроме Морнара—Джексона—Меркадера. Машина с работающим

двигателем, стоявшая поодаль от дома Троцкого, как только началась беготня возле ворот и заревела сигнализация, сорвалась с места и мгновенно скрылась за ближайшим поворотом. Эйтингон, мать Меркадера, Каридад, и еще несколько обеспечивающих операцию лиц в тот же день разными способами выбрались из столицы и растворились в человеческом "муравейнике". Эйтингон и Каридад переждали время поисков в Калифорнии. Они ждали распоряжений из Москвы. Уже через сутки из сообщений радио и печати узнали: удар достиг цели. Задание Сталина — "нанести удар по IV Интернационалу... Обезглавить его" — выполнено.

Эйтингон боялся, что импульсивная Каридад, потерявшая сына, может сорваться и наделать глупостей. Через месяц Москва по своим специальным каналам сообщила: благодарим за выполнение задания, через оставшихся в Мехико установите состояние "пациента" и выясните, чем можно ему помочь. После решения этой вспомогательной задачи им разрешалось вернуться. В мае 1941 года, за месяц до начала войны, Н.И.Эйтингон и Эустасия Мария Каридад вернулись в Москву через Китай. Дорога домой заняла больше месяца.

Троцкий после покушения прожил в больнице еще 26 часов. Чуть больше суток. В городской больнице старались сделать все возможное и невозможное, хотя было ясно, что удар убийцы поразил жизненные центры мозга. Через два часа после покушения, вспоминала Наталья Ивановна, Троцкий впал в кому.

Незадолго до того, как навсегда угасло сознание одного из вождей русской революции, он еще мог печально и отчетливо сказать:

— Я чувствую здесь... что это конец, на этот раз они имели успех...

Перед операцией сестры стали его раздевать, разрезая ножницами окровавленную одежду. Собравшись с силами, он с трудом прошептал нагнувшейся Наталье Ивановне:

— Я не хочу, чтоб они меня раздевали... я хочу, чтобы ты меня раздела...

Это были его последние слова...

Заканчивая свое горестное эссе "Так это было", Седова напишет, что после операции "его приподняли. Голова склонилась на плечо. Руки упали, как после распятия у Тициана на его "Снятии с креста". Терновый венец умирающему заменила повязка. Черты лица его сохранили свою чистоту и гордость. Казалось, *вот он выпрямится и сам распорядится собой*. Но глубина пораженного мозга была слишком велика... Все было кончено. Его больше нет на свете"²¹⁴.

"Голгофа" Троцкого оказалась в Мехико, на улице Вены.

По преданию, Голгофа есть череп Адама, оказавшийся по воле провидения под крестом распятого Христа. Стекающая с Христа кровь, по Матфею, омывает не только темя Адама, но смывает тьму и скверну грехов человечества.

Однако Троцкий был убежденным атеистом, и во дворе дома, где его достала в конце концов рука человека, о котором он так и не сумел закончить свою книгу, вместо креста воздвигли скромный обелиск. Кровь Троцкого не может смыть грехи и заблуждения того многомиллионного отряда людей, которые свято и наивно верили, что с помощью насилия они в состоянии принести счастье всему человечеству. Троцкий был одним из вдохновителей этих людей и сам пал их жертвой. Трагедия судьбы революционера — неиссякающий источник для вечных размышлений о тщетности насилия и неисчерпаемости творчества. Судить же былое может теперь лишь история.

Обелиск на чужбине

После гигантской антисталинской манифестации, в которую превратились похороны Троцкого в Мехико, его прах остался в последней каменной обители на тихой и узкой улочке Койоакана. На этом настояла Наталья Ивановна. У вдовы теперь остались лишь внук Сева и эта могила, с которой у нее связано все: их первая встреча в Париже на самом пороге века, долгая и относительно спокойная жизнь в Европе до революции, возвращение в Россию в мае 1917-го, а затем феерия взлета мужа, которая продолжалась целых пять лет, потом борьба, ссылка, депортация, гибель обоих сыновей... В этой могиле спрессованы их судьбы. Ни он, ни она больше никогда не увидят родины. Наталья Седова была прежде всего женой Троцкого, матерью его сыновей; она никогда не играла активной политической роли в его борьбе. Ее любовь, забота и поразительный стоицизм в самые трудные периоды жизни изгнанника питали его духовные силы.

Вскоре после похорон на совещании руководителей американской секции IV Интернационала решили поставить на могиле Троцкого обелиск и рассмотреть возможность создания в будущем его музея. Обелиск соорудили быстро, а музей был открыт ровно через 50 лет после смерти Троцкого. Памятник получился примитивным. На бетонной плите в полтора человеческого роста выдавили большие серп и молот, а над этим ре-

волюционным символом была вмонтирована надпись: “Leon Trotsky”. Позже, с тыльной стороны бесхитростного обелиска установили флашток с приспущенным красным флагом. Наталья Ивановна, пока была жива, следила за тем, чтобы вокруг памятника было всегда много живых цветов. И по сей день, в тени южных деревьев стоит этот странный обелиск, за которым присматривает внук революционера — Эстебан Волков. Похоже, что обелиск стал главным памятником не только Троцкому, но и эфемерной идее мировой революции...

Насколько мне известно, это единственный уцелевший памятник русскому революционеру. В троице “главных вождей” русской революции Троцкому повезло меньше всех, что касается “монументальной пропаганды”. Сталинские памятники, бюсты, изваяния, подобны бетонным каменным и гипсовым идолам — недремлющим надсмотрщикам над великим, но притихшим народом. Затем, после смерти тирана, идолы незаметно исчезли, за исключением одного — в Гори. Но еще большее количество скульптурных изображений — в большинстве своем уродливых — создано “первому вождю” — Ленину. Через семь десятилетий после Октябрьского переворота их стали публично демонтировать, олицетворяя с именем Ленина огромную историческую неудачу великого народа. Погибни Троцкий под Казанью, допустим, в 1918 году или на Южном фронте в году 1919-м — его памятники и сейчас бы стояли на площадях многострадальной страны. Кто знает, может быть, изгнание и смерть от рук сталинского убийцы оградили его от полного посмертного отрицания? Может быть, трагическая судьба Троцкого полнее сохранит для истории память о нем, чем о его “соратниках”? Кто знает...

Вожди революции, сметя царские изваяния, уже через несколько лет начали заполнять площади городов собственными статуями. Троцкий не был исключением.

Вот записка Красина Ленину:

”Владимир Ильич!

...С Каменевым едет англичанка-скульптор и совершенно необходимо, чтобы Вы позволили хоть однажды в жизни сделать с себя сколько-нибудь приличный бюст, что она вполне и весьма быстро способна исполнить...”²¹⁵. На дворе сентябрь 1920 года, страна в страшных конвульсиях войны, голода и разрухи, а один из большевистских лидеров считает: “...совершенно необходимо...”

Скоро, очень скоро унылые изваяния вождя будут установлены по всей стране, олицетворяя приход в нее идеологических язычников.

В сентябре 1920 года Троцкий получил из Одессы письмо от

своего школьного товарища, художника Николая Ивановича Скорецкого, в котором тот сообщал: "Талантливый скульптор Гриншпун жаждет тебя увидеть, чтобы должным образом закончить твой бюст, который начат в духе роденовского Рошфора..."²¹⁶ Мне не удалось узнать, была ли закончена "роденовская" скульптура. Зато довелось познакомиться с девяностолетним отставным полковником, георгиевским кавалером, который, по его словам, "пять раз ранен, пять раз принимал присягу", но интересен тем, что изваял в 1921 году по распоряжению Политуправления большую скульптуру Л.Д.Троцкого. Зовут этого человека Филипп Михайлович Назаров. "Скульптура получилась довольно большой, — вспоминал Филипп Михайлович, — что-то около трех метров высотой. Сооружал я ее из гипса, "зажелезил", покрасил в защитный цвет. Голову лепил отдельно. Троцкий изображен в распахнутой шинели, руки заложены за спину".

На вопрос, знал ли Троцкий о памятнике, скульптор-самоучка ответил:

— Памятник установили в поселке Клементьево Можайского района Московской области, в расположении большого артиллерийского лагеря. Вскоре после установки скульптуры, перед строем был объявлен приказ Председателя Реввоенсовета о поощрении меня за исполненную работу...

— А какова судьба скульптуры?

— Где-то в году двадцать седьмом или восьмом снесли... В 30-е годы я все боялся: вдруг вспомнят об авторе памятника. Фотографии скульптуры, эскизы, благодарность Троцкого я, конечно, заблаговременно уничтожил...

Так или иначе, но в Подмоскovie несколько лет памятник Троцкому простоял.

В ноябре 1923 года помощник Троцкого Сермукс положил на стол перед наркомвоенном записку следующего содержания:

"Дорогой товарищ Троцкий,

Джо Давидсон, скульптор, о котором Вы, наверное, знаете, находится в Москве... Он вылепил бюсты почти всех знаменитых людей Запада и был официальным скульптором героев мировой войны у Антанты, но сам он радикал и мой хороший знакомый. Он уже сделал бюсты Калинина, Радека, Чичерина, Раковского, Литвинова, Иоффе, Красина и др.

Вам не нужно позировать ему, он может лепить Вас в продолжение 3-х, 4-х часов, пока Вы работаете, в один сеанс...

18.IX.23 г.

С приветом Макс Исмен²¹⁷.

Или вот еще письмо от известного художника В.Н.Дени:

”Глубокоуважаемый Лев Давыдович! (так в тексте. — Д.В.)

Не найдете ли Вы возможным до приезда петроградских художников Бродского и Воцилова дать теперь, когда можно, **1 час** популярному скульптору Андрееву для зарисовки Вас цветными карандашами (Андреев, между прочим, автор оригинального памятника Гоголю).

Если Вы разрешите, то я его представлю Вам. Будьте добры дать ответ.

25.VII.21 г.

Уважающий Вас Дени”²¹⁸.

Конечно, если целая когорта большевистских лидеров так быстро успела увековечить себя бюстами, которые делал человек европейской известности, Троцкий отказать не мог. Но куда после опалы и остракизма исчез гипсовый революционер, созданный Давидсоном, а затем и Андреевым, догадаться сегодня нетрудно.

На этих, в общем-то мелких для истории фактах я остановился не случайно. Во все времена революционеры-триумфаторы не могли устоять перед соблазном славы и тут же попадали в историческую ловушку. Памятники, созданные при жизни (да и не только!), никогда не служат человеческой памяти, но всегда — тщеславию. Большевики не только начали бессовестно увековечивать своих вождей, но и долго, назойливо, упрямо, одурманиваяще и одновременно тупо пытались сделать вечными и свои главные лозунги: ”Слава РКП!”, ”Слава ВКП(б)!”, ”Слава КПСС!”. Что из этого получилось, известно всем. Власть всегда порочна и, если она не имеет демократических предохранителей, прямым путем ведет к тоталитаризму, а массовые памятники вождям — постыдные вехи идолопоклонства.

Троцкий избежал эпидемии ”жатвы памятников” не потому, что был скромнее других вождей, а просто на поле отечества не успели густо взойти его гипсовые, бронзовые и мраморные ”всходы”. В этом смысле Троцкому повезло. Его бетонный обелиск действительно п а м я т н и к. Единственный. Как бы мы ни относились к этому человеку, причастному ко многим драматическим и трагическим страницам нашей истории, его обелиск служит сегодня не столько политике, сколько людской памяти.

Что же осталось в памяти и действительности? Почему имя Троцкого уже многие десятилетия привлекает к себе внимание историков, философов, писателей, кинематографистов? О чем напоминает миру одинокий обелиск на чужбине?. Вопросов

много. На некоторые из них жизнь дала ответы, другие ждут своей очереди.

Пропасть истории одинаково глубока для всех. В гигантских ячейках сети, раскинутой над нею, задерживаются лишь крупные фигуры. Троцкий — одна из таковых. Сталинизм глубоко внедрил в сознание советских людей представление о Троцком как о сугубо негативной личности, принесшей народу только страдания, террор, междоусобицу. Не все понимают, что Троцкий был лишь одним из российских яacobинцев, считавших, что совершенствование диктатуры пролетариата может разрешить все вопросы социального бытия. Например, еще будучи членом Центрального Комитета партии, в июне 1927 года Троцкий в своих заметках по национальному вопросу (кстати, не увидевших свет) писал, что "сожительство и сотрудничество разных национальных групп, выравнивание хозяйственного и культурного уровня развития сдерживается пережитками *насилия центра*" (курсив мой. — Д.В.). Может случиться, провидчески писал Троцкий, "что именно в национальном вопросе основные наши противоречия могут получить наиболее резкое выражение". Трудно не согласиться с этими замечаниями опального лидера. Сегодня мы непосредственно столкнулись с этими национальными противоречиями. Но что он предлагает? "Все эти вопросы, — отвечает Троцкий, — могут решаться только под углом зрения сохранения и упрочения пролетарской диктатуры централизованного рабочего государства и планового хозяйства"²¹⁹. Опять диктатура...

Отверженного революционера, как и миллионы других людей, не смущало, что приверженность насилию оставляет за собой пустоту. Но русские яacobинцы спешили только вперед, к "лучезарному будущему", к "неизбежной мировой революции", "всемирному торжеству коммунистических идеалов"... Воинственная непримиримость ко всему некоммунистическому, духовная агрессивность, беспепелляционная уверенность в своей правоте была присуща всем большевистским руководителям. Троцкий не был исключением. Коммунизм в представлении этих людей подобен величественной сияющей башне, если на нее смотреть снаружи. Но внутри этот "храм" похож на мрачную казарму. Возможно, в этом и выражается трагедия человеческой мечты о счастье, справедливости, свободе, если она безоглядно отдается в руки людей, для которых важна лишь цель. Такие люди, как Троцкий, эксплуатируя мечту и идею, обманули надежды людей. Так бывало и раньше. Приведу один известный и внешне незначительный эпизод.

17 августа 1921 года в "Правду" пришло письмо, где "хозяева" города Данилова Каменский, Лисицин, Кокушкин и Смир-

нов писали: “...через станцию Данилов проезжал уважаемый наш вождь тов. Троцкий. Масса простых обывателей собрались на вокзале для того, чтобы увидеть и хоть немного послушать своего вождя... За три минуты до прихода поезда, точно по мановению моисеева жезла весь этот бушующий океан замер. Замер так, что у каждого можно было слышать биение сердца, вот какое было ожидание граждан города Данилова. Но по прошествии 5—10 минут начал нарастать шум толпы и наконец выразился в бурных вызовах тов. Троцкого. Но все вызовы были напрасны; вождь не обратил на них внимания. Все ждали, что он скажет ободряющие слова с призывом напрячь силы за нашу дорогую свободу... Случилось, что вместо того чтобы поднять революционный дух граждан, тов. Троцкий его много, много понизил...”

Каково же было разочарование, когда поезд, простояв на вокзале, так же скрылся, как будто его здесь и не было...²²⁰

Можно ли сказать, что все скрылось, как будто ничего и не было? Едва ли. Десятилетия борьбы, борьбы за идею. А поезд ушел, но пришел в тупик. Так умирает вера людей. Пусть эту идею олицетворял не только Троцкий, а его более удачливые соратники и соперники: результат не меняется. Хотя сама идея социальной справедливости будет жить всегда, но большевистский вариант реализации показал ее эфемерность.

Обелиск на чужбине напоминает, что именно Троцкий первым рассмотрел Сталина и сталинизм изнутри, первым увидел контуры термидора, первым заметил признаки вырождения большевизма. Горечь и трагизм судьбы провидца делают в глазах людей его жизнь достойной вечности. Ведь давно замечено, что серое, будничное, обычное, ординарное имеет мало шансов сохраниться в человеческой памяти. Могила в Мексике свидетельствует о том, что человеческий облик революционера, который со временем становится яснее, очевиднее, играет огромную роль для исторической памяти.

Силуэт Сталина всегда был кровав, как бы его ни камуфлировали. Эта личность — синоним политической жестокости и коварства. Ленина нарядили в сусальные одеяния, в которые его всегда кутала официальная пропаганда, его биографы, да и инерция мышления российского сознания, желавшая иметь только “доброе царя”. А Ленин не был ни богом, ни безгрешным человеком. Как пишет Н.В.Валентинов, Ленин, “очертив вокруг себя круг, все, что вне его, топчет ногами, рубит топором”²²¹. Валентинов, проведя долгие часы в дискуссиях с Лениным, с удивлением обнаружил в этом человеке “слепую нетерпимость”, “ярость”, когда тот награждал его “потоком руга-

тельство, как только узнал, что собеседник не придерживается его взглядов"²²².

О Ленине все мы долгие десятилетия знали лишь то, что полагается знать о сусальном гении. Эта безбрежная апологетика исказила образ революционера, которому, однако, были присущи многие заблуждения, ошибки теоретического и политического характера, имевшие тяжелые последствия для нашей истории.

Троцкий — не идеологический идол, а личность с самым широким спектром сильных интеллектуальных и нравственных качеств, вперемешку с безапелляционностью, ленинской нетерпимостью, тщеславием. Обелиск в Койоакане напоминает нам не об ужасном тиране или "непревзойденном гении", а о певце революции, который стал ее жертвой и мучеником и одновременно носителем уродств насилия, которые порождаются этой революцией. Н.А.Бердяев, рисуя портрет Троцкого, замечает, что "именно он, организатор Красной Армии, сторонник мировой революции, совсем не вызывает того жуткого чувства, которое вызывает настоящий коммунист, у которого окончательно погасло личное сознание, личная мысль, личная совесть и произошло окончательное вращение в коллектив..." Это человек того же типа, пишет Бердяев, "как и Ленин, но менее злобен полемически"²²³. Люди, подверженные угару революции, могут быть велики, но они как бы аномальны. Они так же отличаются от обычных людей, как эволюция и реформа от революции и взрыва. Но, увы! — и то и другое в человеческой истории является естественным.

Обелиск в далекой мексиканской столице напоминает нам, однако, не только о человеке, чье имя на нем значится, но и о том движении, той международной организации, у истоков которой стоял Троцкий. Долгое время революционер возражал, протестовал, возмущался, когда его оппоненты манипулировали понятием "троцкизм". Еще когда Троцкого исключали из Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, опальный вождь, загнанный в угол, осыпавший поносной критикой Куусинена, Тореза, Мэрфи, Пешера, Бухарина, Катаямы, Сталина и других членов международного органа коммунистов, более похожей на брань, отрицал наличие особого течения "троцкизм", а признавал лишь "левую" оппозицию²²⁴. Эту же линию Троцкий проводил и в начале 30-х годов.

В конце декабря 1932 года Троцкий, находясь еще на Принкипо, пишет письмо Александре Ильиничне Рамм, переводчице его книг, о том, что высылает ей свою рукопись большой статьи "Завешание Ленина"²²⁵. К письму Троцкого приложена большая статья, выдержанная в обычном духе антисталинской

полемики, но одновременно в ней содержится специальный раздел "Легенда о "троцкизме". Автор пишет, что создатели легенды — Зиновьев и Каменев. Именно они, по согласованию со Сталиным, "левую" оппозицию в партии окрестили "троцкизмом". Хотя, если быть точным, впервые ввел в официальный оборот слово "троцкизм" Сталин, заявивший в работе "Троцкизм или ленинизм", что нужно рассмотреть вопрос о "троцкизме как своеобразной идеологии, несовместимой с ленинизмом"²²⁶.

С тех пор коммунисты, не столько разделявшие постулаты марксизма, сколько соглашавшиеся с Троцким в его политических оценках, стали именоваться "троцкистами". С начала 30-х годов в СССР подобный ярлык был равносильен смертному приговору.

В действительности же, уверяет Троцкий, то были настоящие "большевики-ленинцы". Тут трудно возразить: все "настоящие" большевики-ленинцы одинаковы. Все они стоят на платформе диктатуры пролетариата и все уверены в правомерности и возможности переделать мир на коммунистических началах. И Троцкий, и Сталин, и те, кто шел за ними, исходили из ложных посылок. Хотя, например, Зиновьев утверждал, что "троцкизм был (и в значительной мере остается) только "левым" нюансом в "европейском" (т.е. оппортунистическом) псевдомарксизме, коренным образом враждебном большевизму"²²⁷. Правда, уже в 1926 году Зиновьев заявит, что его борьба с троцкизмом была самой большой ошибкой в его жизни, "более опасной, чем ошибка 1917 года". Увы, и это не было последним словом Зиновьева. Еще через год Зиновьев, вымаливая прощение у Сталина, вновь будет говорить об "опасности троцкизма" как одного из проявлений "псевдомарксизма"²²⁸.

Нет, я не отрицаю появления и существования троцкизма. Я уже говорил, что в онтологии марксизма в России выделяются три основных направления: ленинизм, троцкизм и сталинизм. Ленин на марксизм смотрел прежде всего с точки зрения использования его идей для организации революционного движения. В марксизм Ленин мало что внес нового, если не считать его теоретических размышлений о революционной партии и организационных вопросов. Сталинизм же явился трагическим гротеском ленинизма. Троцкизм, в свою очередь, можно представить (в теоретической области) как наиболее радикальную форму марксизма, применительно не только к России, но и ко всей "мировой коммунистической революции". Поэтому можно, пожалуй, говорить, что троцкизм — наиболее ярко выраженная попытка "применения" европейского марксизма в России, его крайне радикальный вариант. Это за-

мечали и другие наблюдательные исследователи. Так, профессор из Оксфорда Барух Кней Пац пишет в своей фундаментальной монографии "Общественная и политическая мысль Льва Троцкого", что "теория русской революции этого вождя является попыткой наиболее решительного приспособления марксизма к России начала XX века... Вскоре Троцкий заявил, что теория марксизма подтверждена событиями русской революции"²²⁹.

Троцкизм явился экстремистской формой марксизма, многие элементы которой Сталин заимствовал затем в своей практике, естественно, никогда не ссылаясь при этом на своего предтечу. Троцкизм можно понять, лишь оценив его непоколебимую уверенность в классовых постулатах, высшей справедливости революционного насилия и убежденность в неизбежности планетарного коммунистического будущего. Выступая на III Конгрессе Коминтерна 23 июля 1921 года, Троцкий заявил: "Только кризис является отцом революции, а период процветания — ее могильщиком"²³⁰.

Думаю, что в троцкизме нашла выражение ленинская убежденность в возможности путем неограниченного насилия "пришпорить" историю и в кратчайшие сроки добиться коренных социальных преобразований. Как вспоминал один из лидеров меньшевизма Р.А.Абрамович, с введением политики "военного коммунизма" Ленин вначале уверовал, что стратегическая цель революции близка. "В начале 1918 года Ленин, — писал Абрамович, — почти на каждом заседании Совнаркома настаивал на том, что в России социализм можно осуществить в шесть месяцев. Троцкий замечает, что когда он впервые услышал этот срок, он был поражен — шесть месяцев, а не шесть десятилетий или, по крайней мере, шесть лет? Но нет, Ленин настаивал на 6 месяцах"²³¹. Троцкий был поражен, но не возражал. Как мы знаем, его сроки мировой революции вначале тоже колебались в пределах пяти-восьми лет после Октября, хотя позже он и избегал говорить о временных координатах всемирного пожара, или переносил их вперед на десятилетия²³². К слову замечу, социал-демократическая ветвь русских революционеров исповедовала более спокойный путь социальной эволюции, страпаса всплеска русской смуты. Но этим людям не оказалось места в России после Октября. Впрочем, будучи за границей, они не могли себя чувствовать в полной безопасности. Агенты Секретно-политического отдела НКВД регулярно докладывали в Москву, чем занимаются Дан, Абрамович, Розенфельд, другие меньшевики²³³.

В троцкизме марксистские постулаты были выражены в наиболее рафинированной форме. Но в противовес Сталину

теория Троцкого формально отвергла тоталитарность режима, хотя совсем не ясно, как тогда “применять” диктатуру пролетариата, которой изгнанный революционер молился всю жизнь. Таким образом, троцкизм являл собой утопическую попытку синтеза диктатуры и демократии, единовластия одной партии и политического плюрализма. В действительности троцкизм представлял собой утопию радикального марксизма в России. Казалось, что обелиск в мексиканской столице — это финальная точка в драме движения, у истоков которой стоял Троцкий. Но нет. Не все так просто. Троцкизм жив. Почему? Что питает надежды его сторонников? Разве историческая неудача социализма в СССР и восточноевропейских странах не дала им новой пищи для разочарований и размышлений?

Троцкизм — сектантский взгляд на проблемы сегодняшнего бытия, будь то классический капитализм или то, что мы называли “развитым социализмом”. Сегодняшние троцкисты по-прежнему считают, что революционное обновление мира не только необходимо, но и возможно. Достаточно пролистать подшивку “Журнала интернационального марксизма”, который и сейчас издается Интернациональным комитетом IV Интернационала.

В связи с 50-й годовщиной образования IV Интернационала комитет принял резолюцию, в которой утверждается, что мир — на пороге новых революционных потрясений, а теория перманентной революции Троцкого “подтверждена всей жизнью”. С точки зрения “Журнала”, в условиях, когда “Горбачев пресмыкается перед Уолл-Стрит”, идет быстрая реставрация капитализма внутри СССР. Комитет IV Интернационала подтверждает, что “защита завоеваний Октября требует, как историческую необходимость, свержения бюрократии путем политической революции”. Поразительно, но время для троцкистов как будто остановилось; то, что Троцкий требовал в 1936 году в своей “Преданной революции” в отношении Сталина и сталинизма, спустя полвека повторяют его последователи в отношении Горбачева! В этом пережевывании уцененной историей и перетряхивании ветоши перманентной революции тем не менее видна живучесть левого радикализма, по-прежнему полагающего, что мир можно перестроить в результате глобальной кавалерийской атаки пролетариата.

Чтение троцкистского “Журнала” создает иллюзию мысленного погружения вглубь десятилетий. Судите сами, к чему призывает сегодня трудящихся комитет IV Интернационала:

Великая историческая цель — объединить разнообразие национальные отряды международного пролетариата в одну армию — сейчас может быть достигнута. Боевой клич револю-

ционного марксизма — "Пролетарии всех стран, соединитесь!" — станет основой классовой борьбы в каждой стране. Старые сталинские и социал-демократические партии, гнилые остатки давно мертвых Второго и Третьего Интернационалов, со все большим отчаянием цепляются к отжившей национально-государственной системе и капиталистическим господам. Итак, пришла эпоха Четвертого Интернационала. Задачи Интернационального комитета — это собрать кадры, готовые решительно действовать согласно этим перспективам, сплотить рабочий класс под знаменем Четвертого Интернационала и готовиться к победе предстоящей мировой социалистической революции"²³⁴. Пусть читатель не думает, что эта пространная цитата взята из 30-х годов. Нет. Это фрагмент резолюции Интернационального комитета IV Интернационала, принятой в канун 50-летия основания троцкистской организации, в августе 1988 года.

За истекшие полвека из политической жизни исчезли многие организации, партии и даже целые государства, а международная партия троцкистов жива. Думаю, что одна из причин этого — устойчивый исторический авторитет ее основателя.

Обелиск на чужбине, таким образом, — не только свидетельство гибели лидера "Мировой партии социальной революции", но и показатель живучести "классических" форм исторического революционаризма. Он для Троцкого был тем же, что Библия для верующего. Даже когда все говорило, по словам Троцкого, об "отливе" мировой революции, он вещал о скором начале "прилива". Выступая 21 июня 1924 года на V Всесоюзном съезде работников лечебно-санитарного дела, Троцкий под бурные аплодисменты закончил свою речь словами: "Коммунисты говорят европейскому рабочему: если придешь к власти, если создашь советские соединенные штаты, ты объединишь сразу два могущественных континента, получишь в свои руки великолепную технику, необъятные пространства и естественные богатства, величайший энтузиазм революционного класса, пришедшего к власти. Если тебе придется столкнуться лицом к лицу с вооруженной мировой контрреволюцией, — а придется, — тыстроишь свою Красную Армию и тебе не придется начинать сначала, ибо ты получишь на закуску Красную Армию Советского Союза, уже опаленную войной и окрыленную победой"²³⁵.

Возникает вопрос: находясь в изгнании, предпринимал ли Троцкий что-либо для распространения идей "левой" оппозиции в СССР, в других компартиях? Была ли его борьба только идейной? Анализ "архива Снейвлита", наследия Троцкого, как и некоторых материалов НКВД, дает основание утверждать,

что попытки возродить и активизировать борьбу против сталинского режима предпринимались. Осенью 1932 года Л.Седов, например, пересылает отцу из Берлина свои записи разговоров с Гольдманом, сторонником Троцкого, который помогал переправлять в СССР троцкистскую литературу и получать там социальную-политическую информацию для изгнанника. Сын пишет, в частности, что надежды на создание блока Зиновьева—Каменева—Ломинадзе нет. Они “сломались”. Седов сообщает, что пока что его “посылки” в Москву и Ленинград доходят и попадают в нужные руки²³⁶.

Как видим, еще в 1932 году Троцкий имел некоторую связь с редуемыми рядами своих сторонников. Корреспонденты Седова сообщали, например, что на Украине люди пухнут с голоду тысячами. Из деревень бегут. Председателя колхоза, не выполнившего план хлебазаготовок, прокурор Украины приказал голым посадить на лед. По рукам ходит антисталинский документ, который, говорят, написал Бухарин. Более или менее работает, но осторожно, группа Ломинадзе. В стране процветает воровство. Начинают создавать распределители для партийного аппарата. Строят завод, не заканчивают и начинают другой. Правые не смирились с поражением...²³⁷

Из этих отрывочных сведений, которые Седов сообщал отцу, явствует, что оппозиционная борьба хотя и резко ослабла, но целиком не прекратилась. Эти свидетельства дают основания Троцкому считать, что представители как “правой”, так и “левой” оппозиций еще в начале 30-х годов осторожно пытались раздуть тлеющие угли недовольства сталинской политикой. Находясь в Европе, Троцкий шлет циркуляры в организации единомышленников с призывом активизировать борьбу против Коминтерна и Сталина²³⁸. При этом лидер “левой” оппозиции не ограничивается идейными наставлениями, а советует “работать совершенно нелегально”²³⁹. В архиве НКВД, в литературном деле под названием “Издания”, — многие сотни документов, печатных изданий, листовок, выпускавшихся троцкистскими организациями антисоветской, антисталинской направленности. Эффективность распространения этой литературы в СССР была очень низкой, но отдельные экземпляры все же попадали в страну²⁴⁰.

Все эти документы подтверждают, что Троцкий делал попытки развернуть против сталинских компартий и самой ВКП(б) не только идейную, но и политическую борьбу. Несмотря на эти усилия, Троцкому становилось ясно: революционный паводок ушел. Движение левых не стало массовым. Однако революционер не опускал руки, а продолжал бить в

колокол революции, коим для него был "Бюллетень"... Звук его был глухим и невнятным.

Но даже эти слабые попытки Троцкого повлиять на поведение оппозиционеров в СССР и активность троцкистских групп в Европе были быстро замечены ОГПУ—НКВД. Провал нескольких "транспортов" (посылок с литературой), арест ряда лиц, имевших на руках "Бюллетени оппозиции", привели к ужесточению репрессивных мер. Любые контакты советских людей с лицами, подозреваемыми в троцкизме, немедленно фиксировались. Некий Бальдони, за которым следила советская разведка, встречался в Москве с Буду Мдивани, врачом Власовой, с семьей Преображенского, Доната и т.д. Как только это было установлено, "Вест" немедленно проинформировал Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД²⁴¹. Все лица, имевшие контакт с "предполагаемым троцкистом" Бальдони, были арестованы. Такие были страшные времена.

По данным Ежова, в конце 1936 — начале 1937 года только в центральных учреждениях Москвы были арестованы тысячи "троцкистов-вредителей". Например, эта картина, по Ежову, в народных комиссариатах была такой:

Арестовано и осуждено троцкистов с октября 1936 года по февраль 1937-го:

В Наркомате путей сообщения	— 141 человек
В Наркомпищепроме	— 100 человек
В Наркомместпроме	— 60 человек
В Наркомвнуторге	— 82 человека
В Наркомате земледелия	— 102 человека
В Наркомате финансов	— 35 человек
В Наркомпросе	— 228 человек
и так далее... ²⁴²	

Не только знакомство с лидером "левой" оппозиции или служба под его началом в годы гражданской войны квалифицировались как государственное преступление, но и само упоминание имени Троцкого, хранение в личной библиотеке его книги, любое косвенное доказательство "причастности" к главному еретика грозило тюрьмой, а то и худшим. Везде проводились чистки, везде искали троцкистов. Шло негласное соревнование. Партком Наркомата финансов, меньше всех разоблачивший троцкистов, подвергся разгрому. Наверх шли сводки, как с фронта: сколько выявлено, разоблачено, арестовано.

Вот, например, как боролись с троцкистами на историческом факультете Института красной профессуры. На общем собрании заслушивают доклад профессора А.В.Шестакова "Методы и приемы вредительской работы на историческом фронте".

Приведу лишь один-два фрагмента доклада: “Тов. Сталин в письме редакции журнала “Пролетарская революция” указывает, что троцкисты путем искажения исторической действительности ведут подрывную работу... Например, Дроздов в рассказе о тирании греческой колонии в Пантикапее ... дискредитирует идеи демократии по сравнению с фашистской тиранией”²⁴³.

В докладе и выступлениях говорят о “троцкистском определении диктатуры Шамиля”; о том, что “вопреки указаниям тт. Сталина, Кирова и Жданова, утверждается, что Александр I занимал двойственную позицию во внешней политике”; о том, что “профессор Пионтковский маскировал свое вредительское дело, пытаясь реставрировать капитализм в СССР...”²⁴⁴.

И этот бред произносили люди с учеными степенями и званиями. Духовная тирания калечила людей, учила “видеть врагов”, проявлять ожесточенную нетерпимость ко всему, что могло показаться подозрительным. Ну а разве дело ограничилось этими позорными публичными судилищами? Нет, конечно.

Как явствует из докладной записки и.о. директора Института красной профессуры от 27 декабря 1937 года (“исполняющие обязанности” менялись быстро, так как руководителей сажали одного за другим), из принятых в учебное заведение в 1931—1937 годах 408 человек отчислены 296. Как “отчислены” становится ясно, когда знакомишься с судьбой преподавателей института. “Разоблачены и арестованы как враги народа преподаватели: Ваняг, Пионтковский, Гайстер, Сеф, Томсинский, Невский, Долин, Цобель, Мадьяр, Рейснер, Сафаров, Смирнов, Дроздов, Дубровский, Дубыня, Фридлянд, Фролов, Кин, Будзинский, Зеймаль”²⁴⁵ и другие (в списке нет инициалов, что было обычным для того времени).

Пока Троцкий лихорадочно писал свои воззвания, печатал “Бюллетень”, искал каналы проникновения своей литературы в СССР, Сталин действовал по-другому. Реальных троцкистов в стране было в это время максимум три-четыре сотни. Чтобы их ликвидировать, Сталин уничтожал сотни тысяч людей. Троцкий продолжал говорить о мировой революции, а в это время его главный оппонент строил “социализм в одной стране”, отпавля в небытие все новые и новые жертвы.

Поэтому, как мне кажется, обелиск в Койоакане — это памятник не только вождю “левой” оппозиции, но и тем, кто в те годы сохранил верность ему и непримиримость к сталинизму. Иными словами, этот обелиск напоминает не только о революционных свершениях Троцкого, но и о его грезах, не став-

ших, к счастью, реальностью. Речь идет о все той же мировой революции.

Троцкий много написал о революции, о грядущем мировом пожаре. Люди с особым вниманием перечитывают его книги о "большевистском перевороте" не только потому, что они интересно написаны, но и потому, что Троцкий был непосредственным творцом и участником этих событий. Г.А.Зив, еще в 1921 году подготовивший книгу о Троцком, отмечал: "...в историю большевизм, по справедливости, войдет с именем Ленина как отца и пророка его; а для широкой массы современников *торжествующий* большевизм (и покуда он торжествует) естественно связывается с именем Троцкого. Ленин олицетворяет собой теорию, идею большевизма (даже большевизм имеет свою идею), Троцкий его практику"²⁴⁶.

Думаю, эта оценка Троцкого довольно упрощенна. Он олицетворяет и теорию и практику большевизма, но в значительной мере — в сфере утопии. В области теории имя Троцкого всегда ассоциируется с перманентной революцией, а в области практики — с революцией мировой. Это были Великие Иллюзии, символом которых и стал погибший от рук сталинского убийцы революционер.

Троцкий, приводя в порядок свои архивы, чем он занялся в последний год жизни в Мексике с помощью приехавшего друга Росмера, наверное, мог часто переноситься мыслью в свое триумфальное прошлое. Оно тоже помогает нам понять: что осталось ныне от троцкизма. Целая папка содержит бумаги Президиума ЦИК СССР и Совета Народных Комиссаров. Троцкий помнит, как А.И.Рыков садился за главе длинного стола в Кремле, за которым рассаживались Г.В.Чичерин, Л.Б.Красин, Я.Э.Рудзутак, И.Н.Смирнов, В.В.Куйбышев, В.В.Шмидт, Н.П.Брюханов, Г.Я.Сокольников, Ф.Э.Дзержинский. Среди них усаживался и он, Троцкий, который часто пропускал заседания то по болезни, то по литературным делам, а чаще — по нежеланию заниматься "рутинными делами". Обычно на этих заседаниях присутствовали и Председатель ЦО СССР Л.Б.Каменев, Председатель Госплана А.Д.Цюрупа, заместители Предсовнаркома И.Д.Орахелашвили и В.Я.Чубарь²⁴⁷. Если роль Троцкого в революции и гражданской войне выписана крупными буквами в летописи большевистского государства, то в мирных буднях кумир масс как-то быстро затерялся и не смог найти себя. Он преобразился лишь тогда, когда его звали выступать на различные слеты, съезды, совещания, конференции. "Мирная" глава жизни Троцкого малозаметна, до той, однако, поры, пока он не втянулся во внутрипартийную схватку.

Целый массив документов, подготовленных для передачи в Гарвард, включал материалы I, II, III и IV конгрессов Коминтерна, письма Троцкого Кашену, Фроссару, Кэру, Трену, Моттуту, десяткам других сотрудников международной коммунистической организации. Троцкий догадывался, что и высокие функционеры этой организации постепенно теряли свою независимость, а многие становились тайными сотрудниками НКВД. Но мог ли он, однако, думать, что даже такие лидеры Коминтерна, которых он лично знал, как Г.Димитров, М.Эрколи, Бела Кун, В.Коларов, потеряв всякую самостоятельность, покорнейше обращались к выродку и пигмею Ежову за разрешением открыть в Москве Клуб политэмигрантов по Фокинскому переулку, дом № 6!²⁴⁸ А Общество политкаторжан, его руководство, в котором формально состояли и “вожди пролетарской революции” И.В.Сталин, М.И.Калинин, К.Е.Ворошилов, Г.И.Петровский, П.П.Постышев, старые большевики — Р.С.Землячка, Г.М.Кржижановский, Н.К.Крупская, П.Н.Лепешинский, М.Н.Лядов, Ф.В.Ленгник и другие, регулярно докладывало тому же Ежову “о проделанной работе”²⁴⁹. Даже М.Горький, поговорив со Сталиным по личной просьбе В.Фигнер, проинформировал об этом Ежова!²⁵⁰ На всякий случай...

Троцкий, разбирая бумаги и предаваясь воспоминаниям, как бы готовился к близкой кончине. Но даже зная, сколь далеко зашел “бюрократический абсолютизм” в СССР, не мог и предположить чудовищной степени всевластия политической полиции его страны, которая жила в условиях “полной победы социализма”. В последние год-два своей жизни Троцкий чувствовал, что он “на излете”, понимал, что если не агенты Сталина уберут его, то все равно долго ему не жить: длительная борьба с кремлевским диктатором износила его сильный организм до крайности. Росмеры вспоминали, что когда архив был разобран, Троцкий сказал:

— Приготовления позади. Я готов к самому худшему...

Изгнанник понимал, что Мексика — его последнее прибежище. Продолжая изблещать Сталина и его режим, рассылать циркуляры своим сторонникам во все концы, Троцкий все больше предавался воспоминаниям. Этому способствовало и то обстоятельство, что готовя новые материалы для “Бюллетеня”, газет и журналов, он все больше страдал от недостатка информации об СССР. Поэтому во многих его статьях, посвященных актуальным темам современности, сплошь и рядом можно встретить аргументы, вынутые из теперь уже далекого прошлого. Чем больше Троцкий вглядывался в марево грядущего, тем чаще видел контуры давно ушедшего: беседы с Лениным, восторженные толпы на митингах, конную лаву всадников в буде-

новках, свой поезд, мрачный борт "Ильича", отплывающего на чужбину. Навсегда.

Если перелистать все написанное Троцким на Принкипо, во Франции, в Норвегии, Мексике, то внезапно открывается одна поразительная особенность: у Троцкого почти нет ностальгических строк о родине, земле своих предков, земле, где нашли успокоение родители, Нина, Сергей, другие родственники. Что это? Черствость? Может быть прав Зив, когда утверждает, что "Троцкий нравственно слеп"²⁵¹

Я думаю, здесь нечто другое. Троцкий провел более 20 лет в двух эмиграциях и изгнании. Он по натуре был космополитом и весь жил в сфере политической и идейной борьбы. Троцкий тосковал. Но тосковал... по революции. Даже для родины революция не оставила в сердце достаточно много места.

Он любил первые годы рождения большевистского общества — с 1917 по 1924-й — и враждебно смотрел на роковые 30-е. В первые годы после революции он был любим и почитаем, а время изгнания доносило эхо, гул презрения и ненависти к нему миллионов оболваненных людей, которыми сталинские функционеры научились великолепно манипулировать.

Чтобы представить, каким стало общественное сознание народа, достаточно пролистать подшивки советских газет за 30-е годы, просмотреть литературу тех лет. Один из трудовых героев того времени Алексей Стаханов в книжке "Рассказ о моей жизни" (на самом деле написал ее по заданию Москвы И.Гершберг) "вспоминал": "Когда в Москве происходил процесс сначала Зиновьева—Каменева, потом Пятакова и его банды, мы немедленно потребовали, чтобы их расстреляли... В нашем поселке даже те женщины, которые, кажется, никогда политикой не занимались, и те сжимали кулаки, когда слушали, что пишут в газетах. И стар, и млад требовал, чтобы бандитов уничтожили. Когда суд вынес свой приговор и сказал от нашего имени, что троцкистов-шпионов надо расстрелять, я ждал газету, в которой будет написано, что они уже расстреляны. Когда по радио я услышал, что приговор исполнен, прямо на душе легче стало". Пионер сталинского движения не забыл и изгнанника, написав (точнее, за него написали): "Если бы эти гады попались к нам в руки — каждый из нас растерзал бы их. Но еще жива старая сволочь Троцкий. Я думаю, пробьет и его час, и мы рассчитаемся с ним, как полагается"²⁵².

Разве мог любить Троцкий то, во что превратилась его родина? Можно только представить, какие огромные муки вызывало в его сердце непрерывное поношение, брань, угрозы, доносившиеся до мексиканского бункера. Родина его отторгла, окончательно превратив в человека "без паспорта и визы". Не

знаю, чувствовал ли Троцкий, что первые истоки этой слепой ненависти, беззакония и произвола родились в кратере революции? Понимал ли он, что пожинает плоды уродливого образования, семена которого сеял когда-то и сам? Ответить на этот вопрос трудно. Однако, когда Ягода и Дерibas в апреле 1924 года обратились во ЦИК СССР за разрешением внесудебных приговоров членам "группировки меньшевика М.И.Бабина", лицам, "проходившим по делу Абрикосовой, и 56 обвиняемым в шпионаже"²⁵³ (расстрел), ни Троцкий, ни его "соратники" не возражали... Семена беззакония быстро дают зловещие всходы. Правда, ухаживали за ними и лелеяли их уже другие.

Троцкий и его течение, отпочковавшись от "классического большевизма", право на "продолжение" которого узурпировал Сталин, исторически тоже ответственны за извращение идеи социальной справедливости, имя которой — социализм. Сталинизм, неосталинизм почти убили эту идею, но исчезнуть она не сможет никогда. В умах людей это будет не только выражением общественной утопии, но и надеждой на возможное осуществление идеи где-то в туманном грядущем. Троцкий же долгие годы боролся с тем, что когда-то сам создавал. Главная его заслуга — в непримиримой борьбе со сталинизмом.

Тоталитарный режим одного из самых страшных диктаторов на Земле смог добиться того, что долгие десятилетия в нашем сознании образ Троцкого и троцкизм ассоциировались с ренегатством, предательством и т.д. Эти стереотипы живы и сейчас. После моих первых публикаций о Л.Д.Троцком я получил тысячи писем, где едва ли не половина клеймила меня за воскрешение "убийцы и предателя". Даже спокойная и объективная попытка взглянуть в лицо прошлому воспринимается многими как отступничество.

Чему же тут удивляться, если в советском "Кратком политическом словаре", вышедшем накануне процесса слома тоталитарной системы, неудачно названного "перестройкой", троцкизм определялся как "идейно-политическое, мелкобуржуазное, враждебное марксизму-ленинизму и международному коммунистическому движению контрреволюционное течение, прикрывающее свою оппортунистическую сущность "левыми фразами"... Своими раскольническими действиями в рабочем и национально-освободительном движении троцкизм оказывает поддержку империалистической реакции"²⁵⁴. Троцкистов как левую ветвь большевизма, делавшую ставку на всемирный характер начавшихся социальных изломов, с подачи Сталина превратили в "банду вредителей и шпионов".

Первые расхождения, первые протесты, первая ненависть в борьбе за общие коммунистические цели создали левую ветвь

большевизма. Троцкий в статье "О происхождении легенды о троцкизме", написанной в сентябре 1927 года, но не увидевшей свет, пишет: "Легенда о троцкизме — аппаратный заговор против Троцкого". Конечно, этим он явно сужает проблему. Но в чем он прав, так это в том, что его настойчивая борьба за коммунистические символы с левых, радикальных, международных позиций создала течение, которое живо и сегодня. "С идеями шутить нельзя, — отмечал Троцкий, — они имеют свойство зацепляться за классовые реальности и жить дальше самостоятельной жизнью"²⁵⁵.

После смерти Льва Давидовича Троцкого прошло уже более полувека. А его идеи, которые не имели и не имеют шансов когда-либо захватить умы миллионов, еще живут. В них — выражение фанатичного бунтарства, преклонение перед революционной традицией, эфемерная надежда на социальный планетарный катаклизм, в результате которого якобы сразу будет создан другой мир. Обелиск на могиле Троцкого — не только горестная мета трагической судьбы человека, прошедшего по этой земле, но и напоминание о сегодняшней призрачности той идеи, которая двигала русским революционером.

Обелиск в бетонном загоне... Троцкий не оставил строк о далекой, оставшейся в тумане детства Яновке, брусчатке Кремля, облике огромной российской равнины. Не знаю, читал ли Троцкий книжечку стихов З.Гиппиус, написанных в 1929 году — году его депортации, а именно, следующие строки:

*Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.
Дай мне еще увидеть
Родную мою Россию...*²⁵⁶

Троцкий страдал. Но в его страданиях планетарные масштабы несбывшегося поглотили и собственную родину. Вместо надежды в сердце давно закралась тоска революционной жажды. А утолить ее больше было нечем...

Вместо заключения

Пленник идеи

Революционеры поклоняются будущему, но живут прошлым...

Н. Бердяев

Троцкий всю жизнь мыслил категориями эпох, континентов и революций. Когда он выступал перед тысячными толпами рабочих, крестьян, красноармейцев и, зажигаясь, говорил, говорил, то создавалось впечатление, что своей речью он приближал будущее. В своих речах революционер не лукавил, его вера в сказанное была неподдельной.

Выступая 24 октября 1918 года в городском парке города Камышина при большом стечении жителей и красноармейцев, Председатель Реввоенсовета, стоя в царском автомобиле*, энергично жестикулируя руками, бросал в толпу зажигательные слова: "...мы создадим свое царство труда, а капиталисты и помещики пусть уходят куда хотят, — хоть на другую планету, хоть на тот свет... Нарождается новый мировой революционный фронт, по одну сторону которого угнетатели всех стран, а по другую — рабочий класс... Этот момент будет похоронным звоном для мирового империализма... вот тогда мы достигнем царства свободы и справедливости..."¹ Городские обыватели, рабочие и крестьяне в солдатских шинелях с восхищением смотрели на оратора и не жалели ладоней. Это царство благоденствия казалось таким близким!

Троцкий верил тому, что говорил. Он был убежден, что в

---

* В поезде Троцкого обычно было от трех до пяти машин, изъятых из царского гаража. Обычно Предреввоенсовета ездил на "паккарде", иногда — на "фиате", реже — на "дирс-арау". Автомобиль одного из вождей революции всегда сопровождался двумя грузовыми машинами с отборной охраной. — Д.В.

исторической ретроспективе все жертвы будут оправданы приходом этого самого "царства свободы". Иногда в своем фанатичном увлечении идеей, которой он посвятил всю свою жизнь, без остатка, Троцкий договаривался до страшных вещей. Встречаясь за несколько недель до приезда в Камышин с партияцами и работниками советских учреждений в драматическом театре Казани, Предреввоенсовета заявил:

— Мы дорожим наукой, культурой, искусством, хотим сделать искусство, науку, со всеми школами, университетами доступными для народа. Но если бы наши классовые враги захотели нам снова показать, что все это существует только для них, то мы скажем: гибель театру, науке, искусству. (*Аплодисменты. Голоса: "Правильно, верно!"*)

А Троцкий продолжал:

— Мы, товарищи, любим солнце, которое освещает нас, но если бы богатые и насильники захотели монополизировать солнце, то мы скажем: пусть солнце потухнет и воцарится тьма, вечный мрак!²

Гром аплодисментов в прокуренном революцией зале, дулось, и впрямь ввергнет все во "мрак". Человек в кожаной куртке, казалось, волен и способен свершать невозможное. Пьянящая власть Идеи захватила не только Троцкого, но и миллионы людей. Одни привыкли всегда чему-то верить. Другие видели в революционном идоле шанс изменить мир к лучшему. Третьи были просто захвачены исторической инерцией глубокого излома.

Мощный интеллект Троцкого опирался не только на энциклопедические знания, но и на огромную веру. Революционер с порога отвергал веру религиозную. Он верил лишь в революцию. Только в нее. Эта вера не имела и не имеет глубокого рационального обоснования.

Его перу принадлежит множество книг и статей, но в них не раскрыты причины его фанатичной веры в марксизм, революцию, их мессианское предопределение. Бердяев задает вопрос: "Почему Троцкий стал революционером, почему социализм стал его верой, почему всю жизнь свою он отдал социальной революции?"³ Это нигде в его трудах не раскрыто. Но можно предположить, что вера, "перешагивая" через какой-то рубеж рационального обоснования, близка к фанатизму. Все устремления человека, его мысль, воля, чувства направлены в одну сторону, в данном случае — в сторону революции. В такой целеустремленности — огромная внутренняя духовная сила, но в ней и великая слабость. Сила потому, что именно такие люди

способны повлиять на человеческое бытие, а слабость, потому что все они — пленники этой идеи. Они не в состоянии измениться, адаптироваться к новым условиям. Для людей этого типа марксизм — революционная религия. Но такие революционеры верят не в общечеловеческие ценности, библейские заповеди, а в постулаты диктатуры пролетариата, классовой борьбы, в безраздельное господство одной партии.

Подобный духовный плен держал не одного Троцкого. Вся большевистская партия и ее наследники по сей день не могут полностью освободиться от оцепенения догм. Процесс этот идет медленно, противоречиво, зигзагами. Например, в политике давно нужно было отказаться от коммунистической идеи как одной из величайших Утопий в истории человеческой цивилизации и оставить ее, может быть, лишь общественной мысли. Истоки этой идеи — в христианстве, в вековых стремлениях людей к справедливости, равенству, счастью. Троцкий и другие лидеры большевизма были прежде всего революционерами-идеологами. Здесь коренится один из исходных пунктов не только их непреходящей слабости, но и грядущего поражения.

Защитники коммунистической идеи, каковым долгие годы был и я сам, не хотят осознать, что важнее искать, понимать и следовать ценностям непреходящего, общечеловеческого значения, нежели идеалам, окрашенным в "классовые цвета". Классовое мирозерцание способно рождать новое социальное неравенство, но более страшное, ведущее к тоталитарности. И в этом смысле социалистическая идея, если понимать ее как стремление к социальной справедливости, никогда не умрет, никогда не исчезнет и будет иметь исторические шансы. Еще нигде не удалось реализовать эту идею (мы не можем считать, что сталинский "бюрократический абсолютизм" был социализмом), хотя это вовсе не означает, что в условиях демократии и приверженности гуманизму она когда-нибудь не сможет быть реализована. Но только не на идеологической основе! И вообще: давно пора прекратить разговоры о социализме и капитализме. Цивилизованное и демократическое общество не нуждается в идеологических ярлыках.

Троцкий был, повторюсь еще раз, пленником коммунистической идеи. Слова, написанные революционером 27 февраля 1940 года в его завещании, не являются данью ритуалу: "Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности". Каковы по-

следствия этого "плена"? Почему слепое, фанатичное следование идее ведет к поражению? В чем это выразилось у Троцкого?

Прежде всего, Троцкий признавал только социальную революцию и презирал реформизм. Он никогда не сомневался в истинности ленинских слов: "Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия"⁴. Историческая ущербность этого определения заключается в том, что здесь речь идет о господстве класса, а не народа. А на путях господства одного класса над другими справедливости достичь нельзя. Время революций истекает, хотя, видимо, они еще останутся в жизни общества, особенно находящегося на низком уровне социально-экономического развития. На пороге нового тысячелетия становится очевидным, что с помощью социальной реформы можно добиться неизмеримо большего. Да и сами революции конца XX века все больше трансформируются в сторону ненасильственных реформ, что дает основание журналистам именовать их "нежными", "бархатными" и т.д. В идеологии большевизма эта эволюция отвергалась с порога. Троцкий был одним из наиболее последовательных сторонников "традиционного", насильственного решения мировых проблем. Незадолго до своей гибели он по-прежнему утверждает: "Единственным достойным путем развития человечества является путь социалистической революции"⁵. Да, до конца своих дней он был в плену Идеи. Но этот плен был его свободой... Он сам выбрал эту дорогу.

Идеологический плен, в котором находился Троцкий и другие большевистские лидеры, связан с абсолютизацией роли насилия, милитаризма, вооруженных сил. Конечно, можно говорить, что революции прошлого всегда кровавы. Большевики нередко были вынуждены отвечать силой на вызовы контрреволюционных сил. Постановлению СНК "О красном терроре", принятому 5 сентября 1918 года, сопутствовал целый ряд террористических актов против видных деятелей партии большевиков. Насилие было возведено в страшную норму, обязательный атрибут советской жизни. Даже производство уже не мыслилось без насилия.

В своем проекте тезисов к IX съезду партии "Очередные задачи хозяйственного строительства" Троцкий пишет, что необходима "планомерная, систематическая, настойчивая и суровая борьба с трудовым дезертирством, в частности — путем публикации штрафных дезертирских списков, создания из дезерти-

ров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь”⁶. То, что нам оправдать трудно, но можно понять, со временем превратится в обычный ”метод социалистического строительства”. Вот что докладывал Л.П.Берии о лагерных делах министр внутренних дел С.Н.Круглов в марте 1947 года: ”Потребность строек во втором квартале — дополнительно 400 тысяч человек. Необходимо выделить Дальстрою — 50 тысяч человек, БАМу — 60 тысяч, спецстрою — 50 тысяч, лесным лагерям — 50 тысяч, Воркуте — Ухте — Норильску — 40 тысяч и на покрытие убыли* — 100 тысяч человек. Прошу дополнительных обязательств по поставке рабочей силы на МВД СССР в ближайшее время не возлагать”⁷. Несмотря на потрясающие масштабы и размах репрессий, ”рабов” не хватало. Такова логика насилия: от милитаризации труда, ”штрафных рабочих команд” к индустрии ГУЛАГа.

Пленник большевистской идеи немногим отличался от других вождей в трактовке роли пролетарской партии в социалистической революции. Здесь Троцкий тоже шел в фарватере Ленина, который не скрывал свое видение роли авангарда рабочего класса. ”Когда нас упрекают в диктатуре одной партии... мы говорим: да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем”⁸. Монополия одной партии на власть, на мысль, на решения — также один из истоков рождающегося тоталитаризма, который рано или поздно должен был привести большевизм к историческому поражению. Огосударствление единственной партии делало ее тоталитарной, полицейской. С.И.Гусев, бывший член РВС 2-й армии, а затем Восточного, Юго-Восточного, Южного, Кавказского и Туркестанского фронтов, комиссар Полевого штаба Реввоенсовета Республики, начальник Политуправления РККА, на XIV съезде ВКП(б) произнес страшные слова: ”Что это за задушевные мысли, которые являются конспиративными от партии, которые нужно скрывать, ибо если кто-нибудь сообщает Центральному Комитету, то сейчас же начинают кричать, что это доноительство... Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. должен смотреть и доносить... У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от

---

* ”Покрытие убыли” — поставка рабочей силы взамен умерших в лагерях бесчисленных Дальстроев, Спецстроев и т.д. — Д.В.

доносительства, а от недоносительства...”⁹ Более откровенно не скажешь. Потрясающий цинизм при полицейском мышлении партийного руководства окончательно превращал партию в инструмент тоталитарной диктатуры.

На II Конгрессе Коминтерна Г.Е.Зиновьев сделал доклад о роли коммунистической партии в эпоху пролетарской революции. Доклад прозвучал 23 июля 1920 года, а 26-го числа по этому вопросу выступил Троцкий. Отвечая испанскому синдикалисту Пестанье, Троцкий объясняет на примерах, в чем заключается роль коммунистической партии в России:

”Сегодня мы получили от польского правительства предложение о заключении мира. Кто решает этот вопрос? У нас есть Совнарком, но и он должен подлежать известному контролю. Чьему контролю? Контролю рабочего класса как бесформенной хаотической массы? Нет. Созывается Центральный Комитет партии, чтобы обсудить предложение и решить, дать ли на него ответ, и какой. А когда мы должны вести войну, создавать новые дивизии, найти для них наилучшие элементы, — куда обращаемся мы? — спрашивает Троцкий. И отвечает: — К партии. К Центральному Комитету... Так же обстоит дело и с аграрным вопросом, с продовольственным и со всеми другими”¹⁰.

Раскрывая механику руководства крестьянством, Троцкий с немалой долей политического цинизма заявляет:

— Здесь мы маневрируем между различными слоями крестьянства, — одних привлекаем к себе, других нейтрализуем, третьих подавляем бронированной рукой. Это — маневрирование революционного класса, который стоит у власти и может совершать ошибки, но эти ошибки входят в инвентарь партии...¹¹

Партия превращается в государственный идеологический орден, где даже ошибки — ”инвентарь”, ибо никто ее не контролирует. После захвата власти она, естественно, ни с кем делиться ею не собирается. По сути, у Ленина, Троцкого, Сталина и других ”вождей” Советская власть ассоциировалась с властью партии. И они не скрывали этого. Делая доклад о военном строительстве на VII Всероссийском съезде Советов 7 декабря 1919 года, Троцкий заявил:

— Я должен сказать, что в лице наших комиссаров, передовых бойцов-коммунистов мы получили новый коммунистический орден самураев, который — без кастовых привилегий — умеет умирать и учит других умирать за дело рабочего класса¹²

Пройдет четыре года, и позиция Троцкого несколько транс-

формируется. Он выступит против "бюрократизации партийного аппарата", против "ложной внутрипартийной линии Центрального Комитета", "секретарского всевластия"¹³. Но он никогда не поставит под сомнение правомочность одной партии вершить судьбы миллионов людей в огромной стране. Он лишь хотел "демократизировать организацию рабочего класса", не желая понимать, что в монопольном одиночестве она с неизбежностью станет орудием тоталитаризма. Троцкий рвался вперед, а тоталитарные цели партийной монополии поворачивали его лицом к прошлому.

Троцкий был в плену утопической Идеи, но он сражался. Сам носитель утопических идеалов, он после своего триумфа вступил на путь оппозиции к сталинскому режиму. Однако это был странный еретик: молясь Марксу, Ленину, пытаясь возродить "истинный большевизм", Троцкий одновременно самоотверженно боролся против цезаризма Системы, ее обюрокративания, отступничества Сталина. Он не хотел понять, что сталинизм родился из ленинизма.

После 1926 года у Троцкого не было шансов победить Политбюро и его нового вождя. Ну а если бы, представим на минуту, победил? Что могло бы кардинально измениться? На мой взгляд, изменений было бы мало.

Правда, не думаю, что Троцкий мог бы пойти на чудовищные репрессии против своих соотечественников в мирное время. Он был много умнее Сталина и был способен предвидеть дальние последствия. Так почему же нас и сегодня волнует трагическая судьба одного из вождей русской революции? Почему даже его идейный плен не поколебал непрерывного интереса к этой гротескной и драматической фигуре истории? С моей точки зрения, для этого есть ряд объективных причин.

Прежде всего, Троцкий, хотел он этого или нет, выступил самоотверженным борцом против Большой Лжи. Его критика, разоблачения, анализ сталинской действительности были наиболее глубокими для того времени. Он не устал срывать покровы сталинского камуфляжа с его "демократии", "процветания", "процессов над врагами". В своей яростной книге "Преданная революция" Троцкий пишет: "Моральный авторитет вождей бюрократии, и прежде всего Сталина, в большой мере зависит от вавилонской башни клеветы и лжи, которая была создана в течение 13 лет... Эта вавилонская башня, которая ужасает даже ее создателей, поддерживается внутри СССР с помощью репрессий, а за пределами СССР отравляет мировую общественность ложью, фальшивками и пантажом... Первая

крупная брешь в вавилонской башне приведет к тому, что она рухнет целиком и погребет под своими обломками авторитет термидорианских вождей¹⁴. За 20 лет до XX съезда КПСС Троцкий предвидел неизбежное крушение башни сталинской лжи. Он многое сделал для этого крушения, хотя сам, увы! не был безупречен.

Хотел того Троцкий или не хотел, но всей своей деятельностью он приближал людей к пониманию утопичности той главной Идеи, служению которой посвятил свою жизнь. Чем больше он пророчествовал о неизбежности мировой революции, тем эфемернее представлялись ее перспективы. Еще при жизни Троцкого все меньшее число людей верило в очищающую и спасительную мистерию всемирного социального катаклизма. Его, Троцкого, антипод в СССР показал, к чему ведет большевистский радикализм в масштабе лишь одной страны. Нетрудно было представить, что произойдет в мире, если вся планета будет охвачена пламенем мирового пожара. Революционер боготворил Октябрьский переворот, звездный час своей судьбы, но и он, порой, допускал, что его значение и роль в мировой истории будут в будущем пересматриваться. В заключительной части своей автобиографии он пишет знаменательные слова об опыте нового общественного режима. "Этот опыт, — замечает Троцкий, — будет видоизменяться, переделываться заново, возможно, что с *самых основ*"¹⁵ (курсив мой. — Д.В.). Но такие откровения, навеянные сомнениями, редки. Революционная деятельность Троцкого, его борьба в изгнании служили в конечном счете, и помимо его воли, пониманию исторической ограниченности и бесперспективности коммунистической идеи как политической программы.

Интерес к Троцкому не пропадает и, думаю, не исчезнет никогда, прежде всего из-за уникальности его личной судьбы. Диапазон жизненных взлетов и падений, круг революционных знакомств, количество эпохальных событий, объем написанного, география изгнания, исключительная противоречивость в оценках его жизненного пути, наличие богатейших интеллектуальных качеств и гипертрофированного тщеславия, поразительная горькость финала революционера и его семьи — все это делает биографию этого человека особенной. Едва ли, например, кому-либо пришлось пережить смерть почти всех близких: по линии прямых родственников — братьев, сестер, детей, племянников, внуков — у Троцкого погибло более десяти человек. Например, два его племянника — дети сестры Ольги — Александр и Юрий, были расстреляны еще в 1936 году, когда

младшему не было и 18 лет... Из всех четырех детей родителей Троцкого, Давида и Анны Бронштейн, своей смертью умерла в 1924 году лишь старшая дочь Елизавета. Остальные были уничтожены сталинским террором. Но это не сломило опального вождя.

Людей всегда будут интересовать истоки духовного стоицизма этого человека, причины идейной убежденности в торжестве коммунистической идеи, глубокой взаимосвязи его пророчеств и заблуждений. Личная судьба Троцкого — убедительная иллюстрация к судьбе левого радикализма в большевизме.

Троцкий был человеком, к которому никто не относился равнодушно: его или любили, или ненавидели. До 1924 года больше любили. Вот таких писем, отрывок из которых я приведу, в архиве Троцкого множество:

”Глубокоуважаемый товарищ Лев Давидович!

Ровно три года назад Вы назначили меня на должность Главначвосреспа (начальник военных сообщений Республики. — *Д.В.*)... И вот в этот памятный для меня день я позволю себе очень просить Вас, не отказать, если только не сочтете мою просьбу за излишнюю смелость, дать мне свою карточку с Вашим автографом... Ваш портрет я прошу только потому, что мне хочется все время иметь перед глазами изображение того... кого и Революция и Советская власть из бывшего списчика вагонов Московско-Брестской ж.д. сделала Главным начальником Военных Сообщений РККА.

Ваш *М.Аржанов*”¹⁶.

”Кто был никем, тот станет всем...” Такие люди, поднятые с социального дна, способны видеть в крутых переломах и свой уникальный шанс выбиться наверх. Но часто бывает, что ”списчики вагонов” начинают руководить государством, навязывать миллионам людей свою волю.

Троцкого любили как вождя революции. Но уже к концу 20-х годов упоминание его имени в абсолютном большинстве случаев сопровождается злобными, а часто и непензурными выражениями. Сталину хватило пяти лет, чтобы сделать одного из героев революции ее полным изгоем. Впрочем, своей политикой Троцкий невольно помогал генсеку.

Видимо, трагедия Троцкого еще и в том, что он своей неутомимой и страстной борьбой против Сталина способствовал захвату генсеком власти в партии и в стране. ”Благодаря” Троцкому Сталина окружал ореол главного борца с раскольниками, отступниками, троцкистами и другими ”внутренними врагами”. Парадоксально, но именно неистовая борьба Троц-

кого против Сталина объективно помогла последнему стать кровавым диктатором.

Новый лидер партии все заявления Троцкого отметал как очередной "уклон", а сам многое брал из идей оппозиционеров на свое вооружение. В своих черновых набросках "О построении социализма в одной стране" Троцкий квалифицирует саму возможность широких социальных реформ в стране как "социал-демократический уклон". Он подталкивал Сталина к "революционным темпам". Нас "считают пессимистами и маловерами, — писал Троцкий, — потому что мы считаем недостаточным черепаший шаг"¹⁷

В своем грое-те "формы большевиков-ленинцев" к XV съезду ВКП(б) Троцкий невольно заставляет Сталина идти на радикальные, левацкие действия. В проекте утверждается, что "группа Сталина оказалась бессильной предотвратить рост сил, которые хотят повернуть нашу страну на капиталистический путь, ослабление позиций рабочего класса и беднейшего крестьянства, против растущей силы кулака, нэпмана, бюрократа... Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов... арендные отношения все более поддаются под влияние кулаков"¹⁸.

Судя по подобным заявлениям, можно предполагать, что, оказавшись Троцкий у руля власти, он, видимо, стал бы энергично выполнять свою программу. Но истории было угодно, чтобы против "растущей силы кулака и нэпмана" повел жестокую борьбу Генеральный секретарь партии большевиков. Историческая ответственность за грядущие новые тяжкие испытания советского народа ложится прежде всего на ВКП(б), Сталина и его окружение, но вместе с тем идейно повинны в революциях сверху, в насилии, в форсировании социальных перемен и левые оппозиционеры.

После ликвидации Троцкого Секретно-политический и Иностранный отделы НКВД быстро потеряли интерес к троцкизму. IV Интернационал без его лидера уже ни для кого не представлял опасности. В этом факте видно парадоксальное несоответствие между глыбой личности, известной всему миру, и ее хилым идейным детищем. Это быстро заметили (а может быть, и раньше других) в НКВД. 1 июля 1941 года, когда гитлеровские армии уже целую неделю кромсали гусеницами своих танков землю родины Троцкого, сотрудники 4-го отдела НКГБ СССР Агоянц и Клыков подготовили проект "постановления о прекращении агентурного дела", связанного с Троцким и троцкистскими изданиями за рубежом. В утвержденном затем доку-

менте говорилось, что "весь этот материал уже никакого оперативного интереса не представляет"¹⁹.

Возможно, чиновники бериевского ведомства, подготовившие еще одно "совершенно секретное" постановление, были и правы: "оперативного интереса" Троцкий уже не представлял, ибо он был ими уничтожен. Но непреходящий интерес истории к нему обеспечен навсегда. Перед нами портрет личности, которая и за порогом следующего века будет рождать у людей чувства удивления и горечи, изумления и неподдельного интереса. Это — один из вечных "любимчиков" истории.

Портрет Троцкого никогда не удастся написать одной краской. Он сочетал в себе мятежность духа русских революционеров, их радикализм и подвижничество с крайним якобинством и готовностью фанатично служить Идее. Приведу еще одну, последнюю оценку Бердяева, данную им Троцкому. Это будет заключительным штрихом на портрете русского революционера, который я пытался написать. Бердяев пронипательно замечает: "Троцкий очень типичный революционер, революционер большого стиля, но не типичный коммунист. Он не понимает самого главного, того, что я назвал бы мистикой коллектива... Коллектив, генеральная линия коммунистической партии — это ведь аналогично церковным соборам, и всякий, желающий остаться ортодоксальным, должен подчиняться совести и сознанию коллектива... Троцкий придает еще значение индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнение, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он верит в роль героических, революционных личностей, он презирает посредственность и бездарность"²⁰.

Эта индивидуальность личности Троцкого прежде всего заключается в его одержимости Идеей. Она для него подобна философскому храму, где все созданное им принадлежит вечности. Самой великой духовной роскошью революционер считал способность свободно думать, размышлять, мыслить. Хотя этот пир интеллекта эфемерен, мимолетен, он способен создавать в безбрежности космоса сознания полотна, картины давно ушедшего и отгоревшего. Мы никогда не узнаем полностью всего об этом человеке, ибо чем необычнее личность, тем она более загадочна.

Жизнь подобна мерцанию огня во времени. Последние ее блики на серой плите мексиканского обелиска навсегда поглотил поток вечности.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА жизни и деятельности Л.Д.Троцкого

1923 год, 8 октября	Письмо Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП(б)
1923 год, 15 октября	Заявление 46 сторонников Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б)
1924 год, январь	Троцкий проходит лечение на Кавказе и не участвует в похоронах Ленина
1924 год	Смерть старшей сестры Троцкого, Елизаветы Бронштейн
1925 год, январь	Снятие Троцкого с поста Председателя Реввоенсовета и наркома по военным делам
1925 год, май	Троцкий назначается Председателем Главного Концессионного комитета
1926 год, март	Поездка Троцкого для лечения в Берлин
1926 год, июль	"Заявление 13-ти" и "Платформа 83-х"
1926 год, октябрь	Оппозиционное заявление 16 сторонников Троцкого
1926 год, октябрь	Вывод Троцкого из состава Политбюро
1927 год, сентябрь	Исключение Троцкого из Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала
1927 год, октябрь	Вывод Троцкого из состава ЦК партии
1927 год, ноябрь	Исключение Троцкого из партии
1928 год, январь	Ссылка Троцкого в Алма-Ату
1928 год, июнь	Смерть в Москве от туберкулеза младшей дочери Троцкого, Нины Невельсон
1929 год, февраль	Высылка Троцкого из СССР в Турцию

1929 год, июль	Начало издания журнала Троцкого "Бюллетень оппозиции"
1930 год	Выход в Берлине автобиографической книги Троцкого "Моя жизнь" (в двух томах)
1931 год	Выход в Берлине первого тома Троцкого "История русской революции"
1932 год	Издание в Берлине книги Троцкого "Сталинская школа фальсификаций"
1932 год, февраль	Лишение Троцкого, его жены и сына Льва советского гражданства
1932 год, ноябрь	Троцкий выезжает на короткое время в Копенгаген для чтения лекций
1933 год, январь	Самоубийство в Берлине в состоянии глубокой депрессии старшей дочери Троцкого, Зинаиды Волковой
1933 год, июль	Троцкий с женой пересезжают из Турции во Францию
1934 год	Троцкий ведет подготовительную работу по созданию нового, IV ("марксистского") Интернационала
1934 год	Троцкий начинает работу над книгой о Ленине, которая так и не будет завершена
1935 год, июнь	Троцкий пересезжает в Норвегию
1935 год	Первая жена Троцкого, Александра Соколовская, ссылается в Сибирь, где она через несколько лет погибнет
1935 год	Часть архива Троцкого (переписка) продана его старшим сыном Львом Седовым Институту социальной истории в Амстердаме
1936 год	Племянники Троцкого Александр и Юрий Каменевы арестованы и вскоре расстреляны
1936 год	Троцкий завершает книгу "Преданная революция"
1936 год, ноябрь	Похищение агентами НКВД части архива Троцкого, хранившегося в Институте исторических исследований в Париже
1936 год, декабрь	Депортация Троцкого и его жены Натальи Седовой в Мексику
1937 год, январь	Прибытие Троцкого в Мексику, где он получает политическое убежище
1937 год	Участие Троцкого в международной ко-

	миссии, признавшей политические московские процессы фальсифицированными
1937 год	Троцкий приступает к созданию книги о Сталине (осталась неоконченной)
1937 год	В СССР арестован и расстрелян младший сын Троцкого, Сергей Седов
1937 год	В СССР расстрелян племянник Троцкого Борис Бронштейн
1938 год, февраль	В Париже при невыясненных обстоятельствах погибает старший сын Троцкого, Лев Седов
1938 год, апрель	В Москве расстрелян старший брат Троцкого, Александр Бронштейн
1938 год, сентябрь	В Париже состоялась учредительная конференция IV Интернационала
1939 год	В ряде статей Троцкий предсказывает скорое начало мировой войны
1940 год, февраль-март	Троцким написано личное завещание
1940 год, 24 мая	Неудачное покушение на Троцкого, организованное НКВД
1940 год, 20 августа	Новое покушение на Троцкого, получившего смертельное ранение в голову
1940 год, 21 августа	Кончина Троцкого
1940 год, декабрь	Наталья Седова продает оставшуюся часть архива Троцкого Гарвардскому университету (Бостон)
1941 год, август	Выход последнего номера журнала "Бюллетень оппозиции"
1941 год, октябрь	Расстреляна младшая сестра Троцкого, Ольга Каменева

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава 1. ОТВЕРЖЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

1. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13. T-773, 4 S.
2. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 3. С. 87.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
4. Там же. С. 345.
5. Архив Троцкого. Т. 1. С. 56.
6. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 230.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
8. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 238.
9. Там же. С. 240.
10. Там же. С. 241.
11. Там же. С. 240.
12. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 53—68.
13. Там же. Л. 58—62.
14. Там же. Л. 61.
15. Там же. Л. 62.
16. Там же. Л. 63.
17. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 103, л. 2—3.
18. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 65.
19. Там же. Л. 68.
20. ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 388, л. 3.
21. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 96—97.
22. Там же. Л. 94—95.
23. ЦПА, ф. 51, оп. 1, д. 21, л. 54 об.—57 об.
24. Там же. Л. 57 об.
25. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 104, л. 31—38.
26. Там же. Л. 3—4.
27. Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 202.
28. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 244, 245.
29. Правда. 1923. 23 декабря.
30. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 53.
31. Там же. Л. 66.
32. Троцкий Л. Новый курс. М., 1924.
33. Правда. 1923. 11 декабря.
34. ЦПА, ф. 17, оп. 2, л. 685, л. 58—59.
35. Правда. 1923. 28 декабря.
36. Правда. 1923. 29 декабря.
37. Правда. 1923. 11 декабря.
38. Троцкий Л. Новый курс. С. 40—49.
39. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 115, л. 1—2.
40. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 80, л. 319.

41. Троцкий Л. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932. С. 156.
42. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 478, л. 109.
43. Там же. Л. 68.
44. Там же. Л. 25.
45. Новая жизнь. 1917. 18 октября.
46. Троцкий Л. Уроки Октября. М., 1924. С. 54
47. Большевик. 1924. № 12—13. С. 108.
48. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 257—258.
49. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 138, л. 2, 3, 6.
50. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 167, л. 188.
51. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1 (7710—7740) folder 2 of 5.
52. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 100, л. 264.
53. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 572, л. 27.
54. ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 243, л. 95.
55. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 19, л. 16—17.
56. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 40, л. 30.
57. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 213—214.
58. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 152—154.
59. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 19, л. 2.
60. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 120—121.
61. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 498, л. 8.
62. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 217.
63. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 306, л. 188.
64. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 80, л. 587.
65. Цит. по: У великой могилы. Издание газеты "Красная звезда". М., 1924. С. 63.
66. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 251—252.
67. ЦПА, ф. 2, оп. 1, д. 27 088, л. 1.
68. См.: The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1 (8967—8986) folder 1 of 2. P. 1—2.
69. Ibid.
70. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 17, л. 290.
71. ЦПА, ф. 51, оп. 1, д. 21, л. 58.
72. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 265.
73. Архив Троцкого. Т. I. С. 154.
74. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 355, л. 14—15.
75. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. М.-Л., 1926, с. 274—275.
76. Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 123, 135.
77. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, T—136. P. 3.
78. Память. Исторический сборник. Париж, 1980. Вып. 3. С. 385—387.
79. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 265.
80. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 361, л. 1—5.
81. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 498, л. 10.
82. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 478, л. 80.
83. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 53—68; ф. 17, оп. 3, д. 388, л. 1—4.
84. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 241.

85. Там же. С. 245.
86. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ. T-736. 1 S.
87. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 263—264.
88. См.: Дейчер И. Разоруженный пророк. С. 428.
89. Там же. С. 430.
90. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 80.
91. Зиновьев Г.Е. Ленинизм. Л., 1925. С. 76.
92. VII Всероссийская конференция РСДРП. Протоколы. М., 1958. С. 624.
93. Каменев Л.Б. Ленин. Маркс. Октябрь. Перспективы/ Проектор. 1925. № 3. С. 5.
94. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. С. 274.
95. ЦПА, ф. 326, оп. 1, д. 113, л. 72.
96. Там же. Л. 75.
97. Там же. Л. 73—74.
98. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13. T-868. P. 2.
99. ЦПА, ф. 326, оп. 1, д. 113, л. 89—92.
100. ЦПА, ф. 326, оп. 1, д. 23, л. 1.
101. ЦПА, ф. 326, оп. 1, д. 29, л. 1.
102. ЦПА, ф. 326, оп. 1, д. 33, л. 2.
103. Архив Троцкого. Т. 1. С. 187—188.
104. Память. Исторический сборник. С. 389—391.
105. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 56.
106. Там же. Л. 53—68.
107. ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 388, л. 1—4.
108. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 308, л. 2509.
109. Serge V. Vie et le mort de Leon Trotsky. P. 1954. P. 180—181.
110. Архив Троцкого. Т. 3. С. 43, 46.
111. Там же. С. 57, 58, 59.
112. Там же. С. 126.
113. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 357, л. 37—41.
114. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 359, л. 3—7.
115. Там же. Л. 196—197.
116. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 317, вып. I, ч. 1, л. 75-76.
117. Там же. Л. 175.
118. ЦПА, ф. 505, оп. 1, д. 65, л. 1—35.
119. Социалистический вестник. 1927. 1 августа. № 15 (157). С. 14.
120. Архив ИНО ОГПУ, д. 672, т. 1, л. 196.
121. Архив Троцкого. Т. 3. С. 41—42.
122. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 277.
123. Архив Троцкого. Т. 4. С. 219, 221—222, 223, 224.
124. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 172—173.
125. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 191, 204—205.
126. Троцкий Н. Наши политические задачи. Женева, 1904. С. 96, 98.
127. Архив Троцкого. Т. 4. С. 243.
128. Там же. С. 230—231.
129. Там же. С. 250—252.
130. Там же. С. 255.

131. Там же. С. 264.
132. Там же. С. 269.
133. ЦГАОР, ф. 5446, оп. 2, д. 33, л. 19.
134. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, T-119, 1S.
135. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, T-942. P. 2—6.
136. Дейчер И. Интервал. Лондон, 1963. С. 618.
137. Архив Троцкого. Т. 4. С. 275.
138. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 351.
139. Там же. С. 354—357.
140. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 288—289.
141. Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 201.
142. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. О292, т. II, л. 216.
143. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С.305.
144. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, T. 2918. P. 1—4.
145. Дейчер И. Интервал. С. 653.
146. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 73.
147. Ярославский Е.М. За последней чертой. Троцкистская оппозиция после XV съезда. М.-Л., 1930. С. 64.
148. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam. № 740, 2369.
149. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, 2912, 1S
150. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. О292, т. 1, л. 21.
151. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam. № 740, 2363.
152. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 79.
153. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 308.
154. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, T. 2948, P. 2.
155. The Houghton Library. Trotsky Archive. bMS, Russ 13, T.2949, 1S.
156. Окно. Берлин. 1923. № 1. С. 17.
157. Из личного архива генерал-лейтенанта юстиции Б.А.Викторова, занимавшегося в 1956 г. реабилитацией репрессированных, в том числе и Ф.П.Фокина.
158. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam. № 740, 2374.
159. Бердяев Н. Самопознание. С. 145.

Глава 2. СКИТАЛЕЦ БЕЗ ВИЗЫ

1. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 612, л. 1; д. 711, л. 2.
2. Троцкий Л. Что и как произошло. Шесть статей для мировой буржуазной печати. Париж, 1929. С. 9.
3. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam. № 740, 2374.
4. Троцкий Л. Что и как произошло. С. 10—11.
5. Там же. С. 25—27.
6. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. О292, т. 1, л. 194—195.
7. Кармайкл Дж. Троцкий. Книготороварищество "Москва—Иерусалим", 1980. С. 237.
8. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 191, 197—198.
9. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. О292, т. 1, л. 58.
10. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 83, л. 1.

11. Там же.
12. Правда. 1929. 28 апреля.
13. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 639, л. 28.
14. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 168, л. 31—32.
15. Большевик. 1929. № 5. С. 67.
16. Большевик. 1929. № 9—10. С. 30.
17. Бюллетень оппозиции. 1939. № 77—78. С. 8.
18. Троцкий Л. Дневники и письма. Эрмитаж, 1986. С. 42—43.
19. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1049, л. 96.
20. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ, 13.1 (7710—7740), folder 2 of 4.
21. Архив ИНО ОГПУ, д. 1017, т. 1, л. 202.
22. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 106.
23. Бюллетень оппозиции. 1930. Февраль—март. № 9. С. 10.
24. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1 (8703).
25. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1 (8703), folder 1.
26. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 217.
27. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 192, л. 318.
28. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 1415, л. 35.
29. Там же. Л. 246.
30. Там же. Л. 179.
31. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 192, л. 15—217.
32. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 39—42.
33. Там же. Л. 165.
34. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 192, л. 317.
35. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 263.
36. Там же. Л. 270—271.
37. Архив ИНО ОГПУ, д. 343, т. 2, л. 52.
38. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 419.
39. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 262—263.
40. Архив ИНО ОГПУ, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 2—4.
41. Там же. Л. 9—15.
42. Бюллетень оппозиции. 1941. Июнь. № 86. С. 8—10.
43. Архив ИНО ОГПУ, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 19—20.
44. Там же. Л. 24.
45. Там же. Л. 25.
46. Там же. Л. 28.
47. Там же. Л. 144.
48. Социалистический вестник. 1931. 25 апреля. № 8. С. 8.
49. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 298.
50. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1 (9134—9158), folder 1 of 2.
51. Троцкий Л. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин: Издательство "Бюллетеня оппозиции". 1932. С. 30.
52. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 1—19.
53. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 173, л. 36.
54. ЦПА, ф. 552, оп. 1, 23, д. 1—5.
55. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 2, л. 160.
56. Там же. Л. 54—59.

57. Архив ИНО ОГПУ, д. 394, т. 1, л. 126—130.
58. Бюллетень оппозиции. 1930. Июнь—июль. № 12—13. С. 25—27.
59. Бюллетень оппозиции. 1932. Июль. № 28. С. 18.
60. Там же. 1930. Август. № 14. С. 12.
61. Там же. 1935. Январь. № 41. С. 3, 7.
62. Там же. 1935. Февраль. № 42. С. 4.
63. Там же. 1936. Январь. № 47. С. 2.
64. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, вып. III, л. 10.
65. Бюллетень оппозиции. 1939. Март—апрель. № 75—76. С. 4.
66. Там же. 1940. Январь. № 81. С. 5.
67. Там же. 1933. Октябрь. № 36—37. С. 10.
68. Там же. 1938. Ноябрь. № 71. С. 16, 16.
69. Там же. 1939. Май—июнь—июль. № 77—78. С. 2.
70. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 185—188.
71. Бюллетень оппозиции. 1939. Февраль. № 74. С. 2.
72. Архив ИНО ОГПУ, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 104—105.
73. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, д. 22 918, л. 11.
74. Там же. Л. 76—78.
75. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 78
76. Там же.
77. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, л. 17.
78. Там же. Л. 97.
79. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. С. 256.
80. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 113, л. 39.
81. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 467, л. 108.
82. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (10634—10644), P. 1.
83. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam, № 67, 2634/1.
84. Op. cit.
85. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam, № 91, 330/23, 16/6.
86. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 208.
87. Int Instituut Soc Geschiedenis. Amsterdam, № 111, 322/1, 2(2).
88. Бюллетень оппозиции. 1933. Март. № 33. С. 30.
89. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 382, л. 164.
90. Там же. Л. 415.
91. Там же. Л. 375.
92. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (10598—10631), folder 1 of 10.
93. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 114.
94. Там же. С. 122.
95. Бюллетень оппозиции. 1935. Июль. № 44. С. 11—12.
96. Serge V. Vie et le mort de Leon Trotsky. P. 266.
97. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (10031—10248), folder 4 of 16.
98. Бюллетень оппозиции. 1935. Декабрь. № 46. С. 6.
99. ЦАМО, ф. 32, оп. 701 323, д. 38, л. 14—16.
100. Sedov L. Livre rouge sur le Proces de Moskou. Paris, 1936. p. 39.
101. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, вып. III, л. 10.

102. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 122.
103. Там же. Л. 144—145.
104. Дейчер И. Изгнанный пророк. Лондон, 1963. С. 629.
105. Бюллетень оппозиции. 1938. Март. № 64. С. 2, 4, 8.
106. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 141.
107. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10567).
108. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 156.
109. Там же. С. 44—45.
110. Бюллетень оппозиции. 1938. Май—июнь. № 66—67. С. 32.
111. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 254.
112. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 47.
113. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. О292, т. 2, л. 127.
114. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 56, 58.
115. Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. № 36—37. С. 12—13.
116. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (10598—10631), folder 1 of 10. P. 2.
117. Бюллетень оппозиции. 1935. Февраль. № 42. С. 7, 8.
118. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 81—82.
119. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 98, 124.
120. Троцкий Л. Преданная революция. Париж, 1937. С. 25—27.
121. Там же. С. 67—71.
122. Там же. С. 79, 81.
123. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. О292, т. 2, л. 130—132.
124. ЦПА, ф. 552, оп. 1—2.
125. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 73
126. Известия. 1936. 30 августа.
127. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 81—82.
128. Там же. Л. 88—89.
129. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, вып. III, л. 21.
130. Матъез А. Французская революция. Террор. М., 1930. Т. 3. С. 195.
131. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
132. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, вып. III, л. 1—5.
133. Там же. Л. 18.
134. Там же. Л. 37.
135. Там же. Л. 10.
136. Там же. Л. 15—19.
137. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 34.
138. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, вып. III, л. 77—78.
139. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 1—7.
140. Архив ИНО ОГПУ, д. 343, т. 3, л. 100.
141. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, д. 64 117, т. 1, л. 16—26.
142. Там же. Л. 99.
143. Там же. Л. 142.
144. Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 42—45.
145. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 83.
146. Правда. 1948. 9 декабря.
147. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1084, л. 38.

148. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, д. 22 918, л. 26—28
149. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 98.
150. Там же. Л. 42.
151. Там же Л 140а—140в.
152. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, Л. 31.
153. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 79, л. 316.
154. Бюллетень оппозиции. 1938. Апрель. № 65. С. 3—4.
155. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 122, л. 125—126.
156. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк, 1983. С. 279.
157. Троцкий Л. Сталин. Нью-Йорк, 1985. Т. 1. С. 7
158. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 1268, л. 1.
159. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 197.
160. Уголовный Кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938 г. М., 1938. С. 26—33.
161. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 198—200.
162. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, т. 1, л. 169—170.
163. The Houghton Library Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10091—10248), folder 9 of. 16.
164. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. О292, т. 2, л. 228
165. The Gelfand Case Labor Publications. London, 1985. Vol I, II
166. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 35—41.
167. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 16.
168. Serge V. Vie et le mort de Leon Trotsky
169. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. О292, т. 2, л. 131
170. Int Instituut Soc Geschiedenis Amsterdam № 137, 330/50.
171. Бюллетень оппозиции 1937 Июль—август № 56—57 С. 17
172. Архив ИНО ОГПУ, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 79.
173. Бюллетень оппозиции 1938 Февраль. № 62—63 С. 2.
174. Бердяев Н. Новое средневековье// Обелиск. Берлин, 1924 С. 59, 84
175. Там же С. 89
176. ЦГАОР, ф. 5143, оп. 4, д. 14, л. 15—27
177. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 987, л. 170
178. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 989, л. 260
179. Там же Л. 253, 304
180. Там же Л. 308
181. Большевик 1937 № 3 С. 1—2
182. Там же С. 2
183. Бюллетень оппозиции 1938. Октябрь. № 70 С. 10
184. Бюллетень оппозиции. 1939 Май—июнь—июль № 77—78 С. 16, 17
185. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. О292, т. 2, л. 190.
186. Там же Л. 202—218.
187. Бердяев Н. Новое средневековье С. 89
188. Silturas, Sabado 8 de septiembre de 1990, № 268
189. Op cit P. 3
190. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 163

191. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (7710—7740), folder 1 of 2. P. 2.
192. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (8699—8702). P. 1.
193. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10598—10631), folder 1 of 10. P. 2.
194. Quatrieme Internationale № 3, mars—avril 1937. P. 12.
195. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 61.
196. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 2, л. 251.
197. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 312.
198. ЦПА, ф. 552, оп. 2, д. 1, л. 2—3.
199. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 141.
200. ЦПА, ф. 552, оп. 2, д. 1, л. 1.
201. ЦПА, ф. 552, оп. 1—2, п. 1, л. 199—200.
202. ЦПА, ф. 552, оп. 2, л. 1, 115.
203. Бюллетень оппозиции. 1938. Декабрь. № 72. С. 4.
204. Там же. С. 3—4.
205. Quatrieme Internationale, № 12—13, septembre—octobre 1938. P. 172—181.
206. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 262.
207. ЦПА, ф. 552, оп. 2, д. 1, л. 1.
208. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 184, 186.
209. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 2, л. 159—165.
210. Quatrieme Internationale, № 12—13, septembre—octobre, 1938. P. 218.
211. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 2, л. 257.
212. ЦПА, ф. 552, оп. 2, д. 1, л. 115.
213. Бюллетень оппозиции. 1941. Июнь. № 86.
214. ЦПА, ф. 558, оп. 2, д. 6118, л. 35.
215. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 160—162.
216. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 293, л. 3.
217. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 183, л. 74.
218. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 1299, л. 1.
219. Бюллетень оппозиции. 1936. Февраль. № 48. С. 4.
220. Howe I. Leon Trotsky. N.Y. 1978. P. 136.
221. Op. cit. P. 138—139.
222. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 2, л. 258.
223. Бюллетень оппозиции. 1937. Сентябрь—октябрь. № 58—59. С. 5.
224. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ, 13.1. (10788). P. 2.

Глава 3. ”ПАСЫНОК” ЭПОХИ

1. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 165.
2. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 1165, л. 1.
3. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 621, л. 1—3.
4. Троцкий Л. Соч. Т. XIII. С. 101.
5. Там же. С. 342.

6. Новый град. Париж. 1931. № 1. С. 93.
7. Троцкий Л. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 209.
8. Троцкий Л. Соч. Т. XIII. С. 27—28.
9. Правда. 1921. 21 апреля.
10. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 32, л. 121—124.
11. Исаия; 29, 11.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 490.
13. Там же. С. 511.
14. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 202, л. 1.
15. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 1318, л. 1—3.
16. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 914, л. 1.
17. Бюллетень оппозиции. 1938. Май—июнь. № 66—67. С. 3.
18. Там же. С. 2.
19. Там же. 1938. Ноябрь. № 71. С. 16.
20. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 32, л. 34.
21. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 165.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 34.
23. Маркс К. Капитал. Т. I. С. 86.
24. Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1936. С. 229.
25. Там же. С. 234.
26. Там же. С. 237.
27. Бюллетень оппозиции. 1935. Февраль. № 42. С. 4.
28. Там же. 1937. Декабрь. № 60—61. С. 4.
29. Там же. 1939. Август—сентябрь—октябрь. № 79—80. С. 14—16.
30. Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? С. 173.
31. См.: ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 864, л. 241.
32. Там же. Л. 248.
33. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 828, л. 56—57.
34. Там же. Л. 58—59.
35. ЦГАСА, ф. 3, оп. 2, д. 1006, л. 3.
36. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1006, л. 30.
37. Ницше Фр. Человеческое, слишком человеческое. СПб, 1908. С. 19.
38. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. VI.
39. Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Государственное издательство, 1924. С. VI.
40. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 347, л. 2.
41. Там же. Л. 5.
42. Там же. Л. 6—8.
43. Там же, д. 365, л. 59.
44. Там же. Л. 14.
45. Там же, д. 282, л. 3.
46. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 171, л. 1.
47. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 493, л. 1.
48. Там же, д. 365, л. 79.
49. Архив ИНО ОГПУ, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 2.
50. The Houghton Library. Trotsky coll. bMS, Russ, 13.1. (9452—9457), p. 1.

51. Op. cit. (10793—10805).
52. Новый град. 1931. № 1. С. 92.
53. Валентинов Н. Малознакомый Ленин. Париж, 1972. С. 184.
54. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ, 13.1 (7581—7584)
55. Бюллетень оппозиции. 1930. Август. № 14. С. 6—12.
56. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 1338, л. 1—2.
57. Архив Льва Троцкого. Т. 1. С. 135—136.
58. Бюллетень оппозиции. 1938. Август—сентябрь. № 68—69. С. 14.
59. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 478, л. 3.
60. Там же. С. 13.
61. Троцкий Л. Сталин. Т. II. С. 246.
62. Там же. С. 145.
63. Троцкий Л. Соч. Т. VIII. С. 59.
64. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 279, л. 6.
65. Троцкий Л. Соч. Т. VII. С. 241, 246.
66. ЦПА, ф. 325, оп. 1, д. 196, л. 7—8.
67. Троцкий Л. Соч. Т. XX. С. 4, 6.
68. Там же. С. 16. 20.
69. Там же. С. 27.
70. Там же. С. 167—168.
71. Гиппиус З. Стихотворения. Берлин. 1921. С. 27.
72. Троцкий Л. Соч. Т. XX. С. 320.
73. Бюллетень оппозиции. 1938. Март. № 64. С. 2.
74. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 463, л. 1.
75. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 30, л. 40.
76. Геродот. История. М., 1972. С. 469.
77. Троцкий Л. Соч. Т. II. Ч. I. С. 56.
78. Там же. С. 57.
79. См.: Сверчков Д.Ф. На заре революции. М., 1922. С. 5—9.
80. Архив ИНО ОГУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 1, л. 193.
81. Reed D. & Jakobson M. Trotsky Papers at the Hoover Institution. N.Y. 1982.
82. Архив ИНО ОГУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 60—67.
83. Там же. Л. 73.
84. Троцкий Л. История русской революции. Берлин: Гранит, 1931. Т. I. С. 6.
85. Там же. С. 7.
86. Там же. С. 501.
87. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 485, л. 612—616.
88. Троцкий Л. История русской революции. Берлин: Гранит, 1933. Т. II. Ч. 2. С. 314.
89. Там же. С. 319.
90. Там же. С. 375.
91. Там же. С. 376—377.
92. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1 (7314—7318).
93. Троцкий Л. История русской революции. Т. II. Ч. 2. С. 16.
94. Архив ИНО ОГУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 2, л. 127—128.
95. Бюллетень оппозиции. 1933. Июль. № 35. С. 20—21.

96. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин: Гранит, 1932. С. 38.
97. Там же. С. 96—97.
98. Там же. С. 38.
99. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 42.
100. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 49, л. 3—4.
101. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 1613, л. 3—18.
102. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 773, л. 297
103. Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 218.
104. Военное дело. 1919. № 23—24. С. 1.
105. Троцкий Л. История русской революции. Т. II. Ч. 2. С. 337.
106. Валентинов Н. Малоизвестный Ленин. С. 193.
107. Там же. С. 189.
108. Balabanoff A. Impression of Lenin. University of Michigan Press, 1984. P. 82.
109. Бюллетень оппозиции. 1935. Сентябрь. № 45. С. 16.
110. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 113, л. 209.
111. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 31.
112. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 192, л. 237.
113. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 32, л. 187.
114. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 80, л. 319.
115. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 573, л. 238—265.
116. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 454.
117. Ворошилов К. Сталин и Красная Армия. М., 1929.
118. См.: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 201.
119. ЦАМО, ф. 112, оп. 1260, д. 7, л. 8.
120. Там же. Л. 9.
121. Приказы Наркома обороны Союза ССР (1937—1941). М., 1941. С. 18—19.
122. Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. С. 258.
123. ЦПА, ф. 558, оп. 2, д. 6118, л. 35—36.
124. Там же. Л. 36.
125. Бюллетень оппозиции. 1931. Май—июнь. № 21—22. С. 17.
126. ЦПА, ф. 558, оп. 2, д. 6118, л. 35.
127. Архив ИНО—ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, л. 190, 193.
128. См.: Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 141.
129. Копия заявления П.А.Судоплатова от 27 июня 1989 г. Генеральному прокурору Союза СССР Сухареву А.Я. (личный архив Д.В.).
130. Копия письма П.А.Судоплатова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению заявлений о необоснованных репрессиях от 17 февраля 1987 г. (личный архив Д. В.).
131. Копия письма Д.П. Колесникова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС от 1 июня 1988 г. (личный архив Д.В.).
132. Бюллетень оппозиции. 1937. Сентябрь—октябрь. № 58—59. С. 23.
133. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 612, в. 111, л. 10
134. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 79, 83.

135. Судебный отчет по делу антисоветского "правотроцкистского блока". М., 1938. С. 343.
136. Судебный отчет по делу антисоветского "правотроцкистского блока". С. 343, 375.
137. Там же. С. 331—332.
138. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 39.
139. Там же. Л. 37.
140. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. III, л. 218.
141. Копия письма П.А.Судоплатова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению заявлений о необоснованных репрессиях (личный архив Д.В.).
142. ЦОА КГБ, ф. 6, оп. 1-Т, д. 161, л. 88.
143. Там же. Л. 105.
144. Письмо П.А.Судоплатова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению заявлений о необоснованных репрессиях 17 февраля 1987 г. (личный архив Д. В.).
145. Архив ИНО ОГПУ—НКВД ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 158.
146. Там же. Л. 159.
147. Там же. Л. 163—164.
148. Там же. Л. 216.
149. Бюллетень оппозиции. 1938. Август—сентябрь. № 68—69. С. 4.
150. Бюллетень оппозиции. 1939. Январь. № 73. С. 15.
151. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 166, д. 9067, т. 1, л. 232.
152. Копия письма Н.И.Эйтингона Первому секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву (личный архив Д.В.).
153. Politisches Archiv. Geheim Akten. R—31514. Russland. Pol. 2, adh II.
154. Судебный отчет по делу антисоветского "правотроцкистского блока". С. 332.
155. Копия Письма П.А.Судоплатова в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению заявлений о необоснованных репрессиях (личный архив Д.В.).
156. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 312.
157. New York Times. 1958. November 6, 21; 1962. November 30, December 14.
158. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1103, л. 149.
159. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 128—129.
160. Бюллетень оппозиции. 1938. Май—июнь. № 66—67. С. 32.
161. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1 (7710—7740). folder 1 of 4.
162. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 166.
163. ЦПА, ф. 552, оп. 2, д. 1, л. 174.
164. Там же. Л. 18.
165. Сикейрос Д.А. Меня называли лихим полковником. Воспоминания. М., 1986. С. 220.
166. Там же. С. 223.
167. Espanoles el Comunismo. Madrid, 1976. P. 191—194.
168. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10806—10848), folder 3 of 4.

169. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (10806—10849), folder 2 of 5.
170. Бюллетень оппозиции. 1941. Август. № 87. С. 11.
171. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 270.
172. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 163, 164.
173. The Gelfand Case. Labor Publications. London, 1985. Vol. II, p. 256.
174. Бюллетень оппозиции. 1940. Август—сентябрь—октябрь. № 84. С. 8.
175. ЦПА. ф. 505, оп. 1, д. 65, л. 10.
176. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С. 132.
177. Сикейрос Д.А. Меня называли лихим полковником. С. 225.
178. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 60, л. 15.
179. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 426, л. 218.
180. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 65, д. 239, л. 12.
181. ЦГАОР, ф. 567, оп. 1, д. 89, л. 17.
182. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 163.
183. Isaac Don Levin. L'homme qui a tué Trotsky. Paris, 1960.
184. См.: El Mundo. Martes 31 de julio de 1990.
185. Новый журнал. Нью-Йорк. 1984. № 155. С. 231—233.
186. Там же. С. 232—233.
187. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10598—10631), folder 1 of 10.
188. Новый журнал. С. 232.
189. Там же. С. 233.
190. Поэзия Ходасевича. Париж. 1928. С. 69.
191. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: ИМКА-пресс, 1952. С. 200.
192. Бюллетень оппозиции. 1940. Август—сентябрь—октябрь. № 84. С. 25.
193. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10790).
194. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10788).
195. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (10806—10848). Folder 3 of 4.
196. Бюллетень оппозиции. 1940. Август—сентябрь—октябрь. № 84. С. 18.
197. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ 13.1. (9763).
198. Бюллетень оппозиции. 1931. Май—июнь. № 21—22. С. 7—35.
199. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, л. 143, 159, 215.
200. Там же. Л. 216.
201. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 67, д. 2, л. 10—11.
202. ЦАМО, ф. 32, оп. 701 233, д. 38, л. 14—16.
203. Бюллетень оппозиции. 1941. Март. № 85, С. 1—5.
204. Копия письма Н.И.Эйтингона Первому секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву (личный архив Д.В.).
205. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 141, 158.
206. Троцкий Л. Дневники и письма. С.165.
207. Бюллетень оппозиции. 1941. Март. № 85. С. 2—3.

208. Isaac Don Levin. *L'homme qui a tué Trotsky*. P. 10.
209. Бюллетень оппозиции. 1941. Март. № 85. С. 4.
210. *El Mundo*. Martes 31 de julio de 1990.
211. Троцкий Л. Соч., Т. XII. С. 59.
212. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 140.
213. Правда. 1940. 24 августа.
214. Бюллетень оппозиции. 1941. Март. № 85. С. 5.
215. ЦПА, ф. 2, оп. 2, д. 414, л. 1.
216. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 60, л. 55.
217. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 17, л. 217.
218. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 1, д. 467, л. 56.
219. Там же. Л. 156.
220. Там же.
221. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, С. 313.
222. Там же.
223. Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 93—94.
224. ЦПА, ф. 505, оп. 1, д. 65, л. 1—32.
225. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (9508—9678), folder 13 of 14.
226. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 324.
227. Зиновьев Г. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Ленинград: Государственное издательство. 1925. С. 160.
228. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (9508—9675), folder 13 of 14.
229. Varuch Knei Paz. *The Social Political Thought of Leon Trotsky*. Oxford Univercity Press, 1978. P. 5.
230. Троцкий Л. Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна. М., 1921. С. 26.
231. Абрамович Р.А. Мартов и его близкие. Нью-Йорк. 1959. С. 77.
232. Троцкий Л. Запад и Восток. М., 1924. С. 120
233. Архив НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 60.
234. Четвертый Интернационал. Журнал интернационального марксизма. 1989. С. 1—63.
235. Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М.-Л., 1925. С. 604.
236. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (1882).
237. Op. cit. (13—205).
238. ЦПА ИМЛ, ф. 552, оп. 2, д. 1, л. 1.
239. Там же. Л. 113.
240. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 1—2.
241. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 31 660, д. 9067, т. 1, л. 164.
242. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 25.
243. ЦГАОР, ф. 5143, оп. 1, д. 614, л. 21.
244. ЦГАОР, ф. 5143, оп. 1, д. 615, л. 18—35.
245. ЦГАОР, ф. 5143, оп. 4, д. 2, л. 6, 26.
246. Зив Г.А. Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк, 1921. С. 95.
247. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 41, л. 1—2.
248. ЦГАОР, ф. 3316, оп. 2, д. 1613, л. 33.

249. Там же. Л. 102—108.
250. Там же. Л. 131—132.
251. Зив Г.А. Троцкий. С. 93.
252. Стаханов А. Рассказ о моей жизни. М., 1937. С. 126, 125.
253. ЦГАОР, ф. 567, оп. 1, д. 89, л. 1.
254. Краткий политический словарь. М., 1983. С. 331.
255. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 361, л. 5.
256. Зинаида Гиппиус. Стихотворения. Париж, 1931. С. 126.

Вместо заключения. ПЛЕННИК ИДЕИ

1. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 16, л. 198.
2. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 18, л. 309.
3. Новый град. 1931. № 1. С. 92.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 133.
5. The Houghton Library. Trotskii coll. bMS, Russ. 13.1. (10788).
6. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 2, л. 60.
7. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 176, т. 2, л. 361.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 423.
9. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С. 600—601.
10. Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. С. 71.
11. Там же. С. 72.
12. Троцкий Л. Соч. Т. XVII. Ч. 2. С. 326.
13. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 685, л. 54—68.
14. Троцкий Л. Преданная революция. С. 53.
15. Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. С. 336.
16. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 141, л. 94—94 об.
17. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 355, л. 15.
18. ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 167, л. 7, 24—25.
19. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, ф. 17 548, д. 0292, т. 2, л. 468.
20. Новый град. 1931. № 1. С. 93.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С.** 106
Абрамович (Рейн) Р.А. 142, 151, 191, 286, 354
Абрикосова 363
Авдеев Н.Н. 47, 53
Авербах Л.Л. 143, 270, 271
Авксентьев Н.Д. 285
Агелоф Р. 328
Агелоф С. 227, 326, 327, 328, 329, 339
Агоянц 376
Агранов Я.С. 153
Адлер А.С. 133
Адлер В. 254
Адлер Ф. 185, 254
Адлер Фриц 254
Азеф Е.Ф. 255
Айхенвальд Ю. 240
Аксельрод П.Б. 81, 82
Александр I (Романов) 359
Александров А.П. 305
Александров М. см. Ольминский М.С.
Алексеев 64
Алексинский Г.А. 142
Алиханов А.И. 305
Алкснис Я.И. 200
Альварес 312
Альский А.О. 84, 240
Аивельт Я.Я. 72
Ангаретис (Алекса) З.Й. 72, 75
Ангаров 212
Андреев 283
Андреев А.А. 29, 57, 108, 297
Андреев Л.Н. 255
Андреев Н.А. 349
Анисимов А.И. 36
Анишев А. 290
Анисков Б.В. 143
Антонов-Овсеенко В.А. 17, 45, 63
Аржанов М.С. 375
Арвольд В.В. 293
Аргузов (Фраучи) А.Ф. 123
Аршавский З. 68
Ататюрк 102, 103, 104, 106
Аттик Тит Помпоний 122
Атто 252
Ашрафьян 190
Бабин М.И. 363
Бадулеску А. 72
Бажанов Б. 19
Базилевич 240
Бакаев И.П. 47, 53, 182, 200
Бакунин М.А. 283
Балабанова А. 279, 287
Балашов А.П. 8
Бальдонн 358
Бальмонт К.Д. 255, 267
Баратов Н.Н. 142
Барбюс А. 220
Бармин А. (Графф) 314
Бартошевич С.А. 72
Бедный Демьян (Придворов Е.А.) 143
Белобородов А.Г. 68, 86, 87, 92
Белобородова 94
Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 268
Бенцманн 311
Бердыев Н.А. 7, 108, 111, 153, 211, 217, 239, 241, 259, 333, 352, 367, 368, 376
Беренс Е.А. 122
Берзин Я.К. 202, 292
Берия Л.П. 193, 208, 298, 299, 305, 308, 311, 312, 321, 323, 328, 371
Берихем 336, 339
Блок А.А. 268
Блохин М.Я. 187
Блюмкин Я.Г. 124—125, 129, 255
Блохер В.К. 196, 309
Бобинский С.Я. 37
Боборькин П.Д. 255

- Богаевский А.П. 191
 Богомолов А. 200
 Богуславский М.С. 17, 200, 293
 Богуцкий В.А. 72
 Борис Ш. 299
 Бородулин 130
 Бранд Е.А. 200
 Брандлер Г. 26, 58
 Бровер 77
 Бродский И.И. 349
 Бройдо Г.И. 39
 Бронштейн А. 375
 Бронштейн А.Д. 162
 Бронштейн Г.Л. 154
 Бронштейн Д.Л. 375
 Бронштейн Е.Д. см. Мальман Е.Д.
 Бронштейн Л.А. 154
 Бронштейн О.Д. см. Каменева О.Д.
 Бронштейн Р. 154
 Брут Марк Юний 323
 Бруфау К. 327
 Брюханов Н.П. 360
 Бубнов А.С. 17, 29, 290
 Буденный С.М. 85, 250, 251, 290
 Будзинская Р. 68, 145
 Будзинский 359
 Буланов 103, 105
 Булин А.С. 85
 Булыгин А.Г. 273
 Бунин И.А. 142
 Буравский 252
 Буранова 129
 Бургина А. 274
 Бурдуков 27
 Бурцев В.Л. 142, 192
 Бурян В. 184
 Бусанов 192
 Бутов А.Г. 50, 94, 95, 119, 127, 128, 129, 130, 132, 154, 255
 Бухарин Н.И. 8, 11, 29, 48, 58, 60, 68, 69, 72, 74, 79, 83, 89, 94, 96, 97, 100, 101, 173, 194, 195, 200, 202, 282, 314, 352, 357
 Бухарцев Д.П. 294
 Бялис Я. 68
 Вайсборд 317
 Валентинов Н. см. Вольский Н.В.
 Ванаг 359
 Вандервельде Э. 265
 Ванников Б.Д. 300, 305
 Ванцлер 221
 Вардиш И. (Мгеладзе И.В.) 68
 Васильев 203
 Васильченко С.Ф. 17
 Ваушасов С.А. 304—305
 Вапетис (Вапетис) И.И. 37
 Вебб 113
 Вебер С. 152, 177, 221, 259, 317, 335
 Вавнян Р. 265
 Вигдорчик 262
 Вильсон Т.В. 265
 Вильсон Э. 113
 Вилицкий 302
 Ванклер 311
 Витте С.Ю. 255, 273
 Владимиров 73
 Власова 358
 Вознесенский 85
 Волков П. 155, 158, 180
 Волков Э. (В.П.) 158, 159, 170, 171, 180, 222, 317, 330, 331, 346, 347
 Волкова А.П. 158, 159
 Волкова З.Л. 98, 103, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 162, 170
 Волович 302
 Вольинский В. 102, 103, 107
 Вольский 252
 Вольский Н.В. 68, 260, 286, 351
 Вольф Э. 224
 Вольфсон Л.А. 187
 Воробьев 73
 Воровская Н. 255
 Воронский А.К. 17
 Ворошилов К.Е. 16, 36, 37, 71, 94, 181 190, 197, 212, 230, 284, 290, 291, 292, 297, 361
 Воскресенский 130
 Воцлов 349
 Врангель П.Н. 277
 Врачев И.И. 68
 Вуйович В. 72, 73, 74, 75, 145

- Вышинский А.Я. 186, 194, 195, 209, 210, 215, 293, 294, 302, 311
 Гаазе Г. 253
 Гаврилов Н.Н. 47, 64
 Гай Г.Д. (Бжишкян Г.) 290, 302
 Гайстер 359
 Гамарник Я.Б. 200
 Гарькавый И.И. 252
 Гельфанд Х.-Я. см Парвус А.Л.
 Гердовский 73
 Геродот 272
 Герсон Р.А. 42, 130
 Гертер 241
 Герцен А.И. 151, 255, 266, 267
 Гершберг И. 362
 Гершельман Ф. 285—286
 Гетье Ф.А. 44, 76—77, 128
 Гизбург 85
 Гизбург М.Л. 154
 Гизбург О.Л. 154
 Гиппиус З.Н. 105, 122, 142, 268, 269, 364
 Гиппиус Н.Р. 268
 Гитель 190
 Гитлер А. 138, 139, 140, 146, 147, 175, 201, 203, 212, 225, 235, 248, 249, 250, 255, 264, 295, 333
 Гладстон У. 265
 Глазман М.С. 119, 127, 199
 Гогенцоллерн 282
 Гоголь Н.В. 255, 266, 349
 Голд М. 137
 Голдман А. 219
 Голодод 200
 Голомазов 203
 Голощекин Ф.И. 71
 Голуб 190
 Гольцман 210, 357
 Горбачев М.С. 355
 Горифельд 261
 Горшков 252
 Горький (Пешков) А.М. 143, 255, 271, 284, 361
 Горяинов А.Н. 199
 Готовицкий Н.М. 199
 Гофлин Я.В. 187
 Гребнер О.Э. 159, 162—163
 Григулевич 312, 314
 Гринберг 83
 Гринбладт С.Я. 187
 Гриншун 348
 Гринько Г.Ф. 200
 Гроше И.И. 293
 Гукасов 142, 152, 193
 Гурвич Л.М. 151, 152, 191
 Гурвич М.И. 151, 152, 191
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) 33, 371
 Гутман 73
 Гучков А.И. 255
 Давид Э. 253
 Давидсон Д. 348, 349
 Дан (Гурвич) Ф.И. 151, 152, 191, 196, 354
 Дантон Ж.Ж. 257, 284
 Дарвин Ч. 241
 Дворис 73
 Дезами Т. 246
 Дейчер И. 53—54, 218, 240, 338
 Деказонов В.Г. 311
 Дени В.Н. 349
 Деникин А.И. 154, 277
 Дерибас Т.Д. 123, 326, 363
 Дзенис О. 190
 Дзенятович Г.Б. 187
 Дзержинский Ф.Э. 216, 309, 360
 Димитров Г. 249, 298, 361
 Дмитриев 325
 Доббс Ф. 336
 Добролюбов Н.А. 255, 266
 Долли Д. 136, 359
 Дон 153
 Донат 358
 Дорошенко 145
 Достоевский Ф.М. 211
 Дрикер 283
 Дробнис Я.Н. 293
 Дроздов 359
 Дубровский 359
 Дубыня 359
 Дьюн Д. 209, 210
 Дьюба 315
 Дюма А. 250

- Евдокимов Г.Е.** 47, 53, 91, 200
Егоров А.И. 291, 292
Ежов Н.И. 106, 133, 139, 141, 152, 165, 170, 184, 188, 190, 196, 198, 212, 213, 217, 224, 251—252, 274, 283, 298, 301, 302, 303, 308, 312, 337, 358, 361
Ековеску 325
Емельянов 68
Енукидзе А.С. 118, 270, 308, 326
Ефремов И.Н. 252
- Жданов А.А.** 57, 188, 359
Жигур Я.М. 289
Жид А. 164
Жорес Ж. 254
Жуковский В.А. 255, 266
- Завенягин А.П.** 305
Зайцев 203
Закс 163
Залуцкий П.А. 145
Замысловский Г. 253
Заславский Д. 287
Зборовская Б.Г. 134
Зборовский Е.Г. 133, 134
Зборовский Л.Г. 133, 134
Зборовский М.Г. 133, 134, 141, 151, 153, 167, 168, 169, 177, 181, 184, 185, 186, 194, 197, 198, 199, 217, 219, 220, 224, 227, 228, 234, 274, 275, 303, 306, 307, 308, 312, 313, 315, 318, 326, 337, 344
Званов С.В. 325
Зедин (Зиединьш) К.Я. 36
Зеймаль 359
Зейц Г.Х. 199
Зеллер Ф. 315
Землячка (Самойлова) Р.С. 361
Зенгер 311
Зив Г.А. 360, 362
Зылист 290
Зиновьев (Радомыльский) Г.Е. 8, 9, 10, 11, 12, 14, 18, 19, 28, 29, 32, 35, 45, 46, 47, 48, 53, 54—55, 56, 59, 64, 68, 77, 80, 81, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 100, 125, 126, 129, 145, 163, 173, 179, 181, 182, 186, 189, 200, 282, 314, 353, 357, 362, 372
Златопольский Д.С. 327
Золя Э. 211
Зорге Р. 330
Зубов 298
Зыбин 251
- Ибаррури Д.** 299
Ибсен Г. 188, 255
Иванов 203
Иванов В.И. 200
Изгоев 262
Израэль Э. 209
Икрамов А.И. 200
Ильген 305
Ингулов П. 154
Иноземцев 143
Ионов 252
Иоффе А.А. 17, 31, 39, 58, 87, 92, 289, 348
Исаев 190
Истмен М. 215, 217, 274, 348
- Кабакчиев Х.** 72, 75
Кавтарадзе С.И. 200
Каганович Л.М. 188, 197, 297
Казлас В.П. 187
Кайзер 311
Какурия Н.Е. 290
Калинин М.И. 57, 85, 99, 102, 108, 297, 328, 348, 361
Кало Ф. 218—219, 307, 331
Каменев А.Л. 374
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 9, 10, 11, 12, 14, 28, 29, 32, 35, 45, 46, 47, 53, 54, 55—57, 70—71, 80, 84, 85, 89, 90, 91, 100, 101, 125, 126, 129, 145, 161, 173, 179, 181, 182, 186, 189, 200, 314, 347, 353, 354, 357, 360, 362
Каменев Ю.Л. 374
Каменев С. 290
Каменева О.Д. 161, 374
Каменский 350
Кампанелла Т. 240, 246
Канторович В. 190
Каплинская 73

- Капуловский И.Д. 251—252
Карасев В.А. 305
Карахан (Караханий) Л.М. 200, 244
Карашели 203
Карденас Л. 205, 208, 218, 317, 319, 322
Каридад Э.М. 327, 345
Кариш 73
Карлейль Т. 271
Кармайкл Д. 116, 338
Карно Л.Н. 284
Карпель 252
Карпов 190
Кассий 323
Катаяма С. 72, 74, 352
Каутский К. 254, 277
Кашен М. 261
Кашельсон 313
Кашцев 252
Квириг Э.И. 29
Келлер 315
Кемаль см. Ататюрк
Керенский А.Ф. 62, 193, 280, 283, 285
Кикоин И.К. 305
Килерог 190
Кин (Суровикин) В.П. 359
Кирилл (Романов) 131
Киров (Костриков) С.М. 126, 144, 164, 179, 180, 181, 182, 203, 283, 297, 359
Кларт 315
Клеман 306
Клемент Р. 177, 224, 255, 344
Клешанов 203
Клыков 376
Клячко А.К. 122
Клячко С.Л. 253
Кней-Пац Б. 354
Клуудсен К. 181
Князев И.А. 293
Кобулов Б.З. 328
Коган 221
Кожевников Н.А. 187
Кокушкин 350
Коларов В.П. 29, 289, 361
Колесников Д.П. 278, 299
Колонтарова А.А. 199
Колчак А.В. 154, 277
Кольник 38
Кольцов (Фридлянд) М.Е. 212
Коммедантов 252
Коновалец 305
Конради 191
Корин 315
Корж А.И. 200, 289
Косандров В.Н. 87
Косиор С.В. 94, 190
Костюшка А.Я. 293
Котляр 240
Кох А. 311
Кравичский 190
Красин Л.Б. 347, 348, 360
Краснов П.Н. 280
Краснощекоев А.М. 130
Крейбих К. 72, 75
Крестинский Н.Н. 194, 195, 200
Кржижановский Г.М. 287, 361
Кронихфельд 152
Кропоткин П.А. 262
Круглов С.Н. 203, 204, 371
Крукс 315
Крупская Н.К. 11, 19, 29, 43, 44, 68, 361
Крыленко-Истмен Е.В. 116, 124, 127, 158, 274
Крыленко Н.В. 158
Кубе 305
Кубик 83
Кузнецов Н.И. 305
Куйбышев В.В. 9, 11, 14, 17, 297, 360
Куклин А.С. 145
Кулондр Р. 147
Куя Б. 361
Курин А.И. 142
Курский Д.И. 152
Курчатов И.В. 305
Кускова Е.Д. 123
Кусфельд 311
Кутепов А.П. 191
Куусинен О.В. 29, 72, 74, 352
Кытманов 143
Кэвнан Д.Д. 321, 336
Кэр 361

- Лавров П.Л.** 283
Лакоба Н.А. 200
Ландеро Г. 218
Лафолет С. 209
Лебедев 163
Леви Р.А. 134, 258
Левин И. 327, 338
Легран Б.В. 130
Леер Г.А. 285
Ленин (Ульянов) В.И. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 68, 74, 77, 78, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 91, 100, 101, 106, 108, 111, 121, 127, 128, 129, 131, 132, 136, 137—138, 146, 172, 176, 179, 182, 194, 203, 216, 220, 226, 228—229, 231, 233, 240, 243, 244, 245, 247, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 277, 279, 282, 286, 287, 290, 314, 317, 321, 324, 325, 347, 351, 352, 353, 354, 360, 361, 371, 372, 373
Ленгвик Ф.В. 361
Лепелетье де Сен-Фаржо Л.М. 188
Лешешинский П.Н. 361
Лесуаль С. 153
Либкнехт К. 242, 254, 265
Ливен 191
Ляздин Г.Я. 47, 53
Лисциан 350
Литвинов (Валлах) М.М. 348
Лифшиц А.П. 187
Лифшиц Я.А. 200, 293
Лодж 72
Лозовский (Дридзо) С.А. 72, 130
Ломинадзе В.В. 357
Лонге Ж. 265
Лунин М.С. 283
Луначарский А.В. 253, 255, 282
Любченко 200
Люксембург Р. 254
Люран 315
Лютер М. 257
Люшков Г.С. 174, 196
Лядов М.Н. 361
Мабля Г. 240, 246
Магид 145
Мадеркрейс 311
Мадьяр 359
Май 157
Макаренко 143
Маклаков Н.А. 191—192
Максимов 73
Максимов 252
Маламут 43
Мальро А. 164
Мальцев 85
Маннер К. 72
Мансветов 192
Мануильский Д.З. 299
Манцев 262
Марат Ж.П. 188, 284
Маренникова Н.А. 94—95
Маркс К. 43, 59, 88, 226, 243, 245, 246, 257, 260, 265, 272, 287, 373
Мартен Ж. см. **Моллянье Ж.**
Мартин 315
Мартинес 312
Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 76, 115, 136, 151, 254, 286
Маурин Х. 316
Махво Н.И. 56
Мдивани П.Г. 85, 200, 358
Медведев 145
Медведев Д.Н. 304
Мекотин 261
Мельгунов С.П. 192
Мелье Ж. 246
Мельман Е.Д. 161, 375
Менжинский В.Р. 76, 98, 99, 100, 101, 102, 130, 173, 192, 298, 299, 303, 308
Меншиков А.Д. 92
Менье Ж. 315
Мережковский Д.С. 142, 255, 267, 268, 269
Меринг Ф. 254
Меркадер Л. 324, 327, 328, 338, 340, 341, 342, 343
Меркадер М. 327

- Меркадер П. 327
 Меркадер Р. 227, 314, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 338, 339, 341, 342, 343, 344
 Меркадер Х. 327
 Мерфи 347
 Мессинг 262
 Мехлис Л.З. 196
 Мид М. 312
 Микоян А.И. 297
 Милоков П.Н. 123, 142, 191, 255, 273, 276
 Минкин А. 17
 Миннойчев 85
 Мирабо О.Г.Р. 257
 Мирбах В. 124
 Мирковский Е.И. 305
 Миронов 252
 Миронов А.К. 162
 Мирский 142
 Михаил Александрович (Романов) 131
 Михайловский Н.К. 271
 Мицкевич-Капукас (Мицкявичус-Капукас) В.С. 72
 Моглевский 42
 Молинье Ж. 134, 139, 157, 167, 171, 306
 Молинье Р. 134, 139, 177, 179, 306
 Молотов (Скрябин) В.М. 11, 29, 32, 47, 72, 141, 165, 188, 199, 203, 212, 217, 297, 338
 Молчанов 191
 Молчанов Г.А. 133, 134, 187, 302
 Мониотт 137, 361
 Мор Т. 246
 Морнар Ж. см. Меркадер Р.
 Мрачковский С.В. 48, 182, 200
 Мулевич Р.А. 289
 Муралов Н.И. 13, 17, 26, 27, 31, 39, 44, 47, 51, 52, 63, 67, 68, 84, 85, 91, 94, 190, 200, 293, 294
 Муссолини Б. 71, 212, 264, 295
 Мэрфи Дж. Т. 72, 73, 352
 Мюллер Г. 72, 103
 Мюнцер Т. 257
- Наговицына** 215
Назаров Ф.М. 348
Насорков 143
Наумов 190
Невельсон 155, 180
Невельсон В. 155, 159, 178
Невельсон Н.Л. 98, 154, 155, 157, 362
Невский В.И. (Кривобоков Ф.И.) 359
Нечаев В.М. 199
Николаев 145
Николаевич А. 250
Николаевский Б.И. 185, 191, 274, 275, 276
Николай II (Романов) 131, 255, 266, 280
Никольский А. см. Орлов А.М.
Нин А. 137, 255, 316
Ницше Ф. 252, 283
Новак Д. 206
Ногин В.П. 254
Нойманн 311
Норкин Б.О. 293
- Овакянн** 193
Оверштаттен В. 137
Огарев Н.П. 283
Одицов 203
Озеров 262
Окуджава 200
Ольберг В. 123
Ольминский (Александров) М.С. 282
Орахелашвили И. (Мамия) Д. 360
Орджоникидзе Г.К. (Серго) 68, 292, 297
Орлов А.М. (Фельдбин Л.Л.) 133, 174, 202, 313, 316, 324, 327, 328
Орлов В.М. 200
Орловский К.П. 305
Оруэлл Д. 240
Осианский Н. (Оболенский В.В.) 17, 200
Оуэн Р. 240
Охотников 73

- Панкратов** 42
Папоров Ю. 338
Парвус (Гельфанд) А.Л. 320
Парижанин М. 132
Пархомов И.С. 187
Пасс М. 113, 116
Паукер К.В. 302
Пеппер 72, 74, 352
Пестанья 372
Петерс Я.Х. 283
Петерсон Р.А. 47, 53, 68
Петржак А.М. 199
Петрищев 261
Петровский Г.И. 297, 361
Петровский Д. 26, 289
Пешкова Е.П. 152
Пионтковский С.А. 359
Плетнев 203
Плеханов (Бельтов) Г.В. 254, 264—265, 273
Поглехонов 261
Познанский Г. 91, 92, 94, 95, 114, 119, 127, 179
Половский (Гусин) В.П. 129
Полуян Я.В. 203
Полюдов И. 17
Попова Е.А. 200
Поскребышев А.Н. 165, 274
Поспелов П.Н. 283
Постышев П.П. 297, 361
Потресов А.Н. 262
Преображенский Е.А. 17, 63, 84, 85, 91, 97, 358
Примаков В.М. 250, 251, 252
Проецко Т. 218
Прокопович С.Н. 285
Прокошок Н.А. 304
Проскурия И.И. 202
Прухняк Э.А. 72
Пушко Б. 133
Пушко С. 133
Пуришкевич В.М. 255
Путна В.К. 250, 251, 252
Пушин Г.Е. 293
Пфюмферт 184
Пятаков Ю. (Пятаков Г.Л.) 17, 33, 47, 53, 60, 63, 64, 67, 68, 189, 194, 195, 197, 200, 210, 214, 293, 294, 362
Рабинович Г. 73, 312, 329
Равич (Ольга) С.Н. 68
Радек К.Б. 11, 58—59, 60, 61, 62, 63, 64, 68, 89, 91, 97, 98, 124, 125, 189, 195, 197, 200, 214, 289, 293, 294, 348
Радищев А.Н. 283
Радков 190
Райсс И. (Порецкий Н.М.) 166, 255, 300, 301, 318
Райсс Э. 318
Раковский Х.Г. 31, 39, 47, 53, 82, 83, 91, 92, 97, 194, 195, 200, 289, 348
Рамм А.И. 156, 352
Раскныи 64
Раскольников Ф.Ф. 36, 130, 230
Ратайчик С.А. 293
Рахманов 43
Рахья Э.А. 231
Рейн Р.И. см. Абрамович Р.А.
Рейснер 359
Ренан П. 260
Риббентроп И. фон 249
Ривера Д. 187, 206, 207, 209, 218, 219
Рид Д. 275
Робеспьер М. 188, 255, 284
Робинс Г. 339, 343
Родченко Л.Н. 262
Рожков Н.А. 262
Розанов 268
Розанов В.В. 262
Розанова 50
Розенгольд А.П. 17, 194, 195, 200
Розенфельд 142, 151, 191, 349
Рой М.Н. 72, 75
Роллан Р. 164
Романов В.И. 187, 285
Романовы 127, 131
Ромм В.Г. 210, 294
Росмер А. 113, 116, 124, 129, 130, 137, 171, 222, 226, 227, 253, 259, 318, 324, 329, 330, 338, 339, 361
Росмер М. 113, 116, 137, 171, 222,

- 226, 253, 318, 324, 329, 330, 338, 339, 361
 Росс Э. 209
 Рубан 143
 Рудзугак Я.Э. 11, 200, 297, 360
 Русс 169, 306
 Рутковский М. 133
 Рыков А.И. 29, 60, 79, 88, 94, 101, 194, 195, 200, 202, 360
 Рюм О. 209
 Рютин М.Н. 85
 Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 88
- Сааведра А.** 330
Савинков Б.В. 263
Саласар Л.С. 319, 338, 340
Самородова 203
Сан 311
Сапир Б. 185
Сапронов Т. 17, 145
Сараджев 190
Сафаров Г.И. 68, 77, 359
Сафонова М.С. 200
Свердлов Я.М. 35, 37, 131, 254, 270
Светоний Гай 322
Сеглин Ю.И. 199
Седов Л.Л. 92, 93, 95, 105, 118, 127, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 147, 150, 151, 153, 157, 162, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 177, 181, 184, 185, 194, 197, 198, 206, 209, 210, 220, 222, 223, 224, 227, 253, 255, 269, 270, 274, 275, 281, 291, 294, 300, 301, 302, 308, 331, 337, 344, 357
Седов С.Л. 59, 93, 94, 103, 104, 105, 118, 120, 159, 162, 163, 164, 165, 169, 170, 362
Седова Н.И. 14, 27, 28, 30, 43, 67, 76, 77, 83, 87, 92, 93, 95, 98, 105, 113, 115, 117, 120, 126, 128, 132, 154, 156, 160, 161, 162, 163, 164, 171, 176, 177, 178, 179, 181, 186, 205, 207, 217, 218, 219, 220, 221, 228, 239, 240, 250, 263, 318, 322, 330, 331, 332, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 345, 346, 347
- Седова Ю.С.** 162
Семаози 72, 75
Сен-Жюст Л.А. 172, 284
Сен-Симон А.К. 240
Сенченко 190
Сергеев 190
Серебряков Л.П. 17, 59, 63, 68, 71, 91, 200, 293
Серебрянский Я.И. 298, 304, 305, 315
Серж В. 67, 176, 184, 209, 215, 281
Сермукс Н.М. 22, 26, 30, 56, 59, 91, 92, 94, 95, 114, 119, 179, 255, 348
Сеф 359
Сикейрос Д.А. 207, 315, 316, 323
Склянский Э.М. 33, 44
Скобелев М.И. 34
Скорецкий Н.И. 348
Скоуден Ф. 160
Скрышник Н.А. 200
Словатинская 11
Слущкий А.И. 184, 198, 298
Смьлга И.Т. 47, 53, 59, 61, 62, 63, 68, 72, 77, 84, 85, 91, 145
Смирнов 350—351
Смирнов 359
Смирнов В.М. 17, 44, 200
Смирнов И.Н. 17, 67, 68, 91, 145, 200, 360
Снейвлит М. 124, 137, 141, 183, 222, 315, 356
Снесарев А.Е. 36
Соколов 190
Соколов 325
Соколовская А.Л. 64, 154, 155, 159, 170, 180
Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 29, 57, 189, 195, 200, 214, 293, 360
Соловьев В.И. 47, 53
Сологуб Ф. (Тегерников Ф.К.) 268
Солоневичи 314
Сольц А.А. 11, 72
Сорин В.Г. 282
Сосновский Л.С. 68
Спиридонов Т.И. 200
Ставский 212

- Сталин (Джугашвили) И.В. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 76; 78, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 106; 108, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 129, 133, 134, 135, 136, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 169, 170, 172, 173, 179, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 226, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 239, 246, 247, 248, 249, 255, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 274, 277, 278, 281, 282, 283, 284, 286, 287, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 306, 307, 308, 309, 311, 314, 315, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 325, 327, 328, 330, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 341, 344, 345, 351, 352, 353, 354, 355, 357, 359, 361, 372, 373, 375, 376
 Стаменов И.Т. 299
 Старунин А.И. 202
 Стасова Е.Д. 282
 Стаханов А.Г. 362
 Стецкий А.И. 212
 Столберг В. 209
 Строилов М.С. 293
 Струве П.Б. 255, 265, 273
 Субботин 163
 Суварин (Суворин) Б.А. 113, 130, 137, 185, 215, 216, 217, 275
 Судоплатов П.А. 153, 193, 208, 298, 299, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 311, 320, 321, 325, 327, 328, 329, 338, 340, 343
 Сулимов С.Н. 200
 Сунь Ятсен 137
 Суханов Н. (Гиммер Н.Н.) 10, 130, 286
 Сухомлинов В.А. 255
 Сытин П.П. 37
 Сэмюэль Г. 113
 Тагор Р. 131
 Таль Б. 140
 Тиберий 322
 Типульков 283
 Титтейн 223
 Тихонов А.Г. 199
 Ткачев П.Н. 283
 Товстуха И.П. 292
 Толедано В.Л. 208
 Толстой Л.Н. 255, 268
 Томас Х.Ф. 316
 Томсинский 359
 Томский (Ефремов) М.П. 11, 38, 57, 59, 79, 89, 100, 200
 Торез М. 72, 73, 352
 Трен 361
 Треска К. 209
 Трилиссер (Москвин) М. 311
 Троиновский А.А. 213, 214
 Трюгве Х.Л. 181, 188
 Тулько 252
 Туркул А. 125, 126
 Туровский 252
 Турок И.Д. 293
 Тухачевский М.Н. 26, 200, 249, 250, 251, 289, 290, 291
 Уборевич И.Н. 200, 250
 Угланов Н.А. 79, 98
 Ульрих В.В. 194, 293, 294, 302
 Уманский К.А. 213, 214
 Уншлихт (Юровский) И.С. 33, 129, 130, 289, 325—326
 Урбиола К.Г. 218
 Урицкий С.П. 202
 Успенский Г.И. 252, 266
 Уэллс Г. 113
 Уэллс 235, 334
 Фаберже 130
 Файнберг А.Н. 187

- Фельдман Б.М. 250, 283
 Фельдштетский Ю.Г. 330
 Фигнер В.Н. 361
 Филби К. 330
 Фитин П.П. 193, 298, 304
 Фокин Ф.П. 103, 104, 105, 106, 113, 119
 Фотиева Л.А. 128
 Франк С.Л. 262
 Франклин С. 320
 Франц 240
 Френкель М. 187
 Френкель Я. 187
 Фридланд 359
 Фримэн Д. 212
 Фриновский М.П. 196
 Фролов 359
 Фроссар 361
 Фрумкин (Германов Л.) М.И. 252
 Фрунзе М.В. 27, 33, 254, 292
 Функ 305
 Фурер 191, 302
 Фурманов Д.А. 138
 Фурманюк Г. 192
 Фурье Ш. 130
 Фухтман 150
- Х**
 Хаит 143
 Хаксли О. 238
 Хансен Д. 320, 338, 340
 Харитонов М. 68
 Харт Р.Ш. 318, 320
 Хвостов А.Н. 255
 Хейхеноорт Х., ван 124, 175, 178, 187, 218, 307, 326
 Хименес 312
 Хияма Е. 196
 Ходасевич В.Ф. 332
 Ходжаев Ф. 200
 Хрущев Н.С. 309, 340
 Хэнсон Д. 336
- Ц**
 Цветков П.А. 199
 Цедербаум 145
 Цедербаум Ю.О. см. Мартов Л.
 Церетели И.Г. 185
 Цеткин К. 50
 Цилига А. 145
- Цихон** 85
 Циперов Марк Туллий 122
 Цобель 359
 Цюрупа А.Д. 360
- Ч**
 Чайковский Н.В. 56, 142, 192, 360
 Чан Кайши 69
 Чалчаев А. 231
 Чемберлен Н. 73
 Червяков 200
 Чернов В.М. 50, 142, 192—194, 200, 263
 Черчилль У. 231
 Чехов А.П. 268
 Чжан Цзолинь 309, 231
 Чинарев 240
 Чичерин Г.В. 111, 129, 160, 231, 348, 360
 Чубарь В.Я. 297, 360
 Чуковский К.И. 255
 Чхендзе Н.С. 80
- Ш**
 Шалье М.Ж. 188
 Шамиль 359
 Шапошников Б.М. 289
 Шахтман М. 206, 213, 229, 336
 Шацкий Л.А. 72
 Шварц И.И. 142, 151, 191
 Шварц С.М. 196
 Шверник Н.М. 83, 108
 Шекспир У. 130
 Шестакова А.В. 358
 Шестов А.А. 210, 293, 294
 Шеффо У. 188
 Шибанов 129
 Шихов А.Н. 305
 Шкирятов М.Ф. 71, 126, 283
 Шляпников А.Г. 80—81
 Шмераль Б. 72
 Шмидт В.В. 252, 360
 Шоу Б. 164, 211, 277, 278
 Шпанге 311
 Шпигельглаз С.М. 217, 298, 300, 301, 303, 311, 321, 328
 Штейнбок Я.И. 187
 Штейнброк 250
 Штюен Э. 311
 Штюттгер 311

Шумайер Ф. 254
Шухович 305

Эйдеман Р.П. 250, 290
Эйтгон В.Н. 310
Эйтгон Н.И. 298, 299, 304, 305,
309, 310, 311, 313, 314, 315, 316,
320, 324, 325, 326, 328, 329, 330,
338, 340, 341, 342, 345
Элвава Ш.З. 244
Эльцин В. 68
Энгельс Ф. 226, 243, 246, 287
Эрколи М. (Тольятти П.) 356
Эррио Э. 132
Эстрин Л. 151, 153, 170, 174, 197,
198, 275, 307, 318, 337

Югов 151, 191
Юдив П.Ф. 212
Юренев (Кротовский) К.К. 200

Ягода Г.Г. 44, 123, 124, 133, 160,
166; 181, 298, 299, 300, 301, 302,
308, 311, 326, 363
Якир И.Э. 200, 250, 252
Якобсон М. 275
Яковлев 200
Яковлева В. 200
Ярославский В.Е. 120
Ярославский Е.М. (Губельман
М.И.) 61, 83, 115, 119—120, 121,
126, 282

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ОТВЕРЖЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР	5
— Сталинский "обруч"	8
— "Новый курс"	20
— Дуэль "выдающихся вождей"	33
— Редеющие ряды сторонников	49
— Поражения 1927 года	65
— Ссылка и депортация	86
Глава 2. СКИТАЛЕЦ БЕЗ ВИЗЫ	109
— Принцессы острова и планета	113
— Журнал одного автора	136
— Трагедия семьи	153
— Московские процессы	175
— Одиночество Койоакана	205
— Иллюзии Интернационала	222
Глава 3. "ПАСЫНОК" ЭПОХИ	237
— Пророк и пророчества	241
— Кисть портретиста	253
— Летописец революции	272
— 43 мексиканских месяца	293
— 20 августа 1940 года	322
— Обелиск на чужбине	346

Вместо заключения. ПЛЕННИК ИДЕИ	365
Биографическая хроника	378
Библиография	381
Указатель имен	399

Лев Троцкий погиб более полувека назад от руки сталинского агента. Но что же такого было в этом «герое революции», оракуле и пророке «мирового пожара», что делало его, давно бежавшего из СССР, по-прежнему опасным для Сталина? Почему соперничество двух вождей большевизма приняло столь трагический оттенок и имело столь страшные последствия для всей страны? Что привело Троцкого в ряды революционеров? Какова судьба его семьи? Что стояло за странной историей Брестского мира? В чем вообще заключается «парадокс Троцкого»? Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает эта книга, основанная на подлинных документах, значительная часть которых до недавнего времени хранилась в засекреченных архивах НКВД—КГБ...